

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ПОДЪЁМ

Директор-главный редактор
государственного бюджетного
учреждения культуры
«Журнал «Подъём»
Иван ЩЁЛОКОВ

ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1931 ГОДА

Редколлегия:

АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С.
БОНДАРЕВ Ю.В.
ГОЛУБЕВ А.А.
ГОНЧАРОВ Ю.Д.
ГУСЕВ В.И.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В.
ИСАЕВ Е.А.
ЛЮТЫЙ В.Д.
МОЛЧАНОВ В.Е.
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
ОБРАЗЦОВ И.Д.
ПОПОВ Г.А.
САТАРОВА Л.Г.
СЫЧЁВА Л.А.
ТИХОНОВ В.А.

Воронеж ■ 2011

11

**ПРИМЕТЫ
ВРЕМЕНИ**

Виктор БУРДИН, глава администрации Таловского
муниципального района. **Если рядом чудо —
жить легче** 5

ПРОЗА

Ольга КОЖУХОВА. **Разговор вполголоса.**
Повесть вневременных лет 14
Евгений ДУБРОВИН. **Грустный день смеха.**
Рассказы 82
Генриэтта НАЗИНА. **Брошенка.** Рассказы 107
Зарубежная проза в переводах Александра Репко.
Уильям САРОЯН. **Пред тобой, любовь,
колена преклоняю!** Рассказ 115
Мартин ШТАДЕ. **Как я почти купил
железнодорожный вокзал.** Рассказ 118

ПОЭЗИЯ

Иван НИКОЛЮКИН. **Степные ветры.** Стихи 9
Михаил ШИШЛЯННИКОВ. **Природа любит
постоянство...** Стихи 78
Адольф БЕЛЯЕВ. **Порука.** Стихи 112
Петр ПОПОВ. **Я жить никогда не устану.** Стихи 136
Павел ЧИБИСОВ. **Одинокий сверчок.** Стихи 164
Земли неугасимый свет. Стихи таловских поэтов .. 220

**ПЕРЕД ЛИЦОМ
ИСТОРИИ**

Приют трудов и вдохновенья.
(Каменная Степь в интерьере эпох) 142

**ТАЛОВСКИЕ
ИМЕНА**

Людмила КОРОЛЁВА. **Триумф ученого и трагедия
человека.** (Путь Павла Черенкова) 168
Анатолий СИЛИН. **Бездонное небо.**
(Летчик Петр Хромых) 180
Дмитрий Дьяков. **Звездная карьера воронежского
комсорга.** (Судьба Владимира Федосова) 187
Владимир КОЛОБОВ. **Четыре жизни Юрия Титова** ... 203

ПАМЯТЬ

Елена ТИМОШЕЧКИНА. **Никольский сполох** 239

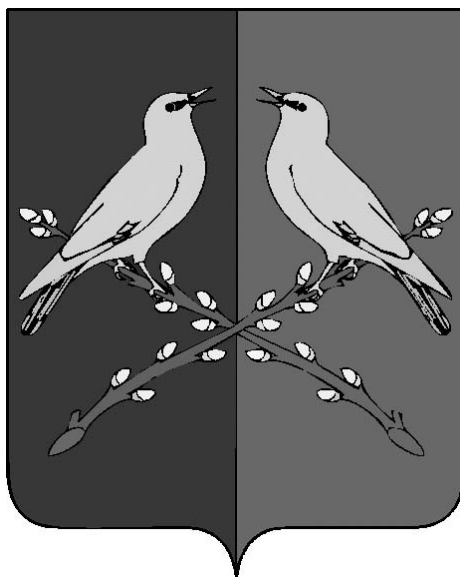
**КУЛЬТУРА
И ИСКУССТВО**

Андрей БАБКИН. **«В песнях мы великий народ...»**
(Творческий подвиг Митрофана Пятницкого) 246

**ДАЛЕКОЕ-
БЛИЗКОЕ**

Любовь ФОМИНА. **Девушка с лилиями.**
Степные гастролы Большого театра 251

Иволга и ветка вербы

В рассеченном зеленом и червленом (красном) поле две соображенные золотые иволги, сидящие на сложенных накрест золотых ветвях вербы с серебряными почками.

Фото Б. Скачкова

Виктор Бурдин,
*глава администрации
Таловского
муниципального района*

ЕСЛИ РЯДОМ ЧУДО — ЖИТЬ ЛЕГЧЕ

Когда становится особенно трудно, почему-то очень часто в памяти всплывает один и тот же эпизод. Восемь лет назад в таловский колхоз «Родина Пятницкого» приехала делегация фермеров из Австрии. Они хотели посмотреть, как прижились на российской земле закупленные у них телочки. В зените звенел многоголосием и слепил яркими первозданными красками июнь. Во время ознакомительной экскурсии по полям хозяйства гости попросили сделать остановку у края горохового поля. Солидные мужчины вышли из микроавтобуса, защелкали фотоаппаратами, о чем-то оживленно заговорили на непонятном языке. Затем, повинувшись какой-то невидимой силе, набрали в ладони теплое, влажного чернозема и затихли, словно ослепленные неведомой силой. А далее произошло и совсем неожиданное. Два австрийца опустили на колени, нимало не смущаясь, что испачкают одежду. Они гладили землю, бережно брали ее в руки, подносили к лицу, с шумом вдыхая аромат кормилицы, с нежностью пропускали между пальцами черные комочки и, не стовариваясь, кланялись до самой тверди. Это походило на молитву, на какой-то завораживающий ритуал.

Когда действие закончилось, и гости, и хозяйева еще несколько минут стояли на краю поля. Затем молчание прервал через переводчика руководитель делегации.

— Счастливые вы люди, — задумчиво произнес он. — Когда у человека каждый день есть чудо, он почему-то перестает замечать и ценить его. В нашей стране с благоговением относятся к каждому квадратному метру плодородной земли, потому что в гористой местности ее очень мало. А у вас такие просторы плодородия, просто голова идет кругом от возможностей. Это же чудо!!!

Чудес вокруг много. Но если они происходят ежедневно, их как будто и нет. Придавливают проблемы, не хватает времени для чего-то важ-

ного. И закрадывается в душу сомнение. Вот тогда память настойчиво вытаскивает из своих недр этот давний эпизод с австрийцами. Привела их судьба в наш край, чтобы сказать мне, что я счастливый. Мысли успокаиваются, начинается, как сейчас модно говорить, конструктивная работа. Если рядом чудо, жить значительно легче.

Думая о своей малой родине, не перестаю удивляться многому. Один из вопросов: почему заселение столь благодатной местности началось в историческом плане сравнительно поздно? Всего 250 — 300 лет назад земли представляли собой совершенно нетронутую картину первобытной целины. Наиболее ранними поселениями на территории района были села Тишанка (1693 год) и Новая Чигла (1740 год).

Без сомнения, человек издревле проявлял интерес к территории. В Каменной Степи множество курганов — захоронений эпохи бронзы. При их вскрытии найдены неоспоримые свидетельства того, что наши земли были в далекой древности заселены. На протяжении нескольких последних лет активно велись раскопки у села Абрамовка, результаты которых также говорят о более раннем присутствии Homo sapiens в наших местах. Но что-то не срослось. Почему древние люди не прижились в нашем крае?

Ответа пока нигде не нашел. Но как бы то ни было, смоленский дьякон Игнатий, сопровождавший московского митрополита Пимена, который в 1389 году, направляясь в Константинополь по Дону, писал о запустении здешних степей: «Ни града, ни села... пусто ж все и не населено: нигде бо видети человека, точию пустыня велия. И зверие множество».

Современное освоение земель началось чуть более 300 лет назад. Потянулись в наши земли подневольные обозы с нищим людом из Подмосковья, Рязани, Ярославля. Моя родная Новая Чигла начинала свою историю дважды. Первые переселенцы добрались до наших мест практически перед началом зимы. На скорую руку успели выкопать землянки. Но морозы и голод не пощадил ни одного человека. Все умерли. Только через два года заселение было осуществлено.

Пять поколений людей осваивали территорию. Это было время выживания, накопления и осмысления. Оно было необходимо для качественного рывка, который произошел 120 лет назад. И дата его известна точно — 1892 год. Именно тогда была основана железнодорожная станция Таловая и начала работать в Каменной Степи Особая экспедиция нашего выдающегося соотечественника Василия Васильевича Докучаева. Результаты этого уникального эксперимента сейчас известны и признаны всем миром. Не раз приходилось слышать от людей уважаемых о рукотворном оазисе: «О! Это чудо!» И это о крае, где свирепствовали засухи, пыльные бури и земля, словно глубокая старуха, из которой жизнь высосала все жизненные соки, летом покрывалась морщинами глубоких трещин.

За короткое в историческом плане время было создано 6700 гектаров полезащитных лесонасаждений, более 330 прудов, разработаны целые системы искусственного орошения. Не секрет, что в последнее десятилетие двадцатого века многое из положительного опыта предшествующих поколений земляков было подрастеряно. Исчезли с карты более ста водоемов, прекратили полив управляемые дожди.

Но период депрессии прошел. Начало нового тысячелетия принесло новые технологии, новую технику. Сегодня трудно представить себе, что еще тридцать лет назад в сельхозпредприятии для возделывания трудоемкой сахарной свеклы требовалось во время ухода за посевами до 300 — 400 человек. А сегодня на той же площади с этой задачей справляются

6 механизаторов. За десятилетие мы смогли практически в два раза поднять продуктивность коров.

И все-таки прошлый 2010 год показал, что человек еще не застрахован от неудач. Район пострадал от засухи. Погибли 64 процента зерновых, а оставшиеся площади дали урожайность менее 8 центнеров с гектара. Такая же картина и по другим культурам. Бедствие, а иначе это и не назовешь, вновь привлекло внимание политиков и ученых к Каменной Степи. За последнее время дважды побывал в научно-исследовательском институте губернатор Алексей Васильевич Гордеев. И каждый раз его сопровождали столичные академики, проводились целые мозговые штурмы, на которых детально прорабатывались пути выхода из создавшейся ситуации. Сегодня человек вплотную подошел к управлению урожайностью каждого поля. Для этого задействуется и космос, и селекционные, агрохимические, технологические, метеорологические, агролесомелиоративные наработки. Мы вновь начали возрождать систему орошения, работать с прудами. Этим летом восстановлена плотина с донным спуском в балке Каневская. Общая стоимость работ здесь составила более 12 миллионов рублей.

Наступающий 2012 год для таловцев юбилейный и знаковый. На мой взгляд, мы подошли к новому качественному скачку. Для этого потребовалось уже не пять, а три поколения людей. Жизнь заметно ускоряется. Отрасль сельского хозяйства традиционно является ведущей отраслью в экономике района, основой пополнения бюджета. Таловская земля всегда была богата плодороднейшими черноземами и людьми, преданными своей земле и умеющими на ней трудиться.

Ни одно чудо не может произойти без людей. Не могу здесь не привести слова замечательного писателя Валентина Распутина: «В каждом развите духовно человеке повторяются и живут очертания его Родины». И если мы говорим сегодня о чудесном уголке — Каменной Степи, разве можно умолчать об основном дивном потенциале нашего края. С его историей связаны всемирно известные имена почвовед В.В. Докучаева, лауреата Нобелевской премии, физика П.В. Черенкова, ботаника Н.И. Вавилова, собирателя русской народной песни М.Е. Пятницкого.

Ученые и землепашцы, песенники, писатели и поэты... Сотни и тысячи их имен составляют тот яркий, незабываемый самоцвет название которому — творчество. Лесовод Георгий Морозов, создатель определителя растений-сорняков Александр Мальцев, писатель Евгений Дубровин, поэт Михаил Шишлянников, председатель Воронежской областной Думы Юрий Титов, министр сельского хозяйства СССР Александр Иевлев, Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда Петр Трайнин.

Мы сейчас ведем работу над изданием книги «Гордость земли Таловской». Знаете, очень трудная задача. Уже сегодня понимаем, что в намеченные два тома навряд ли уложимся. И это при том, что мы ограничили временные рамки издания практически новейшей историей — с периода образования нашего района, а именно с 1928 года. Действительно, богатейший материал.

Но если мы столько внимания, мыслей и труда отдаем земле — нашей кормилице, то в сотни и тысячи раз нужно больше усилий, чтобы раскрыть человеческий потенциал. В не столь далеком августе 2004 года в наш поселок Высокий приехала представительная делегация из Израиля. В ее составе был руководитель кибуца (по-нашему колхоза) Ури. Пятнадцатилетним пареньком уехал он с советского Кавказа в землю обетован-

ную и теперь усиленно интересовался теми изменениями, которые произошли у нас. Он излучал неподдельный интерес к жизни селян.

— Скажите, а за счет чего вы живете? — спрашивал он у них.

Время было сложное. Безработица посадила многих на доходы от личных подсобных хозяйств, поэтому большинство отвечало довольно односложно:

— За счет огородов.

— А что вы выращиваете на них, — следовал моментально следующий вопрос.

— Картошку, моркошку и лук для себя и на продажу.

— А какова технология выращивания, например, картофеля?

— Да самая простая, — не понимая, куда клонит гость, отвечали жители.

— А все-таки поподробнее... — попытывался Ури.

— Руками достали весной мешки из подвалов, — начали нехитрый пересчет агроприемов земляки. — Перебрали, взяли лопатку, воткнули клубни в землю, три раза пропололи тяпкой, три раза потравили колорадского жука, взяли лопатку — выкопали, перебрали, необходимое засыпали в подвал, лишнее продали. Все, лето закончилось, и цикл начинается по-новому.

— А можно посмотреть, что у васросло? — не унимался заграничный сельхозник.

Выкопанный куст картофеля обнажил семь ровных крупных клубней. Послышался вздох облегчения, мол, не ударили в грязь лицом.

— Этот куст средний, плохой или хороший? — как из автомата сыпал вопросами Ури.

— Средний, — уверенно ответствовали селяне.

— Значит, каждый гектар дает не более 160 центнеров, — подытожил гость.

Высочане, привыкшие мерить урожай ведрами, несколько смутились. Названная цифра их как-то не впечатлила. А неугомонный израильтянин продолжал «вбивать гвозди»:

— Мы тоже выращиваем картофель. Урожайность в четыре-пять раз больше. Вы говорите, что под огородами у населения в поселке порядка 200 гектаров пашни и что на этой площади целое лето работают все жители. А это более 1200 человек. Не лучше ли было собрать с каждого двора по две тысячи рублей, купить трактор и прицепной инвентарь, нанять двух человек и смотреть, как они работают?

Вопрос произвел большое впечатление на собравшихся. Нашлись люди, кто после довольно продолжительного молчания потерянно ответил: «Нет». Что такого сверхъестественного нужно сделать, чтобы прозвучало «Да»?

Думаю, этот пример дает яркую картину того, какие исходные данные мы имеем к началу реализации «Стратегии-2020». Модернизацию экономики нужно начинать с модернизации нашего мышления. На этом пути ждут поистине чудесные новые открытия и достижения. Человеческий капитал видится как нечто новое, «когда человек оставит ненужные и вредные для своего существования труды и, наученный горьким опытом недалеких времен, возьмется, наконец, не на словах, а на деле радесть о счастливо доставшейся ему земле». Эти слова написаны Валентином Распутиным в эпоху стабильного развитого социализма. Но они не потеряли своей актуальности и по сей день. Надо только помнить о своем родном таловском чуде, оно ведь рядом, каждый день с тобой. Вот от этого чуда и будем отталкиваться, чтобы шагнуть вперед.

*Иван Константинович
Николюкин (1936—2004)
родился в селе Краснофлот-
ское Старокриушанского
района Воронежской обла-
сти. Окончил Литературный
институт им. А.М. Горь-
кого. Автор шестнадцати
книг стихотворений, среди
которых «Начало полета»,
«Сенокос», «Окно матери»,
«Любовь и ненависть не пря-
чу», «Россия начинается с
избы». Жил в Москве, Бори-
соглебске, некоторое время в
поселке 2-я Вережка Талов-
ского района Воронежской об-
ласти.*

Иван Николюкин

СТЕПНЫЕ ВЕТРЫ

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Нежней не найти
 материнского сердца,
Сильней не найти
 материнского сердца...

Три сына, три брата
Ушли на войну.
Три сына, три брата
 в чужую страну
Прогнали врага, высшей чести верны,
Но только два брата вернулись с войны.
Омыла слезами их раны старушка
И тихо спросила:
— А где же Андрюшка?
Мой милый, мой славный,
Мой младший сыночек?
И старший ответил:
— Рос в поле кусточек.
Он вырван был взрывом.
На свежей могиле,
Мы, с братом прощаясь,
Его посадили... —
Промолвил и средний,
Вздыхнув глубоко:
— Могилу его отыскать нелегко.
Мы были в том месте,
Но холмик исчез.
За годы и куст превращается в лес.
Ни слова в ответ не промолвила мать
И стала в дорогу котомку собирать.
— Тебе не под силу.
Он долог, тот путь! —

Воскликнули братья.
— Пройду как-нибудь.
— Но где же ты хочешь могилу найти?
— Я знаю, что нужно
На запад идти.
В жестокие дни материнской недоли,
Что может быть тверже,
Сильней ее воли!
Немало пришлось ей осилить дорог
С тех пор, как оставила дом и порог.
Был долог,
и труден,
и скорбен был путь.
Решила старушка в лесу отдохнуть.
Присела она меж весенних берез
На холмик,
Который травкою зарос.
Потом прилегла, утомившись, старуха.
Вдруг слышит:
В земле простонал кто-то глухо.
Ей волосы вздыбил нечаянный стон
И кровь заморозил.
И вырвалось:
«Он».
И в ужасе тихо спросила старушка:
— Ты здесь, мой сыночек,
Откликнись, Андрюшка...
— Я здесь.
Ты пришла? Ты нашла меня, мама?
— Нашла.
И разверзлась могильная яма.
Он, щурясь от света,
Стряхнул с себя глину.
Упала старушка в объятия к сыну.
Рыдая, смеялась,
смеялась, рыдая.
Промолвил Андрюшка:
— Спасибо, родная.
Я знал,
Задыхаясь в горячей крови,
Нет силы сильней материнской любви,
Безмерной любви чудодейственной силы,
Способной и мертвых поднять
Из могилы!

* * *

Поля снегами замело,
Застыли ветлы в огороде...
Приеду в дальнее село
Весной на праздник половодья,

Когда задумчивую тишь
В начале сонного апреля
Разбудят с почерневших крыш
Под солнцем
Звонкие капли.
Здесь разливается вода,
Как говорят,
Из горки в горку,
Когда на лужах и звезда
Последних льдинок точит корку...
По вечерам,
По вечерам
Приветом пламенным и дымным
Опять пылать большим кострам,
Плывущим на огромных льдинах.
По вечерам,
По вечерам
На островках последних снега
Все молодежь.
То тут, то там,
То визг, то песнь, то взрывы смеха...
Пусть в это время далеко
До соловья в саду зеленом,
Но так свободно,
Так легко в краю
Природой обновленном.

СОЛДАТЫ

Три дня
И три ночи солдаты
По грязным дорогам идут.
Винтовки, мешки, автоматы
Им плечи усталые трут.
На запад, на запад, на запад.
Скрывались штыки за бугром,
И бабы не смели заплакать,
И дети — шуметь за двором.
Суровые лица колонны
Смотрели суровой вперед,
Когда им старушки поклоны
Творили от ближних ворот.
И этому долгому маршу,
Казалось,
Не будет конца...
Шли грозно солдаты.
И в каждом
Хотелось признать мне
Отца.

* * *

Здесь все осталось неизменным,
Таким знакомым и родным,
Таким до боли сокровенным,
Таким до робости святым.
Все та же за деревней озимь,
Все тот же за оврагом лес,
Все то же солнце, та же осень
И та безоблачность небес.
И та березка у речонки,
Который день, который год,
Как деревенская девчонка,
Свою невинность бережет...
И никуда отсель дороги,
А все тропиночки сюда,
И с этим малым, с этим многим
Мне не расстаться никогда.

КОЛЬЦОВ

1

Опадает листва
На могилу Кольцова.
Умирают слова
И рождаются снова.
По осенней поре
Здесь глубокий покой.
Кто-то к жесткой коре
Прислонился щекой.
И угрюмо шумит
Песней старую дуб,
На суровый гранит
Осыпая свой чуб...
Опадает листва
И рождается снова.
Остаются слова
Алексея Кольцова.

2

Мне чудится далекое,
Мне слышится мотив,
А в нем тоска глубокая
Степных ветров и нив.
Светило это солнышко
Над ним не для него ль?
Так горько пел соловушка,
Такая в песнях боль...

Просторная,
Ненастная,
Укутанная грусть,
Душевная,
Несчастливая,
Лежит под камнем
Русь.

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

Рассеял апрель низкоходные тучи,
Чтоб солнце согрело долины и кручи.
Сошли половодьем поспешно снега,
И небу открылись поля и луга.
Ну что же, весна, принимайся за дело!
Зеленою краской художничай смело.
Пусть ветры зеленые в рощах зеленых
Заблудятся ночью в березах и кленах,
И пусть зеленеют, взошедши едва,
Под кистью зеленой, цветы и трава.
Я сам по весне, как деревья и травы,
Имею на юность зеленое право!

Ольга Константиновна Кожухова (1922—2007) родилась в Воронеже. В 1941 году окончила школу и добровольно ушла на фронт. После войны поступила в Литературный институт им. А.М. Горького. Автор около двадцати книг прозы, среди них «День мой, век мой», «Ночные птицы», «Луноцвет», роман «Ранний снег», повести «Не бросай слов на ветер», «Фонарики, плывущие по реке», «Донник». Неоднократное посещение Каменной Стены вдохновило писательницу на создание рассказа «Молчание неба». Награждена боевыми орденами и медалями Советского Союза и Польши. Лауреат Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького.

Ольга Кожухова

РАЗГОВОР ВПОЛГОЛОСА

Повесть вневременных лет

*Я хотела бы, как трава, как цветы
и деревья, каждую новую весну
обновленной возвращаться к жизни.
Но зиму-то, зиму куда девать? В ней
тоже свои радости, свои праздники,
горести, от которых не откажешься,
ибо СВОИ, как и холод, и все, что
сопутствует.*

О.К. Кожухова

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Давним, давним осенним днем 1971 года, когда молодость щекочет пятки и хочется свои радости и бежать и бежать без оглядки, мне посчастливилось с группой тамбовских начинающих писателей, возглавляемой поэтессой Майей Александровной Румянцевой, приснопамятной и небезызвестной, попасть на зональное совещание молодых литераторов Центральной России, которое проходило в городе Тула. Помню мерзкий промозглый ветер с первыми колючими снежинками, секущими лицо, как наждак. По центральной улице над головами с красных полотниц, растянутых на фонарных столбах, голоса приветствия молодой литературной поросли, надежды партии на будущие гениальные книги, в которых воплотятся образы советского человека, победителя природы и космических далей, человека нашей советской действительности.

Может, и не так было начертано на полотнищах, но дух тот же.

В гении, конечно, никто не вышел, но какой запал!

В гостинице нам были предоставлены чистенькие, уютные номера. И мы расположились. Посидели, поскрипели казенными панцирными сетками и спустились вниз на первый этаж сбить первую волну растерянности от радушного гостеприимства местной власти.

В ресторане горят тихим пожарищем люстры, шум, неразборчивый гул, а вроде это и не шум вовсе, а гул крови в твоих висках. И ты сидишь гордый от похвальбы своей, от похвальбы своих товарищей. Хотя, где-то внутри понимаешь свою бездарность и свое ничтожество. Но вот еще рюмка — и ты уже забыл, кто ты на самом деле. Ты — поэт. Тебя пригласили известные писатели на форум. И ты уже — на коне! На Пегасе!

Но все кончается в полночь и нужно подниматься в свой номер. Посидели, пора и баньки!

Иду, глаза под небеса. Грудь парусом.

Двери в номера гостиницы, как в купейном вагоне, все на одно лицо, и я, распахнутый, вламываюсь в дверь, за которой вижу возле приготовленной ко сну кровати полураздетую женщину, которая гневно что-то кричит мне и с мужской яростью выставляет за дверь.

Во, дела! Я спутал номер!

На завтра был крутой разговор Майи Александровны Румянцевой за мой такой неуместный порыв. «Ну, все! — сказала Румянцева. — Тебя выгонят с совещания! Ты знаешь, к кому ты вперся в номер? Это же известная писательница и лауреат Государственной премии Ольга Кожухова! Бандит!»

Но все опасения уладил перед завтраком наш верховный руководитель Сергей Михалков, царствие ему небесное! Он по-мужски пошутил над происшествием, и все страхи ушли сами собой.

Вот таким несуразным способом я и познакомился с писательницей, чье имя тогда было на слуху у пишущей молодежи. Писатели, участники Великой Отечественной войны, тридцатилетие начала которой отмечалось в том году, были особенно чтимы нами, детьми и сиротами той страшной мясорубки.

Ольга Константиновна Кожухова...

Вот так все и было.

Мне очень стыдно за меня такого по-сельски хамовитого и по-городски самолюбленного, самоуверенного...

«Простите меня, Ольга Константиновна!» — говорю я запоздало туда, за человеческий предел.

В нашем мире все предопределено.

И вот теперь, разбирая пожелтевшие от времени листочки (мистика какая-то!), эти «мгновения мгновений», удивляюсь, и не перестаю удивляться таланту, мужеству воина, и человеческой обаятельности Великой женщины Великой войны.

Повествования эти, как веселые и грустные, так и просто житейские, показывают такую невозможную, такую суровую школу, которую победно прошла героиня и автор своей неповторимой жизни Ольга Кожухова, лауреат Государственной премии РСФСР, премии Ленинского комсомола, премии Министерства Обороны СССР, кавалер многих боевых орденов и медалей.

Как по опавшим листьям можно составить портрет дерева, так и я по обрывочным записям на пожухлых от времени листочках, собирая отдельные фразы и слова, составил уходящий образ ветерана войны, женщины и писателя, образ героический и противоречивый. Такая она, правда жизни...

И как всякая жизнь: твоя, моя или проходящего мимо тебя человека, состоит она из калейдоскопа случайностей и закономерностей, надежд, разочарований и

удач — так и эта повесть несет в себе осколки бытия, дробь — числитель и знаменатель...

Я не знаю, как бы расположила в книге свои записи Ольга Кожухова, но я их расположил так, и за это отвечаю перед ее памятью, и своей совестью. И только!

О войне писательница сказала объемно, громко, теперь хочется послушать ее лирический разговор вполголоса.

Аркадий МАКАРОВ

* * *

Я знаю, время даже камень крошит...

С. Есенин

Нельзя разбрасывать свои силы: тут кинул щепотку, там горсть, здесь две горсти: они прорастут, как трава, траву скосят, затопчут. Нужно быть крепким, собранным, словно дерево, и расти вглубь и вширь, корнями и кроной, и беседовать с небом и Богом.

1

...Самое лучшее в жизни.

Хоть однажды самой разжечь костер в лесу, — и не для забавы, а чтобы приготовить еду и согреться.

Ранней-ранней весной, на рассвете, услышать голос синички, ее скачущую, тонкую, как шелковая ниточка, песню.

Усталой, больной, на последках ночи, еле передвигающей ноги, найти, наконец, приют и тепло, долгий, тихий, никем не потревоженный отдых.

...Пар стоит над рекой. Лес рисуется весь, как пятно, черной тушью, только ближние ветви деревьев на фоне какой-нибудь крупной звезды прорезаются, словно лиловое с серебром или черное кружево. Сладко пахнет лесною дорогой, чуть глинистой, пыльной. Еще ночь, а уже розовеет, и невидимое отчего-то угадывается, тонким контуром намечает себя. Ну, а звезды...

Воздух резкий, морозистый, пробирает насквозь. Хорошо открыть дверь в дом, в тишину темных комнат, и плотно прикрыть и упасть в постель. Но в глазах еще долго мохнатые искры, как огнистые сверла, и мельчайшие брызги от них, отпечатанные в зрачке на все долгие предстоящие годы. Навсегда.

Самое сладкое мое послевоенное воспоминание — жизнь в степной деревеньке, сон на теплой печке, раннее-раннее вставание, вместе с доярками, идущими на луг, к реке, на утреннюю дойку. Роса на траве, запах крапивы и мяты. Вид душистый сосновой щепы на строительстве нового дома.

А потом — звучание песни, грустной, тихой, рассказывающей о самом трагическом.

Как хороши деревенские звонкие голоса!

Как прекрасно шумят и качаются могучие стройные сосны! В их ропоте, в шевелении плеч, одетых мохнатой, игольчатой шубой, в их покачивании головами есть что-то родное, почти человеческое.

Под соснами в землю врыты стол, две скамейки. Когда за столом си-

дишь тихо-тихо и даже страницами не шелестишь, то можно увидеть, как поползень вертится на сосне, быстро бегаёт по стволу, вверх и вниз, вверх и вниз, вероятно, нисколько не думая, как он держится в этом странном своем положении и не падает кувырком. Что-то очень веселое, детское в этой птичке.

Дятел — тот бесконечно угрюмый, как нелюдь, тупой. Он долбит и долбит своим длинным клювом по дереву, не глядя вокруг, озабоченно, деловито: добывает насущную пищу. И невольно его презираешь за эту угрюмость, за мрачность, за тупой, суховатый, размеренный, что-то вдалбливающий всем нам в голову звук. Не такие уж мы здесь все неслухи и тупицы, чтобы сразу же не осознать, как он важен сейчас и полезен для леса, да толку-то что! Не певец, — хотя трясогузка и иволга так и тянут-ся поглядеть, что он делает там, на сосне, пробивая такие укромные дырочки.

Рыжеватая белка с пушистым хвостом взлетает на дерево так изящно, легко, что дятел не шевельнулся, а только умолк. Он подумал, подумал и снова размеренно клюнул длинным, с горбатинкой, носом: стук! стук! стук! И опять — стук! стук! стук!

Тихо. Полдень. Людей никого не видеть. И вокруг меня только птичья работа: бесконечные перепархивания с дерева на дерево этих неведомых, в сущности, мне неведомых, серых существ, издающих такие чудесные мелодичные звуки и так весело перекликающихся между собой, словно ты на другой, незнакомой планете, и тебе никогда не понять ни речей их, ни мыслей, ни чувств, ни любви, ни извечного поклонения солнцу.

Птицы — солнцепоклонники. И это все, что я знаю.

А рядом извилисто вьется меж деревьев зеленой змеей пологая балка. Здесь сочнее трава, чем на взгорках. В желтых искрах влаги бьется иглистое солнце. Вся земля и кусты зацветающего шиповника, золотисто-горчичные шапки пижмы, растрепанные метелки пряно пахнущей таволги — все усыпано множеством белых, розовых и голубых мотыльков. Издали, словно сложенные парами ладошки дюймовочек. При звуке шагов мотыльки как-то разом взлетают воздушным, рассеянным облачком и тут же опять садятся в траву додремывать на солнцепеке, равнодушные ко всему, что не зелень, не влага, не солнце.

Я обездолена во всем,
От головы до ног,
Единое, что дал мне Бог —
Литературный слог.

А нынче «слог» —
Он ни во грош,
Не нужен никому,
А плох ли он, или хорош —
Лишь Богу одному.

Может быть, я не вправе писать эту книгу: еще не пришла пора ворошить пережитое. Еще много других, куда более важных тем, неотложных и трудных. Но уже начинают уходить из жизни мне близкие люди, и каждый такой уход, как черта, как итог, заставляют задумываться: а, может быть, еще можно что-то сделать по-новому. Осветить тобой пройденный путь каким-то другим живым ясным огнем, чтобы «вдруг видимо далеко во все концы света»? И тогда поднимется смятый цветок, растоптанный невзначай тобой на дороге, тогда вдруг захочется приласкать побитую

тобой в детстве собаку и сказать человеку суровому, молчаливому, что ты, наконец-то, его поняла. Все простила ему, и больше того, удивилась его чистоте, красоте, его внутренней нравственной силе.

Иногда, как во сне, видишь только степную дорогу и сгорбленного человека, уходящего одиноко по ней. Хочешь крикнуть, догнать, но нет силы, нет голоса, а когда закричишь, — человек уже ушел. Его нет. Как рассказать ему, что ты его любишь?

И тогда уходишь в огромный, любимый им мир и смотришь на все удивленно, как будто живыми — его — глазами, и снова, как он, улыбаешься жизни, городской, деревенской, лесной и степной, всякой травке и всякому птичьему перышку, ибо это наследство. Это все он вручил тебе в твой день рождения, оцени, полюби, не развей по холодному ветру, не пусти на распыл. Собери все, как он собирал, стебелек к стебельку, пусть привяли они, пожелтели на степном жарком солнце, эти травы и эти цветы, вдохни их сухой аромат: он прибавит тебе здоровья и силы.

* * *

Почему-то во время праздничных победных салютов меня особенно трогает какая-нибудь одинокая, «заблудившаяся», запоздавшая ракета. Она-то и напоминает мне о войне ярче многих других.

Вижу в ней свою собственную судьбу.

Вечер... Дымная Варшава
Вся в снегу и в черном пепле —
Улицы еще дышали,
А дома уже ослепли...

И незрячими дворцами
Вслушивалась в сумрак серый —
Там пехота шла, бряцающая,
Рядом с нею — офицеры...

Шла пехота в бой и пела
О родной свободной Польше:
«Еще Польша не сгинела», —
Гулко вторила им площадь.

А за Вислою горело
И, очерченная четко,
Уходящим вслед смотрела
Загрустившая девчонка.

И стояла в белой шали,
А в ушах, как сон звенело:
«Еще Польша не сгинела», —
И шаги солдат шуршали.

2

Не всегда вспоминается одно только серое, усредненное...

Иногда из тьмы прожитых бед вдруг, как белая лебедь, выплывает картина: жаркий день, я в «очень высокой конторе», по дороге к большому начальству. Оделась я скромно: серенький, как перо перепелочки, трикотажный костюм, белые туфли, белая сумочка, белое под жемчуг ожерелье. И чувствую себя легкой, подвижной...

А в «конторе» летние сквозняки, много солнца, безлюдье. Мы с на-

чальником один на один, с глазу на глаз. Он с такой теплотой глядит на меня, так внимательно слушает, что решается мое дело молниеносно.

Эх, остаться бы мне, поговорить... Сказать ему что-то хорошее. А я постеснялась.

Да, дело решилось. И не только с моей будущей книгой, но какая-то неожиданность созревала в душе в тот самый час: впереди меня ждала еще и награда...

А я так и не сказала этому человеку всех слов благодарности. Я ушла.

И с ужасом, с грохотом сердца через несколько дней услышала — он умер. Мгновенно.

Как? Что? Почему?!... Я не знаю...

* * *

...Надвигается жаркое лето. А в квартире, как только выключили горячую воду — сразу же стало холодно. На мне две теплых одежды, и ноги в тепле, а все равно неуютно. Может быть, оттого, что главную работу я уже сделала, осталось «неглавное» — напечатать ее?.. И уже зреют во мне какие-то новые замыслы...

Сейчас в Смоленске яблони в цвету...
Весь город ими белыми обсажен.
Кто их задумал? Чью это мечту
Здесь воплотили? Кто это расскажет.
О, яблони! Я к вам летела — в дым,
И в эту цветь, и в обморок пахучий,
И в белые сугробы, и к седым,
Корявым веткам, к завиткам паучьим.
О, яблони! Мне зрелости не надо,
Душиста ли, медова ль ваша плоть,
Я этого диковинного сада
Душою не могу перебороть.
Всю белость, розовость, а позже желтизну
Твоих плодов, Смоленск, я не забуду,
Как золотой запас — в казну,
В царевы закрома, — среди сокровищ.
Пусть яхонтом, рубином, янтарем
Мохнатым декабрем иль январем
Они горят...

Да, так хочется написать немодную нынче вещь — о весне сорок пятого года. О Польше. О Германии. О Победе... вот от этого мне, наверное, и холодно. От моих собственных творческих планов и нетворческих воспоминаний.

В День Победы, уже к вечеру, иду по переулку. Навстречу такая дряхлая, такая ветхая и плохо одетая старушка, что невольно рука тянется подать. Подаю ей бумажку:

— С Днем Победы, матушка!

А она то ли не расслышала, то ли не поняла, спрашивает:

— Кого, доченька, помянуть?

— Двадцать миллионов человек, матушка!

Тем, кто смелей и моложе, —
Мной незабытый герой.
Это меня он тревожит —
Свет над Поклонной горой.

Может, и я там лежала б,
Если б судьба не спасла, —
И ни стенаний, ни жалоб,
Все бы с собой унесла.

Нынче не помнят о павших,
Просто блюдут ритуал.
Наши — не наши, не ваши,
Вечность разит наповал.

3

Сердце мелко-мелко, бисерно пищет сказание о моей жизни, днем и ночью, безотрывно, не отвлекаясь. И вдруг делает некий знак препинания... Один и другой. Потом третий, четвертый...

В деревне встают с петухами. А в городе — с собаками. Я сегодня встала «с собаками». Еще только половина шестого утра, а во дворе — черные, белые, серые, рыжие, пегие, всех цветов и всех размеров...

Еще не наступил рассвет,
Ни ночи нет, ни утра нет,
Ворона под моим окном
Спросонья шевелит крылом,
И в небе за звездой звезда
Истаивает навсегда.

Господи, почему это не я написала?..

В Гослите один цвет обложки — прекраснейший, самый лучший сделали Пушкину, Шолохову и мне.

Пушкин дважды употребляет словосочетание — «*мучение покоя*». Видимо, это его волновало, беспокоило. Он не предвидел, что покой принесет ему наконец-то ничем не нарушаемые дни полноценного литературного труда и творческие порывы, и вдохновенье, и усидчивость, столь необходимые для прозаика и драматурга, для критика, и читателя тоже. Ибо чтение есть часть творческого процесса: читать и отталкиваться от чужих мыслей, или же соглашаться с ними и их совершенствовать и развивать.

Иногда ведь достаточно одного только слова, — чужого, — чтобы вспыхнуло все огромное, пережитое, свое, и потребовало себе соответствующего действия.

А он не хотел (!) покоя. Он просто боялся смириться?

* * *

...К сожалению, как писатель, ничего больше слов (вначале было Слово...), я сказать не могу. И какое слово? Чем связать, скрепить цепочку слов, каким таким неожиданным новым чувством? И что будет стоять за словами, какая великая тайна, еще неоткрытая человечеством?

Все эти неясности связывают меня, не могу писать свободно, как некоторые. Нижут фразу за фразой, как семечки лузгают. Что-то у них получается, что-то нет, — не беда, они не останавливаются, топают дальше, отплеывая лузгу с губ! Куда спешат? Куда бегут?

Я не могу, не хочу состязаться с молодыми нахалами, не имея возможности их побороть. У меня нет на это ни дерзости. Ни задора, да и не было никогда. Я всегда писала очень скромно, скромнее, чем мыслила. Скромнее, чем читатели воспринимали меня.

Порекомендовала журналу «Октябрь» рассказ своего русского школьного товарища, фронтовика, воронежца. Ему отказали, не читая, только потому, что рекомендовала я... Мы для них чернокожие?

И эти люди еще так недавно требовали себе «равных прав».

4

Помню, в первые годы после войны я поехала в самые заветные для меня края: в Каменную Степь.

Уезжала я из Воронежа рабочим поездом, раним-рано, еще задолго до рассвета, в густой темноте. Мужики и бабы с мешками, старухи, ребятишки, запах хлеба, махорки, смазанных сапог, немытого тела; немечены полы в вагоне; в раскрытую дверь в тамбур — вонь из уборной, — все знакомо еще по войне, еще по поездкам из степи в Воронеж, к началу учебы — и, вроде бы, все уже от меня отгорожено, потому, что сижу, наблюдаю других. Не живу, как они, этим мигом, махоркой, ощущением дороги, базарной ценой на сало, на мясо, на нитки, на мыло, а, разглядывая их самих, не участвуя в их серой, скудной, но все же исполненной скрытого смысла жизни, ни мыслью, ни сердцем.

Мои мысли и сердце сейчас заняты совершенно другим.

В глазах у меня все еще дрожат слезы. Я их не забуду — и уже никогда не прощу.

Но за окном вагона давно день, там такая щемяще-зеленая, золотая весна, так синеют вершины деревьев в лесах, пробегающих по горизонту, так пушисты кустарники вдоль дороги! Я вижу среди них и цветущий боярышник, и жимолость, и серебристый лох. Тут и там над травой, над желтыми венчиками одуванчиков, над лиловой, луговой геранью и над белозором витают розовые и голубые облака мотыльков, легко перепархивают бабочки, тоже чем-то похожие на цветы. Поезд идет медленно, натруженно. В приоткрытое окно вагона врывается еще непрогретый, льдистый воздух степей, который доносит до нас запах шиповника и боярышника, и тягучую многослойную вонь горящего угля, мазута, пара и железной окалины.

В Лисках я иду от станции к пристани на Дону, большим затравеневшим лугом. Душно. Знойно. На дороге, растертой великим множеством ног и колес, — коричневый, серый, уже бархатистый слой пыли.

После бурного паводка и обильных дождей Дон становится бурым, крутящимся, рыжим. Кое-где он подтачивает берега, обнажая при этом узловатые корни прибрежных деревьев. И когда мимо этих подмытых закраин, с повисшими, словно змеи, корнями, проходит теплоход, мягкий, глинистый грунт не выдерживает. Он сперва сползает незаметно для глаза, потом с шумом рушится тяжелыми глыбами. Вместе с глыбами влажной, сытой земли обрушиваются и деревья. Корнями, концами корней они на какое-то время еще остаются в разрыхленной, развороченной глине, а вершинами уже утопают в стремительном потоке. Ныряя, уже плывут в коричневой жиже. За кормой теплохода цепочками бегут, отрываясь и уменьшаясь вдаль грязно-белые, в пене, воронкообразные водовороты.

Поздно вечером в кустарниках на берегу, и справа, и слева, защелкают соловьи. Соловьев здесь бывает такое великое множество, что все прочие звуки, кроме щелбета, щелканья, переливов, раскатов и серебряного пересвиста, оказываются как бы оттесненными, стертными. Луна, красно-

ватая, чуть приплюснутая и снизу и сверху, поднимается над Доном, заглядывает в каждую щелку, словно спрашивает: «Ну? Ты слушаешь или не слушаешь? Расскажи о себе, коль не спится...»

Да, я слушала. Не могла не услышать.

Такой точно ор я однажды уже слышала, но только лягушек, по дороге в Баку. Тогда вот так же, всю ночь напролет на болотах, поблизости от железнодорожного полотна, надрывались лягушки. Они яростно верещали, гулко булькали горлом, квакали, чем-то странно напоминая оркестр — то фаготы, то саксофон. Этот дикий оркестр раздирал проезжающим уши, не давая уснуть, злил людей, вызывал раздражение, будоражил.

Соловьиные песни на Дону нисколько не тише. Как серебряный град, они били по земле, по стеклам домов, по ушным перепонкам, притом увеличенные, разнесенные далеко водным зеркалом Дона и прибрежными горами, как эхо. Дробный звук, совпадая, срастался с другим дробным звуком, становился гремящим, могучим, объемным.

Время молодости и желания в крови.

И такое же, в общем, бездумное существо соловей, как лягушка; тот же самый инстинкт заставляет его петь, раздирая раскатистым щелканьем тишину майской ночи. Он поет, а в душе поднимаются какие-то смутные истины, позабытые думы, родные печали...

Что-то сладкое было в нахлынувшей незавершенности чувств, в ожидании счастья, в привычном неверии, в понимании, что оно не придет.

Значит, что ж, не какой-то мифический бог, не природа, а мы наполняем значением эти звуки?

Значит, только от нас, от людей, от разума человека и исходит жесточайшая несправедливость, это странное рассечение, разделение всех существ на любимые и отверженные?! Мать-природа, инстинкт, они одинаково одарили и лягушек, и соловьев возможностью издавать сладострастные звуки, дали тем и другим полноценное право наслаждаться любовью, огромной луной, тихой прелестью ночи, — омерзительному, ледяному, холодному, бездушному противостоянию космоса.

И вот я снова под проливным перехлестом чарующих звуков природы...

Я не знаю этой дороги.

Этим кружным путем я еду только для того, чтобы хоть немного развеяться, заодно поглядеть на Дон, на знаменитый Шипов лес, на известную девичьими голосами Воронцовку, на слышанную-переслышанную с детских лет Бутурлиновку, которую не видала никогда. А главное, для того, чтобы въехать в родные края с какой-то неведомой мне стороны, не тревожа в себе, еще загодя, чувства великой утраты и великой вины. Войти в дом, где видела яркие детские сны, совершенно уже незнакомкой. Не ответственной ни за что. И даже дорога должна быть не та, по которой я ездила вместе с отцом, а другая, по которой иду сегодня одна, в темно-синем плаще, в темно-синей косынке, повзрослевшая, может быть, постаревшая, пережившая все, что положено пережить за четыре года войны, из которых ровно три с половиной года только лишь непосредственно на переднем крае.

* * *

У меня — хорошая биография. Пять лет нищеты, без отца. Четыре года войны, на сумасшедшем фронте. Пять лет институтского общежития, в ледяном подвале, где мы ютились двенадцать человек в комнате с отсы-

ревшими обоями. Три года целины — в северном Казахстане и на Алтае. И три года больницы после смерти мужа.

Это на одних весах.

А на других — тридцать лет светлейшей, чистейшей и преданнейшей любви, счастья, сказки, мечты.

Мечта, сказка, сон, — а все перевесили.

5

И хорошему, и плохому меня научили книги. Люди тоже меня научили хорошему и плохому. Но мне бы хотелось писать только хорошие книги о хороших людях.

Но это пришло не сразу.

Детство связано с Каменной Степью. Там, среди балок и лесных посадок с грачами, стоял хуторок в два дома и бесконечная, сосущая душу синь неба...

С детства не слышала отлетающих журавлей.

И вот оголенные, в побуревшем от непогоды жнивье родные равнины. Я сижу у самой воды, у холодного, в мелкой волне, заросшего деревьями озера. Плакучие ивы еще ярко-зеленые, а ракиты — седые, как будто в дыму, словно тронуты инеем. И в листве лип и кленов и белых серебристых тополей уже кое-где да мелькнет желтизна ранней осени. Тишина, солнцепек, — растворение в этом пахнущем вялой травой, рыбьей слизью и пальми листьями удивительном воздухе, — в затишке, где безветрие возвращает тебя снова в жаркое лето. И вдруг — что-то тревожное, непонятное, трубным голосом с неба, чей-то зов, чуть скрипучий, картавый, тоскливый.

— Журавли! Посмотрите скорей, журавли!

Они вышли, как самолеты из-за купы деревьев классическим треугольником, держа курс очень строго на юг, и скрылись за дамбой, обросшей ракитником. Спустя полчаса зов раздался опять и опять. Теперь журавли шли цепочкой на запад, лишь вожак, вырываясь, летел чуть-чуть впереди, как бы силой вытягивая непослушных ведомых опять в треугольник, всю черную эту ниточку, но так и не вытянув ее.

— Вон еще журавли! — кричат мне товарищи.

Но мне кажется, что это все те же, уже пролетевшие раз над нами. Просто, птицы прощаются с озером, с рощами, с заросшими пыреем и польнью долинками и оврагами, с полями в обломках стеблей кукурузы, с бездомно покинутыми на пашнях стогами соломы. Видно, взрослые журавли учат молодняк, подростков находить, возвращаясь весной, это озеро, островки на нем в соснах и елях, этот дом на холме, эти купы деревьев и все видимое с высоты, с любого захода приметные ориентиры, — грустный птичий урок навигации.

Может быть, что при этом старшие кричат подлеткам:

— Запомните, это — ваша родина! Обязательно возвращайтесь сюда, в родные края, даже если не будет нас, взрослых! Пожалуйста, не забудьте дорогу сюда. Здесь мы любим друг друга, здесь рождаются наши дети, здесь мы умираем. Жаркий юг — это лишь отдых, а вся жизнь наша здесь...

Я завидую им, улетающим, потому что весной они обязательно сюда снова вернуться. А я?.. Сумею ли я опять побывать здесь, на темной, зеленой реке, на этих прудах и озерах, взглянуть на березовые аллеи, уходящие в степь, на свекольные и ржаные поля? Я летаю теперь выше птиц.

А оттуда, с немислимой для журавлей высоты, разве можно заметить мелькнувшую где-то внизу голубую подкову заливчика, где мы ловим плотвичек и раков. Эти серые, словно седые, — ракиты. Эти рыжие, опаленные солнцем, дубы?

Я люблю бывать каждый раз в каком-нибудь новом краю, в незнакомом мне месте, видеть горы, моря и красивые города и красивых людей, люблю слушать красивые, полные скрытого смысла, лукавые речи... А здесь что услышишь? Вот этих летящих с севера на юг, а затем еще раз, как бы ровным крестом, поперек, с востока на запад, расстающихся и со мной, улетающих журавлей?

Вот летят! Вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите смотреть на высоких своих...

Так мало, так мало!

Так мало, что хочется непременно вернуться — и постигнуть, а чего же здесь много? Отчего вот за эту неяркую, небогатую землю бились люди — до крови. До смерти, и с половцами, и со шведами, и с хазарами, и с немецкими фашистами? Значит, что-то их привлекало на этой земле — и предков моих, поселившихся издревле здесь, на этой реке, и захватчиков, шедших волнами по этой скудной равнине?

Я люблю эту землю.

Но, может, кочевники, налетавшие с Чингисханом, тоже очень любили ее и платили за эту любовь своей кровью — в стремлении урвать, захватить поскорей, спрятать за полу своего бешмета, отобрать навсегда? Разве я их сравниваю, две эти любви и две эти смерти?..

Научите меня, журавли, обязательно возвращаться! Может быть, я пойму непонятное. Как и вы, угадаю...

Дом, дом, дом! Как дон-дон-дон! Как забившийся под сердцем птенец...

Хорошо проснуться на июньской заре и выйти во двор, весь клубящийся белым туманом. Махровые маки, королевские лилии, гиацинты, все по пояс в белом дыму, оседающем на мохнатые стебли растений, на душистые чашечки крупной росой.

Утро тихое, с петухами на ближнем дворе, за грядой из ясеней и жасминов, с мычанием коров, со скрипом бадьи у колодца. Свойство этого петушиного пения и мычания и скрипа состоит, безусловно, не в том, чтобы чем-либо, хоть и малостью, но нарушить волшебную тишину июньского утра, а скорей заключается в том, чтобы чем-то ее, эту тишину, подчеркнуть, увеличить, войти в нее, вжиться и стать органической ее частью. Пока не взорвется с надтреснутым визгом пускач дизельного трактора на машинном дворе.

Солнце сразу выскакивает из-за горизонта, но отнюдь не малиновое, как сперва обещалось отразившим его свет облаками, а бесцветное, золотое, как яркое пламя горелки. Туман сразу исчез, остался на травах прозрачными каплями. И первые пчелы блаженно урчат и роются в черных бархатных донышках маков, выискивая там, на дне, кроме меда, еще что-то свое, неведомое нам, людям.

Стоишь над цветком, вдыхая промытую, прокаленную эту свежесть, и тело твое, отдохнувшее за ночь, безмолвно ликует, вливая в себя этот солнечный свет, этот утренний воздух, тепло и покой. И снова что-то мятежное закипает в душе и куда-то зовет: из радости, из тепла, из покоя навстречу холодному ветру.

Вместо игрушек отец дарил мне щенят.

Белая, лохматая кавказская овчарка Пальма так и выросла вместе со мной. В тот год, когда я уехала в школу, в Воронеж, она так тосковала, что ее посадили на цепь, боялись — взбесилась.

В тот год вернулась я домой поздней весной. Вся дамба, ведущая к дому от пруда, обсаженная столетними вязами, казалось, меня торопила, шепча яркой, зеленой листвой: «Скорее, скорей...». Каждый листик сиял, торопился со мной. И сама я спешила, я сидела в телеге, уже свесив ноги, чтобы сразу же спрыгнуть и бежать, обгоняя телегу, к домашнему крыльцу, но соседский мальчик Роман все спрашивал о Воронеже, об отметках, о школе. И я терпеливо ему отвечала.

И вдруг что-то дикое, в лохмах желтого, грязного цвета, в репьях, с обрывком цепи на ошейнике, сразбегу мне бросилось с силой на грудь. Я спрыгнула на обочину. Пальма тихо повизгивала, облизывая мои слезы со щек и скул, кидала костистые лапы на грудь и на плечи, подпрыгивала, виляла хвостом и по-детски всхлипывала, как будто бы упрекая меня: «Ну, зачем же ты так, как могла ты меня здесь оставить одну?»

— Пальма, Пальмочка, милая!.. Ну, хорошая, ну, не надо, не надо...

Потом я все лето пробегала с Пальмой по полям, по оврагам и возле пруда, заросшего по берегам ежевикой и кровохлебкой. Мы с ней пробрались на прорванную плотину, где жил старый пасечник, и он кормил нас: Пальму косточкой от обеда, меня хлебом с медом. И я была такой маленькой, такой глупой частичкой великой гармонии бытия, что даже не знала, какой грустно-непостижимой оказывается потом великая эта гармония, когда мы взрослеем и становимся умными и жестокими, и навек отрекаемся от беспечного, неосмысленного, но счастливого этого родства с собаками, птицами, с лошадьми, с деревьями и травой.

В те же годы отец учил меня бегать на лыжах, стрелять из ружья.

Зимой мы с ним уходили за огороды, по тропинке, ведущей по берегу заболоченного оврага к пруду, и там, в затишке, заслоненном деревьями в белом инее и кустами, я прикладывала к плечу тяжелейшую двустволку, пытаюсь при этом совместить мушку с прорезью прицела. Но руки мои, еще очень слабые, детские, такой тяжести, а, главное, такой медлительности в прицеливании не выдерживали, ствол сваливался и пуля летела «за молоком».

— Эх, ну чего же ты! — обижался отец. Ему, видимо, не терпелось подыскать себе товарища по охоте, помощника. Отказавшись так сразу меня научить стрельбе, он велел мне ходить и загонять ему дичь: куропадок, лису, зайца. И я надевала широкие «финские» лыжи, и мы с ним ходили вдоль лесополос: он с одной стороны, со степной, очень тихо, я с другой, то и дело подшумливая и покрикивая и тем самым, пугая зверушек, выгоняя их вместе с собакой на охотника.

Сам один он ходил и в засаду на волка. Волки в то время были наглыми и бегали по степи, где хотели.

Помню, двух он убил, шкуры сдал в «Заготсырье», не оставил трофея, хотя я и просила: уж очень хотелось мне, чтобы в доме осталось вещественное доказательство его меткости и охотничьего удачества, наверное, нужны были деньги, ведь за волка тогда платили хорошие деньги.

И еще были дни рядом с отцом, — словно сон.

Как-то в мае мы с ним бродим длинным, пологим оврагом за машинным сараем, пахнущим привокзальным дымом. Трава мне до пояса. Здесь цветет земляника, уже выпускает коричневатые хвостики конский щавель.

вель, много зонтичных, пряно пахнущих, даже дурманящих, названия которых я не знаю.

Я спрашиваю:

— Папа, а это какое растение?

— Болиголов. Оно ядовитое. Принюхайся, разотри его листики, слышишь? Пахнет мышами.

— А вот это?

— Борщевик. Он съедобный.

— А этот?

— Горичник болотный.

— А это? А это?

— Гирча тминнолистая... Дягиль... Он очень полезный. Лекарственный. Медонос. Это — вех... Говорят, соком веха был отравлен Сократ.

Я внимательно слушаю, запоминая, хотя имя Сократа мне еще незнакомо.

Почему-то мне радостно от обилия этих странных названий: гирча, дягиль, вех. И приятно, что рядом со мной человек, который все знает. Я гляжу на него с уважением, с робостью, снизу вверх, как на некое божество. Но, как всякое божество — недоступное, молчаливое.

— А вот это?

Мне хочется продолжать затеянную игру. Но отец, заложив руки за спину, смотрит в небо на промчавшихся мимо нас и как будто ныряющих в воздухе птичек. Они с щебетом носятся над гнездом, словно плачут, кричат, махают крыльями.

Отец долго молчит, наблюдая, уйдя вдруг в себя. И когда его взгляд возвращается снова на землю, ко мне, почему-то я больше уже не спрашиваю. Я смущаюсь его незнакомого взгляда, этой замкнутости, охватившей его опять, как всегда.

После в городе, взрослая, сидя в театре или читая нашумевшую прессу, я думаю: отчего нет в них простых диалогов, вот таких, какой может быть у ребенка с отцом, в раннем детстве, — открывающих мир, называющих все предметы их великими именами?

Кто осмелится, чей великий талант в состоянии передать все значение этой беседы — и вселенскую немоту окружающих нас птиц, зверей и растений, если раньше никто не назвал вам их, никто не сказал, для чего они служат, чем полезны или, может, вредны человеку.

Помню сладкие купыри на Дону...

Я задумываюсь сейчас: отчего это в обществе пустосердого, пустоголового болтуна, красная нам весело и легко, а в обществе умного, но молчаливого человека всем становится как-то не по себе? Может быть, оттого, что он про всех нас такое особенное знает, этот страшный молчун, и нам стыдно и боязно перед ним? Или это исходят флюиды его неуклюжести, источаются на окружающих заразительная застенчивость.

Затрудняюсь ответить на этот вопрос.

Мы, дети, под взглядом отца тоже как бы немели. Мы все сразу же начинали болтать и смеяться, когда отец уходил на работу. Он молчал месяцами, ничем не высказывая своего отношения ко многому происходящему в доме. Иногда улыбался чему-то, по-своему, в седеющие усы. Иногда хмурил брови. Когда мама спрашивала у него о чем-либо по дому, он как будто бы возвращался из глубокой задумчивости, переспрашивал иногда очень грубо:

— Что-о-о?

Но о чем он раздумывал в одиночестве и чему улыбался, кто знает?

Сильный, смелый и ловкий, он любил рыбную ловлю, особенно охоту. Сколько помню, мама частенько возилась на кухне: потрошила и чистила окуней или щук, ощипывала чирков, по-особенному жарила зайца. На лужайке, что перед домом, рядом с волейбольной площадкой, вечерами варили в котле раков: на всех, — и кто ловил, и кто только подавал лишь советы с сухого бережка. И я почему-то всегда это помню: степную, горячую темную ночь, оранжевые блики пламени от костра и большие, растянутые далеко по траве наши тени. Тут же рядом сидели собаки, запыхавшиеся от азарта, вывалив наружу мокрые языки.

Помню еще: всю ночь до рассвета горит на столе у отца керосиновая лампа, он работает, пишет, иногда очень быстро. Иногда вдруг задумывается и тогда, подняв голову и прикусив конец школьной ручки, долго, долго глядит в окно на белеющие в темноте очертания хутора.

Что писал он? О чем думал? Не знаю. И потом, спустя много лет, уже взрослая, я так и не осмелилась его расспросить, над чем он работал в те годы. Свои многочисленные труды — фенологические наблюдения, результаты кропотливейших опытов по травосеянию, по рисоводству и т.д. он отдал перед смертью своим товарищам по работе: авось да кому-нибудь пригодится. Не были ли в этих тетрадях какие-то мысли о жизни, о людях, не знаю.

Мне он нравился больше всего не тогда, когда выступал в своей главной — директорской — роли, а тогда, когда делал что-либо по дому: колл дрова, возился на огороде и в цветнике, или, что еще лучше, когда просто сидел на крыльце и курил самокрутку. В это время — при той же своей молчаливости — он казался мне ближе, понятней, родней. И всегда удивляла его любовь не к нам, его детям, а к щенятам, к птенцу, выпавшему из гнезда, к жеребенку, котяткам... нас он так не ласкал, с нами так не возился!

Впрочем, может быть, я ошибаюсь и ищу в нем того, которого создала моя детская фантазия. Да, возможно, это так.

Придя с поля, отец снимает с себя пропыленную, прокаленную солнцем рубаху и кличет меня слить воду ему на руки. Сам выносит ведро со свежей водой, мыло, кружку — и стоит у крыльца, на траве, дожидается. Резкой гранью загара его тело разделено на неравные части: на руках до манжет и на шее — до ворота, так что кажется, будто слеплен он одновременно из двух разных материалов, из белого и черного, и белого почему-то не хватило, долепливали из черного.

Отец долго, со вкусом, со смаком плещется, хлещет воду на шею, на грудь, трет лицо. Я беру опустевшее наполовину ведро и лью сверху уже из ведра, ополаскиваю его, потом подаю расшитое петухами суровое полотенце. Он насухо, докрасна вытирается, надевает чистую, наглаженную мамой рубаху.

Есть что-то магическое — для меня — в этом древнем обряде. Словно вместе с таким умыванием и день делится на две части: на большую, тяжелую жаркую часть, именуемую работой, и короткую, сладкую, темную — отдыха: за столом и в постели. Но они — эти части — существуют всегда рядом, всегда связаны воедино каким-то невидимым нам, детям, непонятным блаженством: исполнение долга — и отдых, как награда за труд. Да, мне кажется, нет другой за работу награды, столь желанной и сладкой, как заслуженный отдых.

Мы садимся за стол, за простую еду: или вареная чечевица с подсол-

нечным маслом, или пшенная каша — но всегда с молоком, или только что из печи горячий хлеб с простоквашей, молчаливая трапеза, полная смысла. Потому что еда — это тоже награда. Отцу с матерью за заботу о нас. Нам — за то, что мы растем.

Молчаливо, исполнено смысла это и короткое, ежедневное, обязательное обучение нас, детей, как расти, для чего: для широкого мира, лежащего за дверью.

Да, в то время на хуторе мне все двери казались широкими и все окна — большими. А наши — особенно. В них врывался летний воздух и пах ржаной соломой, конским потом и дегтем. А когда на поля опускалась поздним вечером прохлада, мы садились все на крыльце, на чисто промытых ступеньках, и отец, молчаливо сутулясь, закуривал козью ножку и думал о чем-то своем, о большом, отчего мы не смели запеть, засмеяться, сказать какую-нибудь шутку. В такие минуты мы тоже сидели притихшие, молчаливые, — и от нечего делать начинали приглядываться к подступающей все ближе и ближе темноте, к очертаниям журавля у колодца, к первой мелкой звезде, к белым астрам на клумбе, сидящим, как белые птицы.

На коленях отца мурлыкала кошка. Пес ложился у ног, молчаливый и теплый, чуть пахнущий псиной и пылью. На кухне стучала посудой и пела негромкую песню мать, убираясь после короткого ужина. Желтый свет керосиновой лампы длинно, косо ложился на кустики высохших трав у крыльца, на тропинку — и терялся вдаль.

Тишина, покой и прохлада после жаркого дня обнимали все тело так мягко и ласково, что я чувствовала себя сытым, сонным зверьком, засыпающим в сумерках. И вся жизнь в окружающем мире казалась мне доброй и было все легко, и все понятно, доступно и просто, — как не было больше уже никогда.

Почти полвека мой отец сеял хлеб, месил чернозем порыжевшими от дождей сапогами.

Зимой отец уезжал на целый день куда-то в район. Санки, взметнув поземку, исчезали за поворотом. На дорогу летел редкий, ленивый снежок и мы оставались с матерью вдвоем.

Отца помню очень красивым, молчаливым и всегда чем-нибудь недовольным. Мать — очень доброй, веселой, иногда в слезах, но с песней: она клала набок некрашенный табурет, стелила на него подушку и коврик, и усаживала меня возле печки-голландки. В трубе посвистывал ветер.

Я ныла:

— Мам, почитай...

Мама ворошила кочергой угли в печи, потом брала книгу и я затихала. Когда она доходила до любимого мною места:

А на Таврической улице
Мамочка Лялечку ждет,
Где ж моя милая Лялечка,
Что же она не идет?

Я заливалась слезами. Меня тоже звали Лялечкой, и я думала, что в книге написано про меня...

Иногда мама замолкала и подолгу стояла у окна, смотрела в темноту сквозь морозные стекла. Я не смела ее тревожить, сидела и слушала однотонную песню сверчка в пазухе бревенчатых стен. Потом начинала водить пальцем по строчкам и шевелить губами — буквы я уже знала. Так я научилась читать.

Росла я мальчишкой и часто говорила маме:

— Ну, почему я девочка?

Была худая, долговязая. Отец, вместо кукол, дарил щенят.

Когда мама выходила к колодцу за водой, конюх Роман спрашивал ее:

— Ну, как, Лялька воюет?

И мама отвечала, смеясь:

— Лялька воюет...

Вместе со взрослыми я водила лошадей на водопой. Однажды влетела во двор на жеребце Ваське, а навстречу из-за кустов — мама, вся в белом, с ведрами в руках. Васька свечой взвился вверх, я — под копыта. Поднялась с земли сама. Кровь глаза заливает, я упала снова.

Когда отец нес домой на руках, мне представлялась картина — я умираю, вокруг стоят родные, все в неутешной горе. Мне стало жалко себя, я сказала отцу:

— Умру я у вас...

Долго меня дразнили этой фразой. Летними днями я убегала из дома. Часами я могла сидеть на дереве, воображая, что я обезьяна и жалея, что нет хвоста, потому что очень хотелось повисеть вниз головой. Или, раскинув руки, лежала в ковылях и смотрела, как бабочки перепархивают с цветка на цветок прямо над моим лицом.

В конце сентября, когда облетали на вязах жесткие листья, мне нравилось бегать по дамбе, где они лежали сухими желтыми сугробами. Ноги утопали в листве, а сверху все летело и летело сердитое золото. В пруду рыжела вода и пень, торчащий из нее, оказывался на суше, я взбиралась на него, садилась, обняв руками исцарапанные коленки, и пела дикие песни. Хорошо, что единственным музыкальным инструментом была кавказская овчарка Пальма. Она поднимала лохматое ухо в репьях и взвизгивала, словно просила — зачем?

За сквозными деревьями дамбы виднелось голое поле с колючей стерней, над полем низко-низко носились галдящие стаи грачей.

Домой я возвращалась, влезая через окно столовой, с воинственным кличем:

— Доброй охоты!

Это было заветное слово джунглей.

Перехватив холодный обед, я скрывалась до ночи.

Однажды я ушла на рассвете из дома. В Америку. Был конец ноября, и ветер прямо к крыльцу прикатывал из степи колючие шары «перекасти-поле». Заморозок сковал дорогу и она была, как чугунная. К вечеру привез меня какой-то дядька из соседнего села, он нашел меня далеко в степи, среди старых курганов, где я сбилась с дороги. В то время года уже бродили голодные волки. И счастье, что они не съели окоченевшую лягушку-путешественницу в красных варежках и шапке с помпоном. Этим кончилось мое путешествие, а то — где бы я теперь была?..

Зимой я ходила к водосливу — там текла незамерзающая струйка воды. На мостике через поток нарастали сосульки. Я обламывала их. Это были башни дворцов и колокольни церквей в моих городах из снега. Я заселяла города любимыми героями из книг, и мне было очень весело.

Нас, детей, на хуторе мало. Только я и мои две сестры, да еще у объездчика Михаила Ивановича Игнатова сын Яша, но он тоже учится, и зимой появляется дома лишь по праздникам да на каникулах. Зато летом нам всем вместе — веселье. Мы строим в лесу вигвамы и играем в индейцев. Мы вяжем из камыша огромный и неустойчивый плот и катаемся на пруду «до посинения,

то и дело срываясь с плота, перевертываясь на нем. Мы ловим на отмелях пес-карей и селявок и устраиваем набеги на поле с горохом. А к осени — на бахчи. Мы подолгу рассматриваем огуречные и кротовые норы в степи или ждем, притаившись, у гнезда, наблюдая, как выводятся голенастые, в мокром пуху, некрасивые птенчики из веснушчатых, пятнистых яиц. Мы пробуем и едим все съедобное, вылезавшее из земли. Каждый листик, корень и травинку, начиная с первоцвета, который, прежде чем съесть, надо класть сперва в рот и держать там, в тепле, приговаривая: «Бабка-бабка, завей кудри колесом». И тоненький, сладенький стебелек заворачивается, заворачивается, действительно, кудерьком или, как у нас называют, «баранчиком». И кончаем мы это летнее пиршество уже перед заморозками кислотными, терпкими, как будто бы густо припудренными, ягодами терна или черемухи, желтовато-зеленою грушей-дичком, ежевикой, калиной.

Да, весь день от рассвета до ночи наполнен сиянием солнца, беготней, шумом, хохотом, катанием на качелях, на лодке на проезжей телеге, когда и садишься, и соскакиваешь на ходу, игрой в прятки. В лапту, в догонялки, в горелки, а вечером — вместе со взрослыми в волейбол, в городки.

Но бывает и тихое настроение, когда хочется просто глядеть на огонь или слушать далекую песню:

Скакал казак через долину,
Через полночные поля.
Скакал он тихо, одиноко.
Блестит колечко на руке...

А вот раннее, раннее утро — даже холодно от росы на таком очень раннем рассвете.

Я сижу одна в поле, на бровке канала. В руках у меня часы и блокнот. По каналу бежит сероватая, бурая, с клочьями пены вода. Ее уровень — даже видно на глаз — повышается. Но мне и даны в руки часы, чтобы я отмечала в блокноте все точно: на сколько именно сантиметров по водомерной рейке на распределительном щите поднимается уровень воды за час, за два, за три часа, в течение суток, когда и как начинает быстро понижаться.

Я завертываюсь в отцовскую куртку и натягиваю короткую, куцую полу на голые ноги. Мне холодно, зябко, земля отсырела за ночь, трава тусклая, белая, как амальгама на старом зеркале.

Вон цепочкой, тропинкой, проходят рабочие с лопатами. Граблями: тоже идут на полив. Во главе бригадир — Степка Сухов, дурной на язык, молодой еще парень, в распущенной серой рубахе; ремень надет через плечо. Он подмигивает, здоровается: — Привет трудящимся!

— Иди, иди, Бог подаст, — я лениво, как будто спросонок, огрызаюсь. Это так мы со Степкою шутим. Он зовет меня: «девочка — сатана». Как теперь вспоминаю, наверное, было за что так называть.

Часов в девять утра, когда солнце уже поднялось и встало в полнеба, приходит отец. Он весь запыленный, в промокшей от пота, выцветшей куртке, — видно, уже где-то побывал на полях, — садится со мной рядом на бровку канала, закуривает. Одним глазом, бегло, проглядывает столбики цифр.

— Ну, что ж... хорошо.

И тотчас встает, проходит тропинкой к делянкам овса, проса, гречи-хи, осматривает пшеницу. На другом конце поля большим веером сеется радуга: там другой уже вид орошения, дождевание.

День на бровке канала огромен, как год. Где-то люди, смех, шутки, движение, а я здесь одна. Только солнце и ветер. Трава уже теплая и сухая, в ней стрекочут кузнечики, резво прыгают травяные безобидные блошки, на изнанке листа сидят бледно-зеленые, тощие тли. Паучок тянет нить от засохшего стебля цикория к мальве: как солдат-связист тянет провод куда-нибудь на командный пункт. Бледно-розовые и голубоватые мотыльки и огромные красно-черные бабочки перепархивают надо мною, как над чем-то привычным, уже не мешающим жить, а вот вся шелковатая, гадкая гусеница поднимается по руке до плеча, и я почему-то ее не сбиваю крепким точным щелчком.

...Как прекрасно было потом, уже в конце лета войти в это просо, политое с моей помощью и поднявшейся в мой рост, с тяжелыми, словно в дробинках, кистями, небывалое, плодovitое, с шелковистым, сухим, гладким стеблем на ощупь.

Воротить бы сейчас это сладкое чувство причастности к важному делу, тех людей, те года — и все заново пережить, день за днем, принимая как должное те же самые беды, те же самые шутки, те же самые песни, ту суровую и простую, далекую жизнь. Воротить, поклониться бы...

Дети сдержанных, терпеливых людей, почему мы так яростно-нетерпеливы, отчего так спешим, так стремимся уйти, поскорей повзрослеть?! Что нас гонит? Зачем — и куда?

Шли годы... Рос хуторок, приезжали новые люди, но в моей жизни не изменилось ничего. Разве что стала я еще длинней. Но однажды, неожиданно для себя, я ощутила еще неиспытанную мною тревогу — мне становилось то грустно без причины, то я начинала хохотать во все горло, по-мальчишески, басом.

Володя, молодой паренек из техникума, сидел у нас на крыльце и пел под гитару:

Эх раз, что ли,
Подморгнем Оле,
Веселитесь цыгане,
Пока табор в поле.

Мне было тринадцать лет, а паренек был влюблен в мою старшую сестру Надю, я носила от нее записки. И мне очень хотелось, чтобы песня не была шуткой... Так пришли первые обиды.

Никогда не забуду, как он, получив очередную записку, посмотрел в мои глаза и сказал:

— Эти бы глаза, да у другой...

Я засмеялась нарочито громко и убежала плакать в темный чулан, где валялись ненужные вещи.

Володя знал много стихов на память, они волновали меня. Мне хотелось, очень хотелось, чтобы они были обо мне. Особенно те, что о любви...

Было грустно и радостно одновременно, и хотелось почему-то еще пройтись колесом по двору и крикнуть что-нибудь такое, чтобы услышал весь белый свет.

Когда я думала о Володе, мне на память приходили стихи. Однажды я сама придумала несколько строчек:

Тростники перебирает ветер
Тонкими проворными руками.
Первый раз меня ты в поле встретил
У межи, где придорожный камень.

Написала их на бумажке и спрятала, чтобы сестра не нашла.

Потом мы приехали в Воронеж. Бабушка сидела на веранде и пила чай. Сквозь ставни били солнечные лучи и падали на пузатый самовар. Самовар фыркал сердито, словно был недоволен. И бабушка, слушая маму, сердито фыркала. И трехшерстный ленивый кот, лежавший у нее на коленях, тоже фыркал:

— Приехали? Чего не поделили?

Но мама решила не возвращаться к отцу. Жили весело и голодно. Я не помню, чтобы мама пришла с работы в плохом настроении. А было нас у нее четверо.

Вместе с нами жила бабушка. Рыхлая, стриженная наголо, скупая старуха. Она целыми днями молчала, как отец, и смотрела недоверчивыми глазами.

Иногда она спрашивала:

— Ну, чего ты там вычитала? Врут, поди!

Я ее не любила.

В школе я сидела за последней партой, в среднем ряду — там удобнее читать книги.

Учительница русского языка говорила маме:

— Ваша дочь абсолютно грамотная девочка!

И — верно. Ошибки я начала делать уже в литинституте.

Нельзя сказать, чтобы я была отличницей. По математике я никогда не получала больше двойки. В конце года с трудом удавалось получить тройку. Прямо, как в песне:

— «Была бы только тройка...»

Маму часто вызывали в школу.

Я, например, открывала дверь к старшеклассникам, где шел урок черчения и кричала:

— Василий Матвеевич, клюкнем!

Василий Матвеевич, преподаватель черчения, страдал запоем, и нос его был красным, как помидор. Он выбегал из класса ловить обидчицу, но я взбегала по лестнице на третий этаж и пряталась.

Учительница удивлялась, что я обо всем рассказывала маме. О всех своих проделках.

Пришла и настоящая любовь. Она была в черной бархатной курточке, говорила басом и смотрела на меня бесстрашными, холодными глазами.

Любовь мою звали Олегом. Он обычно распоряжался на школьных вечерах, и нам, «мелочи пузатой», говорил небрежно:

— Очистить помещение!

Может быть, из-за него я начала писать стихи всерьез, по-настоящему. Любовь длилась долго, около семи лет, и кончилась, как все первые любви — ничем.

Когда в городе узнали, что я пишу стихи, пришел из Дворца пионеров усатый высокий дядя, похожий на испуганного кота. Я от него убежала в раздевалку и спряталась там за одеждой.

Меня поискали-поискали и бросили.

Ходила я на какой-то литературный кружок. Не понравилось. Все в очках и говорят так, что ничего не поймешь: «смысловая доминанта», «абстрагируя от волос» — это о волосах любимой!

В одну из весен получила письмо — «Зайдите в редакцию «Молодой коммунары»».

Я удивилась. Прихожу. Сидит широкоскулый, небритый человек в

свободном сером костюме. Глаза насмешливые, но внимательные. В них, кажется, так и читаешь: «Ах вы, мои милые, какие вы все хорошие, но глупые...»

Он заметил, что я робею, погасил в глазах смешинку и сказал таким простым, хорошим голосом:

— Вот Вы какая! Читал Ваши стихи — хочу познакомиться!

Это был Борис Глебович Песков, писатель, редактор пионерской газеты. Он оказался человеком широкой души, бродягой и поэтом. Часто собирал ребятишек с улицы, возил их на рыбалку или в лес, рассказывал удивительные истории.

Особенно ему нравилась ранняя весна, когда на деревьях лопаются почки, а после дождей из клейких трубочек разворачивается лист, и так сладко пахнет свежестью.

Он учил нас распознавать птиц по голосу, приходил в восторг от пения зяблика — очень у него наивная, но трогательная песенка. «Таким должен быть настоящий поэт», — говорил он.

Как сейчас помню — идет Борис Глебович, кусты, плечом раздвигая, капли с веток вымочили его костюм, на башмаках грязь, а он улыбается, открыто, незлобливо, как ребенок. Увидел, воробей в луже купается, говорит:

— Глупый, мало ему дождика!

Природу надо чувствовать, как продолжение своего тела, говорил он. А я ее чувствую, как продолжение души. И душа у меня сейчас совершенно безлюдная, одинокая, как осенняя степь в непогодину, перед зазимком. Перед снегом.

Провожая меня в армию, повел последний раз в кино. Смотрели репортаж с фронта. Он говорит:

— Оля, война — не то, что Вы о ней думаете. Не девичье это дело. У меня сердце разрывается, на Вас глядя. А сам сморкается в платок...

Через несколько дней ушел в ополчение. Когда он погиб на фронте, у меня в душе что-то оборвалось. До сих пор не представляю его мертвым. Все мне кажется, он вот-вот скажет — «Глупый, мало ему дождика!»

В один из моих приездов в Эртилево случился анекдотический эпизод. Там отдыхал как раз Борис Глебович Песков с женой Тамарой. Когда Тамара (отчество не знаю, не помню) узнала, что я приехала отдыхать, она тут же собрала вещи и уехала с Б.Г. в Воронеж. Безумно меня ревновала к нему. Он, как главный редактор газеты «Будь Готов!» печатал тогда меня. Он был мне, как отец. И друг, и учитель, и писатель, которого я больше всех уважала. И..., может быть, может быть, он был и увлечен цветущей и острой на язык школьницей, писавшей стихи... А это мне льстило. В июле 1941 года, когда я уходила на фронт мы прощались с ним в саду ДКА, и Борис Глебович дал мне много мужских, отеческих советов, как себя держать девушке среди многих и многих молодых мужчин... За что я ему бесконечно благодарна. Гибель его — нож в мое сердце.

Девчонки в Воронеже меня почему-то «не воспринимали» в школе. Но стоило выйти на улицу и тут как тут какие-то ласковые, добрые взгляды, желание помочь, уступить дорогу...

Именно взрослые, а не сверстники провожали меня домой через весь город, на окраину — отменная вежливость, содержательный разговор и стихи, стихи, стихи — свои и чужие...

Среди всех, выше всех — Борис Глебович Песков. Вот мой первый

учитель и в жизни, и в литературе, вот кто увидел во мне «мое нечто», кто помог осознать, что нужно не прыгать стрекозой на танцульках, а работать, работать...

Она, плотная почтовая карточка военных лет:

Полевая Почта 06436 Б. Ольге Кожуховой. Обратный адрес: Полевая Почта 20362 В.Б. Пескову.

31.7.43 г.

Дорогая Олюшка!

Напал на твой след еще прошлым летом, видел твоё стихотворение в «Кр. Правде».

Позже от своего редактора узнал, что ты — по соседству...

Сегодня узнал, что ты лейтенант и работаешь в газете. Рад твоим успехам. Очень рад.

В мае я на два дня был в Воронеже. Все, как во сне... Все напоминает грандиозные декорации к сумасшедшей пьесе сумасшедшего автора. Воронежская действительность значительно превосходит наше воображение. Но люди живут.

Как ты? Пиши. С приветом! Б. Песков

Я не помню, ответила ему или нет. Это был 43 год, наша армия наступала, я сама в любую секунду могла погибнуть. Не писала даже матери, из какого-то суеверного чувства: они получают мое письмо, а меня уже нет на свете...

Кому из погибших своих учителей я в первую очередь хотела бы сейчас написать? Думала, думала... Борису Глебовичу Пескову. Он, несмотря ни на что, прагматик, но его прагматизм был крепко-накрепко спаян с нежностью и с добротой к нам, дуракам и дурехам, его ученикам. Нежнее всех любил меня — и наша последняя беседа перед моим отъездом на фронт оказалась пророческой, — не исполнила я его советов, а важность и нужность их всю жизнь теперь помню и понимаю.

Борис Глебович Песков, нет, это всерьез... Это так глубоко, что я и сегодня боюсь вспоминать о наших с ним вроде бы легких, простых отношениях...

Четыре года войны. О них можно сказать словами того конюха Романа из Каменной Степи — «Лялька воюет!»

Мне приходилось много ездить по фронту, а чаще ходить пешком. Я жалею теперь, что не вела регулярных записей виденного и слышанного. Но есть такие события и встречи, которые врезались в память, как в камень.

Кончилась война. Москва привечала туманами да сырыми ветрами.

Я не сразу их приняла, эти лютые, неприятные ветры, вылетающие из-за угла, потому, что всю жизнь привыкла к другому: к той же вьюге, к метелям — в лицо, но на ровных широких, открытых просторах, без разбойничьих посвистов в проводах и антеннах, в переулках, в угрюмых скоплениях домов.

Отходили, померкнув, и детство, и юность.

Падали осенние листья. Прямо с вокзала пришла я на Тверской бульвар. В планшетке лежало письмо от Сельвинского, полученное мною еще на фронте, и тощая книжка плохих стихов, изданная в Воронеже.

Я пришла сюда потому, что другой путь для меня уже стал невозможным.

Молодой, веселый парень с интересом спросил меня в канцелярии:

— Вы — Галина Николаевна?

Я обиделась:

— Совсем наоборот, Ольга Кожухова!

Парень разочарованно протянул:

— А-а...

Наверное, ему сразу стало неинтересно. Из кабинета директора вышла бледная тощая личность — мужчина, секретарь приемной комиссии. Он был очень любезен со мной, порылся в каких-то папках и сообщил, что я — принята.

На какой-то период кончилось свершение биографий, началось написание их.

* * *

Дни, заполненные до отказа работой, ничего уже не оставляли в душе про запас — ни движения соков в березах, ни первых подснежников на проталинах, по оврагам, ни ромашек в траве, таких радостных, удивленных, глазастых, как дети. Город все отрезал плоскостями и гранями, мелким бегом секунд. Заливные луга и поля здесь дробились на жалкие рыжие пятна газонов, на квадраты дворов, и деревья в решетках оград, как зеленые молчаливые звери в крепко запертых клетках, молча думали свои мрачные думы, вспоминая с тоской о душистых полянах, о темных лесах, о затейливых потаенных тропинках во мхах и лишайниках, в мягкой, сочной траве, обнимающей ноги...

Мне, как этим деревьям, снились теплые сны. Словно я уезжаю... Куда? Неизвестно. Каждый раз по другой, незнакомой дороге. И от стука колес, от движения, от дуновения ветра сердце бьется легко и свободно, как тогда, хмурой осенью сорок пятого года.

Город — будни, а лес и поля — это праздники, отпущение душ, я их так понимаю. Может быть, что поэтому каждый праздничный день моей жизни — день общения с полевой, непроезжей дорогой, с белой рощей берез, с опушенной раkitами речкой будет помниться вечно, я люблю собирать их в себе воедино, эти милые памятки, день ко дню, как душистый цветок к другому цветку.

Что-то есть в этих днях дорогое, суровое, словно жизнь. Словно смерть.

Я часто думаю, что это за ночь была? И какая была молодая моя мать, и каким молодым был мой отец, когда они любили друг друга и целовались. А родилась я. Та ночь, наверное, была длинная, страшная, только-только после Гражданской войны. И какими добрыми, великодушными были эти молодые и любящие друг друга, полунищие, полубездомные, которые махнули рукой и сказали: «пусть живет...» И сколько родилось прекрасных и юных после Великой Отечественной войны. Они выросли из презрения к смерти. Они выросли из жажды жизни, любви.

...Кукушка долго куковала в лесу — и вдруг замолчала. Шофер Василий профессионально заметил:

— Заглохла...

А сколько же кукушек куковало на полях Смоленщины и Белоруссии, обрекая на долгую жизнь. А жизнь такая короткая...

«И все мои учителя — от Пушкина до Пастернака...»

Да... Ну, а я, пожалуй, богаче автора этого высказывания. У меня не только поэты учителя, но еще и прозаики, и драматурги. Много — и до Пушкина; язык летописей, старинные грамоты, торговый и посольский языки, а больше всего, сознаюсь честно — военная сводка. Вот мои учителя! И уж если брать кого-либо из современников Пушкина, то в первую очередь, конечно, Денис Давыдов... Переписка декабристов. Язык старых журналов — и рисунки тогдашних модных одежд. Мне хотелось эти роскошные туалеты описать именно прозой, лаконично, но так, чтобы не упустить деталей. Сожалею, что впоследствии этому не придала значения, все забросила, оставила на веранде воронежского дома, дома моей счастливой юности... а война все разрушила и сожгла.

Долог путь. Очень долог.

Он еще не окончен, не вижу огней в темноте. Обещающих отдых. Впрочем... Может, и к лучшему?

Древний-древний японский поэт в трех строчках описывает картину осени:

Лист летит на лист,
Все осыпалось, и дождь
Хлещет по дождю.

А я, если бы могла, сказала бы о себе так:

Горе ложится на горе,
И даже нет слез...

Конечно, жаль, что у меня только двестише, нет третьей строки. Но сейчас так многого в жизни нет; и в доме, и в творчестве, что всего-то одна недостающая строка. Это такая малость!

В жизни было много шучено-перешучено.
До шуток ли теперь,
Как в сорок первом ужасном году?..

Вот и вышло трехстишие по-русски грустное-грустное...

6

...Стук колес, огоньки неизвестной дороги, тихий, теплый рассвет над полями, когда тебя вдруг пронзает удивительная, непонятная «знакомость» пейзажа. словно все это я уже видела, и не раз: молодая трава на лугах, болотистые низины с угрюмым кочкарником, меловые, слегка розоватые от восходящего солнца, изрытые норами горы.

Даже поезд, в который я в темноте пересела, этот красно-коричневый, дряхлый состав из разбитых, изъезженных, допотопных вагонов, был тоже знаком.

После вспомнилось: в таком поезде ездила с матерью в детстве, когда не было электричества, и кондуктор, казавшийся великаном, вносил в переполненное купе железный фонарь со свечой внутри и вешал его на крюке. Тогда все качалось в вагоне: свет и тени, фигуры людей, и немые леса и поля за окном, освещенные полудужьем ущербного месяца. Кто-то жадно закуривает в темноте, еще не усевшись, и поглядывает в окно, и гремит на скамейке своим грубым, тяжелым, железным плащом. Густо пахнет портянками, самосадом, мешками, овчиной, теплым хлебом, дым-

ком, — все какие-то мирные, добрые запахи не придуманной, городской, а живой, удивительной жизни. И невольная мысль, что живая, родная, деревенская жизнь все же очень грязна, угловата, а мне хочется крепко уснуть и притом непременно на мягкой подушке, под пушистым, ласкающим легоньким одеялом...

Родина...

Птицы, звери, растения — все тревожит меня, я в каком-то остолбении слушаю жаворонков, заливающихся над квадратами ярко-зеленых полей, по дороге на Воронцовку.

РО-ДИ-Н А!

Это надо же, канал «Российские университеты», который я никогда не включала, который теперь включила невзначай, показывает Воронеж, но я уже не могу узнать ни одной улицы, ни одного дома кроме площади, на которой стоит здание бывшего обкома, площадь Ленина. Еще узнала «Оперный театр». Но не показали гостиницу «Воронеж», в которой я так часто останавливалась. А из достопримечательностей показали драмтеатр в его сегодняшнем виде, а не таким, каким он был до войны. И с пафосом сообщили, что вот в *этом* драмтеатре ходил Мандельштам. Какой бред! Сивый мерин и тот подумал бы! Не в этот, не в этот, а в тот, который стогрел во время войны. У меня сохранилась его, театра, фотография.

Но Воронеж, каким бы его ни показывали, меня взволновал. Боже, сколько там пережито, куда больше, чем прожито!

Показывают актера в роли Мандельштама: как он ходит по Воронежу. И мне все это чуждо. Чужой поэт, чужая муза, чужой образ актера, недостоверный. А среди этой, проявившейся только сегодня мандельштамовой «чужести», я вдруг разглядела еще и измену... Он — жене. С какой-то воронежской девицей?.. Да? Неприятный образ...

Описывают с ожесточением его ссылку в Воронеж, и показывают гостиницу «Бристоль», лучшую в городе, в которой он жил, показывают ложу бельэтажа в театре, в которой он якобы смотрел спектакли, затем филармонию, где он наслаждался концертами. И все это без жены, а с какой-то Наташей Штемпель («Спи, Наташка, я не понимаю, отчего в тебе такая блажь? День рожденья отмечаем в мае, ну, а ты в июне родилась...»). Жена, видимо, не пожелала повторить «судьбу декабристок»... Может, конного экипажа не выдали? Не поехала... А Наташа? Она оказалась весьма у места.

И мой родной город, зеленый, в садах и цветах летом, зимой — в белых пышных сугробах, в лохматом инее на ветках деревьев, в синеве февральского морозного неба брачные игры ворон (летали и перелетывали тучами над крышами старых домов), — для него был обузой? Был «ссылкой»? Был местом, которое он проклинал и ненавидел?.. Не прощаю!

Тихая моя родина,
Ивы, река, соловьи...

Эти стихи Николая Рубцова так и просятся, чтобы их приложили к Воронежу, — довоенному, тихому, в цветущих сиренях и каштанах... С зеленой травой, прорастающей из-под булыжников.

А это мое — Рубцову:
Твои поля вовек безмолвны.
Но в эти северные мхи,
Как от бесшумной лодки волны,
Расходятся твои стихи.

А это так, для себя:

хаила Николаевича К. до какого-нибудь там инструкторишки, который побаивался меня, сержантика, не за должность и не за звание, а за то, что я с начальством запанибрата. К. любил, например, поболтать о литературе, послушать, как я читаю стихи, свои и чужие, тихонечко приударял за мной, но так, платонически, полувоздушно. Улыбнуться, сказать комплимент, поцеловать руку — не больше.

В Мордовии, где мы доформировались после Новохоперска, я часто ездила в Рузаевку, в политотдел, то на совещание, то за наглядной агитацией, то на репетиции художественной самодеятельности. Чего только не придумаешь, чтобы из Юрьевки, поселка, в котором мы жили, попасть в «город»! А какой там город, тротуары деревянные, дома одноэтажные. Только вокруг станции лепятся каменные, в два-три этажа. А все-таки тяга. Магазины. Кино. Много молодых командиров. Жизнь веселая. Оживленная. О войне как-то сразу забывалось. Заседлают мне гнедка и поехала я мимо мордовских деревень, по заснеженным полям в Рузаевку. Приедешь, оставишь коня у коновязи политотдела — и пошла по кабинетам — послушать да посмотреть, самой потрепаться.

Придешь к Васильеву. Он сложит бумаги и глядит без улыбки. Всегда рад. Даже смешно и тревожно как-то от его взгляда. Слишком серьезно он ко мне относился. Сразу же все дела забывал. Сяду напротив, через стол, а он говорит: «К. приказал, как приедешь, чтобы сразу же шла к нему!» — «Хорошо», — отвечаю. — «Нет, не «хорошо», а иди!» — «Ничего, подождет».

Проходит какое-то время. К., конечно же, сразу узнал, что я приехала, присылает за мной кого-нибудь. А я сижу, смотрю на Васильева, как он бледнеет, волнуется:

— Иди же ведь...

— Подождет. Ничего не случится.

Мне с Васильевым интересно, потому что он всерьез, а К., сразу видно, немножечко мельтешит, лицемерит, и я это чувствую, потому мне приятно его унижать. Выдержав характер, захожу в кабинет К. Тот начинает разговаривать, не поднимая от бумаг взгляда:

— Где была?

— С ребятами разговаривала, — для меня политотдельские старшие политруки и батальонные комиссары — ребята. Я не очень-то придерживалась субординации. Из-за того, что я пишу стихи и даже печатаю их со школьных времен, ощущаю какую-то свою собственную обособленность от остальных. Все, кто знали меня и мою внештатную должность «поэтессы», относились ко мне не так, как к другим. Всегда доброе чувство, внимательность, уважение, я привыкла к этому и ни разу в душе не усомнилась в своем призвании, а главное, в своем праве на доброе отношение.

— Ну, садись, рассказывай, как живешь?

— Ничего.

— Не очень-то обстоятельно отвечаешь начальству.

— Как умею.

И так далее. В том же духе.

Он достает из ящика стола свою фотографию, подписывает мне — «на память». Я рассматриваю ее. На фото лицо К. выглядит гораздо старше, чем в жизни, видны все морщинки, мешки под глазами и эта особенная выпуклость глазного яблока, пучеглазость, которая обычно почти незаметна.

Сидит он в гимнастерке с накладными карманами, в пилотке, с ремнем через плечо.

Интересно, кем он был «на гражданке», ведь он не кадровый военный? Но я не спрашиваю. Когда-нибудь сам расскажет, и я буду сидеть у него в кабинете, внимательно слушать, хорошо понимая, что за стеной, за дверями, расхаживает по коридору, заложив руки за спину и волнуясь, Васильев.

И мне будет весело, радостно подразнить его, посидеть здесь подольше.

О, это лучший фронтовой товарищ, —
Но не венчались, и не скажешь — «Муж».
Зола и пепел не с одних пожарищ,
Они с сердец, с кровавых теплых луж.
Так все разумно, тихо и пристойно,
Бегут года, белеет голова.
А был бы мне и добрый, и достойный,
Да не сложились нужные слова.

Стыдно? Нет.

Мне даже сейчас, спустя тридцать-сорок лет, все это не кажется чем-то стыдным, смешным. Давно умерли эти люди. Один от болезни, другой от осколка мины прямо в сердце, в первом бою. Но если бы даже знала, чем кончится это, если б знала, что доживу до конца войны, переживу уже после победы еще пятьдесят с лишнем лет и стану рассудочной и угрюмой, все равно я играла бы, продолжала бы ими играть, ибо в этой игре была сама сущность жизни, то самое, что заставляет сердце биться сильнее, что делает небо синее, а воздух свежей, что цветам придает невиданные прежде краски. Когда ты остываешь к подобной игре, жизнь становится серой и плоской.

Вместе с этой игрой, наверное, «отпадают» от твоей души и творческие, созидательные силы, начинается «бег на месте», пробуксовывание, которое завершается старостью и умиранием, этим общим, привычным, но грустным концом.

Дело прошлое, ни того ни другого я не любила, хотя Васильев был моложе К. и чем-то был весьма симпатичен мне. Но я обошлась с ним очень сурово. Мы поссорились и не помирились до самой его гибели. Только гибель Васильева, его странная смерть, почти фантастическая, за мгновение до первого боя, до изготовления к бою, за секунды до самого главного дела жизни солдата, бойца, комиссара, произвела на меня такое впечатление, что я почувствовала себя виноватой перед ним, виноватой вечно, пока буду жива. Моя ничем не оправданная жестокость и эта игра сейчас переплавились в вечную память о человеке с прекрасной и чистой душой. Душой, принимавшей все в жизни, как должное, как прямое, не знавшее ни подворотень, ни закоулков, любившей свет и не любившей тьму, а тем более, полумрак...

Если бы этим чувством можно было бы воскресить Васильева, я бы с большой радостью его воскресила...

Помню, летом 1943 года, на Смоленщине, — я тогда работала литсотрудником армейской газеты «За правое дело» и много ездила по передовой, — в одной из дивизий «свой брат журналист» прочитал мне стихи:

Великие вещи есть две, как один:
Во-первых, любовь, во-вторых, война.
Но конец войны затерялся в крови...
Мое сердце, давай говорить о любви!

Я тогда не знала, что это стихи Киплинга, не знала и других его переводов, но прочитанная строфа запомнилась сразу. Я и теперь цитирую ее, спустя столько лет, по памяти. А запомнилась она потому, что мысль, в ней заложенная, показалась мне правильной, верной.

* * *

Разбирая свои документы, всяческие анкеты, справки, «автобиографии» разных лет — для отдела кадров — в самых разных вариантах, с подробностями и без, нашла стихи военных лет карандашом:

Если вызвать на поверку
Всех любовников моих,
Будет сорок бочек с верхом
И вагончик на двоих.

Сижу и думаю: ка-акой такой вагончик? Откуда он взялся? Это потом — мягкий вагон «Симферополь-Москва», когда ехали с А.В. из Аю-Дага в последний раз...

Люблю неспешные дела,
Люблю дождливую погоду,
Люблю, в чем мама родила,
Нырять в неведомую воду.

Во славу дождя!

Налетел шумный дождь, длинный, облачный — он действительно облаком клубится во дворе, — и так все освежил.

Вот бы и в нашей жизни, в моей, в том числе, и в нашей стране шумела бы такая очистительная гроза, такой дождь.

Как давно я их жду!

После студенистого, стоячего дымного зноя так приятна омытая дождем прохлада!

Наконец-то принесли пенсию...

Прекрасно! Теперь в доме есть все: хлеб, соль, сахар, мука, масло, картошка. Сварены щи, свежие, с чесночком и помидорами. Пускай идет дождь, он охладит и вылечит мою большую голову, он и квартиру мою проветрит и освежит, и изгонит из всех углов застоявшуюся нужду, вернет мою прежнюю бодрость, а с бодростью — работоспособность... Прекрасно! Лейся, дождь, лейся, не гладь плешины наших вождей-«демократов», а хлещи их холодными свинцовыми струями, лейся, хлещи, верни им совесть!

8

Память с дыркой.

Перечисляю свои обязанности.

Вне всяких общественных и профессиональных дел, выше всех моих обязательств и выше всей моей жизни, единственное, самое дорогое — мой муж, Анатолий Васильевич Никонов. Ради него отменяется все окружающее.

Затем я сестра двух сестер.

Затем я тетка троих племянников и одной племянницы.

Затем я двоюродная бабушка двух внуков. Видимо, тоже двоюродных.

Затем я племянница неизвестно скольких оставшихся в живых дядей и тетей.

Двоюродная сестра поэтессе Ольге Михайловой из Краснодара (по мужу Евлаш).

Затем я соученица со всеми, кто учился со мной, — они меня стали вспоминать только тогда, когда я стала писательницей.

Затем все, кто вводил меня в литературу. А может быть, и они превыше всего, рядом с мужем. Редакторы, книгоиздатели, критики, рецензенты.

Затем мои однополчане. Их много. О некоторых я даже и не подозревала, что они выжили и уцелели. И самое главное, что они помнят обо мне.

Затем идут мои общественные обязанности литературного плана. Мои товарищи, однокурсники, учителя. Общежитейцы.

Затем я член редколлегии журнала «Наш современник».

Член приемной комиссии СП РСФСР.

Член комиссии по военной художественной литературе СП РСФСР.

Член совета по прозе СП РСФСР.

Член комиссии по военно-художественной литературе МО СП РСФСР.

Член редсовета издательства «Современник».

Член бюро Совета Ветеранов при МО СП РСФСР.

Зам. Председателя Совета Ветеранов 329-й стрелковой дивизии.

Я уже не говорю, что я член партии и имею в связи с этим все соответствующие обязательства.

Я не говорю уже о том, что читатели читают и даже пишут писателю.

Я не говорю уже о том, что мне много лет.

Я не говорю уже о том, что у меня есть дорогие могилы, о которых я должна заботиться.

И что пора подумать о том, как дожить в тишине.

* * *

Редко какая женщина мечтает быть человеком **хорошим**, зато все стопроцентно хотят быть красивыми.

Я веду счастливый образ жизни — не стираю, не убираю, не готовлю, не работаю, а только читаю. В каждой комнате на столе раскрыты две-три книги, и я наслаждаюсь Кнутом Гамсуном, Диккенсом, воспоминаниями маршалов о Сталине времен Второй мировой войны, а то открою Куприна, а то Паустовского. Или Киплинга. Или самого товарища Пушкина. И восторгаюсь всем тем, что знаю уже почти наизусть. Можете не завидовать, ибо даже зависть вам не поможет. Вам поможет только такая жизнь, как у меня: мое одиночество.

Поделилась бы, да не с кем,
Оглянувшись сгоряча:
Чудо белой занавески,
Чудо жаркого луча.
Чудо скромных этих комнат,
Повидавших на веку
Всех, кого страна запомнит,
Впишет в красную строку.
Но иные так далеко,
Далеко их речь и взгляд,
Что стою я одиноко, —
Не придет никто назад.

Мужество поэта...

Александр Сергеевич пишет: «И с отвращением читая жизнь мою...» И то, что он не отрекается от этой жизни, и «строк постыдных» не смыкает, дает и нам самим право судить... и его, и себя. Той же мерой.

9

Поэт, партизан, человек глубоко военный, Денис Давыдов рассказывает нам вещи, которые нам нужно знать каждому — и навсегда.

О сражении при Прейсиш — Эйлау 26 и 27 января 1807 года он пишет совершенно потрясающие строки:

«... не оспаривая священного места, занимаемого в душах наших Бородинской битвою, нельзя, однако ж, не сознаваться в превосходстве над нею Эйлавской относительно кровопролития...»

Как так?! Оказывается, есть и еще кровопролитнее, чем Бородинская! И далее:

«Более двадцати тысяч человек с обеих сторон вонзали трехгранные острия друг в друга. Толпы валились. Я был очевидцем, свидетелем этого гомерического побоища и скажу поистине, что в продолжении шестнадцати кампаний моей службы, в продолжение всей эпохи войн наполеоновских, справедливо наименованной эпопеей нашего века, я подобного побоища не видывал. Около получаса не было слышно ни пушечных, ни ружейных выстрелов, ни в середине, ни вокруг него: слышен был только какой-то невыразимый гул перемешавшихся и резавшихся без пощады тысячей храбрых. Груды мертвых тел осыпались свежими грудями; люди падали одни на других сотнями, так что вся эта часть поля сражения уподобилась высокому парапету вокруг воздвигнутого укрепления...»

Странно. Почему-то каждая новая война кажется людям страшнее войн предыдущих. Видимо, по той причине, что всегда страшнее увиденное собственными глазами.

Денис, спасибо тебе, за точность, за правду!

«Блистательный Мюрат в карусельном костюме своем, следуемый многочисленной свитой, горел впереди бури, с саблей наголо, и летел, как на пир, в середину сечи...»

Ну, что ж... и это нам знакомо.

Но вот как Давыдов описывает своего главнокомандующего:

«К нему и от него носились адъютанты: известия и повеления сменялись известиями и повелениями: скачка была непрерывная, деятельность неутомимая: но положение армии тем не исправлялась, потому что все мысли, все намерения, все распоряжения вождя нашего — все дышало осторожностью, произведениями ума точного, основательного, сильного для состязания с умами такого же рода, но не со вспышками гения и с созданиями внезапности, ускользящими от предусмотрений и угадываний. Основанных на классических правилах. Все что Беннигсен ни прикладывал, все, что ни исполнялось вследствие его приказаний, — все клонилось лишь к систематическому отражению нападений Даву и Сент-Илера, противостоя штык их штыку и дуло — их дулу, но не к какому-либо неожиданному движению, выходящему из круга обыкновенных движений, не к удару напропалую и очертя голову на какой-либо пункт, считаемый неприятелем вне опасности».

Кто напишет сегодня такое, анализируя события даже древнейших прославленных войн. А что знаем мы о войне во Вьетнаме, в Кампучии, в

странах Африки, Афганистана? Может быть, следует и здесь кое-чему поучиться?

Был в моей жизни один прекрасный вечер, на котором все говорили, что хотели, никакой столичной официальной. Еды было вдоволь, питья тоже, и люди пришли самые лучшие, — то есть те, кто захотел прийти.

Один сказал, что я, видимо, недовоевала на войне, что я и сейчас еще воюю. Это было сказано довольно точно. Хотя на войне я видела своих врагов в лицо, а вот с кем я сейчас воюю, я и сама не знаю. Одни только улыбки. Одни расшаркивания и целования ручек. А вот кто поцеловавших ручку сделал подлость, — как это увидеть?!

А еще одна молодая, милая, прекрасная женщина, — на войне она была партизанкой на Брянщине, — сказала другую прекрасную мысль. (Я-то знаю, как она любит прихорашиваться и омолаживаться...). Так вот она сказала:

«До каких же пор уменьшать себе года? Эдак, может оказаться, что мы и на войне не были. А мы никогда не отдадим из своих прожитых лет это страшное время — войну. Она с нами. Это мы победили. Это мы голодали. Это мы умирали. Неужели для того, чтобы казаться моложе, я сейчас отрекусь от тех страшных, кровавых лет? Да ни за что! Пусть я буду выглядеть в глазах окружающих совсем престарелой. Но я прожила это время. Я воевала. А те, кто моложе меня — нет...»

По-моему, это тоже военное мужество — быть прекрасной и молодой, быть веселой, умелой, певучей, энергичной, тянуть весь семейный и служебный воз, и признаться в своих годах. Да, а что же делать? Приходится признаваться, пока время не поставило свой автограф на твоих бровях, на висках, на улыбке...

А война-то была в наших судьбах. И от этого, действительно, никуда не денешься. Живи и смотри на окружающих с высоты своего пережитого, — даже если никто за это не поклонится!

Ах, война, ты, война, что ж ты, подлая, сделала?!

К нам в госпиталь 2631 привезли военно-полевую любовницу командира полка делать аборт. Я тогда была в шоке. В еще большем шоке я была, когда узнала, что не от командира она беременна, а от его адъютанта М.Е. Он приезжал в госпиталь ее навестить, а залез на печку ко мне. Другого такого «рукопашного» боя я не помню, как этот. Мишка и сам в этом признался, что такого отпора не встречал, хотя и здоров был, как бык. И зауважал меня на многие, многие годы. До самой своей смерти. Била я его, как могла.

...Вот так, обессилившая, дай, а потом тебя будут презирать. Хороша бы я была... Но я была в госпитале в «мужской» силе, занималась спортом, принимала лечебный душ, хвойные ванны, пешие хождения вдаль «за три моря». Здоровая была. Мужиков била.

Да и теперь, что мне делать? Как мне быть со своей нерастроченной силой и эмоциями?

На партсобрании в ЦДЛ:

— Оля, ты всегда одеваешься хорошо!

— А я и раздеваюсь хорошо, даже быстрее!

Да, в мире есть много великих и грозных вещей. Но любовь и война, пожалуй, наиболее грозные, страшные вещи в судьбе человека. Они могут и возвысить его, и унять, и даже — убить. Теме любви и войны я посвятила уже несколько своих произведений, но, думаю, не исчерпала ее до конца.

Мне кажется, и другие военные писатели, в сущности, не смогут «выйти» из этих двух тем, чего бы они ни касались.

Любовь, любовь...

Пускай тебе в угоду паладин
Опустошает земли,
Ты проворно
Их исцелишь,
И заселяешь вновь, —
Богиня плоти,
Вечная любовь.

* * *

Никогда не забуду прелестную уличную сценку, сразу после войны в Москве. Трамвай остановился у светофора, и я вижу часть улицы. Молодая, изящная, загорелая милая женщина в выцветшей военной форме, с погонами сержанта, вся в орденах, — а навстречу ей по той же самой дорожке, отведенной строителями — под дощатым козырьком и тротуарной оградкой — старшина, молодой, статный, бравый, с орденами во всю грудь. Дорожка узкая. Женщина сделала шаг влево, а старшина сделал шаг вправо — и они столкнулись лицом к лицу. Тогда женщина сделала шаг вправо. А старшина — влево, и они снова столкнулись. И подняли глаза друг на друга, увидели, как они оба молоды, здоровы, прекрасны — и улыбнулись, просто расцвели улыбками. И тогда старшина сильным, ловким движением приобнял свою встречную-«поперечную» и легонько перенес ее, освобождая себе дорогу. И они разошлись...

И мне до сих пор грустно оттого, что они так легко разошлись. Кто знает, может быть, все счастье жизни заключалось в этой встрече... может быть, они потеряли то единственное, что выпадает человеку лишь однажды. Может быть, они и созданы были друг для друга — и не знали об этом...

Уж остаться бы ей в его объятьях...

Теперь, когда метет пурга под Оршей,
А ветер в дверь скребется и визжит,
Припоминая прошлое хорошее,
Я все готова снова пережить...

Один известный советский поэт, не буду называть его имени, сказал, что на фронте любили фронтовых девушек, так сказать, за неимением лучших.

Но, однако, желаю задать частный вопрос, а почему же лучшие не были в то жестокое время на фронте? И чем они лучше тех, которые воевали?

Я их знаю, хваленых, с каким презрением они окидывали нас взглядом, на сутки приехавшим с Западного фронта в Москву. И шинель-то на нас мешком, и сапоги-то кирзовые на четыре номера больше ноги, чтобы можно было натянуть их на портянки. И в брюках-то мы. Но не в дамских, изящных, а в ватных, мужичьих.

А я как-то привезла с переднего края раненых в госпиталь, в Голицино. И выбежала мне навстречу сестричка, кудрявая-раскудрявая, кудри шелковые по плечам, в чисто выстиранном белом халатике, и схватила моего раненого прямо за простреленную ногу в гипсе, потащила пере-

кладывать с наших медсанбатовских, на свои госпитальные носилки. Раненый громко вскрикнул от боли, потом помолчал и говорит: «Отойди, кудрявая, пусть меня наша сестра положит...»

Для меня эти слова — лучшая награда. Я-то ведь и не знала, что уже наловчилась, «умею», я все думала о себе — недоучка, «скороварка». Нас учили-то всего два месяца, а потом, после выпуска с курсов, в тот же день — в стрелковую дивизию.

А, может быть, и не нужно слишком много знать, чтобы сразу хвататься за перебитую ногу. Нужно просто — любить? Вот тогда и научишься...

Ветки сосен трогают палатку,
На полу вповалку мы лежим.
Я тебя припомнила крылатым,
Ласковым, сияющим, большим.

И встают передо мною живо
Дни, когда была счастливой я,
А сейчас вокруг меня чужие,
Жен своих забывшие мужья.

Что мне в их улыбке торопливой,
Разве в силах я тебя забыть,
Если очарованной, счастливой,
Я могла с тобою только быть.

Что мне в них, усталых и влюбленных,
Что мне их забытая семья,
Если ты, пожаром опаленный,
Как и прежде, помнишь про меня?

Верю я в тебя, мой бог крылатый,
Наше счастье к нам еще придет...
Ветви сосен трогают палатку,
Ночь вдоль фронта по снегу идет.

Ночью наша дорога — как некая ниточка жизни, с нанизанными на нее неяркими огоньками убегающих за окном деревень.

Фары вспарывают, как ножи, тугой, плотный мрак, бревенчатой, вертикальной стеной стоит за обочиной лес, и люди, сидящие рядом в машине, становятся вдруг такими далекими, со своими загадками и глупыми, глубокими с темными тайнами. По холмам — вверх и вниз, по крутым виражам, с резким светом слепящих нас встречающих машин, пробегающих, фыркающая, как огромные, черные, серые звери.

Я сжимаюсь в комок — и смотрю, вспоминаю...

Это было зимой, в декабре, среди белых снегов и засыпанных по уши сосен и елей, и как раз на этой же самой дороге...

Свет подфарников был похож на усы, он чуть-чуть развевался на зимнем ветру и скользил, пропадая в глубоких, пробитых в снегу колеях, испещренных воронками от мин и снарядов. И за каждым слепым поворотом дороги нас тогда ждала смерть — от пули и бомбы. От вражеского снаряда. Но что несло меня — невредимой — на волне наступления: счастье, молодость, радость удачи. Я была выше жизни, может быть, потому, что сумела ее оценить, как единственную драгоценность. Рисковать своей жизнью! Разве это не вызов единственному сопернику, достойному этого вызова — себе самому!

В этом риске, в тогдашней отваге была многослойная радость, она разветвлялась. Она освещала своим ярким светом даже тусклый, безрадостный быт, даже голод, усталость, побеждала метель и мороз.

Риск, наверное, — эликсир от старения, в нем находится неоткрытый еще витамин жизнелюбия, не «второе дыхание» спортсмена, а третье — солдата, бойца.

Моя дорогая, ночная земля! Мои огоньки! Мои спящие серые сосны!

10

Жил на свете такой скромнейший, честнейший писатель — Иван Федорович Трусов. Человек невысокого роста, но широкий в плечах, крепкий, плотный, с широким же белым лицом, чуть мучнистым, с бородавкою на щеке. Лоб у Трусова был высокий, с залысинами, а волосы чуть курчавились. Говорил он всегда очень тихо, и при этом по-девичьи как-то покачивая плечами, не то от застенчивости, не то от кокетства. И при этом красивые его девичьи губы выразительно двигались.

Всегда тихий, внимательный, вежливый, он ни разу не повысил голоса, никогда не ругнулся, как ругаются многие на войне, никогда не жаловался на неудобства, а таких неудобств в нашей армейской редакции было много: жили тесно, мешая работать друг другу, питались впроголодь, вечно дым коромыслом. А он тихо сидит за столом и всегда что-то пишет очень мелким, почти неразборчивым почерком.

Помню первый рассказ, прочитанный мною в газете за подписью Трусова. Это был небольшой рассказик, на подвал в армейском нашем листке да к тому же и набранный достаточно крупно. Но вот то, что написано в этом рассказике, поразило меня.

Суть его такова. Убили фашисты хорошего парня, разведчика, которым все гордились в воинской части. И вот молодой, необстрелянный солдатик, прибывший с пополнением, однажды видит, как друг убитого разведчика выкладывает у своего товарища на могилке из стреляных гильз пятиконечную звезду. «Как красиво ты делаешь», — говорит новобранец. — «Дай, я тоже тебе помогу». И он начинает на земле собирать валяющиеся тут и там отстрелянные гильзы. А друг убитого говорит: «Ты выброси эти гильзы. Они не нужны. Вот, когда убьешь своего первого фашиста. Вот ту гильзу принеси, чтобы было чем продолжить звезду. Мои гильзы, они не простые, я по ним веду счет убитых врагов-фашистов».

Вот эта простая история, переложенная мною весьма неудачно, мне и тогда казалась и кажется теперь наполненной большим, сильным смыслом. Она поучительна не только для солдат, но и для нас, литераторов. Потому что бывают слова, как те самые стреляные гильзы, за которыми мыслится не тобою убитый фашист, а, может быть, и вообще не убитый, просто кто-то стрелял по мишеням или баловался оружием. А вот, когда ты самолично фашиста убьешь, вот тогда твоя гильза, внешне схожая с другими, неизвестно какого происхождения, латунными пустышками, тогда твоя гильза будет значить немало, в ней особый смысл, воплощенный в дело.

У некоторых наших писателей-мужчин я чувствую навязчивую грубость фразы, грубость языка: им хочется казаться народными, крестьянскими, кондовыми. Но нарочитость всегда выдает себя с головой.

Кто-нибудь, тонко льстя, скажет: «Какая прекрасная мужская проза!» После таких похвал я готова каждую фразу разложить на составляющие ее элементы, и докажу, что все это в большинстве своем — химия. Но я этого делать не буду. Я лучше напишу свою фразу, — может быть, излишне кудрявую, излишне стилизованную, излишне книжную, но я-то

ведь такая есть. Поэтому никогда не унижусь до надевания маски, до театральной подделки! Раз я такая, то и фраза такая. Иной мне не нужно.

Если я — ожерелье из кораллов, то ожерелье из булыжников мне не надо. А некоторые изображают из себя прямо валуны, прямо скифских баб при дороге, прямо целые Эвересты. А таланта в них ровно на рубашечную пуговицу. И чего это пыжатася?..

На какой-либо, самый малый, пускай справедливый упрек сегодняшний человек обижается бесповоротно. Он не хочет быть объективным — ни к своему оппоненту, ни к себе самому, но ведь страшно так жить! Как не вспомнить поэта: «Ужасный век, ужасные сердца!»

...Убиенный много
И восставый...

А я вспомнила, как «Трижды убиенный»... Русское число три — священное.

Почему-то я не то «улучшаю», не то «ухудшаю» в своей памяти знаменитые стихи. Но что Максимилиан Волошин, которого я дважды переврала в стихах о Париже, вместо слова «точно» сказала «словно», я ведь и Гумилева перевирала:

А ушедший в ночные пещеры
Или в заводи тихой реки
Повстречают безумной пантеры
Наводящие ужас зрочки...

Так ведь не «безумный», а «свирепый», вот как надо! А мне нравится «безумная»! Ибо и свирепая — от безумства. И слово звонче.

А я, видно, глупее...

Стихи Н. Гумилева о Христофоре Колумбе — это высшая из почестей. И ничего уже Христофору больше и не надо бы...

...И напрасно с кафедры прелаты
Столько обещали им наград,
Обещали рыцарские латы,
Царства обещали вместо платы,
И про золотой индийский сад
Столько станс гремело и баллад...

Все прошло, как сон! А в настоящем —
Смутное предчувствие беды,
Вместо славы — тяжкие труды
И под вечер призраком горящим,
Злобно ждущим и жестоко мстящим —
Солнце в бездне огненной воды.

Когда писатель жаждет призвания, это понятно. Но когда он претендует на звания и награды, это читателей как-то немного удивляет. Хочется и простить эту слабость в уважаемом человеке, и улыбнуться про себя, ибо, что может быть выше и лучше книги?? Ведь это же сам прозаик — или поэт — создал для себя единственный в мире, незабываемый, не похожий на все остальное отличительный знак, замечательный орден, этим орденом он награжден, как когда-то говорили, от Бога, — так чего же еще надо?

Но даже великие умы и великие характеры клонились перед общепринятым. Даже Вольтер вымаливал у Фридриха Великого ордена и подарка, на что Пушкин заметил однажды спокойно и веско:

«Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет, и что наконец независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы...»

Мне кажется, что прозаикам и поэтам нужны совершенно особенные ордена: «За усидчивость», «За многоплановость», «За эпичность», «За лиричность»...

Часто можно слышать упреки в адрес писателей, что они «ошибаются», утверждают «спорные» мысли и так далее. Но для того, чтобы изрекать бесспорные мысли, не нужно писателей, для этого нужно развести в стране побольше плохих учителей и хороших попугаев.

* * *

Ранним утром на отдыхе в Пицунде, с первыми лучами восходящего солнца, играющего бликами в набежавшей морской волне, в кустах тамариска пропел задорный голос какой-то ярко одетой человеческой пичуги:

— Извините, Ваню видели?

— Видели, видели и...

Много дней и много ночей я шла с ним рядом, плечом к плечу, полями Смоленщины, Белоруссии, Польши, Германии, аж до Эльбы...

Видели Ваню, видели...

Мы с Ваней шли плечом к плечу по исхлестанной метелями и кровавыми бинтами проселочной дороге в феврале 42 года под надсадный гул немецких бомбовозов. «Ваню не видели? Видели, видели!»

Этих Ваней, Иванов Иванычей, без вести пропавших, полегло в суглинках, в болотах, в сыром русском черноземе тысячи и тысячи.

Видели Ваню, видели...

Теперь вот слышу по радио, что разрушена церковь Ивана Воина. Это такая красавица, такая скромница, и стояла она, никому не мешая, напротив французского посольства. Неужели — французы усилием одной метафизической воли — погубили ее. Если они, то это понятно. «Бонапартийцы»!

Не поверю, чтобы у русского человека поднялась рука на эту церковь?! Не могу представить! А ведь это именно так! Сами, сами... своею собственной рукой. Неужели это русские люди? Это сволочи «неизвестных кровей»!

11

Я часто думала, каким был Сталин в быту? Как он жил среди этих скандалов и стрельбы в семье? Южный человек, кто бы он ни был, грузин ли, осетин, но ведь были же у него, наверное, женщины? Литература молчит... и вот мелким курсивом, какие-то примечания к воспоминаниям о Паустовском, Гендлин Л. «Исповедь любовницы Сталина», перевод с английского В.В. Зубрикова, другие догадки. А я думаю, у Сталина не было личной жизни. Его семья — семья советских народов, хотя в большой семье не без уродов.

Характерно для Сталина. Он хотел первым войти в Прагу, а туда лезет Паттон. Как «папа» рывкнул, так Черчилль немедленно отозвал Пат-

тона на сверку, придержал, — пока мы шли через Рудные Горы. Моя 329-я дивизия была одна из первых.

Паттона отравили в госпитале? Так же, как Рузвельта? Паттона за ненависть к СССР, Рузвельта за его дружбу со Сталиным?.. Чудны дела твои, Господи!

Борьба с космополитизмом, вероятно, была кем-то подсказана Сталину, который не сумел разобраться, какова же ее истинная причина. А «причина» шла из-за границы. Наши успехи в науке, в образовании, в промышленности были таковы, что Запад напугался конкуренции. Вот и подложили идею «легковеру», да еще припутали борьбу за власть, троцкизм и так далее. И пошло... Дьявольские идеи, и дьявольское воплощение их. На этом потеряли великое множество своих людей.

Да еще борьба Сталина с «врагами народа» тоже инициирована извне, явно подброшена вождю в нужный момент, когда он искал причины замедления строительства социализма. Вот ему закулиса и нашла «врагов», которые во всех ситуациях умеют постоять за себя. Он рубит голову гидре — вырастают три. Он рубит эти три головы, вырастают девять и так далее...

С кем вздумал бороться вождь народов? Они умещаются на конце иглы по миллиону.

В Северной Осетии памятник погибшим воинам — красавец-конь под седлом, потерявший хозяина-всадника. Впечатляет.

«Ах, война, ты, война, что ж ты, подлая, сделала?..»

Сны во сне? Или это было со мной наяву, а теперь в подсознании вспоминается?

Снаряд летит с таким воем и гулом, как будто это не обточенное и отполированное обтекаемое тело, да к тому же еще заостренное спереди, а перевернутая, раструбом вперед по ходу движения, фантастическая воронка, засасывающая в себя вместе с пространством все живое.

Вот — сейчас. Вот — и я. Вот она, эта страшная воронка, долетит — и меня... И я с грохотом взрыва, с ужасом моих разрывающихся кровеносных сосудов, мозга, сердца, в неуловимое мгновение втянусь туда и — навек, навсегда, в никогда, в никуда, в бесконечность. Я вся растворюсь в этом страшном горячем вонючем разрыве.

Но снаряд пролетает мимо — и рвется где-то далеко позади, за траншеями, на огородах. И опять закурлыкал, завыл, подлетая, другой.

В этом сне, в этом видимом мной, убивающем, жарком снаряде — и весь образ войны. Ее смысл. Ее суть. Ее все уже пережитое и все снова и снова переживаемое сегодня, как бы заново.

А еще говорят, что война есть война. Мол, окончилась, и довольно, и до свидания. Нет, война — это еще и многие десятилетия мира, они тоже съедены, тоже ранены или убиты прошедшей войной.

До войны я не знала, что такое бессонница. Лежать до рассвета с раскрытыми глазами и глядеть в потолок — занятие малопривлекательное, по доброй воле ему не будешь учиться.

Может быть, после войны, после тяжелой физической нагрузки, мне стало этой нагрузки не хватать, поэтому и бессонница? Не знаю.

Но ведь началась она не после салюта Победы. Началась она там же, еще в сорок первом, еще под Москвой, в те самые дни и часы, когда падали от усталости. Бывало, трое, четверо суток на ногах. Сперва на марше по глубоким снегам, километров 25—30. Потом по прибытии на место, а это чаще всего глухой подмосковный лес, занесенный снегом, и тебя в нем ник-

то не ждет, никому ты не нужен, никто не приготовил тебе ни жилья, ни еды, — поэтому сразу же, без отдыха, с ходу мы беремся за лопаты и начинаем этот слежавшийся снег под деревьями расчищать. На расчищенные места выгружаем имущество, тяжеленные тюки брезента для медицинских палаток, доски, колья, стекло, обмундирование, железные бочки печей, автоклавы, носилки, пачки меховых одеял, продукты, медикаменты...

Потом вбиваем колья в мерзлую землю, натягиваем брезент, устанавливаем печки. И пока работаем, пока двигаемся, нам тепло, даже когда 20-25-градусный мороз. Но как только усталость взяла свое, захотелось присесть, так тут же начинаешь мерзнуть.

Потом, когда еще не успели растопить печки, погреться, поесть, как приходит приказ: двигаться дальше. Дивизия за это время прошла на десять-пятнадцать километров вперед, и мы не должны от нее отставать. Значит, нужно гасить печи, укладывать, свертывать имущество, грузить его на повозки, на машины, а самим снова в поход по снегам. А там, на новом месте, начинать все сначала. Да еще в самый трудный момент развертывания привезут колонну машин, груженую ранеными. И тогда — разрывайся до утра, спеша, торопись, успевай поворачиваться.

Иногда без подсменки работаешь столько времени, что уже не различаешь ни ночи, ни дни, лица людей расплываются в темные пятна, как в тумане, берешь в руки шприц, а пальцы не держат, он вываливается из рук на брезентовую подстилку.

Помню, я однажды сменилась-таки, наконец, легла в отгороженном ото всех закутке на ветках елового лапника, а уснуть не могу. Кровь звенит в голове, в теле неестественная невесомость, словно я уже живу в каком-то другом измерении. Приняла одну таблетку снотворного — не берет. Другую. А сна — ни в одном глазу. Третью. Только начала засыпать, приходит комиссар батальона Румилов и говорит, что привезли раненых, что Лизунова, которая меня сменила, дежурство мне «вернет», а теперь повезет колонну уже обработанных раненых, а мы будем принимать «новеньких», перевязывать, кормить их, обрабатывать раны. Спать теперь нельзя, некогда.

Я, конечно, встала. Приняла свое дежурство от Иры. Пошла по палатке, хотя чувство невесомости, никогда не ощущавшееся прежде, пошатывало меня. С трудом добралась до железной печки: возле нее стояли складные брезентовые табуреты. Я села на один из них — и чувствую: падаю, а удержаться не могу. Больше ничего не помню.

После санитары рассказывали: упала я лицом в дрова, в лапник. И лежу. Они меня подняли, положили возле печки, в тепле, укрыли шинелью. И я проспала почти сутки, беспробудно, а они сами, одни, управлялись, все делали без меня, мои мужички, воронежские колхознички, не спавшие столько же, сколько и я, и делавшие всю тяжелую работу, как и мы, плюс еще тяжелейшую, мужскую, которую нам, девочкам, совсем не по силам — долбить землю для могил в промерзшем грунте, таскать раненых в операционную и обратно, подавать судна «лежачим», выносить мертвых...

Я хочу, чтобы человек, не видавший войны и не переживший всех ее тягот, понял хоть сотую часть того, как было «там». Теперь можно часто услышать по нашему продажному телевиденью, мол, хватит жить старыми заслугами, подумай, они воевали, сталинисты!

Да, мы воевали, как и положено каждому русскому издревле защищать свою Родину, своих близких, свою веру. Но такого глумления над воинами...

Семен — из той самой местечковой семьи человек, который участвовал в расстреле венчальной царской, этот Сеня все хорохорился в институте, неизмеримо гордился подвигом своего «пахана», а потом гордо восседал на самом виду в ресторане ЦДЛ — и всяк проходящий мимо давал ему мзду на прокорм.

Сидел важный, не каждому отвечал на поклон.

Собирать бы тебе плевки, подонок!

Какую-то технику мне вмонтировали в квартиру? Не пойму. Временами такое тихое, но явственное жужжание слышу у себя в кабинете — звук исходит не уловить откуда, из коридора или из ванной, или из входных дверей. Зуммерит такой тоненький комарик. Зачем? Кому я нужна и что я скажу вам, чудесные господа? На кой ляд вам все это? Я известный патриот своей Родины, и вы не дожидаетесь от меня никакой хулы на свою страну, на свой народ, за который я вознаграждена трижды на фронте от немецких разрывов. Посмотрите на лицо мое! А была, говорят, красавица...

А я не инвалид,
Я ветеран войны,
А что во мне болит,
Вы знать и не должны!
Иду, несу свой крест,
Держу свой путь к Голгофе.
И — никого окрест,
Один... морковный кофе.

Маленькая, тощая, с визгливым голосом. Эдакая Шибздя. И вникает во все! Все ей надо узнать, все подробности... Для чего? Для кого? Это так надоело! У нас шпионаж идет по методу «перекрестного опыления». Каждый шпик сообщает другим все что знает. А тот этому свое драгоценное достояние. Так что и пылинки не уронят.

Ходила на рынок, купила нарциссы и сирень. Все, как в Кроссене-на-Одере.

Лиловый вдовый цвет, он на моем окне:
Фиалки трех сортов и амарантус,
И небо — на закат — в лиловом волокне,
И ты придешь ко мне,
Сколь по свету ни странствуй.
Идут года. Плывут, бегут года,
А все в глазах — весна и солнечные пятна,
Все помнится: сирень ты мне принес тогда,
На Одере, в победном сорок пятом...

Сколько горьких воспоминаний о тех сладких незабываемых днях Победы!.. И дом такой уютный, и свежая рыба на сковородке — только что из Одера. И мой молодой муж Виктор, гоняющий под окном на мотоцикле. Я выглянула в окно, а он крикнул: «Прыгай!» — и я прыгнула; хоть и первый этаж, но очень высокий, дом с подвалом, на высоком фундаменте. И мы помчались по набережной вдоль Одера, — а на сковородке горели на огне рыба и олады... И вся квартира была в цветах — нарциссы, тюльпаны и гиацинты. И огромная, свирепого вида, но такая послушная Молли. Ляжет на диван, — голова на одном подлокотнике, а хвост свисает с другого.

А потом Альтес-лагерь. Банкет под открытым небом — в честь Победы... И обиженный Витька — на клумбе, с двумя Иванами — справа и слева, в тюльпанах, на свежеполитой весенним дождичком земле... Спит хмельной и сердитый, оттого, что на мой день рождения приезжал генерал, член Военного Совета, поздравить армейскую поэтессу. Взревновал.

Я не от чарки захмелею
И не от чаши круговой,
А от того, что я не смею
Сегодня снова быть с тобой.
Кто разлучил? Зачем поссорил?
Зачем уже который год
Ту, нашу недогад мусолит
Какой-то хитрый идиот.
Я знаю, ты меня жалеешь,
И я жалею о тебе,
Но отчего же ты не смеешь
Все повернуть в моей судьбе?
Уходят, улетают годы,
Но не забыть Победный год,
Когда средь бурь и непогоды
Свершился этот поворот.

Виктор — «мозаичный» человек. В нем нет ничего цельного. Вот, какжется, любит... И вдруг какая-нибудь удивительная гадость. Одна Беложевская пуца чего стоит. Тогда медперсонал жил в деревне Витово, а солдаты — в землянках, в лесу.

Скажешь: «Витя, проводи меня, я боюсь идти по лесу». А в лесу, действительно, бродили оголодавшие окруженные группировки фашистов. Ответ: «Хорошо. Ровно в шесть».

И вот — шесть часов, семь и далее. Я уже и на ужин опоздала, и устала уже. А он к утру, натешившись, выползает на белый свет: «Пошли!»

Какое белое чудо стояло в мягком ворсе хвоинок у нас над головой. Слово белое облако, словно нечто немислимое из области фантазии и ума.

Просмотрели...

Какие деревья! В каком удивительном белом убранстве, что там брусельские кружева! Вот уж скорее — вологодские...

В тихом инее лес наш белый,
И деревьям — не двинуть рукой.
Отчего я одна, оробелая,
Не могу обрести покой?
«Как сегодня деревья прекрасны!» —
Скажешь ты, идя не спеша.
Но зачем замедлять напрасно
Все равно разлучающий шаг?
И красивой седой головою
Нам сквозь иней кивает олень.
Расстаемся навеки с тобою,
В безразличность, в снегу — до колен.

Опять чей-то голос на улице:
— Извините, Витю не видели?
— Видели, видели!
— Витю?

— Видели.

А я и не вижу. Как не жил на свете...

...Молодая, живая, веселая Ира Щеколдина стала прабабкой. Это только подумать!

Так и я была бы... если бы да кабы...

В первых числах февраля выпал глубокий снег. Ветер так завывает, что закладывает уши.

Получили приказ выступать.

Несмотря на сбивающую с ног бурю, двигаемся вперед, по направлению к какой-то малоизвестной станции, только-только оставленной фашистами. Когда стемнело совсем, обессиленные, остановились. Короткая передышка.

И снова идем и идем, пошатываясь от усталости. В обратном порядке. Те же самые ямины, те же кострища. Те же срубленные деревья, которые всего день или два назад мы утаптывали в грязь своими сапогами.

Вечером, на месте старого привала, разожгли в лесу костер. К нам подошел генерал, он уселся у костра, разговорился с нами, шутил. Потом протянул руку и сказал: «Давайте знакомиться — я генерал Петров». Впервые я так близко увидела командующего фронтом. Он мне показался усталым и довольно суровым. Я долгое время была под впечатлением от этой встречи. И не знаю, каким образом генерал оказался в лесу, один, без сопровождающих. Почему так шутил? Ведь на фронте-то в те дни было не до шуток...

Есть такая пора для моей памяти: вспоминать все, что было именно в сегодняшнее число — до войны, на войне, в институте, в моей жизни с А.В. и потом, далее.

И вот 3 марта 1942 года — село Передел. Наконец-то я, после февральского ужаса, опять в своем медсанбате, в остатках его... в остатках дивизии... Встреча с воронежцами.

12

С грустью думаю о прожитой жизни. Открою письменный стол, а ящики забиты рукописями стихов, авторскими экземплярами моих внутренних рецензий для разного рода издательств, а особенно для «Воениздата», «Советской России», «Молодой Гвардии», а также для приемной комиссии СП РСФСР.

Вот, например, стихотворение, посвященное моей боевой подруге Лиде Терещенко от 1942 года, поселок Износки.

Ночь сегодня звездная, густая,
Гул артиллерийского огня...
Милая, курносая, простая,
Вспоминай хоть изредка меня!

Вспомни, как сражались под Можайском,
Батальон наш вспомни боевой,
А потом — баян, и голос ласковый,
Звезды января над головой.

Фронтовые жаркие недели,
Им в дыму над Родиной лететь!
Чуть коптит светильник самодельный,
Раненные стонут в темноте.

Я не знаю, по какому краю
Ты теперь идешь среди бойцов,
В памяти твой путь я повторяю,
Вижу вновь курносое лицо.
Стихнет бой, друзья опять найдутся...
Где бы ты, родная, ни была,
Знаю я, что наши — не сдаются,
Молодость погибнуть не могла!

Начну читать — и поражаюсь, почему это все «втуне»? Почему это лежит в моих бесчисленных архивах? Я столько советов давала «молодым», столько подсказок делала, а теперь? И я никому не нужна, и под-сказки мои обернулись против меня — «молодые» повывлазили в «великие», расселись по креслам и возненавидели всех, кто их учил, и кто им помогал. Ни один паршивец не вспомнил, как я его вела от книги к книге! Да, такие «удачливые» и не вспомнят, а те, кто сидит на «тронах», они и подумать не могут, что кому-то обязаны. Они твердо верят своими чугунными мозгами, что обязаны только себе, своему таланту. И пишут в своих литературных «забавах» — «вставка больше, чем жизнь». Что за вставка такая? Зачем мудрствовать и исказить знакомое словосочетание. Оскудели остроумием? Эхе-хе!

А я обязана Борису Глебовичу Пескову, Роману Павловичу Бабийчуку, Федору Васильевичу Гладкову и, конечно же, Константину Георгиевичу Паустовскому.

Перечитываю...

Алексей Толстой в романе «Эмигрант» употребляет много сложносо-чиненных прилагательных. Вот одно из них: «жирноносое лицо». Нельзя сказать, что это верх литературного изящества, но как пример поиска, эксперимента, пожалуй, это допустимо. По этому принципу можно стро-ить и собственные неологизмы. Там же, в «Эмигрантах», он говорит: «Во-шел небольшого роста, красивый, неприятный человек». Какая прелесть, как жизненно точно...

Два слова у Василия Шукшина прямо из золота: «Жратеньки» и еще — «Утютюсеньки». Или вот у Пушкина: «На свете счастья нет, но есть покой и воля»... Свобода и воля... Воля, которая выше свободы. И чело-веку иного языка этого никак не понять. Велик, могуч наш русский язык... Велики и служители его.

Ты не слышишь сладкой музыки
Материнского языка...

Даже очень талантливый писатель должен иметь в ряду очень хоро-ших своих произведений хотя бы одно выдающееся, поднимающее его над всеми остальными писателями: по идее, по красоте и по человечности.

У Леонида Леонова — это «Русский лес», у Константина Паустов-ского — «Золотая роза», у Ивана Тургенева — «Записки охотника», у Ни-колая Лескова — «Очарованный странник», у Льва Толстого — «Война и мир», у Бунина — «Жизнь Арсеньева», у Алексея Толстого — «Аэлита», у Чехова — «Дама с собачкой». И так далее...

Среди иностранцев? Взять, к примеру, Мопассана... Я бы назвала его рассказ — «Папа Симона», у Кнута Гамсуна «Пан», у Киплинга — «Три солдата», у Олдингтона — «Все люди — враги», у Хемингуэя — «Фиеста». И так я могу назвать многих и многих писателей... Субъективно? Навер-ное.

Но все человечно.

Я так много теперь перечитываю за отсутствием нового, что это уже превращается в переживание пережитого. Нет, не в переживании пережеванного, нет, нет! На новом этапе — и в новом качестве.

Кроме новеллы «Дочь Лилит» у Анатоля Франца все — чисто французская лобуда.

Теперь берегитесь, мои учителя!

Хотелось бы чувствовать себя бодрой, здоровой и... любить — кого-то еще неизвестного мне, еще просто выдуманного, специально для стихов, золотоволосого, гордого, которого так сладко оттолкнуть и унижить:

Ненавижу блеск осенний золотых твоих волос,
Никогда их на рассвете мне ласкать не довелось.
Ненавижу взгляд вдогонку, улыбающийся дерзко,
Ненавижу голос строгий, что звучит немного резко.
Разбежись по жилам речек, голубая кровь земли,
Чтоб скорее снял ты с пристань, лебедята-корабли,
Чтобы волны, с ветром споря, были губ моих нежней...
Милый мой, на дальний север уезжай ты поскорей!

Вот это любо-оовь!

Как сказал бы один мой соседский мальчик лет четырех от роду: «Ну и коме-е-едия!»

А вот так написала — и теперь не умею исправить. Стихи словно вылились прямо из сердца, голова тут, наверное, ни при чем. И живут неподвластно мне, самостийно. Или, как теперь говорят, автономно. Они проливаются на бумагу, как дождь из промчавшейся тучи, — и рядом с какой-нибудь полновесной дождиной, блистающей, яркой, в коротком полете летит и бесцветная, тусклая капелька, может, даже пылинка, водяная туманность. Но и яркая, и туманная — все равно без усилия, без участия автора. Просто где-то в груди срабатывает какое-то удивительное устройство, и я ночью записываю в тетради:

По разбегу, по разгону узнаю идущий поезд,
И таблички на вагонах подтверждают, что «Стрела».
Ты проходишь по перрону, точно солнечная повесть,
Запыленным полустанком жизнь былая проплыла...

Да, вся страна тогда ехала куда-то строить в тайге заводы, осваивать Север, корабли уходили в далекие плавания, и все это будоражило сознание, что ты нужен своей стране. Среди этих людей, вероятно, бродил и Он, которого я не знала.

Я писала Ему.

...Пережила в одиночестве праздник Нового года, Пасху. А теперь Первого Мая не одинока. Вдвоем. Но кто скажет, когда мы одни, а когда с кем-то вместе? В иные мгновения, — как на Северном полюсе. Среди белых медведей. Даже — скорее на Южном. Хотя теперь и Южный, наверное, перенаселен.

Ну, скажем, на льдине, оторвавшейся от родных берегов и плывущей по дороге в никуда.

Стало казаться, что музыка, книги, картины, огромные города, с их миллионами жителей, специально созданы для того, чтобы отъединять одного человека от другого.

Даже слушая Чайковского или Рахманинова, ты уходишь в себя и

молчишь, не смея нарушить торжественное пение скрипок. А что говорить о джазе в ночных барах, где визжание саксофона и грохот ударника подобны огромной, кипящей реке, и ты с собеседником на разных ее берегах. Закричишь во весь голос, а кто услышит?..

* * *

Море так же красиво и многообразно, как и ковыльная воронежская степь.

Море никогда не бывает одинаковым, однообразным, то яркое, блестящее, то серое, темное, но чаще бутылочного зеленоватого цвета, оно тянет меня, как магнит, от берега, туда, к горизонту, где кончается обыденность.

Вот и пляж позади паутинистой линией, и фигурки людей уже словно игрушечные, и солнце так мягко дробится, слепит, катится с волны на волну.

Ты плывешь — и тело твое эластично вжимается в голубую, а то желтоватую, в прозелень, в теплую влагу, тает в ней, такой ласковой, обнимающей душу. И пора бы назад, и невольно уже опасаться: а хватит ли дыхания на обратный путь? Но не можешь остановиться. Море влечет тебя все дальше и дальше, оно как бы само помогает тебе уходить в синевато-сиреневую бесконечность.

Но волна уже с белокурым гребнем, с лихим перехлестом. Она мощно, с величием поднимает тебя сразу и несет вниз, сорвавшись в мрачную бездну, где пахнет смертью и госпитальным йодом...

Но в теле звонкость и жажда движения, ритма. А случись что, ты, наверное, и не заметишь, как растворишься в соленой, непроглядной темноте, в пучине, где даже русалки и те не водятся.

Однако, пока ты живой, жив и трезвый, и жизнерадостный голос в тебе кричит: «Вернись!»

Но все как будто бы сговорилось против тебя: и волны все крепче, и ветер уже рвет дыхание, и берег далеко-далеко. Тело сразу же теряет подвижность, и паника охватывает тебя. Но вот и берег!

Лежишь на камнях, облитых веселым, диким и хмельным рассолом. Лежишь, словно вынутый из сетей оглушенный дельфин...

А глаза опять и опять жадно тянутся к слиянию синего и золотого.

Ах, какой поэт! Какой поэтический дар! Читая эти стихи, схожу с ума...

С.Н. Арбениной

Я молчу — во взорах видно горе.
Говорю — слова мои так злы!
Ах! Когда ж я вновь увижу море,
Синие и пенные валы.

Белый парус, белых, белых чаек
Или ночью длинный, длинный мост.
Позабыв о прошлом и не чая
Ничего в грядущем, кроме звезд?!

Видно, я суровому Нерее
Мог когда-то очень угодить,
Что теперь — его, и не умею
Ни полей, ни леса полюбить.

Боже, будь я самым сильным князем,
Но живи от моря вдалеке,
Я б, наверно, повалившись наземь,
Грыз ее и бил в слепой тоске.

С каким ожесточением эти последние дни были отданы морю — до синей кожи в пупырышках. Закаты мы встречали на горном перевале, где остро пахло выжженными травами и далекие синеватые вершины, с пятнами серого снега, с зелеными, словно изъеденными плесенью боками, казались особенно красивыми в этот поздний вечерний час.

После моря. На следующем по радости месте — Дон. Возле города Новосоленовска. Там, где ныне Цимлянск. Там тогда еще не было гидроузла и плотины, а только клубился хвостами мазутного дыма в пойме Дона энергопоезд, еще только тянули свои женственные шеи к вечерней звезде порталные краны, и Дон был прозрачным, прогретым, струящимся, как расплавленный, превращенный во влагу, ласкающий шелк.

Ах, какая я была,
Лед ломала и плыла...

Так пелось в воронежской нашей песне.

Да, многие реки оставили в душе след, ни с чем не сравнимый: Днепр под Оршей, изрытый снарядами берег Вислы, Одер, со взорванными мостами, и весенняя, в первой зелени берегов, неудобная, мутная Эльба. После них Сейм, заросший кувшинками, или та же Протока с ее желтой жижей, несущейся с бешеной скоростью прямо к Азову, были чем-то родным, — хотя бы своей непохожестью на военные реки, окрашенные кровью.

Но Дон был особый — своей тишиной, и пасущимся рядом стадом...

В траве стрекотали невидимые кузнечики. На осыпающих семена растениях все еще грелись разноцветные бабочки и белесые мотыльки. На тропинках, почти не пугаясь человека, дремали ящерицы: они тоже вели свой календарь, на котором осень желтыми красками отмечала последние теплые дни.

Медвяно и как-то глухо дышали татарники, а кисти винограда, разошедшегося по крутым каменистым склонам, были сладки и пьянили воздух...

Как красива в своей первобытности, в яркости красок примелькавшаяся всем бузина! Она очень декоративна, с изогнутыми ветвями, такими извилистыми, с наплывами на стволе, с резным, ярким, сочным листом и пунцовыми кистями ягод. Вокруг бузины какие-то сорные травы, растения без названий, неприметные, блеклые, а сорвешь — и потянет лесным ароматом, потечет млечный сок. И каждая травка — как слово из грубого, нежного и пластичного деревенского языка.

Осень — дождь-мокрохлест, незрячие белые очи тумана, запах тлеющих листьев в больших дымных кучах и свежий, тугой, как бы плотный на ощупь аромат еще не лежалых антоновских яблок.

Почему-то, когда я держу в руке такое чуть-чуть желтоватое крепкое яблоко, мне всегда вспоминаются деревеньки недалеко от станции Анна — и старый бревенчатый дом с верандой и клумбой, с кустами сирени. От скрипучих ступенек, ведущих с веранды, начинался большой старый яблоневый сад, с аллеями лип, делящих его на квадраты.

На рассвете я просыпалась от звука гулко стучающихся об землю антоновок. Солнце чуть пробивалось сквозь плотные золотые парчовые што-

ры, освещало узоры ковра на полу и старинные переплеты пожелтевших от времени книг. Здесь когда-то жил старый писатель, и все сохранилось, как было при нем. А мы, молодые, живущие здесь в это лето, с криком бегаем по аллеям, по комнатам и веранде, как в собственном доме. Мы росистыми утрами подбираем в траве желтоватые яблоки, еще очень кислые, твердокаменные, но такие душистые, уже сбоку пригретые августовским ласкающим солнцем.

Поздними вечерами хорошо было уходить в открытую степь и слушать долетающие откуда-то издали гудки паровозов, крик совы, стрекотанье кузнечиков. Звезды падали, кажется, прямо в ладонь, и все были яркие, крупные, как бываю лишь в юности, в детстве.

В эти ночи, при виде бесчисленных звезд и кренящегося ковша Большой Медведицы, я ощущаю в себе какие-то новые чувства: неизлитую нежность ко всем окружающим людям. Жажду счастья, мятежную жажду движения. Я томлюсь, я скучаю, мне на память приходят тревожные строчки:

Воздух над нами чист и звонок,
В житницу вол отвез зерно.
Отданный повару пал ягненок,
В медных кувшинах играет вино.
Что же тоска нам сердце гложет,
Что мы пытаем бытие?..

В самом деле. Зачем в нас это тайное беспокойство, эта тяга к еще неизведанному, отвержение тишины и как будто бы застоявшегося благополучия? Какой маленький хитрый бес шепчет на ухо, подстрекает уйти этой темной дорогой в степи. Но... зачем и куда? Разве после с тоской мы не вспомним об этих беспечных кузнечиках, об антоновках, об уснувших просторах?

...И всего через год по стране шла сухим чернопалом война. Вместо звезд, вместо яблок уже падали бомбы, а вместо кузнечиков стрекотали пулеметы.

Бытие мы пытали свинцом и огнем — и всегда, ежедневно, и ежесекундно убеждались в его хрупкой стеклянной непрочности, непрочности елочных украшений.

13

В Москве тоже — осень. Дождь. Вся земля в золотом ковре листьев — вязов, кленов, берез...

Есть что-то значительное, трагическое в обнаженных, черных сучьях деревьев. Слово все опавшие листья за многие годы и все клейкие, коричневатые, с пробивающейся зеленью, и все птицы, сидевшие на этих ветвях и певшие песни, и все ручьи, звеневшие у подножья весной, все сложилось и отпечаталось в сумрачном небе какой-то извилистой, ломаной, выпуклой линией. Так в складках у рта на лице человека иногда отпечатываются все надежды, и все страдания, и все радости, и все обиды, и все, что в жизни скопилось неразделенным, неотданным другим людям, а замкнулось в себе, навсегда, до конца. Лаконизм этих линий тем острее, чем я больше живу. Потому, что я тоже невольно что-то вкладываю от собственного своего горя, — добавляю к уже пережитому деревом, к этим черточкам и морщинкам на лице незнакомого мне человека. Я об этом не знаю, я только догадываюсь...

Шла по переулку, дождь. Это потому, что я стирала белье. Еще не было дня, чтобы я стирала, и не пошел дождь. Почему? С чем это связано, с какими силами? Не понять...

Торговки цветами и в дождь не покинули своих мест.

Сидят под шатрами листвы, в незабрызганных полукружьях матовой серой пыли; кто на скамеечке, кто прямо на земле. Перед ними в оцинкованных ведрах, в банках, в коричневых пластиковых кувшинах нежнейший в мире товар: ярко-красные, бледно-желтые, белые и розовые розы, неразвернувшиеся, чуть взбегающие огоньки по стеблю оранжевые, темно-алые гладиолусы. Георгины всех видов и форм. Сладко пахнущие земляным теплом мохнатые флоксы, — их сиренево-розовые и белые шапки привлекательны только издали, а вблизи все они отчего-то неряшливо смяты. Может быть, от того, что цветки, составляющие эту пышную шапку, расцветают неодновременно. И так же неодновременно увядают: одни еще свежи, упруги, а другие уже побледнели и сморщились, утратили свою шелковистость, красоту. Так и люди...

Узамбарская фиалка радует мое сердце и глаз. Еще ни один комнатный цветок не жил так долго «вместе со мной» и не цвел так обильно. Ежедневно около десяти лиловых крупных, глазастых цветков! А ведь я и не удобряю землю и не ухаживаю за ней. Только поливаю комнатной водой. Вот и все. А так радует меня это прекрасное растение, как милая подруга.

Еще я люблю комнатные цветы лианы, их у меня несколько сортов, и все вьются и все глаза радуют и душу лечат.

Вербена и лепестки левкоя
Мне и сейчас, зимой, все не дают покоя.
Их сладкий аромат, их тонкая душа
Витают надо мной с улыбкой, не дыша.
Но не вернешь назад ни лета, ни весны,
Остались мне одни лишь вдовьи сны.

Мой учитель, большой специалист М. Нейштадт пишет, что жасмин, он же губушник, цветет былыми цветами, иногда с желтоватым оттенком, обладает сильным приятным ароматом. Но я лично знаю, сама видела, сама рвала букеты жасмина белого, с запахом, и жасмина желтоватого, декоративного, так называемого «восковника», запахом не обладающего. Это два разных сорта.

Кареопсис, бархатцы оранжевые — цветы Мексики... У крестьян простые, грубые лица, монголоидные, Даже странно: Мексика и Монголия!..

Я всегда покупаю темно-алые розы.

Это с детства во мне мотовство. Не хлеба купить, а цветок. Обязательно розу. Непременно пунцовую, почти черную в глубине, — но все же и не черную, а просвечивающую на солнце густой темной кровью своих сладостных, пряных соков. Бутон я прикладываю к воротнику платья из неотбеленного полотна. Платье мне великовато, но оно с ручной старинной вышивкой, а главное — заработано мною, куплено не на семейные деньги. Мне 16 лет. Это первая моя заработанная плата. Вернее, плата за страх девчонки-школьницы, написавшей и напечатавшей, — чтобы вы думали? — стихи о любви.

Маленькие стишата, а платье большое, на вырост. Оно чистое и наглаженное. Мои волосы тоже чисто вымыты, они паутинятся, липнут к бровям. И мне так хорошо, и так весело...

Жить бы этой одной светлой, доброй июньской зорькой, — но ведь

есть и другие, грозовые, холодные ночи, и январские звездные, и февральские вьюжные, и предмартовские пуховые от белого, белого снега, как бы чем-то подсвеченного изнутри, — ожиданием счастья, весны, возвращенной любви и юности, что ли?..

Златоглавое время!

Мои сестры привезли из Воронежа в Каменную Степь выражение: «Королева Безле».

Долго я думала, что за странное имя у королевы, и всегда именем этой самой неведомой мне королевы почему-то обзывали меня. Потом догадалась. Без «ле»! Означает «корова». А я-то думала, что я стройная, я изящная...

Ничего, голод 30-х годов всех нас поравнял!

Если бы моя мама не была библиотекарем, причем очень знающим, талантливым, я, наверное, никогда бы и не знала, что такое — стихи и как их пишут. Но не единой мамой были наполнены дни и ночи моей юности. Они были весьма многогранными. Ночью при свете керосиновой лампы я читала книги, а в школе, пригнувшись под партой, перечитывала рукописные «хулиганские» песни. В коридоре на большой перемене сама сочиняла частушки, унижающие того, в кого я была влюблена. Такие тексты и вспоминать — не вспомнишь!

Так легко мне жилось, полусироте и полностью нищей, так весело. Я так много шутила, смеялась, так все схватывала на лету от других, что считаю вот эти предпоследние и последние годы перед войной для себя лично самыми плодотворными. Я не помню, когда я спала, я читала ночами, я писала стихи, я стояла возле ворот с провожатými почти до самого рассвета... И все успевала делать, и все удавалось, и я не загадывала ничего — все ясно!

* * *

Женщина, наша соседка, выйдя из роддома, посвящала меня в тайны человеческих отношений, так, что я мысленно остолбенела от удивления, но виду не подала и важно кивала: «Да, да...»

«Ах, так вот что происходит между мужчиной и женщиной, о, Боже! Как это мерзко!» — думала я и отворачивалась от женщины, чтобы та не заметила, какое у меня на лице выражение. Я еще не знала ничего, но что-то мысленно дорисовывала, прибавляла, и мне делалось страшно. Нет, нет! Только не я! Я не сделаю такой гадости никогда! Я вообще никогда никого в жизни не буду любить. Если только в жизни это называется любовью...

Я вежливо попрощалась с женщиной и ушла.

Лежа в постели, закутавшись в одеяло до подбородка, я тихо и грустно вздыхала, так, что мать даже спросила:

— Что с тобой?

— Со мной? — удивилась я, как будто сорвалась на землю с высокого дерева. — Со мной? Ничего. — И добавила грубо. — А тебе какое дело, чего я вздыхаю!..

И мать промолчала, обидясь и растерявшись.

Как я потом жалела об этом!

Все оказалось в жизни не так...

Дом Книги...

Священный алтарь на седьмом этаже. Прощеный день. «Люби, покуда любится. Терпи, покуда терпится. Прощай, пока прощается, и бог тебе судья!»

Разве будет когда-нибудь мой город прежним? Мои друзья? Подруги? И сама я разве когда-нибудь, как прежде, буду веселой, беспечной. А если задумчивой, грустной, то опять же девической светлой сладкой грустью, еще не таящей в себе воронку несчастий.

За окошком шел дождь сероглазый,
А в квартире было темно.
Я увидела..., вздрогнула. Рядом
Кто-то встал под мое окно.
Я склонилась цветком осенним,
Словно ветер меня сломал.
Он уже шагал по ступеням
И улыбкою светлой сиял...

Как восстановить стихотворение, забытое за давностью лет? Это 1940 год. Я приехала из дома отдыха «Эртелевка», чтобы посмотреть, нет ли мне писем из Подольска. Они были очень важны для меня. И вот я дома... На один день. И вдруг — гость...

Как-то там было...

Только дождь в широком окне.
Я спокойно ему сказала,
Что совсем он не нужен мне.
За стеною скрипка визжала...

О, Господи! Как же, как же?.. Что-то такое:

...Я увидела бледность щек.
Он с ужасной жалкой улыбкой
Снова в сизый туман ушел.
.....
Он ушел по-детски заплакав,
По ночам уж не снился мне.

Толя Живоглядов! Жив ли он после этой смертельно пуржистой осколками военной зимы?

Что же все так тускло и серо!

Поэт ленив, хоть лебединый
В его душе не меркнет день,
Алмазы, яхонты, рубины
Стихов ему рассыпать лень.

14

А.В. — Александр Васильевич Никонов недаром работал в журнале, в котором была веселая, многообразная рубрика «Пестрый мир». Он и сам тоже жил этой пестрой, веселой жизнью и с полным правом мог бы сказать: «Я земной шар чуть не весь обошел».

Ездит, ездит где-то, а я тоскую...

И вот появляется на пороге. Зимой. В самый лютой мороз. А в руке огромный букет живых цветов, незнакомых мне. Ромашки? Нет, не ромашки. Лепестки у цветов крупные, всех расцветок радуги. Георгины? Нет, не георгины. Мой первый вопрос:

— Что это?

— Герберы...

Так я узнала, что такое герберы из Варшавы, и полюбила их.

На официальных приемах, банкетах, букеты составлены из герберов, очень крупных ромашек, почти неразвернутых гладиолусов, снежной ягоды, хвои, колючек и каких-то корявых, безлиственных веток.

Из Амстердама и тоже зимой — это еще в те времена, когда в январе-феврале в Москве никто и нигде не выводил и не продавал цветов, — он привез мне черные, с кружевными краями, ажурно-сквозные тюльпаны. Дух захватывал от такой красоты. Крупные, густо-черные колокольчики, вернее, целые колокола в нашем семейном храме.

А однажды...

Это была целая ветвь дерева, вся усеянная оранжевыми плодами в твердой, сухой кожуре, вонючими, ну, как в общественном туалете на вокзале. Как он привез ее, эту ветвь, минуя таможду, не знаю. Как вез из Малайзии этот запах?.. А еще улавливается запах лежалого прелого чеснока. Признаюсь честно: я испуганно отшатнулась. А он весь расцвел в своей доброй, широкой улыбке, сказал:

— А ты попробуй!

Брезгливо решила попробовать.

На вкус это было нечто странное, невообразимое — смесь клубники и ананаса, ничего-то еще, такого вкусного, ароматного, ощутимого только тогда, когда ты уже тронешь губами белую мякоть.

— Что это?

— Мангустина...

Уж сколько я за свою жизнь прочитала, уж сколько слышала всякой всячины, а об мангустине не слышала ничего.

А он мне рассказывает, что в сезон поспевания мангустины весь народ, все жители этой страны в походах и деревнях, в хижинах все едят мангустину. Это, как моровое повetrie. Чем она привлекает людей? Задумался: «Мангустина, однако!»...

Как все повторяется! Один юморист пишет, как он вез кому-то в подарок головку вонючего сыра, и что из этого получилось. Другой пишет, как он вез плод джак, и что это был за запах! Я же ничего не припомню смешней и страшней малазийских мангустинов.

А.В. — княжич, царевич.

Да, царевич...

Не везет царевичам на Руси!..

Царевич Дмитрий, зарезан в Угличе. Царевич Алексей, расстрелян в Екатеринбурге. А сколько еще царевичей? На всех хватило бы!

Вот открыла страницу, а там такие стихи!

Мария Вега:

Твое присутствие со мной, твоя рука в моей,
И, если холодно зимой, я не прошу: согрей.

Ты знаешь сам, без слов поймешь — ведь ты неизменим,
Ты ледяную дрожь уймешь дыханием одним.

Опять спокойно и тепло, ты видишь, я смеюсь!
Твое плечо — мое крыло, я под него забьюсь.

Я буду ждать с тобой вдвоем, чтоб ты сказал: теперь
Пора в дорогу. Что ж, пойдем?.. и распахнется дверь

Последняя... А что за ней лежит и ждет меня?...

Моя рука — в руке твоей. «Иду!» — откликнусь я.

Боже, пошли мне мужество и терпение в эти страшные дни одиночества, уже полного, совершенного... последний близкий человек уходит. Ушел...

Ездили они с Сергеем Павловым в Чехословакию зимой. А там, после заседаний, пригласили их на традиционную охоту. Со всеми ее ритуалами и условностями — с загонщиками, с рожками. Одели всех чуть ли не в старинные кафтаны, а А.В. обрядили в телогрейку с чужого плеча и дали ему «ружжо». И вот он и стал единственным на охоте охотником, который этим незнакомым ему «ружжом» подстрелил сразу двух зайцев. Погнался за двумя! За что был наречен «королем охоты».

Наломал себе ноги на мерзлой пахоте, и без того больные, но куражу было много. Весьма все довольны, а он, а он... Уж как был доволен!

Сейчас нашла эти фотографии в ящичке книжного шкафа, посмотрела. Идет маленький росточком, худощавенький С.П. Павлов, потом Ганичев, потом чехи и сбоку — мой муж.

...Они с Павловым и на кладбище рядом.

Ушел.

Но... он был! Счастливая я женщина!

Как-то верно сказал о прожекторах, что они, подобно «дворнику» на ветровом стекле автомобиля, протирают и протирают лучом синеватое, темное небо. Художник...

Соседи сожгли какое-то кушанье у себя на плите, запах гари дошел аж до моего кабинета. И сразу же вспомнилось — жду гостей, на кухне посуда горой, я жарю оленину, рябчиков, и вдруг откликаюсь на звонок телефона, а что-то на сковородке у меня горит.

А.В. открывает дверь своим ключом, еще на пороге оценивает обстановку, и так серьезно, так печально мне говорит:

— Дымочадцы...

А после фильма о жирафах, бегающих по африканской саванне, он, весело рассмеявшись, сказал:

— Смотри, смотри! Эйфелева башня бежит!

А завтра — с... Все эти дни, дни нашего счастья. «Память, память, ты рукою великанши...» Толечка, ты слышишь ли меня? Ты чувствуешь мою боль?

Война, люди не могли укоротить мою дерзость, мою жизнерадостность. Меня укоротила смерть Анатолия Васильевича, ненаглядного Толи. Мои долгие, черные годы одиночества...

Теперь навсегда.

Уже двенадцать горьких лет!

Помню, как я испуганно и отчужденно, — под взглядами посторонних людей, стоявших вокруг могилы, три раза ткнулась губами в холодный мертвый лоб Анатолия, и как сразу же отшатнулась. Лицо его, хотя и бледное, было прекрасно, и мне показалось, что Люда и дежурный врач ошиблись, и он не умер, теперь он согрелся на солнце и приходит в себя. Вот это думалось! Вот за это меня и запрятали в сумасшедший дом. К этому, мстительно и жестоко без конца возвращалась и возвращалась с допросами врач-психиатр. Не иначе — сама сумасшедшая кобра.

На поминки А.В. в «Молодую Гвардию» с кладбища мне никто не позвонил, туда поехали Сергей и Танька.

Я этого Ганичеву никогда не прощу.

Танька жила с А.В. три-четыре года — и сколько ему горя и бед причинила, а я с ним прожила четверть века, и меня вот так — подленько — отмели!

(И тут же стихи, необычные, странные, авторство неизвестно — А.М.)

Говорили мне, что в прошлом веке
Невзначай на кладбище забрел
Некий старец, математик некий,
Взглядом камни серые обвел
И сказал: «Кощунствовать не буду,
Но берет меня, простите, зло —
Почему из **меньшего** повсюду
Вычитают **большее** число?
Что за несурaziца такая?
Или впрямь с вершины неземной
Кажется кому-то жизнь людская
Отрицательной величиной?
Нонсенс! Боже! Глупость! Не приемлю!»
Полыхнул огнем из-под бровей
И пошел домой, стуча о землю
Палочкой профессорской своей.
Был он чудачком, как говорится,
Но и мы, пожалуй, чудачки,
Ведь и нам не хочется **смириться**,
Логике железной вопреки!»

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
ПРАВЛЕНИЕ

7 августа 1986 г.

В МАСТЕРСКУЮ РИТУАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ
МОСГОРИСПОЛКОМА

Прошу в возможно кратчайшие сроки изготовить гранитное надгробье Никонову Анатолию Васильевичу (1923—1983 гг.).

Заказчица — его супруга Кожухова Ольга Константиновна, известная советская писательница, участница Великой Отечественной войны, лауреат Государственной премии РСФСР им. Горького, премий Ник. Островского и Министерства обороны СССР.

Заранее благодарю

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР,
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

ПОДПИСЬ
Сергей Михалков

* * *

Я думала В.Т.С. — мыслящий, лишенный предрассудков человек, а он такая же зануда, как и его жена. Даже странно, что он нас с Анатолием не преследовал. Может быть, Кочемасов не разрешил? Но, когда я увидела В.Т. в Ялте, в Аю-Даге, мне он показался не только ехидным, но даже враждебным к нам. Ну, и черт с ним! Вижу свет в его окнах, но спокойной ночи ему не пожелаю...

Раньше было очень много гостей, приходили к мужу писатели, композиторы, актеры... Был в нашем доме Юрий Гагарин. Часто бывал пер-

вый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов, он умер. Сейчас, если перечислять друзей, то почти все умерли...

Бывал у нас Солоухин. Уже нет Володи Солоухина. Зияющая рана в душе — его смерть. И все я видела страшные очертания в его лице. Мы встретились в ЦДЛ, и я поразила исказившемуся его лицу, и как он весь распух и отекает...

Божественная Анна Андреевна пишет: «И белые нарциссы, и красное вино в бокале плоском»... Это, как у меня. У меня тоже есть такие бокалы и нарциссы на столе. Бокалы — чудо хрустальное. Они высокие, длинные, а другие короткие, плоские с нарезным пояском.

Сколько вечеров они стояли на белой, накрахмаленной скатерти, рядом с цветами, рядом с фруктами, рядом с рябчиками, индейкой на блюде, рядом с форелью, с маслинами, сыром, и с ломтиками ананаса...

Век был железный...

Академический Государственный симфонический оркестр. Дирижер постарел, постарел. Лицо в таких резких морщинах. Вместо белой манишки рубашка черного атласа. По моде... Гляжу, четверть века я знаю его. Нет, побольше. Наверное, лет тридцать назад была встреча с Элеонорой Беляевой, с Анатолием Беляевым, а Володя Федосеев тогда дирижировал этим оркестром. Владимир Солоухин водил нас с А.В. в Колонный зал на симфоническую музыку. Где Беляевы? Живы ли? Где Галя Беляева? Разлетелись от демурагана...

А Володя Солоухин на облачке...

Приходили в гости: Проскурин, космонавт Титов, художник Илья Глазунов и многие другие известные люди.

Приходил ко мне мой первый муж генерал-полковник Виктор Васильевич Волков. Мы с ним вместе прошли всю войну.

Как фронтовичка, я привыкла, что есть друзья. Много друзей...

Приходил Вячеслав Дугин, актер театра Вахтангова, друг детства.

Приходил Сергей Сергеевич Кожевников, ленинградец.

Приходил Ал. Ал. Полищук, главный редактор журнала «Вокруг Света». Мы с ним ездили на кладбище в Кунцево к Анатолию Васильевичу, потом я одна поехала на могилу к маме в Долгопрудное, наверное, утвердить себя как «кандидата».

Правда, около года подряд приходил редактор, который не столько редактировал, сколько обедал. Это Владимир Викторович Сякин. Мне вернули из «Октября» мои рукописи, которые были взяты В. Сякиным для того, чтобы что-то выбрать. Он не стал утруждать себя выбором, оттащил все в журнал «Октябрь», а там и черновики, и дневники, и чего только нет. А на одной папке надпись синим карандашом почерком Сякина: «Справки по делу О.К.», то есть меня.

Где-то, когда-то на меня заводили «дело». И Сякин по этому делу давал справки... Как главный знаток и главный шпион... Ого-го! Это да-а... вот новость, так новость...

В книжке, когда-то подаренной мне уральской писательницей, нашла записку Вл. Сякина. Он делал заметки для себя, или же это был конспект доноса, не ведаю. Но В.В.С. записывал сведения о моем характере и как я работаю над текстом, по много раз переделываю, вроде бы сознательно замедляю работу над книгой? Ужас, ужас. Аж сердце захолонуло. Вот это привет с того света!

Ужасное двоедушие! Работая со мной, Сякин каждый день говорил мне: «Талант! Талант!», а сам писал доносы первому секретарю Союза

Простуженная, больная, непрерывно чихаю, но сижу, работаю, тороплюсь: надо сдавать рукопись. По столу, по креслам, на диване разложены книги с закладками, черновики, блокноты.

А.В. зашел ко мне и сказал:

— Изба-чихальня.

Прочитала:

Декабрь, а над городом дождик,
Покрылись ледком тротуары...

Это открылись мне мои воронежские полудетские стишки. Здесь, в Москве, всегда, кстати, гнилая зима...

Володя, мой гость из Эстонии, долго-долго распутывал тоненькую золотую цепочку от кулона, которая имеет свойство то и дело запутываться самым невероятным способом. Отдавая, сказал:

— На, несчастье мое!

Я чуть не заплакала. У нас с мужем тоже было в ходу выражение в этом роде.

— Горе мне с Вами, Анатолий Васильевич, — говорила я ему о каком-нибудь пустяке.

А Володе ответила сквозь слезы:

— Я теперь ничейное несчастье. И горе ничье.

15

Я и счастлива, и несчастлива одновременно. Несчастлива оттого, что без А.В. А счастлива... наверное, оттого, что одна. Уж ежели без любимого, то одна — это счастье!

Мне так нехорошо и от круга друзей — и от круга недругов. Круг друзей истончается, иссякает, как ручей в знойное лето. Время действует безжалостно. А те, кто еще живут со мной рядом, такие же нищие и больные, такие же несчастные, как и я. А круг недругов все таинственней, все уже...

Тяжело сознавать, но можно устать и от прекрасного. Не буду объяснять, что именно я имею в виду. Но в жизни я много раз уставала от обилия превосходного, хорошего, даже очень хорошего. Прелестного. Прекрасного. Ибо я должна быть с красотой вровень.

«Будет дождик серенький, как сито...» Это не требует от меня никаких усилий, чтобы понять и прочувствовать так, как если бы это именно я сидела в Париже, в мансарде, и увидела внизу, на улице двух русских офицеров...

Дождик серенький, как сито... Он же из моей бедной юности, из моей неразделенной любви. Из моей некрасивости, уродливости и гордыни. И проходят все мимо меня, не задерживаясь — в пустоту, в неизвестность.

И сколько дождей, и сколько снегов...

Уже несколько лет одно дерево во дворе, загубленное морозами, очень медленно, постепенно, но все-таки «оживляется». С каждой новой весной все больше листы на нем. И она все гуще, все больше новых ростков на ветках. А рядом — погибшее совершенно. Но наша домоуправительница не отчаивается. Говорит, что оживет и это.

Может быть и я «оживу»?..

На задумчиво-неподвижных тополях молодая листва, еще клейкая, влажная, такая невинная и нарядная, пахнущая свежестью, что хочется

сорвать с ветки листик и раскусить, ощутить в себе эту сладость весны, эту горечь...

«И каждый вечер, в час назначенный...» — летит в самый зенит родной мой кубинский самолет (не с острова Кубы, а из поселка Кубинка под Москвой). Летит, как стрела, все выше и выше, как в песне... Помахала бы платочком, да ведь не увидит...

Все думаю о Т., как бы сложилась у нас жизнь? Да, наверное, все-таки не сложилась бы. Он — весь рывок, весь бросок. Все обрывисто, резко — и речь, и мысли, и чувства.

Бог, сам Бог послал мне А.В. С его дивным благорасположением ко всему живому, со «спокойным спокойствием», — ведь есть же, бывает же спокойствие показное, сделанное, выработанное годами, а это — естественное, как равнинная река в разливе... И вся его внутренняя теплота, доброта и его ненавязчивое, но такое врачующее внимание, во всем, во всем, до мелочей...

После смерти Анатолия я сперва превратилась в старуху. Потом, минуя взрослый возраст жизнерадостной женщины, стала диким, задиристым, глупым подростком. Потом — неумелым и робким ребенком. Боюсь, что мне предстоит и еще одна фаза «развития наоборот»: превратиться в ничего не значащего эмбриона, с которым расправится нож безжалостного хирурга, именуемого Вечностью.

Три было любимых у меня. Один любимый совершенно спокойно смотрел, как я ухожу от него, и не от фронтowego уже, а от домашнего, мирного равнодушия. На фронте-то он был не таким...

Другой любил и был любимым, но умер... А третий даже не стал ни о чем говорить. Пожил восемь лет и дело с концом. Вырвался на волю, как дончак-стригунок. И у него не возникла даже такая мысль, а как ей живется? О чем она так печалится, кто радуется ей? Какое ему дело до меня!

Только А.В. один перед смертью спросил сочувственно: «Как ты будешь жить без меня?» И ответа уже не услышал, простого ответа, но горького. Даже горько-соленого.

Улетел...

Он погиб оттого, что я по случайности догадалась — и по наивности открыла ему тайну рождения его матери. Она не Семеновна, она Саввовна, внебрачная дочь Саввы Морозова, миллионера, от гувернантки-француженки. Вон сколько кровей намешано! Такие семейные тайны в годы революции надо было скрывать. И стала Елена Саввовна Семеновной, вроде бы отец из крестьян, мать вроде бы ткачиха Морозовской мануфактуры. Муж, офицер, перешедший на сторону большевиков. А вот сын Анатолий настоящий пролетарий, хотя все выдавало в нем тайну рождения: благородство его внешнего облика органически сливалось с благородством облика внутреннего. Он был музыкален, полиглот. Острейшая память и хватка — и все на лету. Чистый Савва! И эта ужасная молчаливость, как у моего отца, тоже хранившего тайну своего рождения.

А.В., узнав про себя такое, почему-то замкнулся и запил.

Александр Блок с удивительной прямоотой, с обнаженностью чувств однажды сказал:

Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине...

Уместно подумать и сопоставить: а что же страшнее, безысходней на свете — топить отчаянье в вине или жить с этим отчаяньем в душе с ясной, трезвой и все понимающей головой? Какая пытка лучше?

Что предпочесть?..
Мир праху твоему, любимый!

А я вжилась в лесную свежесть,
Дышала запахом лугов,
И свежесть превратилась в нежность,
А луг ромашковый — в любовь.
Теперь стоит тот лес безмолвный.
И без тебя. И без меня.
По лугу бродит бык комолый,
В костре зола. И нет огня.
Я больше не вдохну прохлады
И аромата жгучих трав..
Мне ничего теперь не надо.
Я не права. И ты не прав.

Дивный Поленовский пейзаж — берега Оки в рыжих лесах и проплешины теней от белых, кипельных, облаков. И широта горизонта.

А ведь этот лес для кого-то, наверное, глухо замкнут и чужд, откровенно враждебен!

Для кого-то навек остаются ненужными эти бело-медвяные и золотые поляны, на которых так весело покачивает свои ажурные веточки живокость, несущая на себе рогатые рыльца лиловых цветков, или венерин башмачок, — единственная орхидейная в средней полосе России.

А как долго можно стоять и рассматривать серебристо-сиреневые, как бы связанные на спицах из крученых шелковых нитей изящные шапочки дикого чеснока, розоватую скабиозу и резной, узколистый, так и брызжущий соком, молодой молочай! Все сплелось здесь, на желтых прогалинах в лесу, все пригрелось на солнце и дышит глубинным, земным ароматом, а когда ты идешь, так и льнет к тебе, тянется, так и вьется, совсем как живое...

Этот лес для меня — потерянный рай.

Я теряю его на целую осень, и зиму, и на долгие наши холодные весны. Только лето одно, короткое, словно промельк, суждено мне бродить по откосам оврагов над старым изрытым торфяником, по тенистым холодным тропинкам среди кружев орешника и бузины, по отмелям у заросшей камышами реки.

Вот лесная тропинка, ведущая к дубу.

Дуб стоит на возвышенности, отойдя от собратьев, и любит вид на луг и на реку, извивающуюся внизу, едва различимую за кустарником и деревьями. Тут всегда солнцепек, у подножия его, и всегда свежий ветер, и белые венчики крупных ромашек, и фригийские васильки, пряно пахнущие и колючие, с шершавыми стеблями.

Целое лето здесь, в лесу, и у дуба, все цвело, зеленело.

Из-под ног выпрыгивали кузнечики. С цветка на цветок, как крохотные целлулоидные вертолетики, перелетали стрекозы. Где-то тонко и нежно пела пеночка по прозвищу «тоньковка».

Мне она почему-то всегда напоминает Японию и буддийские пагоды, увешанные по краям скатов крыш серебряными колокольчиками. Чуть покачиваясь на ветру, колокольчики вот с такой же печалью вызванивают мелодию, от которой становится вдруг до горечи одиноко. Я даже не знаю, как они называются по-японски, эти маленькие певучие существа, серебряные или из бронзы. Оканэ? Суидзо?.. Нет, не знаю.

А у нас они называются «пеночка». На сосне, как на стройной красивой пагоде, уходящей в небо уступами темных ветвей, их великое множе-

ство, этих птиц, наполняющих лес той же самой мелодией, от которой становится горько и одиноко.

Сырая тропинка, где осклизлая, а где в тонких, зеленых и словно бы губчатых мхах, ведет через лес, по гребням холмов, когда-то, наверно, в доисторические времена, окаймлявших огромную, необозримую реку, — но, видно, давно уже отошедшую и погасшую в пойме.

Лес и справа, и слева уже перезрелый, в седых наростах мха и лишайников, внизу сучья у сосен и елей засохли без света, сплелись серо-хвойной преградой. Здесь завалы, чащобы, забитые мусором ямы: когда-то поблизости здесь проходила война, здесь была линия фронта. Но рядом с окопами — ландыши. Они радуют глаз. На сырой плодородной земле стебли ландышей выросли крепкими, длинными, кисть унизана сверху донизу круглыми горошинами ягод, вдохнувшими, вобравшими в себя этот свежий насыщенный запах. Среди сочной травы, среди кустистых ландышей пробиваются и еще какие-то травки, кружевные, ажурные, все в мельчайших, как точки, белых цветочках. Здесь другой аромат, тоже сильный, но больше медвяный, чуть-чуть душноватый, даже затхлый немного. Он так крепок и силен, что если сорвать эти мелкие, в брызгах цветков воздушные, расторопные метелки и поставить их в вазу, то в комнате надо сразу же открывать окна: начинает болеть голова. Пчелы, бабочки, осы, шмели так и вьются, так и жужжат, так и стараются приложиться к этой горьковатой сладости.

Вот слева большая куртина разросшихся папоротников. Они как павлины — хвостами играют на жарких прогалинах и лужайках зелеными удивительно яркими листьями.

Вот береза. Она всем стволом своим изогнулась над тропкой, как белый, чистый рушник над воротами в грядущую жизнь. Там большая поляна со старым дубом-сторожевником. И сразу же останавливаешься, потрясенный необычным простором, шириной чуть наклонного к юго-западу овсяного поля, торфяников и лугов, уходящих куда-то далеко, далеко. За лугами — река, невидимая, но угадываемая за грядой кустарников. За рекою, на той стороне, как бы отраженные в зеркале, такие же точно поля и луга, и холмы, поросшие лесом. Там большое село со старенькой, ветхой церковкой и колоколенкой, с серой, пыльной дорогой, едва различимой в дрожащем, рассеянном, сонном мареве.

Километров за тридцать отсюда обзор.

А небо такое прозрачное, что оно, как увеличительное стекло, расширяет пейзаж, приближает его, придавая всему, что находится в центре, объемность. В то же время приглаживая, удаляя какие-то купы деревьев, стога и людей, как бы сплющивая их по краям.

Под старожилым дубом растет земляника, встречаются белоголовые лесные шампиньоны, дождевики, но чаще можно встретить брошенные бутылки и огромные, словно ведьмины знаки, седые кострища: это Мамай погулял, то есть, нашенские туристы. Вон они бренчат бестолково на гитарах, выщипывая, как занозу, тягучую мелодию, в грязных, измятых, как будто нарочно запачканных шляпах, с растрепанными бородами — это парни, а девушки в шортах и в брюках, подстриженные под хулиганистых мальчишек, с вульгарными, хриплыми, прокуренными голосами, с рюкзаками за спинами, отчего они издали странно похожи на тощих двугорбых верблюдиц.

Эти Мамаи бродят по дорогам. Не видя полей и лугов и берез на полянах: каждый смотрит под ноги идущего впереди, с лица градом катится пот, рюкзак давит плечи. И глядя со стороны, невольно думаешь: что

гонит этих людей по дорогам, какие беды? И какие огромные не растроченные молодые силы еще не нашли себе применения? Отчего так упорно идут эти парни и девчата вперед, что их привлекает в эти тихие, неистоптанные края, неужели любовь к природе?

Если это — любовь, то зачем же любить таким диким способом, оставляя позади себя на стоянках, на всем протяжении пути огромные кострища, бутылки и мусор, пни от срубленных сосенок, изломанные кустарники? Если это естественное любопытство, то чем же оно полноценно удовлетворяется на ходу, наскоком?

Сегодня весь день в лесу кричат дети, звучит музыка, сигналият машины. Птиц сквозь эту суматоху не слышно. Они отлетели куда-то. Или замертво притаились от страха, укрывая своими крылышками птенцов.

Да, когда-нибудь он настанет тот судный день, час расплаты, когда будем радоваться не спиленным кубометрам идущих на лесопильню березовых или сосновых или кедровых бревен, а живому, священному дереву, украшающему золотую от солнца поляну: «О, смотри-ка, какая береза красивая! Под стеклом. И табличка: руками не трогать! А мне хочется прикоснуться к стволу, он такой шелковистый. Можно, мама?» — «Нет! Нельзя, сынок. Это ж редкость... Последнее дерево на земле».

Как-то мне довелось заполнить одну шуточную анкету в сорок с лишним вопросов. И там было все: ваш любимый цветок, ваш любимый писатель, ваше любимое домашнее животное и так далее. В общем, целая энциклопедия привязанностей и симпатий моей души, вся ее подноготная.

И, конечно, любимый цветок был ромашка. И, конечно, любимым животным была лошадь. Хотя их, любимых, у меня все же трое: лошадь, собака и кошка. Но лошадь всегда впереди, ей особое, главное место в моей биографии, в моих нежных чувствах.

Еще было опрошено о любимом мной дереве. И я, к удивлению хозяйки анкеты, выбрала лох. Не березу, не яблоню и не дуб, а вот это не всем, вероятно, известное деревце, серебристое, все дрожащее от малейшего дуновения ветра, в длинных острых колючках. В конце мая, в начале июня желтоватые, блеклые, очень мелкие цветочки этого дерева, похожие на золотые, душистые звезды, пахнут медом, каким-то таинственным ароматом, тягучим и горьким, и вся крона, гудящая пчелами, серебрится, как светлое, легкое облако. Там, в зеленом раю моей юности, в Каменной Степи, все посадки обсажены по краям этим лохом. (В Средней Азии это дерево называют джида). И я помню его и цветущим, и голым, и в маленьких серебристых плодах, очень терпких, морщинистых, чуть мучнистых и совсем не мясистых, а кожистых, но достаточно сладких, чтобы мы повисали на дереве, цепляясь одеждой и обдирая все руки об острые, слегка выставленные под листовую шипы.

Лох всегда был со мною. Он рос и в Воронеже, в сквере, на площади Павших Борцов. Он рос у отца, на Кубани, в болотистых, ржавых посадках, по дороге к реке, и мы всякий раз, возвращаясь с купанья, любовались его пышной, серебряной кроной, вдыхали волшебный ее аромат. Я встретила лох даже в Марьине, осенью. Он стоял, старый друг, на окраине леса перед ярко-зеленой, цветистой лужайкой и, казалось, меня не узнал, без единого плодика, без ягодки, весь сухой и колючий...

Может быть, за колючесть я его и люблю?

Светлый облик его ни с чем не сравнится. Весь корявый и замкнутый, недоступный, он, наверное, рожден только лишь для степей с этим узким листом, с этим маленьким, крестиком, желтым цветком, со своим арома-

том, чем-то схожий по первому впечатлению с круглым, жестким, корявым, колючим, но маленьким шаром осеннего перекаати-поле: почти родственник, брат, только лишь не несетя по ветру.

Серебристый ковыль, серебристые листья лоха, серебристые, чуть розоватые веточки гонимых по ветру пушистых шаров — под безрадостным, серым, насупленным небом...

Пункт пятнадцатый: ваше любимое дерево?

Лох.

Не простоватый русский мужичонка, прозванный говорливыми «успешными» людьми «лохом» за свою неказистость и простоту, а дерево.

Да, напрасно я жду, что кто-нибудь пощадит и моего любимого лоха, и эти сосны и ели, эти заросли бересклета и речку с ершами и плотвичками. Под пластиковым солнцем будет ярко и ядовито зеленеть полихлорвиниловая трава, и с белых ромашек, искусственно изготовленных из нейлона, будут вспархивать бабочки с электронными устройствами внутри и на крыльях. Совсем, как живые! И дождь будет капать на землю, такой теплый, парной, совершенно дистиллированный из небесной душевой установки. И снег ляжет белый, бесшумный, совсем не холодный, лохматыми хлопьями из поролона и стекловолокна. И все будет тихо, спокойно, почти как в раю. И люди будут прогуливаться там, где позволяет счет в банке. Счета в банке мертвые души...

А пока замолчала музыка, пойте, птицы! Славьте небо и землю, пока они есть. Вы лечите природу и человека лучше любых лекарств и ученых врачей, вы вселяете радость, — к сожалению, недолгую, хрупкую, но такую живую. Я люблю просыпаться на синем рассвете под ваши журчащие и лепечущие голоса...

И вот они: задумчивый голос пеночки, и гулкое бульканье лесного голубя возвращают снова в утраченный, было, дух единения с заповедными чащами, с тайными тропами, с колыханьем золотистых орешников и прозрачной, пленительной белизной «цветиков-самоцветиков».

Вот уедут по осени дети, которым положено ходить в школу, умолкнут транзисторы, перестанут лаять на проходящих собаки, как некие домовые, выскакивая из-за оград с напружиненными хвостами, и до самого заморозка будет вызванивать в тишине этот нежный задумчивый голос: «Тень-тень-тень...», но какая уж тень, когда низкие серые тучи валом валют с востока и с севера, обкладывая все небо, наползая на дуб, на вершины деревьев и даже на крыши далекой деревни мокрым ватным пологом.

«Тень-тень-тень...». А, может: «День-день-день» или «звень-звень-звень»?

Может быть, эта птица опять обещает возвращение лета, зеленое, молодое, бессмертное?

Я гляжу, как прибитые ветром, никнут травы с пустыми иссохшими сумками: семена давно вытекли, разлетелись по земле; лишь полынь да пустырник топорчатся вдоль дороги, да кое-где радует глаз белизной своих мелких цветочков лекарственный тысячелистник.

Для природы бессмертия — в смерти...

Вот то самое, что для меня важнее всего! Вот такими тропами шли мы с А.В. к Вертушинке и от нее. И нам горизонты сияли из-за пелены облаков. Это было сорок три года назад.

Ему стихи:

Разлапистые перистые листья,
Как шелк волнится спелая трава,

А я б хотела в облако вселиться
И слушать только Божии слова.
А я б хотела на твою могилу
Смотреть, смотреть со звездной высоты
И вспоминать, что было, что не было,
Лишь только б это был единый ты.

Жизнь меняется на глазах. Но меняется не постепенно. Не плавно, а рывками, с какими-то завихрениями.

На моей памяти, — да, я помню это отлично, хотя и была тогда еще ребенком, — крестьяне в воронежских деревнях пахали сохой, зерно рассеивали рукой из лукошка, одеты они были в домотканые порты из сурового полотна, в яркокрасшенные паневы, в зипуны и поддевки, на ногах — онучи и лапти. В избах не было радио, электричества, зажигали светунец. И при мне же воронежский паренек Анатолий Филипченко «съездил» в космос при помощи умной, все умеющей и все ведающей электронной машины...

Но меняется жизнь и в других направлениях.

Вот шоссе пересекает поля и овраги и какие-то совершенно безлесные деревеньки. Пейзаж самый серый. Но он сер не потому, что невзрачен и беден с точки зрения эстетики. Хотя это тоже в нем есть. Он сер от бесчисленных стад домашних гусей, пасущихся на лужках, на жнивье, у прудов, у загложших речушек. Впечатление такое, будто вся земля покрыта серым гусиным пухом. И невольно припоминаются поэтичнейшее, есенинское:

«Может, вместо зимы на полях это лебеди сели на луг».

Здесь, однако, не лебеди. Гуси! И не вместо зимы, вместо осени. Возле беленьких. Подновленных или выстроенных недавно домов — стада в тридцать, пятьдесят, сто голов гусей. Вид поэтому у луговинок, у травы перед домом неряшливый, воздух полон шипения и скрипучего гогота. Сады по холмам вяло никнут под тяжестью яблок, но и листья деревьев в летучем пуху.

Это радостно, это приятно, и невольно желаешь: пусть будет на свете единственной эта серость, с ней-то можно и примириться!

Но уже не миришься, что нет диких гусей на лугах, что нет лебедей, что исчезли, наверное, все до единой, степные красавицы дрофы. Я их помню, больших, неуклюжих, почти не взлетающих, а убегающих от человека. В тот год, как степь распахали, дрофы сразу исчезли. Помню щук, на быстрине по оврагам, тяжело, как-то грузно выплескивающих из воды почти на полметра. Помню стаи, — тогда говорили «станции» — пролетающих журавлей. А какое великое множество уток оседало у нас на болотах, по балкам и на старом пруду в камышах и осоке! Все лесные посадки, все кустики по степи, вся трава на многие километры вокруг хутора, как какой-то огромный котел, клокотал, кипел от бесчисленной дичи — галдящих, щечечущих, кричающих и чиликающих. Вечерами то снова захохочет, застонет во тьме, то щелкнет, рассылет хрустальные трели степной соловей.

Да, если бы счастье размножалось простым делением клеток, как просто, как радостно было бы жить! Тогда можно было бы надеяться, что если сегодня счастья немного, то завтра его обязательно станет побольше, а уж там через месяц, а тем более через год так и всем будет вдоволь хватать улыбок.

Но вот лебеди... Дикие гуси... Счастье...

Ну и что, что сегодня второе января? Я не просила январь торопиться, могла бы прожить всю эту зиму в каком-нибудь сереньком, мокреньком ноябре. «Скачет баба задом и передом, а дело идет своим чередом». Утро, как вчерашний вечер. Полдень, — как утро. Вечер, как полдень. И так день за днем. Никаких перемен. Просто денег становится меньше, возраст больше, а жизнь короче.

У нас в подъезде поставили «железный занавес», samozапирающуюся дверь, тяжеленную, действительно из железа, и к ней «домофон»... А я не могла присоединиться к нему, так как не было денег. Теперь вынуждена «гостей» ждать в подъезде, чтобы открыть им дверь. Вот дура!

Что делать с домофоном?

Дорогая для меня игрушка в 15 тысяч рэ. Впереди трата на продолжение подписки, квартплата, увеличившаяся в четыре раза, отсутствие одежды и обуви, нужны смягчающие мою бессонницу и боль в голове лекарства, плата за услуги уборщицы, купание, продукты...

Ну, заведу я домофон — и будет пьяный дурак с десятого этажа меня преследовать сигналом, петь «серенады». Я ведь еще и из-за него не делала никаких устройств на дверях, ибо он все всегда мгновенно «постигал»: открывал закодированную дверь, снимал ее с кода и вламывался в квартиру. Ну, и снова здорово? Только деньгам трата. А их так мне не хватает! И вот теперь, из-за него «сидю на плитуре».

Кто-то украл у меня батумский бисерный красно-черный узорчатый кошелечек с батумскими же перстнями с бирюзой, с литовским колечком с янтарем, со старыми золотыми часами. Кто же, как не этот вражина? Гад. Чтобы ты подох, мерзкая сволочь!

И.Н. — холодок затаенной враждебности. Ну, это все вершит ее «сопровожающий». Он не побоялся даже на глазах у всех украсть мои 50-летние Победные часы с веткой лавра. Он уже ничего не боится. Интеллигенцию можно резать, колоть, она и не пикнет. Ко всему приучили.

Безумно болит голова. Смешались мигрень, две контузии и вмятины на голове от ударов, когда «мальчик» Сереженька убивал меня.

Он, Сергей, крал святотатственно. В зеленой фестивальной коробочке лежала прядь волос А. В., срезанная у него, когда уже собирались закрывать крышку гроба, и лепестки от пионов нашего свадебного букета. Начихать ему на любовь отца, и прядку волос украл. Бог его покарал — и не зря!

Дурашливый, когда шутит. Грубый, когда недоволен. Деспотичный, когда ему что-то нужно. И всегда доволен собой, своим здоровьем, могучестью. Своими связями, положением в «тени».

Нет, шутки его весьма неприятны, связаны с «исчезновением» вещей. То мой паспорт исчез. То золотые часы. То деньги. То кулон, тоже золотой. Ножечки, пилочки для ногтей и т.д.

С ужасом осмысливаю новую реальность — все мои беды не от Сергея, как такового. А от Марии Ивановны Никоновой и от Мани. Это ужас. Это предел. Дальше нет ничего. Это они им руководили, его направляли на кражи.

Вот дождь.

Вот и не поедем на кладбище, и не пойду я никуда даже по делам — не в чем. Сапожки украдены. Что делать?

А лето нынче насморочное, ледяное. Парк промозглый, сырой. Ели

хмуру качаются под порывами ветра, и их длинные хвойные лапы свисают неряшливо, как полы окопной солдатской шинели. Даже сквозь оконное стекло ощущается промозглая сырость земли и холодная неупругость помертвевшей и жесткой травы, прибитой дождями.

Одиноко и неприятно и на улице и на душе.

И что самое главное, жизнь, прожитая в одиночестве. В ожидании возвращения никогда и ни чем не окупится, — ведь никто не восполнит мне этих утрат. День насыщенный, полноценный, и день, прожитый в пустоте, как во сне, одинаково старит, а недели разлук превращаются в белые пряди волос, в молчаливость, в привычное неумение улыбаться, в угрюмую, даже несколько диковатую медлительность мыслей.

«Я теперь скупее стал в желаньях...»

Наверное, нужно много увидеть в жизни дурного и многое пережить, чтобы перестать желать себе счастья, оставаться к нему равнодушным и не ждать, что оно где-то снова засветится впереди, как холодное, зимнее, мерзлое солнце.

16

«Похвалюшка!» — скажет кто-нибудь, не знающий меня.

Помню вечер в Доме Журналиста, А.В. и с ним два товарища стояли на крыльце, встречали меня. Я подъехала ровно в восемь ноль-ноль, как и договаривались.

Один из товарищей сказал:

— Ну и ну!

Еду в Японию. Договорились с моими попутчиками, членами делегации, что встречаемся в 6. 00 в аэропорту.

Я прибыла в 6. 00, а попутчиков нет. Стою волнуясь. Прибыли! И чуть не опоздали на рейс.

Точно так же на протяжении нескольких лет в назначенный час, не минутой позже, приезжала на приемную комиссию СП РСФСР. Иногда даже на несколько минут раньше: заполнить счет, подписать рецензии.

В армии и в институте у меня не было часов, но была военная точность, которая осталась со мной навсегда.

Сегодня мне опять вспоминается юность, война, март 42-го года. Мы в селе Передел, на Смоленщине. К нам в санчасть заходят два летчика, у одного из них разбиты в кровь руки. Я ему перевязываю расплюсченные пальцы. Он рассказывает, что летали они «в окружение», разбрасывали листовки, их подбили. С трудом перетянули самолет через линию фронта. Идут — и не знают, действительно ли сели на свою сторону, или все же у немцев. И вдруг видят плакат: «Да здравствует 24-я Годовщина Красной Армии!». Обрадовались. Спасены!

После ужина один из летчиков, тот, которого я перевязывала, говорит: «Оля, пойдемте, погуляем, я не могу спать...». И мы пошли. Ходили только возле домов. Кругом горы снега, рыхлые сугробы.

Смеялась... Читала ему стихи.

Мне хочется сказать тебе такое,
Такое тихое и, может быть, простое,
Товарищески — нежное любя...
Но как, скажи, мне разлюбить тебя?
На свете много новых городов,
Огромных неизведанных краев,

Средь нашего грохочущего века.
Скажи, как отыскать мне человека?
В каких краях, в каких полях сыскать,
Чтоб нежное, хорошее сказать?..

Об этой встрече остались такие строчки:

Ничего таинственного нет
В том, что тени бродят возле дома.
Ты положишь в кожаный планшет
Карточку девчонки незнакомой.
Может быть, встречались на войне?..
Впрочем... Где-то видел... Под Смоленском?
Ничего особенного нет.
За стеною грусть гармошки венской.
Кто-то хлопнул дверью — и ушел.
И затихла жизнь в раздумье комнат.
Может, это даже хорошо,
Что умеют прошлое не помнить?

И еще такое:

Ничего бы особого не было,
Да случись — самолету упасть...
Два высокие сына неба
Мимоходом зашли к нам в санчасть...

Николай, так звали летчика, был очень тронут. Он целовал мне руки. Потом он мне тоже читал стихи, свои собственные. Вот как сошлись два поэта на узкой дороженьке!

Вернулись домой мы очень поздно, замерзшие. Я так до утра и не уснула, переживала эту странную встречу.

...Потом он прислал мне письмо со стихами. Потом приехали механики ремонтировать самолет. И они рассказали: Николай еще много раз летал в окружение. Перед тем, как ему приехать к нам за самолетом, он с задания не вернулся...

А он тогда взял у меня займы немного денег:

— На, бери! — сказала я. — Зачем мне здесь деньги? Лишь бы ты был живой и здоровый.

— Я их не верну, не отдам. Пока не кончится война. И, знаешь почему? У тебя есть мать, сестры, есть родственники, их у тебя много. И все они молятся за тебя, чтобы ты вернулась живой и невредимой. А у меня никого нет. Поэтому я и не отдам тебе долг, чтобы ты помнила и молилась за меня, если меня убьют, то пропадут твои деньги... И ты будешь помнить обо мне.

Что можно было ответить на это? Неунывающий парень. Мы хохотали с ним целый вечер.

...И кого я ни вспомню теперь, все — погиб да погиб... что же это была за война такая? На полное истребление!

Как же я?.. Почему я осталась жива?

Подготовка к публикации Аркадия МАКАРОВА

Михаил Яковлевич Шишлянников (1930—1997) родился в поселке Высокий Таловского района ЦЧО. Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета. Многие годы отдал журналистике, был главным редактором воронежской газеты «Молодой коммунар». Возглавлял комитет по телевидению и радиовещанию Воронежского облисполкома. Автор поэтических сборников «Степные зори», «Земля моя певучая», «Притяжение», «Восхождение», а также стихов ко многим песням.

Михаил Шишлянников

ПРИРОДА ЛЮБИТ ПОСТОЯНСТВО...

О КОРНЯХ

Я не открою новых истин,
Скажу известную скорей:
Бывает дерево без листьев,
Но не бывает без корней.
И этой истине беспорной
Повиноваться мир привык:
Чем выше дуб, тем глубже корни
Уходят в древний материк.

НУЖНА ДЛЯ ПЕСЕН ТИШИНА

Кострам гудящим нужен ветер,
Сухой траве роса нужна,
А певчим птицам на рассвете —
В заветных рощах тишина.
Спросите лес зеленокудрый,
И лес ответит вам без слов:
Чем тише в мире ранним утром,
Тем звонче пенье соловьев.

* * *

Кто в море был, тот до могилы
Забуть не смеет и солгать
С какой неведомой силой
Влекут родные берега.

Как ни легки под осень листья,
А к долу никнут все равно.
И знак, что буйно колосится,
На поле падает зерном.
Взлетают птицы днем погожим,
Но бредят гнездами вдали.
Никто избавиться не может
От притяжения земли.

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, РОССИЯ

Белеют звездами кувшинки,
И плес похож на Млечный Путь.
Легко качают камышинки
Стрекоз, присевших отдохнуть.

В сосновой роще невысокой
Наперебой галдят грачи.
И правит волнами осока
Свои зеленые мечи.

Штурмует шмель речные кручи,
Кричит кукушка до темна,
И это все мой край певучий,
Моя родная сторона.

И как же глух, как слеп и жалок —
Кого не трогают до слез
И нежность скромная фиалок,
И незакатный свет берез!

Благодарю тебя, Россия,
За счастье видеть этот свет.
Быть может, есть места красивей,
Но ненаглядней места нет.

* * *

Когда впервые бомба под окном
Упала в зелень дремлющих акаций,
Я на задворках бегал босиком,
И было мне тогда всего двенадцать.

Я по врагу из пушек не стрелял
И не лежал в окопах под обстрелом,
Я только сводки с трепетом читал
Да на закат глядел осиротело.

Меня война на мушку не взяла,
Не обрубилa руки адской силой.

Она не руки — детство отняла,
И не лицо, а душу опалила.

Я проводил отца и ждал его,
Боясь и думать о нелепой смерти,
Но в трех строках из части полевой
Она пришла в потрепанном конверте.

И вот теперь, когда я взрослым стал,
Когда уж сам отец и мне под тридцать,
Я все отдам, чтоб сын спокойно спал,
Чтоб никогда войне не повториться.

ПОСТОЯНСТВО

Уже накинула на плечи
Весна зеленые шелка,
И все уверенней при встрече
Ломают копыя облака.

Все ярче светятся зарницы,
И вишня розово-бела,
И на стволе ее бугрится
Янтарной родинкой смола.

Кружится ястреб над добычей.
Хмельным ветрам наперекор,
Весну по древнему обычью
Встречает гимном птичий хор.

И, как младенец безмятежный,
Под чистым пологом небес
Глазами синими подснежник
С утра оглядывает лес.

Не молкнет иволг перекличка,
Скворцам и дятлам не до сна.
Во всем, во всем своим привычкам
Из года в год верна весна.

Ее краса, ее убранство
Не блекнут сотни долгих лет.
Природа любит постоянство,
Как все большое на земле.

СЕНТЯБРЬ

Как Шишкин, делает наброски
Сентябрь — не только на холстах.
То охрой брызнет на березки,
То сурик выплеснет в кустах.

То поле выкрасит без кисти,
То вспыхнет в роще кумачом,
То на салатные листья
Дохнет багряно-горячо.

Он всю окрестную природу
Пурпуром щедро одарил.
По голубому небосводу
Раствер густой ультрамарин.

Творит с усердием похвальным
Его искусная рука.
И живописца гениальней
На целом свете нет пока.

Евгений Пантелеевич Дубровин (1936—1986) родился в поселке Верхнеозерский Таловского района Воронежской области. Окончил факультет механизации Воронежского сельскохозяйственного института. Был главным редактором газеты «Молодой коммунар», главным редактором журнала «Крокодил». Автор более двадцати книг романов, повестей, рассказов, среди которых — «Грибы на асфальте», «В ожидании козы», «Племянник гипнотизера», «Глупая сказка», «Дивные пещеры», «Грустный день смеха». Лауреат премии международного конкурса юмористических рассказов «Алеко» (Болгария).

Евгений Дубровин

ГРУСТНЫЙ ДЕНЬ СМЕХА

Рассказы

НУ, ПОТЕРПИ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА...

С Эльбруса тянуло замороженными фиалками; вокруг грязелечебницы имени Семашко цвели каштаны; целительные «Ессентуки №4» надежно заполняли желудок, не оставляя там места для губительного «Портвейна 72»; шедшие навстречу женщины, освобожденные от домашних забот, несли в руках вместо авосек цветы, как это и положено женщинам.

В общем, жизнь была прекрасна. До полного счастья не хватало только услышать голоса родных. Но двадцатый век предоставил человеку и эту возможность. На углу стоял автомат, который мог всего за пятнадцать копеек перенести тебя за тысячу километров домой.

Я бросил монету, и почти тотчас же услышал голос сына.

— Да...

— Привет, сынок! Как дела?

— А... Это ты... Привет, старик... Какое давление?

— Сто тридцать на восемьдесят.

— Терпимо.

— Конечно! — Нехорошее предчувствие сжало мое сердце. — Так как дела?

— А пульс? — продолжал сын беспокоиться о моем здоровье.

— В норме... Хватанул двойку? — сделал я первое предположение.

Молчание. Только гул тысячекилометрового пространства да щелчки ненасытной утробы грабителя автомата, глотавшего мои трудовые монеты.

— Две гребанул? Только честно. Я выдержу. Сейчас я в форме.

— Кардиограмму тебе давно делали?

— Только что.

— Хорошая?

— Приличная. Три? Не бойся. Меня тут здорово подлечили.

— Четыре... Две по английскому, две по географии. Бить будешь?

— А как ты сам считаешь?

— Думаю, что за четыре надо всыпать. Только не очень сильно.

Автомат сглотнул последний раз, секунду выжидающе подождал и, намертво сомкнув стальные челюсти, перестал дышать.

Я вышел из кабинки. Каштаны возле грязелечебницы имени Семашко были чахлыми и пыльными. Женщины выглядели озабоченными и несли цветы так, как будто это были авоськи. «Ессентуки № 4» вызывали отвращение, и хотелось «Портвейна 72».

Утром врач измерила давление, пощупала пульс и хмуро покачала головой:

— Меньше думайте, больше гуляйте и дышите.

Я едва смог дождаться вечера. Но квартира не отвечала. Жена на работе — это понятно, но куда девался сын? Я кругами ходил вокруг будки, словно прикованный цепью. Пять часов — никого нет, шесть, семь. Пришлось пропустить ужин.

Наконец, в семь тридцать четыре квартира отозвалась.

— Да, — послышался в трубке усталый голос сына. — А, это ты, старик? Здравствуй...

— Ты где был? — сказал я раздраженно. — Звоню три часа. Из-за тебя пропустил ужин!

— Был на собрании по поводу сбора макулатуры.

— Врешь?

— Честно.

— Наверно, мотался на речку!

— Не будем, старик, зря терять время, все равно ведь нельзя провезти.

Это была истинная правда.

— Как дела? — спросил я. — Исправил хоть одну?

— Тебе можно волноваться?

У меня упало сердце.

— Опять?

— Да... По истории...

— Как же ты можешь? Даже по истории! Значит, ты просто-напросто не выучил? Это ведь не математика. Если два по истории — значит, не выучил!

— Ну, не выучил...

— А что говорит мама?

— Мама говорит, что сказывается твое отсутствие. Старик, не трать зря монеты. Приедешь — разберешься.

Сын положил трубку. Он был экономным человеком.

Я сбегал в магазин, наменял горсть пятнадцатикопеечных монет и

позвонил на работу жене. Жена у меня очень занятый человек, она работает прокурором, но все же я рискнул оторвать ее от важных дел.

— Алле! Вас слушают, — ответила жена строгим голосом.

— Что у вас там происходит? — закричал я. — Почему вы гребете двойки лопатами? Почему ты не наведешь порядок?

— А... это ты... — облегченно вздохнула жена. — А я думала — по поводу убийства на Лесной. Как твоё здоровье?

— К черту здоровье! Какое может быть здоровье, если конец года, а у вас уже пять двоек!

— Сказывается твоё отсутствие, — сказала жена. — Одну минуточку, у меня другой телефон... Кровь на плаще?.. Но кровь ещё ничего не доказывает! Нет, я не дам санкции! Позвоните попозже, я занята! Алле, извини, дела... Так что ты говоришь?

— Я говорю — пять двоек!

— Да... Это ужасно... Без тебя он стал совсем другим ребенком... Он рассеян, груб, оговаривается на каждое слово. Вчера не пошел на спектакль «Дождь в грозу», а у них это засчитывается как урок истории — и вот, пожалуйста, два по истории. Стала ему выговаривать — так накричал на меня! Мне, говорит, этот «Дождь в грозу» до лампочки!

— Так врежь ему как следует!

— Ты же знаешь... При моем служебном положении это невозможно... Вот когда ты приедешь... Одну минуточку... Я же вам сказала! Кровь на плаще ничего не доказывает! Может, он порезал палец! Сделайте сначала анализ крови! Если кровь окажется группы...

Горсть монет кончилась, автомат отключился, и я так и не узнал, какой группы может оказаться кровь на плаще.

К вечеру давление подскочило ещё выше, сердце колотилось, грязелечебница имени Семашко вызывала у меня раздражение, а «Ессентуки № 4» казались самой отвратительной водой на свете. У меня исчезли сон и аппетит.

Поздно вечером, когда я уже лежал в кровати и, глядя в потолок, считал пульс, пришла сестра и сказала, что меня срочно приглашает к телефону междугородная.

Предчувствуя, что случилось что-то непоправимое, я трясущимися руками натянул брюки и в шлепанцах помчался к телефону. Трубка лежала на столе дежурной, зловеще поджидая меня.

— Алле! — крикнул я. — Алле!

— Виктор Степанович? — послышался холодный женский голос, не предвещавший ничего хорошего.

— Да... — прошептал я.

— Извините, что звоню так поздно... и прерываю ваш отдых... К вам невозможно дозвониться. Но обстоятельства сложились таким образом... Или, может быть, вам нельзя волноваться, тогда мы отложим разговор до вашего возвращения.

— Мне можно волноваться, — сказал я невнятным, спрессованным, как валенок, голосом.

— С вами говорят по поручению родительского комитета... Меня зовут Мария Степановна...

— Здравствуйте, Мария Степановна.

— Здравствуйте. Я буду коротка, чтобы не нарушать ваш режим. Сегодня случилась очень большая неприятность. Я звонила вашей жене, но ее срочно вызвали на осмотр какого-то трупа...

— Трупа...

— Нет, нет, труп не имеет, к счастью, к нашей истории никакого касательства.

— Слава Богу! — вырвалось у меня.

— Не спешите радоваться, — оборвала меня Мария Степановна. — Дело очень неприятное. Сейчас им занимаются городские инстанции... Ваш сын устроил международный конфликт!

— Международный конфликт? — опешил я.

— Да! С Канадой!

— С Канадой? — Я пошатнулся и машинально опустился на стул, подставленный дежурной сестрой.

Представьте себе! Директор в ужасе... Доложили в роно и выше. Вы меня понимаете? Не знаю, что теперь будет.

— Могут разорваться дипломатические отношения? — На лбу у меня выступил холодный пот.

— Ну, до этого вряд ли дойдет, — несколько успокоила меня Мария Степановна. — Но никто не может знать, чем это кончится...

— Очевидно, мне надо срочно прилетать? — спросил я. — Может, удастся как-то замять... У меня знакомый работает в МИДе... Правда, слесарем, но у него большой вес...

— Это вы решайте сами. — Голос Марии Степановны помягчел. Очевидно, мои связи в МИДе произвели на нее впечатление. — Но, может быть, все и обойдется. Школа, во всяком случае, приложит все силы...

— А в чем суть? — поинтересовался я.

— Суть вот в чем. К нам в школу прибыла делегация канадских эсквайров. Ваш сын должен был их приветствовать в стихотворной форме на английском языке. Но текст он не выучил, хотя на это отводилось достаточно времени... Вместо стиха он что-то пробормотал невнятно по русски... Остальные, кто должен был говорить вслед за вашим сыном, растерялись, и весь сценарий полетел в тартарары. Вы меня понимаете? Директору плохо. Сопровождающая комиссия в ужасе. Канадцы ничего не понимают, волнуются. Вы представляете? Завтра все руководство школы вызывают в роно. Вы пока не берите билет. Может, все и утрясется. Я буду держать вас в курсе.

— Да, — пробормотал я. — Очень нехорошо получилось.

— Сказывается ваше отсутствие.

— Но я за многие годы первый раз... Врач сказал...

— Я понимаю. Но тем не менее вы должны влиять и на расстоянии.

Щелчок. Гудки.

Бессонная ночь.

На следующее утро, когда я лежал в углекисловодородной ванне, вошла сестра и протянула мне телеграмму с грифом «Правительственная».

— Это не мне, — сказал я твердо сестре, — я никогда в жизни не получал правительственных телеграмм.

— Вам, — ответила сестра. — Срочно и лично в руки. Распишитесь вот здесь.

Я промокнул о полотенце углекисловодородную руку и дрожащим почерком вывел свою фамилию. В телеграмме было: «Первый конфликт улажен. Мария Степановна».

Первым моим движением было обрадоваться. Я уже даже начал радоваться, но тут я обратил внимание на слово «первый» в начале телеграммы. Почему «первый»? Если есть первый конфликт, значит, существуют и другие? И затем — правительственная телеграмма. Что бы это значило?

Я выскочил из углекислородной ванны и побежал к междугородному телефону-автомату. Жена тотчас же взяла трубку.

— Товарищи! — сказала она. — Я не верю, что бриллианты, зашитые в подкладку, настоящие! Это попытка направить следствие по ложному пути... Слушаю... А, это ты... здравствуй... Как самочувствие? У меня со-вещание.

— Я получил правительственную телеграмму, — сказал я. — Об инциденте с Канадой я знаю. Что еще случилось?

— Сорван симпозиум по порошковой металлургии.

— Ты это мне?

— Да... Обратите внимание на блеск... Это фальшивый блеск! Я требую экспертизы! Это не тебе.

— Но при чем здесь симпозиум? Разве наш сын ученый металлург?

— Это у них такая практика по физике. Ты совсем отстал от школьной программы... Обратите внимание, как зашита подкладка... Белыми нитками... Явно зашивал мужчина. Это не тебе... Приезжай скорей. Он совсем отбил от рук... Я уже не могу... Это — тебе...

Я пропустил обед, иглотерапию, кислородный коктейль, но застал сына дома.

— Что произошло на симпозиуме по порошковой металлургии? — спросил я без всякой дипломатии.

— Я им сорвал этот симпозиум, — тоже прямо ответил сын.

— Почему?

— Не успел изобрести собственный порошковый метод плавки металла.

— Почему же ты не успел изобрести... этот самый метод? Молчание. Щелчок автомата, глатавшего монеты.

— Ну, отвечай, почему?

— Сказывается твое отсутствие. Старик, не трать зря деньги. Приедешь — разберешься. Только быстрее приезжай, а то у нас скоро практика в «Детском мире».

— Какая еще практика? — удивился я.

— По труду. Будем торговать игрушками. У меня нехорошее предчувствие.

— Только не расхищай! — успел крикнуть я, как автомат отключился.

Два дня прошли спокойно. Проходя мимо ящика с письмами и телеграммами, я закрывал глаза, а во время прогулки огибал грабитель автомат за два квартала. Давление спустилось, «Ессентуки № 4» опять стали казаться вкуснее «Портвейна 72», по ночам вместо кошмаров со стрельбой, кровью, трупами и бриллиантами начали сниться красивые девушки.

Идиллия окончилась на третий день. Какой-то услужливый «отдыхающий» принес мне в комнату телеграмму.

— Уже сутки у вахтера валяется, — сказал он. — А я не могу спокойно видеть недоставленную телеграмму. Вдруг там смерть или еще что-нибудь важное.

— Вы так думаете? — пробормотал я.

— Я не имею в виду вас, — смутился отдыхающий. — Я так вообще... Может, там день рождения. У вас когда день рождения?

— Четырнадцатого июля, — машинально ответил я, разворачивая телеграмму непослушными пальцами.

Текст телеграммы был следующий:

«По вине вашего сына сгорело подсобное помещение универсама

№ 4 тчк. Убыток исчисляется одна тысяча тридцать семь рублей сорок восемь копеек. Срочно свяжитесь мною, мои телефоны. Мария Степановна».

— Ну что? — спросил отдыхающий, тревожно заглядывая мне в глаза. — Плохие новости?

— Ерунда, — сказал я. — Небольшой убыток.

— А а, — разочарованно протянул отдыхающий и ушел, по-моему, недовольный.

Поскольку предусмотрительная Мария Степановна снабдила меня своими телефонами, то через полчаса поисков (убыток исчисляется тремя рублями и сорока пятью копейками) я разыскал председателя родительского комитета.

— А... это вы, Погребенников. Дела очень и очень плохи. Не говоря уже об убытке, который вам придется покрывать, неисчислимы тот моральный ущерб, который понесла наша школа в глазах общественности. — Голос Марии Степановны профессионально набрал большие обороты (я уже знал, что Мария Степановна занимает ответственную должность в обществе «Прогресс»).

В другое время я бы никогда не посмел прервать такой строгий, обличающий голос, но урчание голодного автомата, жвавшего мои честно заработанные деньги, заставило меня задать вопрос по существу.

— Простите, Мария Степановна, но мне не совсем ясно, как это произошло.

Речь работника общества «Прогресс» оборвалась, как цокот копыт мустанга ковбоя, которого сразила индейская пуля. Видно, Мария Степановна не привыкла, чтобы ее прерывали.

— Это произошло совершенно неожиданно, — сказала Мария Степановна недовольным голосом после некоторого молчания. — Ваш сын хорошо зарекомендовал себя на посту продавца отдела игрушек универмага № 4. Мы даже хотели перевести его на должность ВРЮ старшего продавца, но потом вдруг ему пришла в голову странная мысль поджечь в складе нос гадкому утенку. Утенок был из пластмассы и, разумеется, вспыхнул, как факел. Ваш сын отшвырнул его и попал в груды ледяных принцесс. Принцессы сразу же запылали... Затем огонь перекинулся на бронтозавров или морских львов — их не различают даже опытные продавцы.

— Когда приехали пожарные? — спросил я, бросая в пасть автомату последнюю монету.

— К несчастью, пожарные...

Связь прервалась. Очевидно, пожарные приехали не очень-то быстро. Я побежал в магазин менять десятку. Меня волновал вопрос, что будет дальше. Но когда я вернулся, запыхавшись, к телефонной будке, там стояла очередь. В будку я попал, когда Мария Степановна уже уехала на какую-то лекцию.

Секретарь передала мне ее последние слова:

— Мария Степановна просила сообщить товарищу Погребенникову, что завтра педсовет.

Вопрос о моем дальнейшем отдыхе отпадал сам собой. Только безумец может колотиться иглами и глотать кислородные коктейли, когда над ним висит угроза начета в тысячу рублей и решается будущее сына.

Поздно вечером, чтобы не объясняться с администрацией санатория, я выбросил чемодан на клумбу со второго этажа, с видом глубоко удовлетворенного жизнью человека спустился по лестнице и вышел в сад.

Возле клумбы с розами стоял человек, который не может спокойно видеть недоставленные телеграммы и с глубоким изумлением рассматривал мой чемодан.

— Вот до чего долечили людей, — сказал он мне. — Чемоданами уже стали кидаться.

— Извините, это мой чемодан.

Я взял чемодан и быстро пошел к выходу. Отдыхающий побежал было за мной, но потом вдруг остановился и впал в глубокую задумчивость.

Когда я уже был возле ворот, до меня долетел его крик:

— Примите мои соболезнования, товарищ!

...Сына я застал за созданием макета какого-то сложного сооружения, похожего на башенный кран (как потом выяснилось, это была схема пищеварительной системы кашалота). Он был один. Мать срочно вызвали на заседание по поводу ограбления на Малой Сенной.

— Привет, старик, — сказал сын, не отрываясь от схемы пищеварительной системы. — Ну как, поправил здоровье?

— Поправил, — сказал я мрачно. — Снимай штаны!

Сын вылепил из пластилина какую-то кишку, прикрепил ее к другой кишке и произнес:

— Я понимаю, старик, твое желание немедленно начать расправу, но завтра у нас ночная экскурсия в планетарий. Будем смотреть на звезды. Не могу же я смотреть на звезды зареванными глазами? Так что хочешь не хочешь, а придется тебе перенести экзекуцию на послезавтра.

Довод был убедительный, и я согласился повременить с расправой. Тем более, как выяснилось, педсовет перенесли на неопределенное время в связи с возможным посещением школы профсоюзной делегацией Новой Зеландии.

Не удалась расправа и на третий день, так как в школе проходил межрайонный слет юных кактусоводов. Мой сын не был юным кактусоводом, но, оказывается, слет засчитывался как урок по биологии и явка на него была обязательной.

В пятницу вечером сын уехал с ночевкой в пригородное лесничество смотреть, как производят усыпление диких кабанов на предмет их взвешивания и обмера (внеклассное занятие по труду).

В субботу весь класс выезжал на раскопки стоянки древнего человека возле деревни Синютено (дополнительное занятие по истории).

Оставалось воскресенье. Я заранее приготовил ремень, несмотря на то, что накануне позвонила Мария Степановна и сообщила, что слесарь дядя Коля действительно оказался влиятельным человеком и помог уладить конфликт с Канадой. Склад игрушек универмага № 4, к счастью, оказался в антисанитарном состоянии, и, возможно, на меня не сделают начет. И вообще ребенок изменился к лучшему: регулярно посещает все мероприятия, воздерживается от эксцессов. Очевидно, сказывалось «наличие моего присутствия».

Тем не менее слово есть слово — экзекуция должна быть проведена.

Но тут выяснилось, что сын забыл проложить на карте и обчислить трассу от озера Байкал до полуострова Таймыр (вместе с туннелями и мостами. Побеждает тот, кто спроектирует наиболее дешевую и надежную трассу).

— Ничего не поделаешь, старик, — вздохнул сын. — Придется тебе потерпеть до понедельника.

После обеда прошел теплый ливень. Выглянуло солнце, защебетали

птицы, небо опрокинулось на тротуары, запах остро тополь. Стало так красиво, что хотелось плакать и смеяться одновременно. Я вышел на улицу. Под нашими окнами в голубой луже плавали белые облака, отражались кусты акации, и казалось, что лужа бездонная. Захотелось, как в детстве, побродить по воде босиком.

Немного поколебавшись, я разулся и залез в лужу.

Ну как же здорово! Прохожие останавливались и смотрели на меня с завистью.

— Пьяный, вот и залез, — утешали они сами себя.

— Эй, сынок! — крикнул я. — Иди сюда! Походим по луже! Знаешь, как чудесно!

На балконе показался озабоченный сын.

— Взрослый, а ведешь себя, как маленький, — заметил он осуждающе. — Ты лучше скажи мне формулу для подсчета площади сечения железобетонной балки.

Я напряг память, но перед глазами лишь мельтешили какие-то обрывки интегралов и корней.

— Не помню... — пробормотал я.

— Как же ты окончил школу? — удивился сын.

Я смутился и заспешил из лужи к своим туфлям.

ГРУСТНЫЙ ДЕНЬ СМЕХА

В нашей организации я был известен как человек, которого невозможно разыграть. Уж чего только ни придумывали! Сенькин даже немолодой девушкой загримировался и пытался со мной заигрывать, так хотелось ему выставить меня дураком. Сенькин — мой враг номер один. А все потому, что он младший экономист, а я просто экономист. «Не я буду, — клялся Сенькин в кулуарах, если не добьюсь, чтобы он вернулся назад, в младшие экономисты». Мечтая выставить меня на посмешище, Сенькин даже опускался до того, что однажды подпилит ножки моего служебного стула, а это уж самое последнее дело. Но я очень осторожный человек и никогда не теряю бдительности.

И все же Сенькин меня разыграл. Да еще в день первого апреля! Вот как было дело. В первоапрельский день я, как обычно, принял особые меры предосторожности. По дороге на работу я еще издали обходил знакомых, вполне естественно, не ожидая от них на сей раз ничего хорошего. Я, не вскрывая, бросил в урну толстый пакет, переданный мне вахтером, так как там наверняка была какая-нибудь взрывающаяся гадость. В кабинете на моем столе лежали две телеграммы: «Встречай поезд 33 вагон 8 Дуся» и «Бабушка умерла похороны среду». Я их спокойно разорвал и выбросил в корзину. Все это были детские штучки.

Первого апреля главная опасность — телефон. На телефоне в основном все и горят. Только не я. Нет, я не снимаю на весь день трубку и не обрываю провод, как некоторые. И не пытаюсь перепроверить каждый подозрительный звонок. В этот день на все звонки я отвечаю голосом нашей уборщицы тети Кати: «Они вышемши. Чаво передать?» Если человек звонит по делу, он скажет, что передать. Если хотел разыграть, сразу положит трубку: какой дурак будет через уборщицу передавать розыгрыш, который лелеял и холил, может быть, целый год?

Особенно надо быть бдительным к концу дня. Хороший розыгрыш обычно вызревает к шести часам. Когда жертва уже забывает, что сегодня

первое апреля, когда чувство опасности притупляется. Человек расслабляется, думает о домашних тапках, чае, телевизоре. Тут-то его и берут.

Я же, наоборот, к концу дня мобилизую всю свою нервную систему. И поэтому, когда без пяти шесть ко мне в кабинет вошел Сенькин, я ему сразу сказал:

— Бдю. Так что бесполезно.

— Сегодня шестерых разыграл, — похвастался Сенькин. — Последний ты у меня остался. Я тебе самую лучшую хохму приберегу. Ночь спать не будешь.

Говорит, а у самого рожа так и лоснится, так и сияет.

— Ну давай, — говорю. — Выкладывай, только бесполезно.

У Сенькина рот до ушей.

— Встречает меня сейчас Виталий Иванович и говорит: «Чтобы завтра утром расчет Е3856 был у меня на столе. Наш отчет в министерстве». Сел в машину и укатил в главк. Вот так!

Я обомлел. Задание Е3856 мы с Сенькиным получили всего неделю назад, о срочности и речи не было, и я, честно говоря, даже не думал к нему приступить.

— Врешь! — говорю.

— Хочешь верь, хочешь нет, дело хозяйское. Я лично гробиться не собираюсь. Понижать меня некуда, поскольку я и так младший. А ты вот, дружище, повкальвай.

И ушел. Я за телефон: «Где Виталий Иванович?» — «Уехал в главк, сегодня не будет».

Что делать? Этому типу Сенькину было бы легче: у него жена оператором на ЭВМ работает и теща преподает арифметику в четвертом классе, а у меня всего и радости: общежитие физико-математического института из окна виднеется. И едва я подумал про институт, то сразу понял, что спасен.

До утра в ту ночь светились окна общежития физико-математического института, а я мотался на такси по вокзалам, закупая в огромных количествах пиво и бутерброды. К утру расчет Е3856 был готов. Это был тринадцатый подвиг Геракла в условиях современной цивилизации и научно-технической революции.

Утром, пошатываясь, с рулоном чертежей под мышкой, я поплелся на работу. Шеф был у себя.

— Что это? — удивился он.

— Вы же сами... к утру... — пробормотал я, уже догадываясь, что Сенькин разыграл.

Шеф пробежал расчеты и уставился на меня.

— Этого не может быть... За неделю...

— За ночь, — поправил я.

— Идите отдохните... Хотя, вернитесь... Впрочем, идите...

Шеф то снимал очки, то надевал их, разглядывая меня, точно видел первый раз в жизни.

Через неделю мне дали премию. Через месяц я уже заведовал отделом. Через год я был начальником управления. Через два года — управляющим главком.

Сейчас у меня три секретарши, шесть телефонов и четыре курьера. Это предел, о котором может мечтать скромный экономист. Я почти счастлив. Почти, потому что первого апреля мне немного грустно. В этот веселый день по шести телефонам говорятся лишь умные речи, три секре-

тарши пропускают лишь людей, у которых на уме не розыгрыши, а лимиты и неликвидные фонды. Четыре курьера носят лишь залитые сургучом невзрывоопасные конверты.

Только ближе к вечеру каждого первого апреля звонит младший экономист Сенькин.

— Бдю, — говорю я ему с надеждой. — Так что бесполезно.

— Что вы, Максим Петрович! И в мыслях ничего похожего нет! Я звоню, чтобы поздравить вас с праздничком. Первое апреля теперь днем смеха называется. Вы небось и не читали за делами. Так что с днем смеха вас, Максим Петрович! Желаю вам и вашей семье долгого, здорового, счастливого смеха. Извините за беспокойство.

На той стороне частые гудки, а я с грустью смотрю на трубку. Да, теперь хохмы уже не будет...

БЕССОННИКИ

Инженер из шестого отдела Виталий Иванович, человек тихий, даже застенчивый, подошел к моему столу и скромно спросил:

— Может, чего надо, Павел Григорьевич?

— Да нет, — удивился я. — Ничего мне не надо, Виталий Иванович.

С Виталием Ивановичем у меня были строго официальные отношения, я не являлся его начальником, и поэтому мне от него решительно ничего не надо.

— Так зато мне надо, — инженер криво улыбнулся, вытащил из кармана перочинный ножик, раскрыл его и вонзил ржавое лезвие в мою грудь.

— Это вам за мою жену, Павел Григорьевич.

...Я вскочил с кровати. По углам шевелились тени от ночника, за окном тяжело дышал, вздыхал ничтожный заводичко по выпуску парниковых рам, заводичко, очевидно, очень полезный огородникам, но ненавидимый тысячами окружавших его горожан за тяжелое, свистящее дыхание.

Резко стучало сердце. Я взял таблетку валидола, положил под язык и откинулся на подушку. Станный, глупый сон. С Виталием Ивановичем я был едва знаком, жену же его не видел вовсе, даже не подозревал о ее существовании, однако надо ведь такое...

Едва я забылся, как снова увидел себя за письменным столом, дверь открылась, робко вошел инженер и опять скромно спросил:

— Может, чего надо, Павел Григорьевич?

И потянулся к карману. Слава Богу, что я успел вовремя проснуться.

В третий раз я заснуть не решился. До утра читал книгу «Первобытная мифология и философия».

На работе я вздрагивал, когда в комнату заходил Виталий Иванович, но он не обращал на меня никакого внимания, словно меня не существовало — и это как-то было мне неприятно, словно инженер в самом деле замыслил что-то нехорошее.

Ночью проклятый инженер опять ухитрился воткнуть ржавое лезвие в мою грудь. Теперь я боялся заснуть. Все ночи напролет я читал остродефицитную книгу «Первобытная мифология и философия».

На работе канцелярские инструменты валялись из моих рук, голова мерцала и вибрировала, как электронно-вычислительная машина, хотя решительно ничего не могла вычислить.

Пришлось обратиться к врачу. Врач поставил меня на колени на стул, принялся стучать по пяткам, долго наблюдал за дрожанием моих рук, потом покачал головой и сказал:

— Надо отвлечься. Вы на пределе.

— Чем можно отвлечься ночью? — спросил я.

— Попробуйте прогулки. Это успокаивает нервы, рассеивает внимание.

Поздно вечером я вышел на ночную прогулку. Это была первая в моей жизни прогулка по ночному городу. Наверно, такое же чувство испытывали астронавты, вступившие на Луну. Ничего не светило (за исключением отдельных фонарей, которые при достаточном воображении можно было принять за зависшие над планетой неопознанные летающие объекты), ничего не передвигалось, не бегало, не прыгало, не скакало, не пицало, не разговаривало.

Я шел по пустынным улицам, наверно, около часа, как вдруг увидел человека. Человек сидел в скверике на скамейке под мерцавшим синим больничным светом фонарем и играл сам с собой в шахматы. Перед человеком стояли шахматные часы, и он время от времени нажимал кнопку, что-то бормоча себе под нос, очевидно, разговаривал с воображаемым противником. Человек был могуч собой, с грустным обиженным лицом. Такие лица бывают у сильных, полнокровных продавцов овощных магазинов. Им бы кидать двухпудовые гири, а они вынуждены целый день перебирать петрушку, ковыряться в бочке с огурцами, пахнущими сложными запахами большой химии.

Заслышав мои шаги, Продавец овощей оторвался от доски с фигурками и обрадовался:

— Неужели живая душа? Ты играешь в шахматы, живая душа?

— Увы, — сказал я виновато. Мне было жаль тушить человеческую радость, но я с детства питал отвращение к шахматам.

— Ничего, я научу, — засуетился Продавец овощей. — Вот эта штука называется пешкой. Запомни, живая душа. Вот эта рожа — конь. Это — король, а это королева. Они ходят вот так. Садись.

Я поколебался, но сел. Мне понравилась королева. Она была инициативной, решительной женщиной и защищалась способами, присущими лишь женщине.

— Не спится? — спросил Продавец, когда мы углубились в игру. — Психуешь или патологическое?

— Психую. Снится один тип. Как засну, он пырлет меня ножом из ревности. А я его жену и в глаза не видел.

— Ситуация... — сказал Продавец сочувственно.

— А вы, наверно, продавцом в овощном магазине работаете? — спросил я, делая коварный головокружительный полет королевой через всю доску.

— Да... — удивился шахматист. — Вы меня знаете?

— Нет. Интуиция. Бессонница мучает?

— Она.

— Бойтесь ревизии?

— Нет. С этим делом у меня порядок. По коровам соскучился.

— По кому? — поразился я.

— По коровам, — Продавец грустно вздохнул. — Сам я деревенский. Из пастухов в столицу попал. Женился на завбазой и попал. И с тех пор хожу бессонником. Как привезут утром зелень, учую запах земли, земли-

то с овощами много возят, ну и разволнуюсь. А потом не спится — в деревню хочется.

— Так езжайте.

— А завбазой? Она категорически против. А бросать ее жалко, больно красивая. Прямо Кармен. Видел на духах этикетку? Вот она и есть.

— Ситуация, — посочувствовал я. — Таблетки пробовали?

— Не помогает. Еще хуже. Снится, вроде бы я босиком по мокрому лугу иду, после дождя. А утром — простуда.

— Мат! — сказал я.

Продавец охнул, схватился за сердце.

— Научил на свою голову, — пробормотал он. — Здорово ты королевой шуруешь. Да. Аж есть захотелось. У тебя нет чего-нибудь?

— Нет...

— Сейчас бы булочку с горячим чайком.

— Может, на вокзал смотаемся?

— Не стоит портить нервы: очереди, да и булочки затвердели за сутки, а чай похож на отходы от нефтепроизводства.

— Слушай, — сказал я. — Одно время был большой шум насчет автоматов. Дескать, надо на каждом углу поставить автоматы, которые бы торговали бутербродами, кофе, сигаретами, конфетами. Может быть, ты знаешь, стоит где-нибудь такой?

Продавец покачал головой.

— Нет, есть один магазин «Прогресс» — все, что осталось от того шума. Но уличная часть «Прогресса», торгующая молоком, заржавела, а внутри торговля идет лишь днем, да и то старыми сырками и неходовыми консервами.

— Но может быть, где есть ночное кафе?

Продавец даже оглянулся, словно я сказал что неприличное.

— Ты что! Это же аморально!

— Но почему же... Зайти, выпить чашку кофе...

— А что скажет семья, общественность на работе?

— Но мне даже врач рекомендовал ночные прогулки...

— Прогулки, а не сидение в кафе.

— Но если я устал и захотелось чашку горячего кофе...

— Носи с собой термос.

— А это идея! — воскликнул я. — Встречаемся завтра здесь. Я принесу кофе.

— За мной пирожки с капустой, — сказал Продавец. — Моя Кармен умеет печь отличные пирожки с капустой.

Следующая ночь прошла отлично. Мы с Продавцом играли в шахматы, ели свежие пирожки с капустой, пили горячий кофе. На случай дождя я взял зонтик. В перерывах мы говорили о инженере из шестого отдела, коровах, мокром после дождя луге, качестве лука порея, различных типах женщин, изображенных на флаконах духов и одеколонов.

На третью ночь к нам присоединился поэт. Он совсем не мешал. Сидел рядом на скамейке, склонившись над блокнотом, издали со своими кудрями похожий на плакучую иву, и, посвечивая себе фонариком, что-то строчил. Только когда накрапывал дождь, поэт просился под зонтик да когда не шла рифма, просил глоток кофе.

Впрочем, на следующую ночь поэт пришел со своим зонтом и собственным кофе. Кроме того, он принес с собой дыню. Огромную желтую дыню. Дыня пахла пыльной бахчей, солнцем, холодной водой арыка с мелькав-

шим в нем изображением молоденькой девушки с косичками. Дыня ночью — это было здорово!

Именно поэт придумал нашему своеобразному обществу название: кафе «Бессонники». Он написал это название на бумаге и прикрепил кнопкой к дереву.

Нашему кафе не хватало только музыки. Но вскоре этот недостаток устранился сам собой. На огонек, вернее, на фонарик поэта, набрела парочка с гитарой. Парочка расположилась напротив нас, он тихо наигрывал на гитаре, она напевала какие-то ритмы.

Через неделю нас уже было около десяти. Прибавились рыбаки, ожидавшие ранний поезд, артист, у которого сосед-коллега всю ночь тренировался на трубе, человек-феномен, который не знал, что такое сон.

Теперь на бульваре было уютно и интересно; каждый приносил с собой поесть и попить, и в результате у нас оказалась очень разнообразная, многонациональная кухня. Поэт набивал авоську книгами и охотно давал почитать всем желающим; человек-феномен оказался сведущим в медицине, он знал понемножку почти о каждой из двадцати пяти тысяч болезней, подстерегающих человека, и у него всегда хватало слушателей. Парочка влюбленных создавала музыкальные антракты. Продавец организовал шахматный матч-турнир на первенство кафе «Бессонники»; главным призом был ящик непомятых, незеленых помидоров. Этот ящик достался мне, и целую неделю мы с семьей ели великолепные, словно со своего огорода, помидоры.

Постепенно мой сон стал налаживаться, я больше не видел злодея-инженера, руки перестали дрожать, пятки не дергались, когда врач стучал по ним молотком.

Как вдруг пришла беда. Беда появилась в самый разгар работы нашего маленького сообщества. Она приняла образ сгорбленного старичка с массивной палкой. Я как раз заканчивал очередное сражение на шахматной доске, как вдруг глянул в сторону, словно кто меня толкнул, и увидел гномика из сказки. Гномик стоял возле листка со словами:

**КАФЕ «БЕССОННИКИ». ВХОД СО СВОЕЙ ЕДОЙ, ШАХМАТЫ,
ТАНЦЫ, БИБЛИОТЕКА, ЛЕКЦИИ ПО МЕДИЦИНЕ И В ПОМОЩЬ
РЫБОЛОВУ. А ТАКЖЕ ДРУГИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.
ОТКРЫТО КОГДА УГОДНО, ЗАКРЫТО КОГДА УГОДНО**

и внимательно читал объявление через насаженные одни на другие очки.

Потом гном прошелся вдоль бульвара, вглядываясь в нас.

— Кто заведующий? — спросил он.

— Тут все заведующие, — ответил я. — Не спится, папаша? Чайку хотите?

— Значит, нет заведующего, — констатировал старичок. — А где преysкурант?

— У нас нет преysкуранта. — Пока я не чувствовал опасности. — Да вы присаживайтесь, папаша.

— И часов работы нет, и выходных нет?

— А зачем?

— Непорядок. И ночью работаете?

— В том-то все и дело. Тут бессонники собрались, папаша, то есть страдающие бессонницей. Ночных кафе у нас нет, вот мы и собираемся здесь. Поговорить, попить кофейку, скоротать часок-другой...

— Ночью надо спать, — сказал старичок назидательно.

— А если не спится?
— Все равно сидеть дома.
— Но почему?..
— Потому что так положено. Может быть, вы и голых танцовщиц захотите?

— Не нужно нам голых танцовщиц! — запротестовал я.
— Знаем мы вас... бессонники. В общем, я вас закрываю! — старик стукнул палкой, словно поставил печать.

— Но на каком основании?..
— На том, что мне эта затея не нравится.
— Но кто вы такой?

Мы окружили старика, заговорили все разом:

— Мы не шумим!
— Не пьем алкоголя!
— Не играем в азартные игры.
— Не бьем посуду!

Старичок опять ударил палкой.

— Все равно. Я общественник ЖЭКа, и мне это не нравится.
— Пошли к начальнику ЖЭКа! — закричали мы. — Это абсурд, мы никому не мешаем!

— Ишь, какие хитрые, — гномик прищурился. — Никуда я с вами не пойду. Надо больно мне с вами возиться, тратить время и нервы.

— Но как же вы тогда нас закроете? — удивился я.
— Да очень просто. Напишу анонимку. И меня таскать не будут, и вам всем крышка. Анонимка сильнее любого документа.

Гном еще раз стукнул палкой, шагнул в кусты и исчез, словно провалился сквозь землю.

...Когда на следующую ночь я пришел на бульвар, он был перекрыт длинными слегами, на которых с двух сторон висело объявление:

КАФЕ «БЕССОННИКИ» ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ

Скамейки убраны, вокруг ни души. Я побрел домой и пролежал до утра на диване, читая остродефицитную книгу «Первобытная мифология и философия». Под утро я забылся, и, воспользовавшись этим, инженер Виталий Иванович вонзил ржавое лезвие в мою грудь.

...Утром я зашел к Виталию Ивановичу и сказал:
— Слушай, я хочу познакомиться с твоей семьей.
— Зачем? — удивился инженер.
— Затем, что хоть не зря буду страдать, — ответил я.

А СБОКУ ПРОПЕЛЛЕР!

Изобрел я одну штуку. Не велосипед, конечно, но тоже вещь приличная. Понес начальству на утверждение.

— Хорошая штука, — говорит начальство, — только сбоку надо приделать пропеллер.

— Зачем пропеллер? — удивился я.

— Чтобы летала.

— Но она рождена ползать.

— Надо будет — так полетит, — говорит начальство и хмурится. Неудовольно, значит.

— Нет, — твердо заявил я. — Пропеллер делать не буду.
— Ну, как знаешь, — говорит начальство. — Дело хозяйское. Вроде бы даже так доброжелательно сказало.

А я через неделю должен вместе с семьей в дом отдыха на Черноморское побережье лететь. Все уже было на мази. Прихожу в местком за путевкой, а мне и говорят:

— Вот вам две путевки: на жену и сына, а ваша — облизнулась.

— На каком это таком основании она облизнулась? — удивился я.

— Передали другому товарищу — с наибольшей производительностью.

Вот как, значит, повернулся пропеллер. Другой бы скандалить стал, жалобы строчить начал, а я плюнул на все и решил отдыхать дома, в четырех стенах. Жена, как узнала, — в слезы. «Пропадешь ты, — говорит, — истощишься, и через месяц тебя местком в казенный гроб положит. И потом, кто тебе посуду мыть будет?»

Сын тоже смотрит на меня, как на потенциального покойника. Но я настоял на своем.

Уехала моя семья с охами и причитаниями, а я первым делом из чулана раскладушку вытащил и на балкон поставил. Давно мне это хотелось сделать, да жена категорически возражала. «Блажь у тебя это, — говорит, — какой это дурак на балконе на раскладушке лежит?»

Установил я раскладушку на самом солнцепеке, намазался кремом для загара, приготовил «Современный французский детектив», затем принес из холодильника бутылку «Рислинга» и приступил к отдыху в четырех стенах. Красотища! Никто на ноги не наступает, не сыплет в глаза песок, не просит присмотреть за его вещами.

Когда идешь в ванную принять душ (кстати, никакой очереди!) — не боишься, что кто-нибудь унесет раскладушку. Единственный недостаток — нельзя кинуться в волну, но где это сказано, что для полного отдыха необходимо кидаться в мутную кишасную головами, мячами, спасательными кругами, спичечными коробками волну?

В общем, до обеда я дотянул вполне нормально. Встал с раскладушки не издерганным, не психованным, а отдохнувшим, бодрым, даже слегка поумневшим (детектив обостряет ум).

Затем я отправился на кухню обедать. Там тоже не было никакой очереди, и я спокойно принялся за приготовление обеда. Первым делом я пожарил себе яичницу с салом, которая была у нас в семье под запретом. Слопал я в свое удовольствие яичницу, выпил крепкого чаю, прилег на диван, взял газету и читаю. Для полного комфорта пластинку с вальсами Штрауса на проигрыватель поставил.

Ничего, жить можно. А тут еще сюрприз. Раздается звонок, и голос моего лучшего друга Володьки:

— Старик! Ты чем занимаешься?

— Поел яичницы с салом и читаю газету, — отвечаю я.

— Хандра? — спрашивает Володька.

— Нисколько. Наслаждаюсь, — отвечаю.

Володька задумался, потом говорит:

— Ну ничего, сейчас мы тебя расшевелим. Нагрянем к тебе всей командой.

— Ни в коем случае! — кричу я в трубку. — Кто за вами посуду мыть будет?

Но Володька уже положил трубку.

Через минут сорок действительно нагрянула компания. Танцевали и веселились далеко за полночь. Посуду помыла одна стройная блондинка. Когда мы расставались, блондинка мне сказала:

— Вообще-то ты парень ничего, но плохо одет, не в ногу с веком. И вес твой росту не соответствует.

Очень задела меня ее слова. Я-то считал себя вполне симпатичным мужчиной и думал, что модно одеваюсь.

— В общем, — засмеялась блондинка, — сроку даем тебе неделю. В воскресенье сделаем экзамен на элегантность.

Экзамен на элегантность я сдал.

Через месяц приехала моя семья. Жена увидела меня и заплакала:

— Ты посмотри, кто я и кто ты! Я чучело, а ты словно манекен с выставки.

Мы подошли к зеркалу, и я действительно увидел манекен и, извините, чучело.

— Ничего, — пробормотал я, — как-нибудь устроится.

— Очереди, нервотрепка, — опять заплакала жена. — А у тебя... у тебя даже посуда помыта. Я думала, что хоть на посуде тебя пожалею... Какой ты у меня элегантный...

— Это все мой начальник, — сказал я.

Наутро я явился на работу и зашел к начальнику. Навстречу мне поднялся обгоревший на солнце (тоже только что с юга), с красным затылком и белыми выцветшими волосами хмурый, невыспавшийся человек. Мне стало жалко своего начальника.

— Ладно, рисуйте сбоку пропеллер, — великодушно сказал я.

ГОСТИ СТОЛИЦЫ

Злоключения мои начались, естественно, в понедельник. Встал я пораньше, чтобы дров нарубить и воды в бочку натаскать. Вышел во двор — красотища вокруг невероятная: солнце только что встало, лес вдаль камнем зеленым переливается, речка дымится, петухи поют...

Только размахнулся топором, смотрю — почтальон ко мне со всех ног бежит.

— Тебе телеграмма, — говорит. — Распишись вот здесь.

Расписался я, развернул телеграмму и читаю: «Срочно явитесь управление Нечипуренко».

Вывалилась у меня телеграмма из рук и улетела бабочкой. Подпись самого начальника. «Пропал, — думаю. — Наверно, снимать будут или еще какая-нибудь гадость».

Телеграмму не показал ни жене, ни теще, сказал, что еду по обычным делам, и первым же автобусом отбыл в область.

Прихожу в трест, взволнованный, естественно, ожидая всяких неприятностей, а начальник встречает меня стоя, руку трясет и сияет:

— Ну, повезло тебе, Фомин. Ящик коньяка ставь.

Отлегло у меня немного от сердца.

— За этим дело никогда не станет, а что случилось? — спрашиваю.

— Да вот, — отвечает Нечипуренко. — Такая оказия, братец. Запросила Москва молодого дизайнера, так сказать, непосредственно от сохи, в смысле от природы. Ты у нас агроном молодой, в красивом месте живешь, а потому чувством красоты с детства пропитан должен быть. И палисадник у тебя, я видел, здорово оформлен.

— То теща оформляла, — говорю.

— Неважно, — отвечает Нечипуренко. — Ты же руководил. В общем, собирайся в столицу да нас потом не забудь. Надо же, какой поворот судьбы. Из хутора да в Москву.

И сияет и руку жмет, а сам черный весь, видно, на душе кошки скребут — завидует. Да и кто бы не завидовал?

Прибежал я домой, рассказываю, смотрю, реакция какая-то не такая, как следовало бы. Теща мрачнее тучи сидит. Послушала, послушала да и заявляет:

— Лично я отсюда никуда не поеду, хоть голову руби. Я курей люблю. У меня тут двадцать штук курей, и с ними я ни за что не расстанусь.

Я ей отвечаю, что курей в Москве навалом, причем свежемороженых, а это очень удобно, так как даже без холодильника свежемороженая курица может запросто два дня пролежать. А импортные куры? Они такие гладкие, будто и вовсе жили без перьев.

Но теща уперлась.

— Не хочу, — говорит, — гладких курей. — Я их сама щипать люблю.

Тогда я предлагаю забрать курей с собой, отгородить им часть квартиры, и пусть живут. Держат ведь люди попугаев. Куры же намного спокойнее попугаев.

— А просо? — спрашивает теща. — Где я им наберусь проса? Просо ведь в Москве не продается.

В общем, бог с ней, с тещей, живут люди и без тещ, но вслед за тещей заупрямилась моя жена.

— Я, — говорит, — привыкла жить с мамочкой. Без мамочки меня замучает страх и отсутствие коммуникабельности.

Короче, плюнул я на глупых баб и отбыл в Москву один. Со временем приедут, никуда не денутся. Работа мне понравилась, и дела пошли неплохо, поскольку я вырос в красивом месте и чувство прекрасного у меня заложено с детства.

Вскоре дали мне однокомнатную квартиру со всеми удобствами. Я туда предусмотрительно прописал жену и тещу: приедут ведь когда-нибудь.

Поначалу здорово у меня жизнь пошла. Музеи, выставки, картинные галереи, театры и даже один идейно выдержанный бар посетил. Квартира маленькая, уютная, как чуланчик. Придешь усталый после музеев, плюхнешься на раскладушку — и спи себе. Есть захотел — руку на кухню протянул, не сходя с места, взял чего надо и кушай себе на здоровье. Ноги помыть потребовалось, протянул не сходя с места в ванную и помыл.

Но тут наш главк новый дом построил и выделил мне двухкомнатную квартиру со всеми удобствами, разумеется.

— Пользуйся, Фомин, — говорят. — Дизайнер ты хороший, да и семья три человека.

В двухкомнатной мне уже похуже стало. Не так уютно, да и на кухню, и в ванную далеко бегать... Но ничего не поделаешь. Кто же отказывается от двухкомнатной? Как-то не принято. Отпуск я, естественно, в своей родной деревне провел, и вскоре появился у меня наследник. А тут главк еще один дом сдал, и поскольку не оказалось претендентов на четырехкомнатную квартиру, то выделили ее мне.

— Пользуйся, Фомин, — говорят. — Дизайнер ты что надо, ребенок у тебя, ко всему прочему, народился...

Взял я четырехкомнатную. Какой дурак от четырехкомнатной отказывается?

И вот сложилась такая ситуация. Семья моя за пятьсот километров, теща, не желая есть гладких кур, с хозяйством возится, жена, боясь потери коммуникабельности, сына возле нее воспитывает, а я как дурак слоняюсь один в четырехкомнатной квартире в Чертанове.

Телевизора как-то не завел, друзей тоже, музеи все были осмотрены, и вот вечерами сижу один, слушаю, как вода в центральном отоплении булькает да временами поет унитаза. Можно было бы, конечно, девушкой обзавестись, но дело в том, что я морально выдержанный. Во всяком случае, так у меня в характеристике записано, а по-моему, каждый человек должен соблюдать свою характеристику. В общем, скука смертная... Бессонница. Наглотаюсь снотворного и являюсь на работу с опозданием. Начальство, естественно, недоволено. Даже обижается.

— Мы, — говорит, — Фомин, тебя из глубинки, как репку, выдернули, четыре комнаты дали, а ты систематически на работу опаздываешь.

До того мне это осточертело, что решил я строить свой быт наоборот. Приду с работы, валюсь на раскладушку, высплюсь как следует, а ночью бодрствую, по улицам хожу. В основном по вокзалам околачиваюсь. Все-таки людно, пирожок можно съесть, стакан газировки выпить, газетку завтрашнюю купить.

Как-то присел я на Казанском на лавочку отдохнуть. Пирожок жую. А рядом человек с огромным портфелем спит. Положил голову на портфель и спит. Приличный такой человек: шапка пыжиковая, пальто нейлоновое. На ноги ему бабка какая-то узел положила, на спине чемодан чей-то стоит, а девчонка напротив сидит, апельсин чистит и норовит этому приличному человеку в глаз кожурой попасть.

Жалко мне стало бедолагу. Разбудил я его и говорю:

— Пойдем ко мне, переночуешь. У меня такая большая квартира, что я ночью даже блужу, пока туалет найду.

Посмотрел на меня человек и говорит:

— А если ты меня ограбишь? У меня шапка пыжиковая, двести рублей денег и бутылка коньяка.

— Коньяк мы выпить можем, — говорю я. — А насчет всего остального, так оно у меня тоже есть: и шапка пыжиковая, и деньги.

— Ну ладно, — говорит человек. — Пойдем. Только бы нам третий нужен. Как-то неловко пить без третьего.

— Давайте возьмем вон того, с селедкой, — предлагаю я.

А напротив, действительно дядька в сельской необработанной дубленке спит, накрывшись серым картузом, а из сетки, которую он к груди прижал, хвосты селедки торчат.

Разбудили мы дядьку в необработанной дубленке, объяснили ситуацию, и тот, немного подумав, согласился пойти с нами, тем более что его поезд на следующий день уходил, аж в четыре часа дня.

Купили мы еще хлеба батон и пошли ко мне домой. Зажег я свет во всех комнатах, радио включил. Тепло, светло, настоящий праздник.

— Только вот мебелью не успел обзавестись, — говорю, — поесть не на чем, да и спать на газетах придется.

— Ничего, мы люди привычные, — отвечают Коньяк и Селедка. — Закусим на подоконнике, а насчет поспать, так газеты — это просто роскошь.

Здорово мы так посидели, вернее, постояли возле подоконника. Хорошими они людьми оказались.

Коньяк в пыжиковой шапке на симпозиум по адаптации инфузории

туфельки приехал из Владивостока и уже третью ночь спит на вокзале, поскольку Управление гостиницами не признало этот симпозиум законным.

— Вы этот свой симпозиум должны в городе Гавре проводить, — сказали они командированным инфузористам.

А почему именно в Гавре — неизвестно. Так что симпозиум вроде проходит успешно, а делегаты спят все на вокзалах.

Селедка в кепке приехал из города Лучинска. У них там в городской бане железная труба упала. Третий месяц народ немывтый сидит, поскольку при падении труба перегнулась пополам, и горисполком командировал Селедку за новой трубой в Москву. Пришлось походить по инстанциям недели две, но вчера, наконец, трубу отгрузили, и можно ехать домой.

Я надул матрац, жена мне надувной матрац с собой дала, накрылся одеялом и заснул, а они долго еще газетами шуршали и каждый про свое толковал: Коньяк о проблемах адаптации и урбанизации, а Селедка все больше о неликвидных фондах, сметах...

На следующий день Селедка уехал, а Коньяк еще две ночи у меня ночевал. Правда, мы опять ходили на вокзал и выбрали себе третьего: директора Разобовского завода тары. Его на проработку в Москву вызвали, да начальника главка забыл и уехал в командировку в Ховрино, а без начальника все дело остановилось: ни гостиницы, ни проработки, и уехать нельзя — командировку не отмечают, говорят, без проработки уезжать не положено.

С директором все кончилось благополучно: вклеили выговор, даже не строгача, и он уехал очень довольный, а у меня потом еще двое поселились. Один, правда, спекулянт потом оказался: скупал в Москве дефицитный товар и отправлял его знакомым для продажи в разные города. Но этому типу я прямо сказал:

— Мотай отсюда удочки.

— А тебе какое дело, чем я занимаюсь? — нахально так он это спрашивает. — Ты что, милиционер?

— У меня, — отвечаю, — в характеристике записано: «Честен и принципиален. Нетерпим к недостаткам». Понял? А я против собственной характеристики не пойду.

Ну он, правда, не стал спорить, съехал с квартиры по-хорошему.

Однажды на Павелецком я Нечипуренко встретил. Еле узнал. Небритый, памятый весь, спит на скамейке в грязных ботинках, под голову сетку с апельсинами подложил. Разбудил я его. Нечипуренко так обрадовался, что дар речи потерял: мычит что-то, головой мотает.

— Друг... Откуда ты взялся? Пять суток по вокзалам... Милиция гоняется... Уборщицы швабрами по ногам... Портфель с отчетом украли...

Увел я своего бывшего начальника к себе, напоил, накормил, дал отоспаться. Отоспался он и говорит:

— Да, счастливый ты человек, Фомин. Каждый день в столице ночуешь... Если бы я каждый день в столице ночевать мог... я бы сельское хозяйство нашей области на такую высоту поднял... На такую...

Говорит, а у самого слезы на глазах. Искренне верит человек: у него оттого урожай плохой, что сам редко в Москве бывает.

— Теперь, Фомин, — говорит, — я у тебя каждый раз останавливаться буду, хочешь ты или не хочешь. Я тебя в столицу выдвинул, а потому имею право.

— Ради бога, — говорю. — Сделайте одолжение. Привет вашей семье. И моей заодно тоже.

Между тем народ на вокзалах прослышал про мою квартиру, валом и повалил. Пришлось одних газет на пол почти на рубль стелить. Разные, конечно, люди попадались, но в основном народ хороший: кто барахлишко приехал купить, кто отпуск провести, по театрам походить, однако, все же больше командированный люд — толкачи. Самые несчастные люди. В смысле гостиниц. Гонят их отовсюду, отлов устраивают. И отсыл назад, домой. Я бы для них министерство какое-либо создал и фонды этому министерству на гостиницы выделил. Но это так, между прочим.

Тут случай вскоре небольшой произошел, который я никак не мог предвидеть. Послали меня в длительную командировку. Возвращаюсь, а в квартире моей народу видимо-невидимо. Устроились уже по-настоящему: кровати стоят, тумбочки, столы, графины, стаканы граненые, на стенах картины Айвазовского «Девятый вал» висят. А главное, в коридоре симпатичная строгая такая блондиночка сидит и ноготки полирует, а перед ней две таблички на ножках стоят. Фундаментально так сделаны, золотом по черному. На одной написано: «Администратор», а на другой — «Мест нет».

Я еще порадовался немного в душе: видно, на этот раз народ с юмором попался.

— Для хозяина-то местечко найдется? — спрашиваю и хочу пройти в комнату, а она удивленно так на меня ресницы, как черные зонтики, поднимает:

— Вы к кому, товарищ? Ваш квиток?

— Какой такой квиток? — удивляюсь.

— Квиток на раскладушку.

— Да я же хозяин этой квартиры.

Тут она потеряла ко мне интерес и говорит:

— Идите проспите. Не мешайте работать, — и дальше ноготки полирует.

Я пытаюсь опять пройти, а блондинка уже сердиться начала.

— Вызову милицию, — говорит. — Хулиганите, а еще в шапке пыжиковой.

Вижу — дело серьезное. Тут, видно, какая-то организация мою квартиру захватила, а тягаться с организацией — дело долгое и хлопотливое. Неизвестно, чем оно может кончиться. Еще характеристику себе испортишь. Напишут что-нибудь наподобие: «неуживчив», «склочник», да не дай бог — «судим», пойдешь тогда доказывать, истец ты или ответчик.

«Бог с ней, с квартирой, — подумал я, — мне она все равно не нужна, пусть люди пользуются».

Сбежал я в соседний магазин — купил коробку конфет и подарил симпатичной блондинке. Она оказалась не такой уж сердитой и, между прочим, поставила мне внеплановую раскладушку в ванной.

Сейчас живу себе я в ванной. Неудобно только по утрам, а так ничего. Все время на людях. Пью с толкачами водку, ем селедку, апельсины — у кого что найдется. За вечер столько наслушаешься про лимиты да про поставки, что валишься на раскладушку и спишь как убитый. На работу перестал опаздывать. Начальство довольно. Одно только плохо. Теща моя, куроедка эта старая, замуж собралась. Это значит, в моем семействе еще один человек появится и его тоже, разумеется, надо к себе прописывать. А наш главк опять дом затеял. Кому пятикомнатная квартира положена?

Конечно, мне...

ДВОРЕЦ ПАДЧЕРИЦЫ

Мы так привыкли к тишине в нашем старом дворике, что, допустим, ночной вой бездомной кошки воспринимался всеми как вопиющее нарушение спокойствия, и на изгнание кошки за пределы двора всегда выходило несколько добровольцев.

Можете представить, как мы были потрясены, когда вечером к нашему двору начала стягиваться мощная строительная техника. Техника концентрировалась вокруг полуразрушенного, очень старого невзрачного здания, в котором располагался овощной склад. Говорят, что какой-то князь когда-то построил здесь дворец для какой-то своей падчерицы.

На следующее утро, ровно в 8.00 техника пошла на штурм дворца падчерицы князя. Дом затянуло пылью и едким дымом, словно осаждаемую средневековую крепость.

Без четверти девять первый штурм был отбит. Когда дымовой заслон упал, стало видно, что дворец стоит целым и невредимым, даже немного посвежел от ударов. Измученные строители, уважительно проклиная старых мастеров, ушли пить пиво.

— На яйцах, гады, замешивали, — ругались они.

— А может, и на крови... этой падчерицы.

Штурм возобновился с новыми силами и шел честно до без четверти одиннадцать. Дворцу опять ничего не сделалось. Атакующие побросали технику на поле брани и отступили под защиту форта «Вино».

До утра военных действий не было. На поле брани установилось вооруженное перемирие.

Жильцы нашего дома волновались.

— Рвать будут.

— Опасно: очень тесно вокруг.

— Дался он им, этот дом-то.

— Умели раньше строить. Точно — на крови этой девицы замешивали.

Все ждали дальнейшего развития событий. Сочувствие, как это ни странно, было на стороне мученицы-падчерицы и древних каменщиков.

Следующий день был точно таким же, как и прошлый, и не принес ни одной из сторон ни малейшего перевеса.

На третий день вышел из строя мощный финский экскаватор. Его чинили две недели. Потом произошло более серьезное событие: с троса сорвалась чугунная баба и улетела за пределы нашего двора. Только по счастливой случайности обошлось без жертв.

Неизвестно, может быть, строители добились бы и более значительных успехов, но после того как заместитель бригадира разбежался и с громадной скоростью, подбадривая себя жутким воплем, устремился на штурм дворца падчерицы, выставив вперед лишь голову в желтой каске (психованного замбригадира удалось перехватить лишь в последний момент), — после этого бригаду с объекта убрали.

Новая бригада — люди более пожилые, а поэтому более опытные выключили мощную технику и принялись, не торопясь, рыть лопатами рядом с дворцом огромный котлован. На недоуменные вопросы зевак строители флегматично отвечали:

— Тык зачем она, техника-то? Лопатой и сподручнее, и денег потратят по-более.

— А яма, яма для чего? — горячились зеваки.

— Тык... как это зачем? Ежели яма есть, в нее обязательно кто-нибудь упадет.

— Кто же? Уж не дворец ли падчерицы?

— А почему бы и не упасть дворцу? Хуже он других, что ли? У моих сродственников на селе шесть элеваторных этажей в силосную яму ушло, а яма-то силосная и подалее от дома и пожже нашей будет.

— Ну хитрецы, — крутили головами зеваки. — Ну дают. Так и до пенсии можно работать.

— Тык а чего же...

И в самом деле. Шли месяцы, котлован рос и рос понемножку, строители время от времени шумно отмечали прогрессивку, а дворец падчерицы и не думал падать. Оказалось, что у него имеется мощный фундамент, который уходил чуть ли не в центр земли. Появились грунтовые воды. Поставили насосы. Воды прибавилось, так как забились родники. Постепенно котлован превратился в озеро. К лету он зарос камышами, покрылся ряской. Откуда-то прилетели полудикие утки, забились плотва... Появились мальчишки с удочками.

Жить стало просто благодать. Тишина, свежесть, попискивает какая-то болотная нечисть, лунная дорожка прямо под окнами серебрится Курорт посередине города.

Общее благодушное настроение портил только нервный заместитель бригадира. Иногда он появлялся в оранжевой каске и с ломом наперевес бросался против дворца падчерицы в психическую атаку. Его перехватывали возле кладки и уводили отпаивать портвейном.

— Ты не лезь на стенку, Вася, — убеждали замбригадировские дружки. Зачем она нам, такая кладка-то? Строить надо так, чтобы легко можно было ломать. Видал, с асфальтом как? Сегодня настелил, а завтра вжик — и нет асфальта. А если бы асфальт на падчеровской крови замешивали? Как тогда? Опять котлованы рыть? Вот то-то... Выпей и иди в камышах посиди. Мы тебе удочку дадим.

Вскоре строителей куда-то забрали, и про дворец падчерицы князя все забыли. Через год камыши превратились в непроходимые заросли, и в них к осени завелся небольшой тигр. По ночам тигр рычит на луну, и ему страшными воплями отвечают с крыш бездомные кошки. Да еще нарушает идиллическую тишину нервный замбригадира, который иногда поздно вечером бродит вокруг дворца.

— Конечно, — бубнит он. — На крови падчериц всякий дурак построит. А ты попробуй слепи стену, когда кирпич в руках как пряник, а цемент как манная каша.

Но тигр, наевшись отбросов из мусорных контейнеров, вскоре засыпает, Вася уходит домой, кошки разбегаются по своим кошачьим делам, и у нас во дворе устанавливается благостная тишина.

Да, умели раньше строить...

ЗАТУМАНЕННАЯ ГОЛОВА

Однажды в мой кабинет робко постучался и вошел скромный молодой человек с бородой-мочалкой и огромным туго набитым портфелем из кожзаменителя.

— Вы будете главным редактором? — тихо спросил он.

— Да, — ответил я. — Но однако, сначала надо...

— Я уже там был, — ответил молодой человек и скромно кашлянул в бородку-мочалку.

— Тогда пройдите... в...

— И там я уже был. Я везде был.

Молодой человек присел на краешек стула в дальнем углу и уставился на меня преданными собачьими глазами.

Я подписывал рукописи, некоторые бросал в корзину, отвечал на звонки, запекал сотрудников, ел бутерброды с колбасой и совсем уже забыл про молодого человека с портфелем из кожзаменителя, как вдруг к вечеру мой взгляд, привычно скользнув по часам на стене, затем по инерции с часов — на кадку с пальмой, зафиксировался на некоем темном образе в дальнем углу. Это был тот самый молодой человек.

— Так вы еще не ушли? — удивился я.

— Я хотел попросить вас, но только боюсь быть слишком навязчивым...

Я с тоской посмотрел на его огромный портфель.

— Вы написали роман? Так это вам надо...

— Нет, нет, что вы! — испуганно воскликнул молодой человек. — Я вообще ничего не пишу, даже писем. А вы, наверно, подумали, что я графоман?

— Ну что вы... — пробормотал я, кривя душой. — У вас там мемуары?

— Вы имеете в виду мой портфель? — молодой человек ткнул локтем в бок портфеля и тот испуганно звякнул. — Нет, это я ужин семье нес. Батон, знаете, колбасу, кефир, селедку. Селедка баночного посола попала. Прямо недалеко тут от вас, в рыбном, на углу. Может быть, вам надо? Я могу отдать одну, я себе пять штук купил. Наша семья вся любит селедку. Хотите?

— Нет! — ответил я быстро и решительно. — Я не люблю селедку!

Молодой человек сконфузился:

— Может быть, вы думаете, я взяточдатель? Хочу пристроить свой рассказ?

Я горячо запротестовал. Молодой человек улыбнулся:

— Это хорошо, что вы не подумали так. Я, знаете ли, люблю делать подарки, а понимают это не совсем правильно... Я рад, что вы правильно меня поняли... На Тверском бульваре сегодня горячие пирожки выбросили. С капустой. Вы любите пирожки с капустой?

— Да, — неосторожно вырвалось у меня. Я действительно обожал пирожки с капустой.

— Вот... тогда... пожалуйста... — молодой человек залился краской и выложил завернутые в промасленную бумагу, похожую на картон, которым застилают полы во время ремонта, пирожки. — Ешьте, пожалуйста...

Я машинально развернул сверток и увидел два пухлых, румяных, источающих запах жареной капусты пирожка. Не знаю уж как это получилось, но я в два укуса проглотил пирожок, а второй машинально завернул в тот же картон и сунул в стол.

— Сыну отнесу, — зачем-то сказал я. Это совсем уж было глупо.

— Мой тоже любит, — сказал человек с бородкой. Нам обоим было как-то неловко.

— Так того... может, у вас есть рассказы, а вы просто стесняетесь... Я могу прочитать... В виде исключения, конечно... У нас есть, правда, специальные литературные консультанты...

— Что вы! Что вы! — замотал человек бородой-мочалкой. — Я же вам сказал — не пишу ничего! Даже стихов в детстве не писал.

— Так чем тогда обязан?..

— Я хотел с вами поговорить. Я давно уже мечтаю с вами поговорить. Я был во многих местах, но, по-моему, только вы...

— Слушаю вас, — сказал я обреченно. Теперь я понял, с кем имею дело. Этот человек был тихий изобретатель вечного двигателя. Такого не выгонишь, на него не накричишь... Его надо просто выслушать. Сидеть и слушать хоть всю ночь, иначе он придет на следующий день. И на следующий. И опять. Пока самому не надоест.

Между тем человек с трудом приподнял свой портфель и передвинулся ко мне на два стула ближе.

— Видите ли, в чем дело. Я внимательно читаю вашу газету. Как говорится, от корки и до корки. Все. Понимаете — все! Я и другие издания читаю, но именно ваша вызывает у меня наибольшее удивление.

— Вот как?

Признаться, я не предполагал, что разговор пойдет в этой плоскости.

— Да! Больше всего меня поражают очерки. Как вы их пишете? Почему начинаете то так, то этак, то середина у вас оказывается в конце, а конец залазит в середину. Зачем вы так делаете? Я ничего не понимаю. Ведь есть же теория очерка, есть классические образцы, есть мастера. Есть законы жанра, наконец! Вы это специально делаете?

Молодой человек придвинулся ко мне еще на два стула и заглянул в лицо:

— Если специально, то вы издеваетесь над жанром! Вас просто надо снять с работы. Если вы делаете это не нарочно, так сказать, не ведаете, что творите, то вам надо учиться. Учиться серьезно, профессионально. Ответьте мне! Только честно! Не вилийте!

— Мы просто хотим, как лучше, — пробормотал я.

— Как лучше? — ахнул молодой человек. — Неужели вы правда так считаете? Вот взять, например, лично ваш последний очерк. Ведь в нем пять колонок описания природы и только двадцать три строки о самом герое!

— Так мой герой ведь лесник... — начал я и вдруг осекся. Неожиданная мысль пришла мне в голову. А не пригласить ли этого чудака к нам на месячную летучку. Так сказать, неожиданный взгляд со стороны на все, нами написанное. Парень эрудированный, теоретически подкован, может, и скажет что дельное.

Я высказал свою мысль вслух, и парень с бородкой-мочалкой охотно согласился. Мы расстались по-дружески, и он, довольный, уволок наконец свой объемистый семейный портфель.

В назначенный день люди собрались на летучку, я и думать забыл о своем знакомом, сделал небольшой доклад по вышедшим номерам и вдруг увидел его. Сидит в уголке в обнимку со своим опять огромным портфелем, бородку-мочалку пощипывает и внимательно так меня слушает.

Ну, после доклада, как это и положено, развернулись страсти. Кричат, ругают, хвалят, восторгаются, проклинаят. В общем, как всегда. Только тот, с портфелем, молчит. Ну, когда перекипели все, я и говорю:

— Товарищи, тут вот к нам читатель пришел. Интересно послушать его мнение. Пожалуйста, молодой человек.

Человек с бородкой встал, помолчал, потом хлопнул себя по кудрявой голове и воскликнул:

— Или я нормальный, а вы все сумасшедшие и вам надо серьезно лечиться, или я сумасшедший и мне надо серьезно лечиться, а вы все нормальные. Ведь вы хвалите то, что плохо, и ругаете то, что хорошо!

Что тут началось! Боже мой! Гвалт, вопли! Но парень не сдаётся, отстаивает свою точку зрения. Оказался он действительно хорошо подкован в вопросах теории, крыл цитатами из классиков, подводил теоретическую базу, строил прочную цепь логических доказательств.

И тут родилась идея. А не взять ли его нам в штат редакции? У нас есть должность — называется «свежая голова», то есть человек, который весь день отдыхает, а потом на свежую голову читает целиком номер, вылавливает ошибки. Не сделать ли антипод «свежей головы», так сказать, «затуманенную голову»? Пусть она копается в номере своими логическими звеньями, может, что и выкопает.

И мы зачислили парня с бородкой в штат. Взаялся он за дело горячо. Ругал нас ужасно, обзывал сумасшедшими, но иногда из его набитой теорией головы мы что-нибудь вылавливали для себя, какую-нибудь шальную идею. Поэтому и держали. Звали его Аликом. Вскоре освободилась должность заведующего отделом, подходящей кандидатуры не оказалось, в кабинет пока посадили Алика. А потом как-то привыкли. Сидит в кабинете заведующего, и пусть сидит. Сумасшедшие мы, так сумасшедшие... Газета-то все равно выходит.

Вскоре я перешел на другую работу, потом вышел на пенсию, занялся литературой. Пробую писать рассказы и ношу их в свою бывшую газету. Редактором там сейчас Алик. Видно, зашел как-то в редакторский кабинет случайно, да и привыкли к нему. Пусть себе сидит. Газета-то все равно выходит. Конечно, растолстел, полысел, приобрел бас, но остался прежним.

— Или ты нормальный, а я сумасшедший, и мне надо серьезно лечиться, или ты сумасшедший, а я нормальный, и тебе надо серьезно лечиться, — говорит «затуманенная голова», прочитав мою рукопись. — Где логика? Где законы жанра? Почему у тебя нет завязки, кульминации и развязки? Ты что, бредишь?

Мы спорим час, два, три. Потом я забираю свою рукопись, вздыхаю и кладу на стол «затуманенной головы» два пирожка с капустой, купленных на Тверском бульваре.

«Затуманенная голова» почему-то быстро и сердито съедает их, и в его глазах я читаю жалость к себе.

— Бросил бы ты писать, — говорит бывший мой сотрудник, — да пошел в ночные сторожа. Сторожа везде сейчас нужны. И платят им хорошо.

Я бреду домой огорченный и гоню от себя упорную мысль о сторожах, которым хорошо платят...

Генриэтта Михайловна Назина родилась в рабочем поселке Таловая Воронежской области. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Преподавала немецкий и французский языки в различных учебных заведениях, профессионально занималась журналистикой. Автор нескольких детских книжек и сборника рассказов «Соблюсти душу», публикаций в столичной, областной и районной периодической печати.

Генриэтта Назина

БРОШЕНКА

Рассказы

Под Восьмое Марта Клава Рожкова и ее одноклассники сидели в библиотеке детдома. Они готовили сюрпризы-поздравления учителям и своей воспитательнице Кире Сергеевне. Каждому хотелось сделать что-то необыкновенное. Клава клеила корзиночку из цветной бумаги. А ее подружка Галя Лосева предложила начать поздравление воспитательнице словами: «Дорогая мамочка, Кира Сергеевна...» Кто-то из ребят вспомнил свою маму. Разговор пошел о мамах. Тут Клаве захотелось всех удивить.

— А моя мама самая красивая, самая лучшая! — воскликнула она.

— Ой, где она, твоя мама?! Ты ее хотя раз видела?! — ехидно засмеялся Вовка Смоляков. — Ты же брошенка!

Клава побледнела и вскочила: — А ты, а ты..., — и, не найдя, что сказать в ответ, бросилась на Вовку с кулаками.

Вошедшая в библиотеку Кира Сергеевна разняла их. Чтобы погасить конфликт, отправила девочек покататься на санках.

Клава выбирала самую крутую горку, ложилась на санки и мчалась вниз. Санки переворачивались, она со смехом барахталась в сугробе.

Из приемного отделения вышла дежурная нянечка и позвала ее:

— Клабочка, к тебе пришли! Иди в спальню и переоденься.

— Не-е, я так! — радостно закричала Клава и бросилась в приемное отделение. Она на ходу гадала, кто бы мог к ней приехать. Потому что за все годы ее пребывания в детдоме никто и никогда ее не навещал. Она знала, что после рождения мать оставила ее в роддоме. И все же в сердце жила надежда: «А вдруг!» Растрепанная, в шапке набекрень и вся в снегу Клава влетела в приемную. За столом сидела заместитель директора детдома Раиса Алексеевна и беседовала с незнакомой женщиной, одетой в норковую шубу. Рядом с ней была девочка помладше Клавы года на два.

— Вот и наша Клава, — улыбнулась Раиса Алексеевна. Женщина с удивлением рассматривала Клаву. Потом подошла к ней и погладила по голове:

— Мы за тобой приехали, Клавочка. Это твоя сестренка Людочка.

— Так Вы моя ма..., — Клава не закончила, разрыдалась. Вместе с ней плакали Раиса Алексеевна и Зоя Григорьевна. Так звали женщину, решившую удочерить Клаву...

Прошел месяц. Зоя Григорьевна привезла Клаву назад в детдом. Девочка с улыбкой вошла в спальню. Подруги окружили ее, затормошили обрадованно.

— Мама Зоя уезжает в командировку на месяц. Вот я и приехала погостить к вам, — пояснила свой приезд Клава.

А в это время Зоя Григорьевна нервно говорила Раисе Алексеевне и Кире Сергеевне:

— Понимаете, думала, что Людочке сестренку обрету. А она с ней грубит, берет без разрешения ее игрушки, вещи. И, вообще, она неуправляемая. Иду с работы, а соседи мне говорят: «Ваша Клава антенну на крыше чинит». Я в ужас пришла. Как она могла забраться на пятиэтажный дом?!

— Все ясно, Зоя Григорьевна, — сказала Раиса Алексеевна. — Только мы Вас предупредали насчет характера Клавы.

А Кира Сергеевна не выдержала и сказала в сердцах:

— Она же не собачка, которую можно взять и вернуть. Как Вы можете так поступать с ребенком?! Зоя Григорьевна, Вы же в душу, израненную одиночеством, плюете!

Прошел месяц. Клава ходила грустная, и все смотрела на дверь приемного отделения.

— Наверное, моя мама заболела, — сказала она подружке Гале. — Я ей позвоню.

Они пробрались в дежурную комнату, когда воспитатель ушел на обход по этажам. Клава набрала номер.

— Слушаю, — прозвучал голос Зои Григорьевны.

— Мамочка, почему ты за мной не приезжаешь?! Я скучаю по тебе, Люде, — заплакала в трубку Клава. Вместо ответа послышались частые гудки. Клава набирала еще несколько раз номер телефона. Стоило ей произнести: «Мама Зоя», как на другом конце провода снова звучали прерывистые гудки.

На другой день Клава решила позвонить через 07. Она убедилась, что «восьмерка» сломалась, поэтому мама Зоя не может ей ответить. Добрая телефонистка междугородней станции, выслушав плакавшую Клаву, набрала ей нужный номер.

Несколько дней подряд Клава со слезами просила в молчавшую трубку забрать ее домой. И вместе с ней плакали телефонистки междугородней, невольно ставшие свидетелями неутешного детского горя.

ГАРМОНЬ

Вера Николаевна проснулась от петушиного пения. За окном еще плавали предутренние сумерки. Она оделась и вышла во двор. Пока умывалась, светло-розовые полосы рассвета заполнили горизонт за Хопром. Река была где-то там внизу под горой. А за ней зеленел лес. Вера Ивановна представила себе песчаную дорогу, которая петляла среди вековых сосен. Когда-то она упиралась в казачьи курени хутора Кольцовского. «Эх, дед Яша, сколько ты старался казаков добрых на хутор собрать! Пусть и куреней было чуть более двадцати, а как дружно жили да складно работали. А вот теперь от нашего хутора бугорочки только что и остались», — вздохнула она. « Попрошу-ка внука Толяшу: пусть на Троицу свозит на старое кладбище над озером. Проведаю родные могилки ».

Первые лучи солнца брызнули неожиданно сквозь листву старой груши, заплясали светлячками в росной траве. «Ой, чтой-то я размечталась!» — спохватилась Вера Ивановна. Достала из сарая косу и вышла на улицу.

В первый год после переезда с хутора в город ей было удивительно, что соседи не обращали внимания на чертополох, росший перед палисадниками. Хотя во дворах и на огородах у всех были чистота и порядок. Она представить себе не могла, чтобы в хуторе на майдане вот так бы вольготно рос бурьян. Однажды не вытерпела и выкосила траву вдоль улицы. Соседи удивленно похвалили ее, а потом и привыкли.

Вера Ивановна взмахнула косой. И вжик — вжик... — бурьян падал ей под ноги. Она настолько была увлечена работой, что не заметила, как подошла дочь Зина. Ее глаза были заплаканы. В руках она комкала листок бумаги. Вера Ивановна вопросительно взглянула на дочь.

— Телеграмму принесли, папаня умер, — еле выговорила Зина и заголосила. — Ой, грех мне, маманя! И почему же я не разрешила ему приехать в прошлом году?! Он же так просился...

— Ну, будет плакать-то, — спокойно сказала Вера Ивановна и пошла в дом. Зина последовала за ней.

— Бабушка, давай тебе укол сделаю, — шагнул им навстречу Анатолий.

— Еще чего выдумал! — Вера Ивановна села на стул и приказала: — Ты мне лучше гармонь дай-ка, внук.

Анатолий подал ей старенькую «хромку». Она уверенно вскинула ремень на плечо и, заиграв, запела еще достаточно сильным для девяностолетнего человека голосом.

— Летят утки и два гуся. Ох, кого люблю, кого люблю, не дождуся... — пела и вспоминала.

Василий вернулся домой после дня Победы через месяц. Вера загоняла овец на баз, как слышался знакомый голос:

— Хозяюшка, а служивого примешь на ночлег?

Ноги у нее подкосились. Она только и успела всплеснуть руками, закричать:

— Вася-я-я!

Он подхватил ее, да так и внес в дом. Дети за столом удивленно замерли, увидев их. — Ну что, детвора, вот и наш папаня с войны вернулся! Встречайте! — весело произнесла Вера.

За ужином Василий долго рассказывал ей о службе интендантом во втором эшелоне при штабе.

— Кое-что припас для тебя и детей. Завтра привезу из города, — пообещал он. Вера не узнавала мужа. Он был самодовольным и показался ей чужим.

Утром, наняв полуторку, Василий поехал на станцию. В дом зашла почтальонка Настя и, волнуясь, выпалила:

— А Васька-то твой кралю с собой привез! В городе ее оставил... Василий вернулся к обеду и занес вещи в дом. Стал показывать отрезы габардина, платья, кофточки, шубы, мужские костюмы, детскую одежду. Вера безучастно смотрела на все это.

— Чего так смотришь, не рада?! Бери, все тебе, ребятишкам, — Василий приподнял охапку вещей и бросил к ее ногам. Вера поморщилась и сказала:

— Чужое это все, не наше. Вези-ка лучше своей любовнице. Мне ничего не надо. Разве, что эту гармонью возьму: она наша новая «хромка».

Вера вытащила из кучи вещей новенькую гармонь. Растянула меха и заиграла марш «Прощание славянки».

— Чего, гонишь от детей?! — разозлился Василий.

— Уходи! — Вера серьезно сдвинула брови и отвернулась к окну.

— Верочка, опомнись! Поедем в Ташкент. Дом куплю, детей растить будем, — он подошел и попытался обнять ее.

— Уезжай! — она отвела его руки.

— Ну, знаешь! — Василий спешно стал запихивать вещи в мешки и вытаскивать их на улицу. Вскоре она услышала, как от дома отъехала машина. Вера тяжело вздохнула. В ее глазах стояли слезы. Она подняла с пола гармонь, заиграла и запела:

— Ой, да со вечера, с полуночи....

Потом стала приплясывать. И тяжесть разлуки с любимым притуплялась постепенно, таяла. В дверь заглянула Шура, ее напарница по работе. Она с ходу ошаршила Веру новостью:

— Поешь, плясешь, а сено для волов наших забрали.

— Как забрали?! Кто?!

Вера положила на кровать гармонь.

— Кто, кто. Уполномоченный из райкома партии. Говорит, что в соседней области засуха, помочь надо.

— А мы чем волов кормить будем, а?!

— Парторг сказал, что соломой.

— Вот он пусть сам ее и ест!

Хорошей соломы в колхозе не хватило. Вера и Шура таскали животным гнилую с заброшенной риги. Но волы от такого «рациона» все же сдохли.

Как-то вечером Шура пришла к Вере, изрядно выпивши, и бухнула на стол полбутылки самогона:

— Помянем волов наших, что ли, — и заплакала.

— Ну, скажи, подруженька, зачем мы жилимся в колхозе за «палочки», что видим-то?! Вон. Клавка Трунова в город укатила, буфетчицей на станции работает. Вчера приехала в крепдешиновом платье, туфли дорогие. Смеется над нами, мол, мы дуры.

— Может и дуры!

Вера смахнула со стола бутылку. Она покатила по горнице, расплескивая по желтым половицам мутные брызги. — Но кто, Шур, на земле работать будет, а?! Мужиков в колхозе раз, два и обчелся. Кто голову на войне сложил, кто сбежал, как мой муженек, — она встряхнула подругу за плечи. — Иди, проспись, завтра рано вставать!

Июньским днем звеном пололи бахчу. Неожиданно для всех Шура заявила:

— Бабоньки, я замуж выхожу!

— За кого? Чей он?! — затормошили ее женщины.

— Да вдовец из Варварино, старше меня на двенадцать лет. На троих детей иду. Неженатые-то мои ровесники, сами знаете, в чужих землях лежат.

Свадьбу играли скромную, но веселую. Вере казалось, что ее гармонь расплавится от задорных мелодий, частушек и песен. Плясали с присвистом. Даже сосед Шуры дед Фомич выделял в кругу такие коленца, пристукивая деревянным протезом, выкрикивая:

— А ну, казаки, расступися!

К Вере подсел бригадир Агеев. Пьяно зашептал:

— Верунька, провожу тебя до сеновала?!

— Да пошел ты! — Вера грубо оттолкнула его и выбежала на улицу.

— Ишь ты, соломенная вдова! Попомнишь меня, — неслоь вслед... Женщины грузили собранные арбузы, когда приехал парторг Васильев.

— Молодцы, девчата, хорошо потрудились! Троих из звена посылаем в Москву на ВДНХ.

Среди названных ударниц фамилии Веры не было. Шура, которая значилась в списке, первой загорячилась:

— Я без Кольцовой не поеду! Почему ее не послали, а?!

— Я не против ее кандидатуры, — засмеялся парторг. — Но Агеев Вере Ивановне отрицательную характеристику дал, мол, Кольцова грубовата.

Вера шла домой медленно, стараясь отогнать от сердца обиду, когда ее окликнула почтальонка Настя:

— Верусь, тебе письмо от мужа!

Посмотрела на адрес и удивилась: жил, вроде бы, в Ташкенте, а письмо из Волгодонска. Писал, что очередная жена покинула его по той причине, что попал под суд. В кладовой, которой он заведовал, ревизия обнаружила недостачу. Так и оказался на тяжелой работе в Волгодонске.

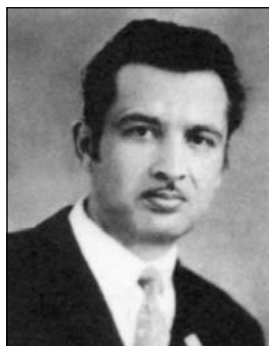
— Верочка, пришли мне масла и меда подлечиться. Приезжай проститься, а то скоро помру... — писал он. Вера исправно посылала Василию посылку за посылкой. А потом поехала его проведать. И снова обман: муж работал кладовщиком, выглядел хорошо, питался тоже неплохо. Вера только и сказала ему:

— Эх, ты, перекаати-поле! Я же от детей отрывала, чтобы тебе послать. Больше не пиши нам! — и уехала.

Ночами она вспоминала Василия, как встречались, как жили дружно до войны, троих детей растили. Она любила его по-прежнему. И он был для нее единственным навсегда! Когда становилось плохо от тоски, она брала гармонь, садилась на лавочку у ворот и играла...

Вера Ивановна умерла несколько лет назад, немного не дожив до ста лет. А гармонь-хромку хранит, как дорогую реликвию, внук Толяша.

Адольф Иванович Беляев (1932—1975) родился в селе Михино Таловского района ЦЧО. Окончил историческое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета. Работал учителем истории и немецкого языка, сотрудником районной газеты. С 1965 года жил в Липецке. Автор поэмы «Крылья», книги стихотворений «Звездочет». Посмертно изданы поэтические сборники «Атлантида», «Баллада о любви».

Адольф Беляев

ПОРУКА

СТЕПЬ

Молний лиловатые изломы...
В блеске их, куда ни погляди, —
Древние курганы, как шеломы,
По степной раскиданы груди.
Не тобой ли, степь моя седая,
Кривоног и ликом желтым гол,
К лошадиной гриве припадая,
Проскакал оскаленный монгол...
Стыли пепла черные сугробы.
Хлеб под ним в чахотке черный чах,
Но стояли насмерть хлеборобы
В стиранных рубахах на плечах.
По-над степью вороны кружили,
А они, в лаптях и без брони,
Топорами ворогов крушили,
Прошептав: «Господь, оборони!»
Но не он — они оборонили
Степь свою, кормилицу свою.
И потом ее же боронили
Руки, огрубевшие в бою...
Не с того ли, коли выйду в поле,
Где густеет паханный мазут,
До тоски, до радости, до боли
Плечи мне разламывает зуд...
Это предков кровь во мне грохочет,
То ее бунтарская струя...
Здравствуй, труд!
А если враг захочет —
Будет бой.
Порукой — кровь моя.

ОБЕЛИСК

Сталинград... Перед глазами встало,
Все другое разом заслоня:
Смерчи смертоносного металла,
Бешеное пиршество огня.
Здесь, среди пожарищного плена,
Мы сдержали воинский обет,
Перебив о волжское колено
Ворогу несытому хребет.
Сталинград! Планете стал ты близким.
Заводскими трубами трубя...
Ты стоишь прекрасным обелиском
Над могилой павших за тебя.

ЖАТВА

Сроки сжаты, и зубы сжаты.
На зубах перехруст зерна —
Снова жарким дыханьем жатвы
Вся Россия опалена.
Рокот гроз и моторов рокот.
Но, как грозы ни угрожай, —
Рукава засучив по локоть,
Пожинаем мы урожай.
Он сегодня — высокой пробы,
По-червонному он звенит.
Золотого зерна сугробы
По ночам золотят зенит...
Тронь ладонью разлив пшеницы
И чуть-чуть притуши глаза —
И завспыхивают зарницы,
И в сердцах рокотнет гроза.
Но слышнее — моторов рокот.
Сколько грозы ни угрожай.
Рукава засучив по локоть,
Пожинаем мы урожай.
Он сегодня — высокой пробы,
Нету выше на свете проб.
Все в России мы — хлебобобы,
Каждый сызмала — хлебобоб.

РОССИЯ

Россия! Поп, да царь, да лапоть,
Да в окнах стылая луна,
Где бабам — выть, детишкам — плакать,
А мужикам — сгорать с вина.

Россия! Избы, как старухи,
Сквозь маету, сквозь нищету
Вздымают ветел хилых руки
К неумолимому Христу.

Трепещут крыш седые космы,
Но все плотнее от тоски
На очи-окна лезут косо
Завалин черные платки.

И беспощаден, как дубина,
Сводя с ума, сводя с ума,
Гнусавит маятник-судьбина:
Сума — тюрьма, тюрьма — сума...

...И вот, Россия, ты ли это?!
Да! Ты, Россия, ты сама!
Как богатырь, от сна восстала
И у планеты на виду
Луну, как яблоко, достала
И приколола к ней звезду.

И под зубов заморских скрежет,
Среди вселенской тишины,
Надзвездный мир ракетой режут
Твои бессонные сыны.

Россия! Чем могу ответить
На право жить в твоём краю?
Пока стихи возьми вот эти.
А если надо — жизнь мою!

Александр Сергеевич Репко родился в 1948 году в Курске. Окончил переводческий факультет Института иностранных языков им. М. Тореза. Работал когегаром, чертежником, школьным учителем, переводчиком на Горьковском автомобильном заводе и в НИИ сельского хозяйства им. В.В. Докучаева в Таловском районе Воронежской области. Автор переводов прозы немецких, швейцарских, английских и американских писателей XX века, среди которых Г. Гессе, Ф. Дюрренматт, З. Ленц, Г. Бёлль, Б. Брехт, Т. Манн, Г. Кант и другие. Публиковался в журналах «Иностранная литература», «Знамя», «Подъём».

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОЗА В ПЕРЕВОДАХ АЛЕКСАНДРА РЕПКО

Уильям Сароян

**ПРЕД ТОБОЙ, ЛЮБОВЬ,
КОЛЕНА ПРЕКЛОНЯЮ!**

Проснувшись, я никак не мог сообразить, какой день, который час и что это вообще за город. Сообразил только, что нахожусь в какой-то гостинице. И то ли очень уж поздно, то ли город совсем маленький. Не мог я определиться и с тем, как лучше поступить, — встать или продолжать валяться в постели. Было темно. Понял я только одно: все осталось по-прежнему.

Любовь — нелепица, так было, есть и всегда будет. Она — единственная в мире стоящая вещь, но она — нелепица. Она слишком большое благо для кого угодно, кроме птиц. Она сверх меры прекрасна для любой формы жизни, теснимой всем тем безобразным хламом, которым загромождается человеческая жизнь. Любовь сверх меры прекрасна для тех, кто ходит по земле, носит одежды, трудится ради денег, кто не может быть сыт одной водой и воздухом.

Она слишком большое благо для говорящих животных.

Я проснулся и вспомнил, где я и почему. Я находился в номере гостиницы «Ри-

версайд Хоутел» в Рено¹ и вовсе не по причине развода, так как был холост. В Рено я был потому, что *она* была в Сан-Франциско.

Я не канарейка, не иволга, не перепелка, не малиновка, не колибри или какое другое пернатое, живущее на деревьях или подле них и существующее только для того, чтобы любить другую канарейку, иволгу, перепелку, малиновку или колибри и распевать об этом. Я просто американец. Шутки шутками, но я знаю разницу между доброй здоровой шуткой и любовью, а любовь слишком большое благо для меня или любого другого, вроде меня. Любовь слишком большое чудо. Я не летаю и не чирикаю, и питаться мне надо не чем бог послал. Хотя бы раз в день я должен съедать по кровяному ростбифу, а когда я отдаюсь любви, то совсем не могу есть.

К тому же я не могу быть таким по-птичьи беззаботным, чтобы не видеть себя смешным со стороны. Это не в моей натуре. Для какой-нибудь иволги это, может, и хорошо, но для меня это как-то нелепо. Я могу быть таким, когда у меня нет настоящего чувства, но когда меня забирает, то это слишком прекрасно, чтобы говорить слова. Такая беззаботность в порядке вещей для какого-нибудь смазливового киногероя, но это просто слишком прекрасно, когда ты в Сан-Франциско.

Я уехал в Рено, потому что хотел, чтобы она опять начала есть по-человечески, да и мне тоже позволила питаться регулярно. Я хотел, чтобы она поправилась, — мог бы, значит, поправиться и я.

— Послушай, — сказал я ей в Сан-Франциско, — я все время жутко голоден. Ты не будешь сердиться, если я уеду из города?

— Уедешь из города? — сказала она. — Уедешь ты, уеду и я.

— Ничто на свете не доставило бы мне большой радости, — сказал я, — но если ты поедешь со мной, мы не сможем питаться нормально, а это как раз то, что нам сейчас необходимо. Мы оба измождены. Взгляни на меня, — осталась жалкая тень от того здоровяка, каким я был три недели назад.

— Ты чудесно выглядишь, — сказала она.

— Ну, да, чудесно, — сказал я. — Как человек, моримый голодом. И я действительно очень голоден. Да и ты тоже.

— Ну и пусть, — сказала она. — Если ты уедешь, я уеду с тобой. Я не могу жить без тебя.

— Ой ли? — сказал я. — Без меня, — да, а вот без ростбифа, — действительно нет.

— На еду мне совершенно наплевать, — сказала она.

— Послушай, — сказал я, — тебе просто необходимо поесть и поспать. И мне тоже.

— Я не отпущу тебя, — сказала она.

— Ну что ж, — бог с тобой, — сказал я. — Вместе умрем от голода. Бог со мной, если бог с тобой.

— Бог со мной, — сказала она.

— Ну, бог с тобой, — сказал я, — не поеду. Что будем делать? То есть, — сначала?

Было начало двенадцатого, когда мы вернулись домой из кино и принялись глотать сэндвичи, о которых, как правило, вспоминали лишь тогда, когда они были уже черствыми. Доели маринованные огурцы и выпили по чашке кофе.

¹ Рено — небольшой город в штате Невада. В данном контексте важно то, что Рено — единственное место в США, где можно за один день получить развод. — *Прим. переводчика.*

— А, может, спустимся вниз и немного выпьем? — сказал я.

— Может, все-таки останемся и послушаем фонограф? — сказала она.

И мы легли в постель.

Вряд ли чем мы отличались тогда от колибри.

И все же три дня спустя мы решили, что я должен уехать. Мы посмеялись, и она обещала, что не станет разузнавать, куда я поехал, и не отправится вслед за мной, а я обещал, что не буду писать, телеграфировать или звонить ей.

— Мне нездоровится, — сказала она.

— Не мели чепухи, — сказал я. — Ложись в постель и поспи, а когда проснешься, закажи себе еды побольше. И так всю неделю.

— Ладно, — сказала она.

Я доехал до аэропорта на такси и двумя часами позже был в Рено. А еще через пятнадцать минут уже спал в той самой комнате в «Риверсайд Хоутел». Спал сном младенца, а проснувшись, не мог сообразить, какой день, который час и вообще, — что это за город. Мало — помалу, однако, я все вспомнил.

Я встал, зевая и потягиваясь. Спустился вниз и заказал себе ростбиф. Приготовили его отлично, но ел я без особого аппетита. Не думаю, что он пошел мне впрок. После ужина я пошел прогуляться по городу. Городишко был веселый и приятный, но настроение было все-таки неважным: как мне хотелось оказаться в Сан-Франциско! Поэтому я сел в такси и отправился за город в «Таверну», где выпил восемь или девять порций виски. Когда я вернулся в гостиницу, было четверть третьего. Портье вручил мне ключ от комнаты и одиннадцать записок, в которых просили позвонить по местному номеру 783-Джей. Я поднялся к себе наверх и набрал 783-Джей.

— Где ты? — спросил я.

— В Рено, — сказала она.

— Это я уже понял, — сказал я. — Где именно?

— В гостинице «Леон и Эддис», — сказала она. — Этот телефон, — это тут, на этаже. Я пьяна.

— Сейчас приеду и заберу тебя, — сказал я.

— С тобой все в порядке? — сказала она.

— В полнейшем, — сказал я. — А с тобой?

— Мне хочется плакать, — сказала она.

— Сейчас приеду и заберу тебя, — сказал я.

— Ты ел? — сказала она.

— Да, — сказала она. — А ты?

— Нет, — сказала она. — Я не могу.

— Уже еду, — сказал я. — Как ты узнала, что я в Рено?

— От портье. Я спросила его, не знает ли он, куда ты уехал, и он сказал, что в Рено. И назвал гостиницу. Это ты сам оставил адрес?

— Да, — сказал я.

— А я и не надеялась, — сказала она. — Почему ты это сделал?

— Не знаю, — сказал я. — Наверно, подумал, что, возможно, ты спросишь его. Почему ты к нему обратилась?

— Подумала, — может, ты оставил его ему, — сказала она.

— Уже еду, — сказал я.

«Леон и Эддис» находилась в двух кварталах от моей гостиницы, но я, тем не менее, взял такси.

Когда я увидел ее, — за крохотным низеньким столиком с высоким стаканом в руке, такую одинокую, такую покинутую, то снова почувство-

вал себя больным и счастливым. Только еще сильнее. Это было безумие. Это единственная в мире стоящая вещь, но это было безумие.

— Идем, — сказал я.

Это было слишком большое благо для меня или любого другого, вроде меня, но, казалось, оно было ниспослано мне самим Господом Богом.

Мы пошли в «Риверсайд Хоутел».

— Осталось только одно средство, — поскандалить и возненавидеть друг друга, — сказал я. — Быть мужем и женой нам нельзя.

— Я не буду скандалить, — сказала она.

— Нам просто необходимо найти какой-нибудь повод для ссоры. На это может уйти день или два, но это нам просто необходимо. Если мы ничего не придумаем, будет действительно паршиво. Это ужасно. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, — сказала она.

Мы прожили в Рено одиннадцать дней. Потом я сказал ей то, что она, кажется, и ожидала услышать.

— Все прекрасно, — сказал я. — Я хочу, чтобы все осталось, как есть.

— Хорошо, — сказала она. — И обошлись без ссоры, да?

— Да, — сказал я. — Ты этим расстроена?

— Нет, — сказала она.

— Я рад, что встретил тебя, — сказал я.

Я сел в поезд, шедший во Фриско, и все время, пока ехал, чувствовал себя плохо. Но я знал, что поправлюсь, и поправился.

И хотя на это ушло много времени, ничто не изменилось. Когда три месяца спустя я увидел ее снова, она тоже хорошо выглядела, и мы вместе поужинали.

Это был самый обильный и самый приятный ужин за все время нашего знакомства, и нам все безумно нравилось.

— Чудесно, правда? — сказала она.

— Конечно, чудесно, — сказал я.

Мартин Штаде

КАК Я ПОЧТИ КУПИЛ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ

Каждое утро я становился в дверях террасы и пристально всматривался в перспективу улицы, бывшей собственно и не улицей, а всего-то укатанной лентой песка. Взгляд мой был неотрывно устремлен на эту узенькую сероватую полоску, он выискивал почтальона, который к великому моему облегчению рано или поздно, наконец, являлся-таки и опускал корреспонденцию в почтовый ящик.

Я спускался в сад, со лба у меня стекали струйки холодного пота, я был возбужден как взявшая след гончая, напряжен как туго натянутая тетива лука перед выстрелом, — ведь через минуту я мог стать обладателем бездны удивительных вестей. И чем ближе подходил я к ящику, тем большее волнение охватывало меня. Стоило, однако, извлечь почту наружу и увидеть, откуда она, как все мое трепетно-азартное возбуждение в мгновение ока и без малейшего остатка улетучивалось.

Но вот однажды этот своеобразный ритуал был нарушен. Дело в том,

что мне пришло письмо от какого-то Вюрмелинга из Лобеофзо, и я никак не мог сообразить, чего собственно этому дяденьке от меня надобно. Ни о Вюрмелинге, ни о Лобеофзо никогда прежде я не слышал, вот почему напряжение на сей раз не исчезло вмиг, как бывало прежде, а, напротив, — продолжило нарастать, и я еще раз пробежал глазами обратный адрес, но вычитал из него все то же: «Вюрмелинг, Лобеофзо, Ж.Д. вокзал». Почему вокзал-то, мелькнуло у меня на пути к террасе, и я попытался как-то связать Вюрмелинга с вокзала и себя, и тут во мне поднялась такая душевная смута, что я лихорадочно стал зондировать свою память и свою совесть, то есть обратился к тем духовным инстанциям, что так часто устраивают мне всякого рода подлые каверзы.

За неделю накануне, к примеру, привиделся мне сон, будто я совершил самое что ни на есть натуральное убийство. И самое страшное в этом сне было то, что местность, в которой совершал я это свое преступление, была мне совершенно незнакома. Зато человек, которого я изуверским способом (штыковой лопатой!) лишил жизни, знаком был мне как нельзя лучше. Он чертовски походил на завлита², с которым я последнее время сотрудничал.

А что если это Лобеофзо и есть то самое место, где я совершил свое преступление? Очнувшись ото сна, я попытался освободиться от ужасной мысли, что я убийца, но как ни силился весь тот день, так и не смог отделаться от серьезных сомнений на этот счет, разыгравшая же совесть обрушила на меня новую напасть: меня стало преследовать навязчивое ощущение, будто за плечами у меня, а может над головой, неотступно кружит какая-то огромная черная птица.

А теперь вот еще это письмо от Вюрмелинга из Лобеофзо, с вокзала. Сердце у меня бешено колотилось, горло точно перегородило вдруг заслонкой, и я, как рыба без воды, судорожно хватал ртом воздух. Надо было успокоиться. Для успокоения же ничто так не годилось, как кресло перед моим письменным столом. Ведь, сидя в нем, я мог опереться о подлокотники или держаться за край письменного стола, к тому же всякий раз, когда я беру в свои пальцы ручку, сердце мое наполняется бодрящим чувством безопасности, уверенности в себе, а по всему телу будто благодать растекается. Так что стоит мне опуститься в это мое кресло, как я вмиг преображаюсь, становясь самим собой.

В этот же день все было иначе. Я сидел в кресле, передо мной лежало письмо от Вюрмелинга из Лобеофзо, с вокзала, и письмо это взирало на меня со стола с немой, но явной угрозой, точно вот-вот могло заговорить вдруг об убийстве.

Вюрмелинг. Уже само имя звучало как-то взрывоопасно. Вурм. Вюрмер. Вюрмелинг³. Сердце по-прежнему бешено колотилось, воздуха все так же не хватало, вдобавок стало подташнивать, потянуло на рвоту. Лобеофзо. Сколько себя помню, ничего о нем не слышал! По своему звучанию слово это почему-то ассоциировалось у меня со Скандинавией и навело на мысль о холоде, снеге и студеной воде. А вокзал, с какой стати вокзал? Может, дяденька этот живет там, на вокзале? Крутил, может, колесо, с помощью которого открывают и закрывают переезды, а когда крутил, поднял, может, невзначай голову, да и увидел, как я убиваю че-

² Заведующий литературной частью (обычно применительно к театру). — *Прим. переводчика.*

³ Червь, черви, червячок. — *Прим. переводчика.*

ловека? Какое ужасное неведение! Дрожая всем телом, я схватил письмо, вскрыл его и прочел следующее:

«Кас.: Вашего предложения об обмене от шестнадцатого четвертого сего месяца.

Прошу Вас незамедлительно сообщить, не изменили ли Вы еще Вашего намерения произвести обмен. Я со своей стороны могу предложить вокзал, и мне хотелось бы знать, предлагаете ли Вы к обмену также вокзал. С моего вокзала открывается великолепный вид на окрестную природу. Открывается ли и с Вашего вокзала соответствующий вид на окрестности?

В надежде получить скорый ответ

с самым искренним почтением

*Давид Вюрмелинг,
Лобефзо, вокзал».*

Дяденька мог обозревать сельский пейзаж. Я, когда убивал этого чертова мутанта, — то ли драматурга, то ли лектора, — сначала остановил свою машину, потом вроде бы начал копаться в моторе, будто что-то там было не в порядке, что ли, когда же и он склонился над мотором, я отскочил, схватил штыковую лопату и острой ее частью ударил его сзади по голове.

И тут мне почудилось, что в это самое мгновение где-то совсем рядом вроде бы просвистел локомотив и зазвонил сигнальный колокол. Может, это он как раз только что закрыл шлагбаум?

Никогда не помышлял я обменивать свой дом. И уж тем более не давал объявления о подобном намерении. Не стану скрывать, — был в моей жизни период, когда меня привлекала информация о том или ином доме, который в какой-то мере мог бы заинтересовать меня. Но с тех прошло уже много времени. Последнее предложение я получил примерно с год назад. Продавался Квесебекский замок, расположенный, как любому и каждому известно, в Рупинском округе. В присланном мне письме тамошний бургомистр прямо-таки умолял меня приобрести замок; он и совет общины, дескать, готовы уступить его мне за приемлемую для меня цену. Я выехал на место и осмотрел замок. К моему огорчению он оказался не так велик, как знаменитый Сан-Суси⁴, — это было типичное для архитектуры своего времени строение с тремя флигелями. Зато комнат в нем было значительно больше трех, — то ли тридцать три, то ли тридцать четыре, и это обстоятельство в определенном смысле прельщало.

Покупка не состоялась не только из-за цены. Сумма в сто пятьдесят тысяч вполне меня устраивала, однако мне пришлось бы истратить еще столько же, так как многое в замке обветшало и, следовательно, требовало основательного ремонта. Дело, к тому же, усугублялось тем, что бывшие владельцы именовали себя фон дем Кнебесеками. Первый его хозяин звался Карлом Кристофом Иоганном фон дем Кнебесеком и в чине подполковника служил в лейб-гвардии короля-солдата. Было это году эдак в тысяча семьсот двадцатом. Я втайне питал надежду не только приобрести замок, но заодно и присовокупить к своему имени и это аристократическое «фон», и, уверен, сумел бы утрясти этот вопрос в компетентных органах, но как, скажите на милость, было обосновать мне это странное

⁴ Сан-Суси — знаменитый дворец династии Гогенцоллернов в Потсдаме. — Прим. переводчика.

«дем»? Вот, собственно, почему покупка и сорвалась, хотя в последнюю минуту, уже когда я направлялся к своей машине, бургомистр, поступившись своей сановной гордыней, выбежал на парадное крыльцо магистрата и прокричал мне напоследок вдогонку, чтоб я перестал ломаться, — он, де, если на то пошло, готов уступить еще тысяч пять, а то и все десять.

Но вернемся в сегодняшний день. Как это взбрело дяденьке в голову предложить мне свой вокзал в обмен на мой частный дом, рассчитанный на одну семью? Может, он вознамерился шантажировать меня? Или он возжаждал перебраться из своей провинциальной дыры поближе к крупному городу? Может, он записал номер моей машины, — подкрался как-нибудь неприметно, да и записал, а потом, может, еще и следил за мной, когда я закапывал труп? Может, замыслил теперь донести на меня куда следует? Боже, боже, какое ужасное неведение!

Где оно хоть находится, чертово это Лобеофзо? Я поднялся с кресла, чтобы обрести ясность хотя бы в этом вопросе. Географических карт было у меня несколько сотен. Прежде мне порой чудилось даже, что их несколько тысяч. Это, кстати, один их тех подвохов, которые то и дело учиняет мне мой мозг. Практически я попросту не знал, сколько же их у меня на самом деле.

Точно так же было у меня и с книгами. Несколько лет назад я полагал, что их у меня две тысячи. Потом как-то удосужился пересчитать, и, представьте себе, оказалось, что их всего-навсего четыре сотни. Теперь же, как это ни странно, мне опять кажется, что их было тогда не меньше двух тысяч.

Что касается карт, то сам собою возникает вопрос, на что они мне, то есть зачем, спрашивается, человеку держать у себя такое огромное количество географических и прочих карт. Это самым естественным образом связано с моей страстью к путешествиям. Очень часто, к тому же очень охотно, я совершаю экскурсии, иногда в одно и то же время приводящие меня в весьма отдаленные друг от друга регионы и точки нашей планеты. Совсем недавно, например, я побывал на острове Кэмпбелла, находящемся чуть южнее Новой Зеландии, и еще в тот же день, к вящему своему удовольствию, успел отметить на Шпицбергене. Так вот, с лихорадочной поспешностью я выдвинул все до единого ящички своего письменного стола и приступил к розыску соответствующей карты, и вновь мне в этой связи показалось, что их у меня целая тысяча, и мысль эта привела меня в полное отчаяние. (Кстати, выяснилось, что их всего-то сто пятьдесят).

Я провозился целых мучительных полчаса, прежде чем мне удалось, наконец, определить хотя бы приблизительно месторасположение этого проклятого Лобеофзо и обвести его жирным кружком. И что же?! — после тщательнейшего поиска в квадрате В-8 я вдруг рассмотрел, что местечко это, обозначенное, к слову будь сказано, едва различимой точкой, расположено в каких-нибудь пятидесяти, а то и того меньше, километрах от моего дома, причем где-то в болоте, или, что ближе к истине, на краю болота. Это обстоятельство, с одной стороны, изумило меня, с другой же, позволило мне облегченно вздохнуть, — ведь теперь я почти на все сто процентов мог быть уверенным в том, что не утопил труп в болоте, а честь честью, в полном согласии с нравственными нормами, предал его земле.

Я еще раз бросил на карту резкий пронзительный взгляд, содрогнулся от охватившего меня чувства радости, достал из верхнего ящичка стола лупу и, представьте себе, — обнаружилось, что никакого вокзала в этом Лобеофзо нет. На двадцать километров окрест ни одной железнодорож-

ной ветки. Нет железной дороги, нет, следовательно, и вокзала, заключил я. Второго же Лобефзо в стране не значилось, карта у меня была самая что ни на есть свежая. В последнее время я взял себе за правило покупать только самые новые карты, чтобы не попадать больше впросак, как это случалось со мной еще несколько лет назад, когда я имел неосторожность пользоваться картами еще гитлеровской поры, на которых заранее были обозначены дороги, только лишь намечавшиеся к строительству, но по сей день, как это ни печально, по известным причинам так и не сооруженные. В силу этой своей неосмотрительности мне не раз и не два приходилось к собственному удивлению ловить себя на мысли, что я передвигаюсь по так и не построенной дороге.

Я еще раз облегченно вздохнул и с минуту-другую нервно хихикал. Сердце мое стало давать сбои. Я вышел на террасу, привалился к косяку открытой двери, сделал несколько мощных вдохов, стараясь вобрать в легкие как можно больше кислорода; я еще раз зашелся коротким смешком, но дыхание мало-помалу начало входить в норму, сердце забилося ровней.

В саду правило бал солнце. Оно играючи пробивалось сквозь крону сосен, светло-зеленую листву берез слегка волновал ветер, под самыми разными углами, словно напоказ, поворачивая листики, а внизу, под живительным тенистым покровом деревьев, всего в нескольких метрах от меня, черный как смоль дрозд деловито тащил куда-то пожухлый старый лист. Безо всякой видимой причины он поднял вдруг голову и недоверчиво уставился мне в лицо. Я вновь испытал странный позыв к смеху, наружу, однако, смех не вышел. Мы оба, дрозд и я, замерли, каждый на своем месте, и уставились друг на друга, так длилось несколько мгновений, внезапно он издал пронзительный крик, — жутко скрипучий и словно бы человеческий, на какую-то долю секунды мне невольно вспомнилась птица, которая, как мне чудилось, так неотступно преследовала меня. Но дрозд, до смерти, как мне показалось, напуганный, уже летел прочь поверх берез и вскоре исчез где-то в солнечном просвете между соснами. Но его жуткий глухой и скрипучий крик еще долго стоял у меня в ушах, сам же я, точно замороженный и как бы остолбеневший, все это время стоял в дверях террасы.

Я знал этого дрозда. До сегодняшнего дня он всегда доверчиво смотрел мне в глаза, и не было случая, чтобы он хоть раз прервала из-за меня свои занятия.

Я прошел по коридору к гардеробу, внимательно осмотрел себя в зеркале и обнаружил беспокойную пульсацию зрачков и несвойственную мне бледность в лице.

Этот Вюрмелинг решил ошеломить меня, посеять во мне зерна паники этим своим письмом о несуществующем вокзале. Что означает этот вокзал, — вокзал, которого на самом деле нет?

Четыре дня тому назад я звонил на студию. Секретарша сообщила мне, что завлит вот уже с неделю в отлучке: выехал на переговоры с авторами. — Правда, — прибавила она к моему ужасу, — уже два дня, как должен был вернуться, но почему-то задерживается. К вам ведь тоже заезжал? Или нет?

— Да, да, — торопливо отозвался я, — ко мне тоже заезжал.

Сомнений больше не было. Я его убил.

Вместо него существовал некий фантомный вокзал, причем, и это совершенно очевидно, как раз в том месте, где я совершил убийство. Па-

мять подсказывала, что мне уже не единожды приходилось слышать о странных и необъяснимых вещах, происходящих в таких местах. Например, земля там, бывает, окрашивается в кроваво-алый цвет или, скажем, некогда убиенный объявляется здесь в особо темные ночи в виде всадника, без головы, разумеется, и носится по округе на лихом жеребце. Так почему бы не возникнуть там за одну ночь и вокзалу, в котором убитый... боже праведный, он вынужден нести там службу, пока душа его не будет освобождена. Он написал мне письмо, я, вероятно, единственный человек, который может ему помочь. Теперь мне все стало ясно. Убитый, и только он один, знал убийцу. Потому-то он и написал мне письмо. Имя Вюрмелинг как-то связано с червями, с земляными червями, то есть, в конечном счете, — с землей. Он вышел из земли. Он покинул свою могилу и устроился в заброшенном вокзале. Оттуда и шантажирует меня. Надо было что-то делать. Надо было либо произвести с ним обмен, либо еще раз, на сей раз безвозвратно, бесповоротно умертвить его.

Решение было принято. Я сел за письменный стол, безо всякой опаски небрежным движением кисти отодвинул в сторону письмо и углубился в привычную для себя работу; постепенно я начал приходить в себя, — я чувствовал, как ко мне мало-помалу возвращается былая уверенность, наконец, я окончательно успокоился; сердце билось ровно, дышалось глубоко и свободно;

Когда, ближе к вечеру, пришла домой жена, я был исключительно внимателен, предупредителен и услужлив, помогал ей, чем мог, чтобы настроить ее на позитивную волну.

Позже, после ужина, я, как бы между прочим, спросил ее, не согласилась бы она в качестве постоянного местожительства избрать железно-дорожный вокзал. Поскольку она давно уже привыкла, якобы беспрепятственно, выслушивать от меня странные, с ее точки зрения, вещи, вопрос этот вроде бы не должен был чересчур взволновать ее. В конце концов, вопрос был вполне нормальный, вполне разумный. Живут же многие на вокзалах, самому же мне мысль о жизни на вокзале показалась вдруг прямо-таки манящей. Плюс тут в том, что на вокзалах жизнь всегда «бурлит», что называется «бьет ключом», вокзал — это что-то вроде неиссякаемого источника с живой водой; одни проезжают мимо, следуя в одну сторону, другие проезжают мимо, следуя в сторону совершенно противоположную, третьи уезжают именно отсюда, четвертые приезжают именно сюда, на иных же, случается, наезжают локомотивы, а то даже и переезжают их, короче говоря, для меня и моей профессии, особенно в свете того, что от меня требуют, чтобы я ловил всякое слово, изрекаемое народом, место самое что ни на есть идеальное.

Так вот, значит, я спросил ее, совершенно как бы невзначай, насчет вокзала, а сам в ту же секунду, подумал о том, что своим ответом она, сама того не ведая, подпишет сейчас человеку окончательный приговор. От нее одной зависело сейчас, будет ли он безвозвратно и бесповоротно умерщвлен или сможет в качестве полнокровного и полноправного члена нашего человеческого сообщества вернуться в жизнь.

Как я уже упоминал, никаких веских оснований считать этот мой вопрос странным у нее не было. Однако на сей раз она, как это ни парадоксально, сначала, выкатив глаза, в тупом ужасе уставилась на меня, а потом указательным пальцем постучала себе по лбу. В довершение всего она сообщила мне, что уж теперь-то она окончательно убедилась в том, что у меня не все дома. Я, дескать, либо вконец «засочинялся», либо, дескать,

перечитал. А мое пристрастие к фантастическому, как она, дескать, давно заметила, гипертрофировано, — я, де, пребываю, в полной прострации и смотрю на нее поугосторонним взглядом. И вообще, де, она... тут она разразилась слезами и ее чуть не хватили судороги, однако у нее еще достало сил на то, чтобы выкрикивать какие-то непонятные, бессвязные слова, из сумятицы которых я с огорчением уяснил себе, что она весьма сомневается в моей супружеской верности. Я, дескать, рыдая, укоряла она, в последнее время слишком часто отлучаюсь из дому. А на прошлой неделе, в ночь со среды на четверг, и вовсе вернулся домой далеко за полночь и, как ей кажется, по сей день еще пребываю в экзальтированном состоянии.

— Подлец! — истошно возопила она. — Где тебя носило?

О, боже, не мог же я ей сказать, что сразу после обеда ко мне нагрянул завлит и что приблизительно в полночь, после бесконечно долгого и до крайности нервного словесного поединка, он пал жертвою произведенного мною удара острием лопаты.

Что же до моих частых отлучек, тут она говорила чистойшую правду. Конечно, мне не всегда удавалось к исходу дня, когда она возвращалась домой с работы, усидеть за письменным столом, особенно если я целый день обретался на Шпицбергене, или на полуострове Лабрадор или в глуши бразильской сельвы. Итак, вопрос был решен. Она не желала даже слышать о вокзале. Этот парень со своей тварно-земляной фамилией теперь раз и навсегда мог распрощаться с мыслью о жизни. Между прочим, меня изумили замечания, вскользь брошенные ею в начале нашего разговора. «Не все дома», вконец «засочинялся», «потугосторонние взгляды» — как все это понимать?! Не исключено, конечно, что сегодняшним утром мой взгляд и вправду мог казаться несколько странноватым, но это ведь, дико говорить даже, — не правило, это ведь из-за письма. Она явно сгустила краски. Более того, — вот уже неделю или даже чуть больше, я прекрасно себя чувствовал, мне даже казалось, что и сознание мое обострилось и как-то просветлело; я отчетливо ощущал, что вот-вот подберу ключи к тайнам мироздания и бытия.

В силу вышеозначенного я пришел к мысли, что глупо продолжать слушать ее инфантильные всхлипывания и рыдания и отправился прямоком в постель, поскольку в любом случае грядущий день обещал быть суровым. Кстати, как только жена замолкла, я притворил за собой дверь спальни. Не прошло, однако, и минуты, как заскрипело кресло, и я понял, что она решила в нем заночевать.

На следующее утро, когда она ушла из дому, я приступил к приготовлениям. Выгнал из гаража машину и проверил, все ли с ней в порядке и все ли из необходимых мне в дороге вещей на месте, при этом особое внимание уделил лопате, особенно тому, достаточно ли она острая и увесистая. Лопата занимала меня больше всего. Потому что перед судьбоносной поездкой хотелось быть экипированным надлежащим образом. Кроме того, я частично переделался, да и в машине произвел определенные манипуляции, о существовании которых распространяться здесь, разумеется, не стану.

Потом я еще посидел какое-то время на пороге дома в ожидании почтальона, так как подумал: чем черт не шутит, — вдруг придет сейчас письмо с предложением приобрести какой-нибудь вконец развалившийся замок или какую-нибудь такой же сохранности ветхозаветную церковь, а я упушу такой счастливый случай.

Ничего подобного, однако, не произошло. Единственная интересная корреспонденция представляла собой почтовую открытку на оберточной бумаге серовато-шоколадного цвета. Открытка была прислана из Асунсьона, столицы Парагвая, а именно от некоего Карлоса Агурре. Текст открытки гласил буквально следующее:

«Почтеннейший господин...

Обращаюсь к Вам с просьбой, которую Вы, вероятно, охотно выполните, — прислать мне из вашей столь обильной книгами страны учебник арабского языка, который здесь просто невозможно достать. Если Вы можете выслать таковой, то я позволил бы себе попросить Вас также навести справки о наличии литературы, касающейся остлебских помещиков, иные из которых еще недавно пребывали в наших краях в поисках земель, но не получили таковых в подарок, зато оставили по себе дурную память, так как мне очень хотелось бы иметь под рукой литературу о варварах, хотя бы на абонементных началах. Надеюсь, что не слишком утруждаю Вас своими желаниями. Остаюсь Ваш в духе Организации Объединенных Наций, Карлос Агурре».

Негативная сторона славы состоит как раз в том, что тебя то и дело о чем-нибудь просят. Исполненный таких мыслей, я сел в машину и отправился в путь-дорогу.

Необходимо было, кстати, не сбиться с уже проторенного маршрута. Из памяти у меня, слава Богу, еще не улетучились многие характерные дорожные детали, подмеченные мной неделей раньше. Между прочим, я обратил внимание на то, что, как и тогда, была среда, хотя время, разумеется, было гораздо более раннее. Именно этим, видимо, объяснялось и то, почему те детали предстали в иной цветовой гамме. Так, поле, вдоль которого я ехал, восемь дней назад сочно зеленевшее, теперь отливало серебристой белизной, местами даже с проблесками желтизны. Черепичные крыши домов, красные в тогдашнюю среду, были теперь почему-то зелеными, — обстоятельство, хотя и не так уж сильно, но все же удивившее меня. Обеспокоил меня до некоторой степени и тот факт, что белое оперение аистов, которые, нахохлившись, сидели в черных гнездах на зеленых крышах и беззвучно целились в меня длинными клювами, приняло теперь какой-то фиолетовый оттенок, — обеспокоил особенно сильно в силу того, что неделей раньше, когда мы проезжали здесь вместе с завлитом, они громко хлопали крыльями, как бы приветствуя нас. Впрочем, причиной такого угрюмого настроения птиц могла быть слишком ранняя пора. Возможно, хлопать крыльями они способны только тогда, когда день по-настоящему входит в силу. Им, вероятно, надо, так сказать, войти в роль. Такое бывает ведь и с самыми маститыми актерами.

Я миновал гостиный двор, в котором мы ужинали в ту пресловутую среду. Здесь наш спор достиг тогда своего апогея. Мне припомнилось, что именно за ужином, когда мы покончили с говяжьими бифштексами и собирались приступить к чаю с брусничкой местного сбора, я и принял решение убить его. Пришло оно ко мне внезапно, но это было истинно мужское решение, к тому же оно, пусть, признаю, и несколько необычное, было исполнено логики и прозрения. После первой же ложечки отведанного мной брусничного джема я ясно представил себе способ, каким улажу решенное уже дело. Проглотив еще одну, я начал размышлять о грядущих счастливых годах, которые безмятежно проживу без его навяз-

чивой опеки, без его бесконечных требований. И так все пошло своим, хотя и наполовину лишь успешным, чередом.

От гостиного двора я, между прочим, продвигался к цели очень быстро. Как и неделю назад, я отдался чувствам, и вновь пейзаж вызвал у меня такое ощущение, точно он хотел проглотить меня. Промелькнула группа ужасающе уродливых деревьев, по правую руку вырос из мрачной заброшенности покосившийся амбар, выказывая настежь распахнутую, черным прямоугольником зияющую боковину, — продолговатый искривленный зев, казалось, тянулся ко мне, хотел вобрать меня в себя; позади, одна за другой, остались несколько деревушек, таких до странности убогих своим видом, что казалось, будто в них уже целый век никто не обитает; наконец я въехал в туман, такой же густой и вязкий, как и семью днями раньше. Явно теми же самыми были и рваные разрозненные облака этого тумана. Я узнал их по конфигурации, по обличью, — очевидно, я добрался до места назначения.

Я проехал еще метров пять и вдруг на левой стороне проселочной дороги увидел искалеченный дуб. Он был мне хорошо знаком. Именно у него я неделей раньше остановил свою машину. Я, как и тогда, подкатил прямо к его основанию. Когда я, выбравшись из машины и стараясь производить как можно меньше шума, прикрывал дверцу, раздался собачий лай. Определить по лаю, где собака, было невозможно. Я даже не мог уяснить себе, была она совсем рядом или очень далеко. На короткое мгновение я испытал такое чувство, будто собака сидит и лает во мне самом, однако я не поддался ему безоглядно, хотя, признаться, внутри у меня все как-то мгновенно точно обмякло, с другой стороны, самой возможности того, что именно так оно и было на самом деле, я вовсе не исключаю.

Я стоял как вкопанный и всматривался в перспективу дороги. Туда я его оттащил. Нелишне заметить, что весу в нем было центнера полтора. Я видел лишь одну сплошную полосу тумана. Тем не менее, я собрался с духом и осторожно двинулся вперед. Метров через десять, даже меньше, дорога незаметно для глаза пошла под гору, и я увидел перед собой железнодорожные рельсы, выползавшие из тумана и в гуще тумана же терявшиеся. Я склонился к земле и потрогал рельсы рукой. Рельсы были настоящие, железные, холодные как лед и совершенно ржавые. Это заставило меня задуматься.

Когда я поднял глаза, то в нескольких метрах от себя, на обочине дороги, увидел щит. Стоял ли он тут и раньше?

Я двинулся к нему. Это был так называемый въездной указатель. Я прочел, — «Лобеофзо». В то же мгновение залаяла собака, и я отчетливо услышал, что лай ее доносится одновременно и вроде бы очень издали, и как бы из-под ног, что меня, ввиду характера местности, ничуть не смутило.

Я вновь бросил взгляд на проржавевшие рельсы и мучительным усилием воли напряг свою память. Я вспомнил, что тащил завлита влево, и двинулся в этом направлении. Хлюпающий посвист, раздававшийся когда я ступал на болотные кочки, действовал мне на нервы, поэтому дальше я старался идти как можно осторожней, почти на цыпочках. Чтобы с самого начала обезопасить себя от всякого подозрения, лопату я оставил в машине.

Время от времени я приседал на корточки и осматривал рельсы и в конечном итоге установил, что покрывавшая их ржавчина была сплош-

ной, к тому же такой сильной, что я пришел к убеждению — они вообще никогда не эксплуатировались.

В сущности, абсолютно все сходилось. Рельсы существовали дней пять, от силы шесть. Этот завлит купно со своим вокзалом и заржавевшими рельсами воскрес спустя три дня после своей кончины и теперь, отправив письмо, демонстрировал мне, подобно Иисусу Христу, знаки реальности своей плоти.

Я прошел уже метров пятьдесят на цыпочках, когда справа от железнодорожного полотна возникла бесформенная, причудливо искореженная масса, которая, когда я придвинулся к ней поближе, и вправду приняла вид наспех сооруженного, в основном из жердей и жести, вокзала, Вокзал топорно и призрачно косо выглядывал из густоты пролетавших туманных громад и произвел на меня столь тягостное впечатление, что мне в ту же секунду живо представились вокзалы Дикого Запада. А кто не помнит, как отвратно воздействуют такого рода дикие полустанки на психику проезжающих пассажиров!

Между этой стоящей передо мной хилой избушкой на курьих ножках и железнодорожным полотном находилась невысокая железная конструкция, состоявшая из колеса и множества шестеренок. Ей, вероятно, отводилась фантомная роль того механизма, посредством которого открывают и закрывают переезд. Я пригляделся к нему внимательней, но признаков пригодности к использованию по назначению так за ним и не обнаружил, поскольку троса в нем не было и в помине. Я даже наполовину прокрутил колесо и определил, что вращается только верхняя шестеренка. Про необходимость наличия троса и шлагбаума творец конструкции, вероятно, забыл. Тут же рядом стоял странного вида железный колокол, смахивавший на бочонок, явно небрежно, кое-как обтянутый широким брезентом. Наверху, тоже кое-как, был укреплен обычный молоток.

Я переключил свое внимание на так называемое здание вокзала и обнаружил, что из хаоса жести и корявых досок торчком, а вместе с тем как бы наискосок, в туман, подобно орудийному стволу, целит железная труба и что диковинная эта труба выдувает в небо скудные колечки дыма, тут же подхватываемые обрывистыми туманными облаками.

Я приложил ухо к двери, сбитой из жиденьких досок, и прислушался. Ни звука. Я слышал, если можно так выразиться, ничто в себе и ничего, кроме как это ничто. Потом, наконец, слух мой уловил какой-то шумок, точно кто-то бил молоточком по мембране. Я прислушивался с таким старанием, что меня вдруг осенило: я догадался, что же это такое. То был стук моего собственного сердца. Я надавил плечом на дверь. Она, как оказалось, была не только не заперта, но не имела даже замка; споткнувшись о порожек, я ввалился внутрь и, представьте себе, очутился под открытым небом. В сердцах я ударил кулаком по двери, но ответа не последовало. Под впечатлением ужасающего беспорядка, хаоса досок и жестяного листа я и не заметил, что попал в замкнутое пространство, напоминавшее внутренний дворик. В углу этого своеобразного дворика громоздилась большая груда явно недавно наколотых дров, а рядом с грудой стоял большой чурбан, к которому был приставлен колун, — я смерил его испытующим взглядом знатока.

Наступила очередь следующей двери. На ней тоже не было замка. Я вновь стал прислушиваться. На сей раз мне повезло. Я расслышал настоящий шум, — что-то вроде грохота, производимого падением тела или тяжелого предмета, грохот этот, — как бы отпадения тела, без конца по-

вторялся, в паузах же между как бы падениями раздавалось ритмичное шипение. Послушав так некоторое время, я сообразил, что эти звуки издает локомотив. Я развернулся и пошел назад через двор посмотреть, откуда он движется, но меня постигло разочарование: снаружи царила полнейшая тишина, вокзал стоял совсем близко от железнодорожной колеи, — такой же не по-земному далекий и нереальный, как и раньше, и я в бешенстве побежал обратно.

И вновь я услышал все те же странные шумы. Они, несомненно, шли из этого странного помещения, — то ли комнаты, то ли хлева. Я постучал. Никакого отклика. Я постучал сильней. Локомотив все шипел и пыхтел. Я с силой рванул дверь на себя.

Глазам моим открылась картина хаотического многообразия. Прямо передо мной, у самого окна, бывшего, как позже выяснилось, вовсе и не окном, а самым что ни на есть форменным обманом зрения, на столе стояло нечто вроде телеграфного аппарата, — желтая, медью отливающая машинка, погруженная в абсолютное молчание и не выказывающая никаких признаков движения внутри себя. Локомотив вроде бы исчез, но шипеть все-таки продолжал. Откуда шипение это идет, я, однако, поначалу никак не мог определить, тем более, что вокруг царил полутемнота, из которой лишь постепенно стали вырисовываться очертания странных предметов.

Слева от стола стояла добела раскаленная железная печка-временка, с четкой периодичностью исторгавшая булькающие звуки. Практически рядом с нею я разглядел длинющую узкую тень, верхний конец которой широко и хлестко раскачивался, точно огромный маятник. Одновременно он иногда чуть сжимался, но потом моментально распрямлялся. Еще далеко слева проглядывало нечто, контурами своими напоминавшее шкаф, с которого на стоящий подле него стул прыгивало протяженное нечто, без какой-либо задержки сигавшее затем обратно, а потом снова со шкафа на стул, и так без перерыва. Прыжки совершались с постоянством хода часового механизма, они-то и производили то громыханье, как от рухнувшего сверху тела, какое я слышал, находясь снаружи. Вглядевшись пристальней, я сообразил, что это кошка, мое появление, похоже, ничуть ее не обеспокоило, — свою целеустремленную деятельность она, видимо, намеревалась продолжать до самого Страшного суда.

Привлек мое внимание находившийся в комнате еще один предмет мебели, — нечто вроде шкафа на колесиках: створки были распахнуты, а полки забиты, — вероятно, железнодорожными билетами.

В целом комната производила такое впечатление, будто она заваливается назад, я же, казалось, стою в самой высокой ее точке. Она как бы вырастала из тела земли, — она будто была выдавлена из нее, но не до конца, а продолжала выдавливаться и дальше.

Я переключил свое внимание вновь на длинющую узкую тень. Верхний ее конец все так же ритмично качался из стороны в сторону и все так же ритмично сжимался, но тут же немедленно восстанавливал свою первоначальную длину. Кошка ни на мгновение не приостанавливала своей челночной работы, оттого казалось даже, будто и прыгает она в такт со странными движениями тени.

Я подошел чуть ближе и теперь слышал шипение отчетливей. Оно, как я теперь с уверенностью мог заключить, исходило от тени. На стуле сидел и шипел человек. То есть, по меньшей мере, его фантом. Он то ли спал и хрипловато посипывал, то ли хрипловато посипывал, а заодно спал.

Он-то и был мнимым локомотивом, или, точнее, пожалуй, — тенью мнимого шипяще-свистящего локомотива. Возможны и иные варианты. Возможно, то была только тень человека или и того меньше — тень фантома человека или, иначе, шипяще-свистящий фантом человека. Фантом этот и сам, вероятно, не знал, что он есть такое. Тем сильнее хотелось мне познакомиться с «этим» в его пробужденном состоянии. Я осторожно окликнул «это»: — Эй! — Ответной реакции не последовало. Тень качнулась вверх, сжалась, выпрямилась, качнулась вверх и так далее, кошка спрыгнула со шкафа на стул, метнулась обратно, и вновь на стул, и вновь...

— Эй! — крикнул я громче. — Господин Вюрмелинг!

Кошка, а она как раз совершала очередной свой прыжок и, следовательно, находилась в полете, на какую-то долю секунды, то ли удивленно, то ли изумленно, вроде как повела глазами по комнате. Не исключено, однако, что мне так только показалось, поскольку прыжков своих она не прекратила.

Тень же, напротив, съежилась и внезапно будто окаменела. Потом я услышал кошмарное кряхтенье, сменившееся мощным утробным кашлем, после чего тень выхаркнула на раскаленный блин печки-временки изрядный густоватый ошметок слюны, который сразу же задымился и зачал. Я мимоходом отметил про себя впечатляющую гигиеничность такого рода технологии и мысленно завязал себе узелок на память, чтобы при случае ею воспользоваться.

— Кто тут? — громогласно спросила тень и поднялась в рост. Голос звучал теперь хотя все еще с хрипотцой, но вместе с тем уже и звонко и точно из необозримой дали, или, точнее, из бездонной глубины, — будто некто сидел в глубокой яме и обращался оттуда к кому-то наверху.

— В чем дело? — вновь спросила тень. — Кони оседланы, что ли? — Этот вопрос возбудил меня до крайней степени. Не то чтобы он показался мне необычным, отнюдь, но мне, естественно, сразу пришло на память, что он дословно воспроизводит один из вопросов моего сценария, отосланного мной заглиту двумя неделями раньше и исключительно обстоятельно обсуждавшегося нами в ту сколь пресловутую, столь и достопамятную среду.

От изумления я промычал что-то несуразное, что именно, я и сам не понял. Довольно быстро однако, я взял себя в руки и, ничтоже сумняшеся, ответил фразой из сценария:

— Все готово, Ваше Величество!

— Превосходно! — громогласно ответствовала тень, повернувшись в ту сторону, где кошка как раз совершала прыжок на стул. — Коль кони оседланы, в путь...»

Тут она вроде бы как сбилась, повернула голову и пронзила меня взглядом. Я хотел было помочь ей, дальше по тексту следовало — Император ждет нас! — но сдержался, заметив в упор направленный на меня взгляд. Кошка, впрочем, несмотря на громкое восклицание насчет оседланных коней, как ни в чем не бывало, продолжала прыгать вниз-вверх-вниз... Тень, казалось, раздумывала. Наконец ей, видимо, вспомнилось нечто дремуче давнее. Она узнала свое письмо. Я, как это ни глупо, держал его в руке. Жаль, конечно, ведь если бы не эта досадная промашка, мы прогнали бы наш сценарий до финала. Я мог бы выманить ее наружу, выдать машину за коня и увезти его. Как бы там ни было, она видела теперь письмо у меня в руке и знала, с кем имеет дело.

— Вы насчет обмена?

— Да, я получил от вас вот это письмо, господин Бюрмелинг. Ведь вы господин Бюрмелинг?

— Да, я Бюрмелинг. Вы не ошиблись адресом. А как, извините, за-
памятовал, ваше драгоценное имя?

Я назвал. Он склонил голову, с явным наслаждением выслушивая мое имя. Голова, к слову сказать, была той единственной частью его тела, которую я мог различить отчетливо. Грудь, конечности и прочие части тела были обозначены только контурами и были как бы прозрачными. Он повторил мое имя, причем таким тоном, что по спине у меня сразу побежал холодный пот.

— Такая, знаете ли, незадача, — чуть ли не восторженно воскликнул он, — мне всегда нужно сначала вспомнить, — приходит так много желающих, все, правда, кончается ничем, потому что ни у кого из них самих нет в наличии вокзала».

— Да, да, — угнетенно прошептал я.

— А что, собственно, у вас за вокзал?

— Да вокзала-то в прямом смысле у меня нет, но в непосредственной близости от моего дома, рассчитанного, кстати, на одну семью, стоит очень добротный вокзал. Построен не больше сорока лет назад.

— Что ж, звучит недурно. Главное, что довоенной постройки. Я, знаете, крайне высоко ценю вещи довоенного производства. — Вот, к примеру, — указал он на телеграфный аппарат, — у меня еще сохранился очень хороший довоенный телеграф, работает, само собой, гораздо лучше аппаратов, выпускаемых в наши дни, — ведь изготовлен из чистойшей меди, согласитесь?

Он смотрел на меня так, точно боялся, что я могу ему не поверить. Я несколько раз подряд кивнул в знак согласия. Он с удовлетворенным видом повернулся в противоположную сторону и указал на шкаф. — А вот тоже, — его тень шатнулась к шкафу, и я вслед за ней, — настоящая старая довоенная вещь. — Он выбросил вверх свою прозрачную руку и постучал костяшками пальцев по боковой стенке. — По тону слышно, — убежденно заверил он.

Я опять покивал головой. Одновременно я заметил, что на лежащих в шкафу железнодорожных билетах нет никаких знаков, а в ячейках вставлено соответственно лишь по одному муляжу.

В комнате он мне ничего больше не объяснял. Ни слова не проронил он и о кошке, которая по-прежнему прыгала то со шкафа вниз на стул, то обратно. Ничего не сказал он мне и о том, что основание комнаты одной стороной убегало куда-то вглубь земли. Более того, — он вышел наружу, чтобы, как он вскользь обронил, показать мне внешний облик своего вокзала. Я пошел за ним. Когда он остановился в грубо сработанном проеме дверей, я мог разглядеть его на светлом фоне внутреннего дворика и окончательно убедиться, что он и в самом деле прозрачный. Он походил на огромный рентгеновский снимок, сам себя выставивший на свет. Отчетливо просматривались отдельные ребра, позвоночный столб и тазобедренные суставы. То, что передо мной ходило по двору, совершенно очевидно было скелетом. Я мог бы теперь окончательно и безвозвратно уничтожить его. Сзади наверняка получилось бы, потому как бить сзади было бы с руки. Я уж собрался было рвануть через двор, к чурбану за колуном, как он вдруг круто развернулся и, вероятно, сообразил, что я изготовился к прыжку, так как после этого старался держаться только или рядом со мной, или чуть позади меня.

Когда мы вышли со двора, он принялся объяснять мне выгоды и преимущества своего вокзала. Теперь я видел дяденьку безо всяких помех. Хорошенько присмотревшись, я пришел к выводу, что на моего завлита он абсолютно ничем не похож. Однако ж чем дольше я наблюдал за ним, тем больше и больше мне казалось, что чем-то он на него все-таки и похож, хотя в чем именно сходство это выражается, определить мне никак не удавалось. Он сделал размашистое движение одной из своих иссохших рук и сообщил мне, что с этой точки открывается широкая перспектива на окрестности. Я видел лишь туман и ничего кроме тумана. Потом он принялся крутить свое колесо и сказал, что и оно — тоже очень хорошая и прекрасно сохранившаяся довоенная вещь. Верхняя шестеренка вращалась меж тем по-прежнему явно бесполезно, чисто для виду. Он указал на обтянутый брезентом большой железный колокол и пояснил, что с помощью било объявляется отправление поезда на ближайшую станцию. Я же обратил внимание на то, что с обратной стороны свисает привязанная к молотку веревка с петлей. Все было чистым фарсом.

Наконец мы очутились перед железнодорожным полотном, и тут я вдруг догадался, в чем же именно состоит сходство между ним и завлитом. Он криво держал голову и косил, причем голову клонил вправо, а косил левым глазом влево вниз, а правым глазом вправо вверх. Завлит же в свое время клонил голову влево, а косил правым глазом вправо вниз и левым глазом влево вверх, что в принципе своем кардинально отлично от первого. Я как-то, помнится, спросил завлита о причинах столь странной аномалии. Он ответил мне, что такого рода посадка головы и косоглазие происходят от того, что он вынужден в силу специфики своей профессии постоянно и одновременно смотреть и на своих начальников, и на автора, причем голову всегда клонит к начальнику. Тогда такое объяснение показалось мне и невнятным, и необъяснимым.

Но почему этот фрагмент человека делал здесь все наоборот, было мне совершенно непонятно. Хотя, безусловно, он извлекал из этого очевидную выгоду, поскольку это позволяло ему постоянно держать в поле зрения оба направления железнодорожного полотна. Меня же это едва ли не связывало по рукам и ногам, потому что лишало возможности приблизиться к нему незамеченным. Сделать это можно было только в одном случае, — если идти вплотную за ним по одной линии. Однако свой тыл он держал теперь все время свободным.

Я спросил, много ли у него работы. Он ответил, что не много. И что отчасти и поэтому тоже он предпочел бы иметь более оживленный вокзал. Здесь проезжает теперь всего один поезд, раз в неделю, а через неделю идет потом обратно.

— Когда же он проезжает? — поинтересовался я.

А проезжает он, услышал я в ответ, всегда в ночь со среды на четверг, ровно в полночь. И тогда ему приходится, дескать, всякий раз выходить к путям и махать фонарем.

— Вот оно, значит, как, — вставил я.

— Да, — подтвердил он, — в среду ночью туда, а ровно через неделю в среду ночью, — обратно.

Взмахом руки он обозначил оба направления.

Да, завидная работенка, после минутного размышления мысленно заключил я, а вслух сказал ему, что восхищен его вокзалом, но что сначала мне необходимо переговорить со своей женой, возможно даже при-

везти ее, хотя вообще-то, дескать, я вполне уверен, что и она, как и я, по достоинству оценит местоположение вокзала. Между прочим, обмолвился я, то обстоятельство, что за всю неделю здесь проходит всего один поезд, меня как нельзя лучше устраивает, так как я для своей работы нуждаюсь в тишине и покое.

В ответ я услышал, что мои доводы вполне ему, дескать, понятны, там, где я живу, ему, дескать, тоже сначала нужно будет немножко осмотреться, но понравится ему там наверняка, в том он уже теперь совершенно убежден.

Прежде чем я с ним распрощался, он показал мне еще и свой фонарь. Это был громадный четырехугольный черный ящик со вдребезги разбитыми разноцветными стеклами. Он продемонстрировал мне, как им мигать. И хотя я видел, что в фонаре нет устройства, которое позволяло бы включать свет, я, тем не менее, сделал вид, будто фонарь произвел на меня чрезвычайно положительное впечатление.

Я всем своим видом показал, что ухожу. Он протянул мне руку. Я, внутренне противясь, перехватил ее. Она была холодная как лед, серая и костистая, и когда я потряс ее, мне почудилось, что внутри у нее что-то как бы заскрежетало.

Я пошагал прочь, а он вдогонку прокричал мне все о том же, — что бы я не забыл, что с его вокзала открывается великолепный вид на окрестности, — с его вокзала! Меня трясло. Не оборачиваясь, я быстро побежал в туман.

Оставалось две возможности. Во-первых, я мог либо произвести с ним обмен, либо просто-напросто купить вокзал (тут мне пришло в голову, что я не спросил его о цене), во-вторых, я мог приехать ровно в полночь, подкрасться сзади, пока он будет размахивать фонарем и окончательно и бесповоротно уничтожить его. Разумеется, не исключалась вероятность того, что он не раскрыл до конца убийство, коль скоро готов произвести со мной обмен. Но могу ли я при этом чувствовать себя в полной безопасности, предугадать было совершенно невозможно. Ко всему этому в довершение я уже теперь ощущал в себе неизъяснимую тягу к этому вокзалу. Да, вокзал был хорош. Я чувствовал себя уже сродненным с ним, я уже живо представлял себе, как на исходе среды, перед самым наступлением четверга, ровно в полночь, бодро выбегу к железнодорожному полотну с фонарем в руке и как я буду безмерно счастлив тем, что могу всецело отдаться наполненной глубокого смысла деятельности. Незамедлительно принять решение было затруднительно. Если бы я мог быть уверен в согласии своей жены, я бы, разумеется, без раздумий избрал первый вариант.

На обратном пути дорога показалась мне настолько знакомой, что я мог бы ехать едва ли не с закрытыми глазами. Но этого я, разумеется, делать не стал. Напротив, я старался как можно зорче и внимательней приглядываться ко всему, мимо чего проезжал теперь уже в четвертый раз. Искореженный дуб торчал из тумана лишь своей верхушкой, будто нижнюю часть ему, потехи ради, отсек какой-то удалой лесоруб. Зрелище было презабавное, тем более, что дуб теперь был и не черным, и не зеленым, а таким же серебристо-белым, как и деревья на плантации. Знакомые разрозненные облака тумана меж тем возвращались и, значит, тянулись в противоположном направлении. Мне вдруг подумалось, что в полночь я вновь увижу их, при условии, конечно, что убью его действительно бесповоротно, безвозвратно.

Короче говоря, все теперь было чуть наоборот, но только чуть. В мелькавших мимо деревушках, казалось, было оживленной, амбар показался мне отчасти как бы заново отстроенным, наконец, вся природа как бы смотрела на меня из самой себя, я даже улавливал соответствующие шумы.

В гостинином дворе я успел пообедать и, сидя там и поглощая пищу, пришел к убеждению, что жизнь в общем-то, как ни крути, чудесно все-таки устроена. Чего я только не пережил за эту последнюю неделю. Неделя потрясений. Мой горизонт безмерно расширился. Мне страстно хотелось жить. Жить, жить.

Так, укрепленный духом и волей, подвигался я мало-помалу домой. Аисты все еще не хлопали крыльями. Однако теперь их окрас был еще более насыщенным (почти фиолетовым), их синие клювы, которыми они по-прежнему целили в меня, несколько потемнели, крыши домов с еще более черными, чем раньше, гнездами на них позеленели еще более явно, а деревья на плантации все без исключения отливали теперь исключительно темно-желтым цветом, точно были изготовлены из меди.

Едва я сел за свой письменный стол, как зазвонил телефон. Кто опешет мой ужас, когда я узнал живой голос моего завлита, обращавшегося ко мне явно не из загробного мира...

— Привет! — громко пробасил он в трубку. — Как дела?

Я безмолвствовал. Язык мой, казалось, омертвел.

— Алло, ты еще на проводе?

Вцепившись руками в край стол, я медленно приходил в себя, но все еще не мог издать ни звука.

— Алло, черт... похоже, прервали.

Я прошептал, что я еще на проводе.

— Ну, слава Богу, а то уж я подумал, что нас прервали. Ну, как там у тебя дела, старик?

— Да нормально, — уныло процедил я.

— Что ты там мямлишь? Ничего невозможно разобрать.

— Секретарша сказала, что ты вроде бы в отлучке.

— Что-что сказала?

— Сказала, ты, мол, в отлучке.

— Чепуха. Подожди-ка, я уточню у нее.

Довольно долго в трубке стояла мертвецкая тишина.

— Алло, ты меня слышишь? Она говорит, что это она вовсе не с тобой беседовала.

— Ах, вон оно что, — вроде как удивился я и замолк, не зная, что сказать дальше.

— Послушай, тебя просто с кем-то попутали. Ты мне лучше о главном скажи — правку внес?

— Какую правку?

— Ну, ты молодец, мы же с тобой договорились, что я позвоню тебе сегодня насчет правки. Режиссер ведь дальше ни на шаг продвинуться не может.

— Да, да, я внес, внес.

— Отлично, тогда, значит, завтра загляну к тебе, где-нибудь в районе обеда.

— Хорошо, я буду дома.

— Ну, ладно, жди к двенадцати. Будь здоров.

— Всего наилучшего.

Раздался щелчок. Я испытывал такое чувство, будто только что побеседовал по телефону с кем-то из потустороннего мира. Что за новая напасть надвигается? Завлит восстал из земли, он существует? Я вконец растерялся. Через некоторое время все стало казаться мне сплошным хаосом. Что же будет теперь в Вюрмелингом, с вокзалом?

В попытке отвлечься я достал из стола сценарий. И обнаружил, что совершенно ничего еще не исправлял. Я сидел и тупо смотрел в рукопись, пока, наконец, строчки не слились в одну единственную, а потом не исчезла вовсе и она, и я вообще перестал что-либо понимать или соображать.

Разбудила меня жена. Я заснул за письменным столом, чему я после всего того, что пережил в этот день, ничуть не удивился.

Я, как некогда, с готовностью помогал жене по дому. Вечером я излился ей в великом признании. Я подробно рассказал ей обо всем, что случилось со мной, начиная с той среды. В заключение я едва ли не слезно попросил ее согласиться на покупку вокзала. Я сказал ей, что это очень красивый вокзал, — старинный, довоенный и что с него открывается великолепный вид на окрестности.

Она медленно опустила в кресло. Услышав последние мои слова, беззвучно зарыдала. Казалось, будто глаза ее — два неиссякаемых слезных источника. Я был до некоторой степени ошарашен. На мои вопросы она не отвечала. В конце концов, я разозлился и пошел спать. Если быть до конца откровенным, то я даже подумал о возможности развода, — не желает жить со мной на вокзале, обойдусь, значит, без нее.

В эту ночь я впервые спал один. Жена, вероятно, всю ночь просидела в кресле. И слава Богу, потому что в полночь мной овладело неотвязное ощущение тревоги, и я, как ужаленный, метался по кровати. Мне снилось, что я нахожусь на моем вокзале и машу фонарем. В то же самое время я вроде бы крутил колесо и тянул за веревку, отчего молоток беспрерывно и раскатисто бил по обтянутому кожухом железному колоколу. Между прочим, во все это время с колеса на кожух и обратно в бешеном темпе, как заводная, прыгала кошка, что производило особенно сильное впечатление. Наконец мимо вокзала величественно проследовал поезд, между тем как мы же, — кошка и я, безмятежно продолжали заниматься каждый своим делом, и выглядывавший из кабины машинист, преисполненный почтения, приложил в знак приветствия руку к козырьку своей форменной железнодорожной фуражки, и, дружески улыбаясь, сбросил нам вниз транспарант. Ни на миг не приостанавливая вращения колеса, я прочел: «Образцовая станционная бригада». Тут, в эту самую секунду, я почувствовал, как меня распирает от гордости, какую испытывает человек при исполнении истинного творческого труда, и я мысленно дал себе зарок, — до конца жизни посвятить себя этой по-настоящему созидательной работе.

На рассвете, — я лежал еще в постели и делал вид, что сплю, — в комнату вошла жена и долго-долго, прежде чем уйти из дому, смотрела на меня.

Я подготовил машину и ввиду предстоящей покупки вокзала положил в бумажник изрядную сумму денег, после чего стал дожидаться почтальона, который почему-то как нарочно все не появлялся и не появлялся. Ожидание длилось вечность. Кончилось оно тем, что к воротам подъехала желтого цвета машина, очень похожая на почтовую карету. Двое приземистых, крепко сбитых мужчин прошли через сад. Я как раз стоял в двери террасы и как раз почему-то подумал: вот они-то сейчас и

передадут мне почту. Однако только они подошли ко мне, как тут же схватили меня под руки и натянули на меня какую-то грубую рубаху, после чего я совершенно не мог шевельнуть ни единым своим членом. Они затолкали меня в машину, которая оказалась вовсе не почтовой каретой. Когда я принялся звать на помощь, они воткнули мне в рот кляп.

Там, где я сейчас, тоже недурно. Я уже долго, долго, долго

Там, где я сейчас

Здесь много коллег, коллег, коллег

Много товарищей по профессии, братьев по перу

А здесь не так уж дурно здесь у меня здесь

Много товарищей по профессии товарищей коллег товарищей коллег

Братьев по... по... по

Петр Ильич Попов (1939—1983) родился в селе Старая Тишанка Новочигольского (ныне Таловского) района Воронежской области. В юности работал на конюшне, прицепщиком в тракторном отряде. Служил в Советской Армии, был докером в рижском порту. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор ряда журнальных публикаций, сборника стихотворений «Родство».

Петр Попов

Я ЖИТЬ НИКОГДА НЕ УСТАНУ

Я РИСУЮ

Я рисую поле, луг, поляну,
Полумрак над искрами росы,
Где живут, живут себе Иваны
Нашей среднерусской полосы.

Я рисую топкое болото,
Чистый ключ с водой ледяной,
Где под ивой целовал кого-то
До рассвета пьяный водяной.

Я рисую дом, березу в роще,
Синий хаос меркнувших теней
И закат, как огненную лошадь,
И дорогу звездную за ней...

* * *

Грусть осенняя быстро созрела,
Глуше гул журавлиных небес.
Вновь метелью листва облетела,
Стал светлей, но печальнее лес.

Стали глубже и призрачней воды
Обрисовывать ветви берез,
Возле изб громовые отводы
Стали грезить раскатами гроз.

Вдоль межи почернел подорожник,
И на вербах листка не найти,
И ветер граблями, как дворник,
Снегам проскребаёт пути.

Снова выплыли белые тучи,
В синем небе слиняла лазурь.
И, как голый осинник над кручей,
Стал я ждать пробуждающих бурь.

Это время душа не забудет,
Этих красных рябиновых звезд:
В эту осень — хорошие люди —
Маму тихо снесли на погост.

* * *

О, край родной! Я так хочу
Ловить ноздрями воздух свежий
И ощущать, что я — лечу,
Когда в костре трещит валежник.

Пусть едут, едут в города,
Пусть суета их жить торопит,
Я там, где медленно вода
В глубинах гулких силы копит.

Где солнце долго с высоты
Течёт в озерные корыта,
Где в каждом плесе красоты —
Изба, сарай, ручей, ракита.

НА ОЗЕРЕ

Пахнут мятой озерные травы,
Изумительна свежесть листа.
Здесь не надо ни денег, ни славы,
И душа, слово небо, чиста.

Берег веет покоем и лаской,
Вяз обрызгала светом роса,
И в черете таинственной сказкой
Камышовок скрипят голоса.

Все здесь дышит теплом и водою,
Голос жизни могуч и высок.
И невольно захочешь душою
Влиться в шорох листвы и осок.

* * *

Отдохнуть просветленно пора
Где-нибудь у березовой рощи
И не думать, что было вчера
Жить куда беззаботней и проще.

И не думать, прижавшись к стволу,
Что беспечные радости — к бедам,
Что напрасно хулу и хвалу
Нам в наследство оставили деды.

И не думать, что в жизни живой,
В той, что я передам по наследству,
Будут метить хвалой и хулой
До забвенья из самого детства.

И не думать, забыв маету,
Что и я буду только до срока
Ощущать голубую небес красоту
И парящую птицу высоко.

* * *

Аир продают на базаре.
Пахнет прелью и тиной аир.
И старушки сегодня в ударе,
Голоса прокричали до дыр.

Уступили тепличные розы
Полудикой природе права.
Нарасхват нынче ветви березы,
Ныне в моде простая трава.

И дубовые ветки, сучочки
Покидают мгновенно ведро,
У старушек в атласных мешочках
Желудями звенит серебро.

И сегодня они равнодушно
Не нахмурят веселых бровей,
И бурлит на базаре послушно
Половодье травы и ветвей.

СТОРОЖ

Сторож. Скамья. Старик корявый
Корзину медленно плетет.
А мы в кустах большой оравой
Готовим на бахчу налет.

Он ласково берет лозину
И долго смотрит на нее.
И мы ползем уже в низину,
И жжет, и колет нас жнивье.

Потом срезает он сучочки,
Прямит и тянет, как струну.
А мы арбузы, словно бочки,
Несем в зеленую страну.

Шершавый лик умен и светел,
Улыбка сердца на устах...
В который раз он не заметил,
Как мы растаяли в кустах.

И лес нас шумно принимает
В чертог подлеска своего,
Старик корзину доплетает,
Не замечает ничего.

* * *

Я жить никогда не устану
И в памяти все сберегу,
Где сад, где изба,
Где к кургану
Степные дороги бегут.

Где бились с врагами ребята
И в землю легли навсегда,
Где ныне печально и свято
Алеет в пространстве звезда.

И память потери умножит
На тех, кто за дальней чертой.
И Родина станет дороже,
А сердце замрет под рукой.

ПАМЯТЬ

На вокзалах, базарах,
У порогов землянок,
Под окнами невысоких изб
Немало калек перевидели:
Слепых,
Безруких,
Безногих,
Войною отброшенных в шлак.
И мы,
Спасенные ими от гибели,

Не обижались на грубую брань,
Не проходили мимо,
А виновато клали в солдатскую шапку:
Кто — яйцо,
Кто — картошку,
Кто — на водку пятак.
Мы слышали возле всякого,
Искореженного до обезличья войной,
Как его рваная плоть
Осколками,
Пулями звякала,
Становясь постепенно стальной.
Бабы — рыдали,
Старушки — плакали,
Старики, онемев
И наморщив лбы,
Как всевидящие оракулы,
Ребятишкам,
Снующим вокруг,
Не желали такой же судьбы.

* * *

Лови прекрасное мгновенье,
Скачи, как девочка с мячом,
И не выпрашивай прощенья,
Когда не виноват ни в чем.

Всю жизнь не уставай гордиться.
Гордись и помни корень свой.
Ведь ты бы мог и не родиться,
И жил бы кто-нибудь другой.

И в нем кипела б та же сила,
Был тем же чувством обуян,
Когда вокруг бурлит Россия,
И ты стоишь, от счастья пьян.

* * *

Я люблю чернокленовый отсвет
В голубом отражении трав
И синичек взволнованный посвист
В темном чреве зеленых дубрав.

Я люблю порыбачить в затоне,
Если льются косые лучи,
Если дружно, как будто в загоне,
На крючок попадают лещи.

Я люблю, если в небе широко
Журавли выпрямляют крыла, —
И смотрю я им вслед одиноко,
Позабыв про рыбачьи дела.

Я люблю, если брызги от весел
На лице оставляют следы,
Если я еще молод и весел,
И еще не отведал беды.

ПРИЮТ ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНЬЯ

(Каменная Степь в интерьере эпох)

Нынешнему поколению трудно представить облик исторической Каменной Степи — глухого, бесплодного пространства, где нередко случались пыльные бури, а людей подстерегали извечные недород и тщета. Заезжему человеку, наверное, сделать это еще труднее. Его глазу предстает современный ландшафт срединной части воронежской глубинки: неглубокие овражки, лога, пруды и лесополосы, лесополосы... По весне здесь все благоухает зеленью и разнотравьем. Летом от горизонта до горизонта полевое раздолье колышется на ветру созревающими от богатого степного солнца зерновыми. В пеструю осеннюю пору пейзаж особенно красив: палитра красок от рукотворных полос, смешанная с полевым многоцветьем, создает необычайный колорит степного уголка. Ну а зима, она и есть зима — безбрежное белое царство.

За свое вековое присутствие в аграрной научной жизни страны Каменная Степь превратилась из объекта насущных интересов ученых и практиков многих поколений в объект торжества человеческого созидания и духовного богатства края. В музее НИИСХ им. В.В. Докучаева бережно хранят исторические свидетельства, знакомство с которыми раскрывает перед посетителями удивительную судьбу провинциальной глубинки и тех выдающихся личностей, умом, талантом и масштабом научных открытий которых до сих пор гордится Россия и мир. Научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени В.В. Докучаева — интеллектуальное достояние воронежской земли, а его сотрудники — бесценная золотая селекция человеческого разума, сформированная в течение столетия как уникальная национальная духовная традиция и культурное наследие. Даже «докучаевские» лесополосы давно не воспринимаются исключительно лесомелиоративными сооружениями. Они — памятники культуры и истории. Они — островки природного чуда в равнинной местности. Они радуют человеческий глаз и умиротворяют душу, вдохновляют к творчеству. Каменная Степь с момента появления здесь В.В. Докучаева и его сподвижников вызывала неподдельный интерес у многих равнодушных людей России. Вместе с учеными в эти места наведывались художники, писатели, артисты, представители других творческих профессий.

Собирая материал для романа «Русский лес», писатель Леонид Леонов в 1949 году посетил уникальный оазис, сотворенный разумом и руками человека, понимающего, в чем его призвание на земле. Он назвал подвигом сделанное людьми. И лучше него никто не сказал о величественных «дворцах», которые создаются лесными полосами.

Божественная красота природы как бы воссоединилась с красотой человеческих душ, стремящихся к возвышенному.

Не следует забывать, что Василий Васильевич Докучаев был сыном священника. Все близкое окружение гениального ученого тоже были людьми верующими, поэтому все делалось по-Божески, в согласии с тем совершенством, к которому человека призывал Господь. В советское тревожное время от репрессий здесь спасались тоже люди одухотворенные. Таким образом, в Каменной Степи сама жизнь сформировала неповторимую школу бытия. Многие обращают внимание на то, что, буквально, каждый проживающий здесь человек творческий и добросовестный...

Чтобы полнее ощутить дух времени, его прошлого и настоящего, проникнуться атмосферой эпох в судьбе Каменной Степи, мы предлагаем совершить прогулку по музею НИИСХ. В программе экскурсии: рассказ об основных исторических вехах института и его сегодняшнем дне; подробности докучаевской экспедиции; воспоминания о приезде в Каменную Степь Н.И. Вавилова; повествование о непростой судьбе первого директора института А.В. Крылова, с чьим приходом и началось восхождение института к вершинам признания, а также знакомство с полотнами мастеров кисти, чьи работы хранятся в музее.

ИНСТИТУТ ЗОЛОТОЙ СЕЛЕКЦИИ

Об исторических и научных традициях, современных направлениях деятельности НИИСХ имени В.В. Докучаева рассказывает директор Виктор Турусов.

Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы носит имя основоположника науки о почвах Василия Васильевича Докучаева и ведет свою историю с 1892 года. Именно тогда в Каменной Степи начала работать Особая экспедиция под его руководством. Эта экспедиция впервые в России заложила опыт по защите сельскохозяйственных растений от засух лесомелиоративными приемами (полосное лесоразведение) и орошением на местном стоке.

За более чем столетний период в Каменной Степи работали выдающиеся почвоведы, лесоводы, агрономы, селекционеры и другие специалисты сельского хозяйства.

В 20-30 годы XX столетия под непосредственным научным руководством Николая Ивановича Вавилова здесь изучались мировые коллекции сельскохозяйственных культур, которые положили начало первым сортам селекции Каменной Степи.

Во второй половине 30-х годов под руководством В.Р. Вильямса, а после его кончины под руководством А.В. Крылова изучалась и внедрялась травопольная система земледелия.

Впоследствии опыт Каменной Степи был положен в основу исторического Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР».

Каменная Степь — родина лауреатов Государственной Сталинской премии II степеней А.В. Крылова, В.П. Байко, Х.Я. Зихермана, Ю.В. Ключникова.

В Каменной Степи трудились выдающиеся ученые-лесоводы К.Э. Собеневский, Г.Ф. Морозов, Н.А. Михайлов, А.А. Шаповалов, Ю.В. Ключников, Е.С. Павловский, Н.Г. Петров. Ими создана уникальная система лесных полос, включающая в себя весь опыт отечественной агролесомелиорации.

На местном стоке создана система прудов и водоемов, вода из которых используется на орошение.

По вопросам земледелия разработана теория регулирования плодородия черноземов путем воздействия на биологические факторы, особенно на микро-

Директор НИИСХ
им. В.В. Докучаева
Виктор Иванович Турусов

несколько ученых имеют звания «Заслуженный деятель науки РФ» и «Заслуженный агроном».

Институт в своем составе имеет две крупные структурные единицы: это технологический центр, который ведет разработку технологий возделывания сельскохозяйственных культур, и селекционный центр, где ведется селекция новых сортов и гибридов.

В последние годы в институте разработаны севообороты с экологической направленностью, энергосберегающие низкозатратные технологии возделывания зерновых культур на черноземе обыкновенном юго-востока ЦЧЗ. Они позволяют сократить энергозатраты при обработке почвы на 10-20 процентов и получать ряд других результатов. Созданные нашими учеными зональные системы лесоводческих мероприятий повышают агроэкологическую эффективность защитных лесонасаждений на пахотных землях. При этом обеспечивается повышение долговечности насаждений на 20-40 процентов, а мелиоративной эффективности — на 15-30 процентов. Разработаны и такие способы, как отбор высокопродуктивных, устойчивых к неблагоприятным условиям среды форм зерновых колосовых культур, формирование агрофитоценозов в одновидовых и смешанных посевах для создания долговечных энергосберегающих травостоев, получение высококачественных кормов с использованием зернофуражных культур в одновидовых и смешанных посевах для сырьевого конвейера юго-востока ЦЧЗ. Созданы адаптивные к конкретным условиям сорта и гибриды, сочетающие повышенный потенциал продуктивности (6-8 т/га), качество зерна с устойчивостью к полеганию, биотическим и абиотическим стрессорам.

Особое внимание в институте уделяется улучшению материально-технического обеспечения. Впервые за последние годы закладки полевых опытов стали проводиться без отклонения от агротехнических сроков. Своевременно проводится ремонт сельхозтехники, соблюдаются сроки выполнения полевых работ, повысилась культура земледелия. Большое внимание уделяется увеличению внебюджетного финансирования за счет заключения хозяйственных договоров.

биологическую активность почвы. Усовершенствуется технологическая система обработки почвы в полевом севообороте и защита посевов сельскохозяйственных культур от сорняков.

Ведется научное проектирование эколого-ландшафтной системы земледелия для сельскохозяйственных предприятий Воронежской области.

Каменно-Степной лесостепной комплекс сегодня — это классический пример создания растительного покрова земли сельскохозяйственного назначения. Менялись статусы научных организаций в Каменной Степи, их ведомственная подчиненность, постоянным оставалось одно: *комплексность научных исследований*, начатая В.В. Докучаевым.

В Каменной Степи воплотилась в жизнь идея великого ученого о зональности земледелия.

В настоящее время ГНУ «Воронежский НИИСХ им. В.В. Докучаева» является одним из ведущих научно-исследовательских учреждений Российской сельскохозяйственной академии. В составе института трудится около 340 человек. Из них — 5 докторов наук, 37 кандидатов наук, несколько ученых имеют звания «Заслуженный деятель науки РФ» и «Заслуженный агроном».

Институт принимает активное участие во всех областных и районных совещаниях, проводится закладка демонстрационных посевов сортами и гибридами яровых и озимых культур селекции института. Сорта института находятся в числе лучших, допущенных к районированию по нашему региону. На «Дне Воронежского поля» в 2009 и 2011 годах экспозиция института была удостоена золотых медалей.

В настоящее время НИИСХ приступил к разработке адаптивно-ландшафтной системы земледелия Воронежской области, а также отдельных ее хозяйств. В 2010 году на примере землепользования ОАО «Еланское» Таловского района Воронежской области разработана модель адаптивно-ландшафтной системы земледелия конкретного ландшафта ЦЧЗ методом автоматизированного проектирования. Создан также проект адаптивно-ландшафтной системы земледелия КФХ Кириллова Терновского района Воронежской области. Началось освоение в хозяйствах зональных систем лесоводческих мероприятий для повышения агроэкологической эффективности защитных лесонасаждений на пахотных землях и комплексного обустройства ландшафтов. Внедряются высокоэффективные способы производства качественных кормов с использованием зернофуражных культур для сырьевого конвейера юго-востока ЦЧЗ. На основе комплексного изучения генофонда успешно создаются новые сорта и гибриды зерновых колосовых культур, кукурузы, обладающих высокой и стабильной урожайностью, повышенным качеством зерна, устойчивостью к влиянию абиотических и биотических стрессов.

На всероссийской агропромышленной выставке «Золотая осень» в 2010 году институт награжден золотой медалью «За достижение высоких показателей в создании новых высокоурожайных сортов».

На выставке «ВоронежАГРО-2010» институт был награжден золотой медалью за активное содействие реализации проектов АПК, создание и внедрение новых высокопродуктивных сортов: озимая мягкая пшеница «Кристалл», озимая рожь «Таловская 41», озимый зерновой тритикале «Доктрина 110», яровой ячмень «Таловский 9», просо «Колоритное 15», яровая мягкая пшеница «Воронежская 12».

На Воронежском агропромышленном форуме «Воронежская область — ваш партнер» в 2010 году институт награжден золотой медалью в номинации «Растениеводство».

При подведении итогов экономического соревнования в агропромышленном комплексе Воронежской области в 2010 году институт занял 1 место за создание и внедрение в сельскохозяйственное производство Воронежской области засухоустойчивых и высокоурожайных сортов зерновых культур, а также за формирование лесомелиоративных комплексов на основе создания новых способов полезащитных лесных полос.

На выставке «Агросезон — 2011» «Современная техника и технологии в земледелии и животноводстве» институту вручена золотая медаль «За создание и продвижение перспективных районированных сортов семян: яровой тритикале «Укро», яровой ячмень «Таловский 9», просо «Колоритное 15», горох «Фокор».

В 2011 году на Межрегиональной выставке-демонстрации «День Воронежского поля» институт был удостоен медалью.

Институтом внедрено в производство 160 научных разработок.

За последнее время в институте подготовлены научные издания. Высокую оценку получили такие работы, как: «Оптимизация структуры посевов и севооборотов в эколого-ландшафтном земледелии Воронежской области», «Агробиологические основы возделывания подсолнечника в Центральном Черноземье», «На холмах Богучарщины», «Обработка почвы как фактор регулирования почвенного плодородия», «Каталог научно-инновационных разработок», «Обработка почв в Воронежской области», «Технология регулирования режима органического вещества почвы в ландшафтном земледелии», «Селекция в Каменной Степи»

(к 100-летию организации селекционных работ). Ежегодно публикуются материалы заседания совета по земледелию Центрально-Черноземной зоны Отделения земледелия Россельхозакадемии.

ЯСНО ВИДЕЛ ТО, ЧЕГО НЕ МОГЛИ ВИДЕТЬ ОНИ

Особая экспедиция профессора В.В. Докучаева

В.В. Докучаев — сын священника села Милоуково Сычевского уезда Смоленской губернии. По рождению он принадлежал к духовному сословию и, как было принято в то время, должен был наследовать профессию отца: стать священником. Он окончил Вяземское духовное училище, Смоленскую духовную семинарию и как отличник был направлен в Петербург для обучения в духовной академии.

Но судьба распорядилась так, что В.В. Докучаев не стал священником. Он окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета и получил специальность геолога. Изучая почву с точки зрения геологической (в те времена почва считалась осадочной породой), В.В. Докучаев пришел к выводу, что почва — это самостоятельное естественно-историческое тело, результат взаимодействия климата, живых организмов (растений, животных, микроорганизмов), материнской породы, рельефа и возраста данной территории. Он стал основоположником науки о почвах — почвоведения, первым почвоведом. Вклад В.В. Докучаева в развитие естествознания оценить невозможно. Его труды оказали огромное влияние на развитие геоботаники, лесоводства, географии, геологии... Но конечной целью каждого его исследования был подъем сельского хозяйства России.

«...я исключительно преследовал общие задачи и стремился, по возможности, изучить чернозем с научной, естественно-исторической точки зрения. Мне казалось, что только на такой основе и после твердой установки этой основы и могут быть построены различного рода действительно практические меры к поднятию сельского хозяйства черноземной полосы России» (В.В. Докучаев, «Русский чернозем», 1883, предисловие, стр. 11).

Составляя классификацию почв, В.В. Докучаев выделил особый класс «перемытые почвы» (в современной терминологии — эродированные) и дал им агрономическую характеристику. В.В. Докучаев создал учение о «естественно-исторических» зонах (ныне географических) и каждую из зон рассматривал, как сельскохозяйственную зону и для каждой он определил основные вопросы агротехники.

В.В. Докучаев доказывал необходимость устройства в России трех чисто научных институтов или комитетов — Почвенного, Метеорологического и Биологического (изучение растений и животных), единственной задачей которых должно быть строго научное исследование важнейших естественно-исторических основ русского сельского хозяйства.

Он первым высказал мысль о том, что «... земледелие должно быть до мельчайших подробностей приурочено к нашим местным почвенным, климатическим, грунтовым и иным естественным условиям», т.е. земледелие должно быть зональным и предлагал разбить Россию на строго определенные сельскохозяйственные районы, где бы земледелие и другие отрасли хозяйства развивались применительно к природным условиям зоны. И в каждой зоне должно быть опытное поле или опытная станция «как по вопросам общего земледелия и зоотехнии, так и по отдельным их отраслям, деятельность которых должна быть приурочена к местным физико-географическим и сельскохозяйственно-экономическим условиям».

А для подготовки кадров агрономов В.В. Докучаев предлагал создать в России три «высших учебно-агрономических института». Один из них — в черноземной полосе, в Воронеже. Он писал: «Все наши с/х учебные заведения как высшие, так и, особенно, средние и низшие, должны быть: а) расположены зонально, б) организо-

ваны в теснейшей зависимости от местных физико-географических, исторических, бытовых и экономических условий».

«К сожалению, как ни просты и ясны были те идеи, которые отстаивал В.В. Докучаев, он не был достаточно понятим современниками и не потому, что он излагал эти идеи в недоступной форме, а потому, что стоял головой выше своих современников и ясно видел то, чего не могли видеть они», — писал впоследствии его последователь и ученик К.Д. Глинка.

Практическим воплощением в жизнь идей В.В. Докучаева стала «Особая экспедиция по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России». Толчком для создания этой экспедиции послужили последствия жесточайшей засухи 1891 года, которая охватила почти всю черноземную область и вызвала голод и мор среди населения и животных.

В январе 1892 года В.В. Докучаев прочитал цикл публичных лекций, гонорар от которых был направлен в пользу голодающих. В этих лекциях он обрисовал картину бедственного положения сельского хозяйства черноземной полосы и предложил Программу выведения сельского хозяйства из кризиса. Три государственных чиновника: Министр Государственных имуществ М.Н. Островский, директор Лесного Департамента Е.С. Писарев и Министр Земледелия А.С. Ермолов предложили В.В. Докучаеву земли из числа казенных оброчных статей и необходимые средства для организации исследований и наблюдений в широких размерах. 22 мая 1892 года при Лесном Департаменте и была образована Особая экспедиция. Экспедиция работала на трех участках. Один из них — Хреновской, на водоразделе Волга-Дон, находился в Бобровском уезде Воронежской губернии. В него входили: степной участок «Каменная Степь» и два леса — Хреновской хвойный (сосновый) и Шипов — лиственный. Общее руководство всеми исследованиями на участках экспедиции, утверждение программы, инструкций и прочее лежало на профессоре В.В. Докучаеве. Общими задачами Экспедиции являлись: всестороннее изучение естественно-исторических условий: степного климата, почвы и растительности; изыскание способов борьбы с периодическими засухами.

В июне 1892 года Экспедиция приступила к работе. По воспоминаниям современников, Докучаев лично разъезжал по необъятным просторам степей, намечал места для метеорологических станций, втыкая колья и обозначая их номерами.

Исходя из общих задач, работы Особой экспедиции разделялись на работы научного и практического характера. Научные работы заключались в организации подробных метеорологических наблюдений, в исследовании почвы и составлении почвенных карт, в исследовании степной флоры и фауны.

Работы практического характера состояли в изыскании способов регулирования лесного и водного хозяйства: насаждение леса в степи с различными служебными целями сельского хозяйства (полосные защитные и влагосборные насаждения), регулирование текущих по степям дождевых и снеговых вод путем образования запруд, закрепления склонов оврагов и балок.

Для выработки оптимальных приемов земледелия планировалось организовать на каждом опытном участке особые опытные сельскохозяйственные поля, а со временем и опытные хозяйства.

Василий Васильевич Докучаев

Памятник В.В. Докучаеву

Итогом работы Особой экспедиции должно было стать установление на основе научных данных «возможно правильное соотношение между водой, лесом, полями, лугами и другими хозяйственными угодиями». То есть, восстановить экологическое равновесие в преобразенной человеком степи, наподобие того, которое существовало в первобытных доагрикультурных степях.

К сожалению, болезнь В.В. Докучаева помешала выполнить намеченную им Программу. В июле 1899 года Экспедиция была закрыта и Хреновской участок преобразован в Каменно-Степное опытное лесничество. В 1907 году лесничество было закрыто и в апреле 1908 года земли были переданы Департаменту Земледелия. В этом же году «на основании «Высочайше утвержденного 26 мая 1904 года Положения о сельскохозяйственном образовании и Расписания должностей в сельскохозяйственных учебных заведениях» учредить на участке земли Верхне-Озерской казенной оброчной статьи Верхне-Озерскую низшую сельскохозяйственную школу 1 разряда (ныне Верхне-Озерский сельскохозяйственный техникум).

Школа состояла в ведении Главного Управления Землеустройства и Земледелия (ГУЗЗ) по Департаменту Земледелия «и имела целью приготовления, преимущественно путем практических занятий, сведующих и умелых исполнителей по сельскому хозяйству».

БЫЛ ОСОБЕННО ПОПУЛЯРЕН

*Посещение Каменной Степи
академиком Николаем Ивановичем Вавиловым*

Н.И. Вавилов обладал гениальной способностью увидеть в частном явлении общее, в кажущемся хаосе обнаружить логику закономерностей, в любой работе найти обобщающую мысль. Этой обобщающей мыслью для Н.И. Вавилова была Россия. Он следовал славной отечественной традиции — жить во благо всех.

«Такой обширной стране, как Россия, с ее климатическим, почвенным и географическим разнообразием, нужно и соответствующее сортовое разнообразие растений, приспособленных ко всем климатическим зонам, — а значит — нужен колоссальный исходный материал для селекционной работы», — считал Н.И. Вавилов.

Идея создания в России генетического фонда растительности планеты сделалась становой идеей его жизни.

На основе использования коллекции Всесоюзного института растений (ВИР), начало которой положил Н.И. Вавилов, в стране выведено более тысячи сортов самых важных сельскохозяйственных культур. В том числе более 400 сортов выведено сотрудниками ВИРа и его опытных станций. Это ВИР организовал в стране сорто-испытательную сеть и положил начало районированию сортов.

Каменная Степь непосредственно связана с именем Н.И. Вавилова.

Здесь под его общим руководством с 1922 года и до ареста великого ученого

изучались на засухоустойчивость мировые коллекции сельскохозяйственных растений. Были созданы первые сорта для Центрального Черноземья. В 1925 году было создано первое специализированное хозяйство — Таловский семхоз, которое существует до настоящего момента как Таловское ОПХ.

В музее НИИСХ имени В.В. Докучаева хранятся воспоминания сотрудников, кому посчастливилось лично знать и работать под началом Н.И. Вавилова. Эти воспоминания — бесценные свидетельства того непростого, противоречивого и все-таки счастливого времени для дальнейшей судьбы Каменной Степи.

Из воспоминаний Ф.Б. Зеленского:

Большим событием для опытной станции был приезд академика Н.И. Вавилова. В это время он только что вернулся из США и экспедиции, где изучал проблемы генетики и мировых запасов генетического фонда.

Н.И. Вавилов в это время был особенно популярен благодаря своей работе «Гомологические ряды» и собранной мировой коллекции диких предков культурных растений в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Молодые научные работники и практиканты проявили инициативу, попросили сделать доклад о поездке в США и о сборе мировой коллекции. Н.И. Вавилов охотно согласился. Слушатели собрались около 9-й лесной полосы (если не ошибаюсь). Это примерно за садом, крайняя полоса на границе Верхне-Озерского с/х училища.

Дело было в мае 1922 года, все присели на траву. Вавилов тоже лег и, облокотившись на локоть, повел непринужденную беседу. Все слушали с большим интересом. Были заданы вопросы, на которые Н.И. Вавилов дал исчерпывающие ответы. Помимо, был задан вопрос: «В каком направлении идет развитие науки «Евгеника»?

Из воспоминаний И.К. Собеневского:

В 1925 году К.Э. Собеневский (отец И.К. Собеневского — *прим. ред.*) после долгих лет скитаний возвращается в Каменную Степь.

В эти годы академик Вавилов Н.И. посещал довольно часто Каменную Степь и во время этих посещений многие часы проводил с моим отцом. Обычно, чуть рассветало, как академик Вавилов осторожно, чтобы не разбудить спящих, стучался в окно спальни отца и они, без завтрака, уезжали куда-то до полудня. Мне лично пришлось наблюдать, как по-человечески и просто Н.И. Вавилов относился к рабочим и служащим опытной станции, не стыдясь и не боясь спросить у них то, что не знал или был плохо осведомлен.

Из воспоминаний Л.В. Лузиной:

Время работы на Каменно-Степном отделении ВИР я вспоминаю как самое светлое, самое приятное время в моей жизни, и, по-видимому, это связано не только с тем, что я тогда была молода, но это связано с той обстановкой, с тем духом дружбы, товарищества, который царил в Каменной Степи. Была взаимная поддержка, обмен мнений и общая заинтересованность в том, что и как лучше сделать.

Николай Иванович Вавилов

Что определяло это? Основная причина заключалась в личности Николая Ивановича Вавилова как организатора ВИРа и его отделений, как руководителя научных исследований, а также и в руководстве Каменно-Степного отделения, которое, наряду с научной работой, создавало хорошую материально-техническую базу для постановки и проведения опытов.

Н.И. Вавилов умел увлечь научной идеей, представить научным сотрудникам широкие возможности для самостоятельной работы, был необыкновенно демократичен в руководстве. Он с одинаковым вниманием слушал крупного ученого и начинающего свой путь в науке. Всегда с большим интересом относился к мысли каждого. Николай Иванович никогда не подавлял инициативы сотрудников, и люди работали с энтузиазмом. Николай Иванович часто говорил нам «держайте» и «давайте приводить земной шар в порядок». Последнее относилось к мировым коллекциям растений. Все это делало его чрезвычайно обаятельным.

Впервые с Н.И. Вавиловым я встретила в 1925 году, будучи студенткой Ленинградского сельскохозяйственного института. Он читал лекции по селекции и генетике. С какой удивительной глубиной, четкостью и ясностью он излагал эти науки. Увлеченность его лекциями и определила мой путь в науке.

Одним из методов руководства научной работой у Н.И. Вавилова было посещение отделений ВИРа, ознакомление с научными исследованиями, с постановкой и состоянием опытов непосредственно на экспериментальных базах, куда ежегодно на весенне-летний период выезжали многие сотрудники института.

Приезд Н.И. Вавилова в Каменную Степь для всех нас был большим событием и радостным праздником. Николай Иванович обычно со всем коллективом научных сотрудников осматривал опытные посевы каждого сотрудника. Каждая работа разбиралась, что называется, по косточкам. Что выполнено и что надо сделать. Выдвигались планы новых опытов, новые предложения по дальнейшим исследованиям. Эти коллективные «экскурсии» и обсуждение работ были весьма полезны. Они давали возможность детально познакомиться с работой всех сотрудников и заставляли с большей ответственностью и критикой относиться к своей работе, учиться на опыте других.

С первых шагов научной работы в Каменной Степи я почувствовала себя членом большого коллектива. На всю жизнь сохранию самые светлые, самые теплые воспоминания и чувство глубокого уважения к Н.И. Вавилову и к научным сотрудникам, проводившим свои исследования на Каменной Степи одновременно со мной. Ярko встают в памяти К.Э. Собеневский — организатор лесных полос, позднее вторично приглашенный в Каменную Степь Н.И. Вавиловым как опытный дендролог для изучения мировых коллекций древесных, кустарниковых и плодовых пород. А.И. Мальцев, проводивший большую работу по сорным растениям с целью внедрения их в культуру. В.Г. Александров и О.К. Александрова, изучавшие анатомию растений. Физиологи — Сакс, И.Н. Бородина, И.В. Красовская, И.Н. Кондо; ботаники и селекционеры по разным культурам П.Ф. Львова, С.М. Балабан, А.В. Измайлова, З.Н. Жеребина, А.И. Сметанникова, М.Ф. Петропавловский, Е.С. Еремеева, О.И. Асфарова, М.Д. Сафонов, В.В. Сафонова, В.М. Леонтьев, В.Н. Узунов, А.Е. Сеньшин, Д.Н. Бровцин, А.С. Юрьев; агротехники Л.Д. Пульчих, И.И. Никитин.

Мною на Каменно-Степном отделении (1927-1936 гг.) проводилась работа по агроботаническому изучению мировых коллекций кориандра и аниса. На основании полученных результатов изучения и использования в качестве исходного материала коллекционных образцов в дальнейшем, во время работы на опытных станциях НИИ эфиромасличных культур, мною были выведены и Госкомиссией МСХ районированы первые отечественные сорта этих культур.

В заключение хочется сказать: Н.И. Вавилову, ВИРу и его Каменно-Степному отделению я многим обязана в жизни.

Из воспоминаний С.И. Машкина:

Мои воспоминания о Николае Ивановиче Вавилове относятся к лету 1934 года. В то время я был студентом I курса кафедры низших растений биологического факультета Воронежского государственного университета и в период своих каникул, в июле-августе, временно работал от Воронежской станции защиты растений сотрудником опорного пункта по изучению ржавчины хлебов в Каменной Степи Воронежской области... В Каменной Степи в то время находилось и отделение Всесоюзного института растениеводства, которым заведовал один из ближайших сподвижников Н.И. Вавилова по ВИРу — Леонид Ипатьевич Говоров, крупный специалист по селекции зерновых бобовых культур. Таких отделений у ВИРа в то время было около полтора десятка, размещенных в основных зонах страны.

Пройдя двухнедельную методическую подготовку на базе Воронежской станции защиты растений (село Губарево Семилукского района), я выехал в Каменную Степь, захватив в собой микроскоп, определитель — справочник А.С. Бондарева «Грибные болезни культурных растений и меры борьбы с ними» (3-е издание, М. - Л., 1931) и брошюру с дарственной надписью молодого научного сотрудника названной станции, ныне профессора, члена-корреспондента АН СССР, зав. кафедрой низших растений МГУ Михаила Владимировича Горленко «Ржавчина хлебов и борьба с ней» (Воронеж, 1934). В Каменной Степи мне отвели отдельную комнату в двухэтажном лабораторном корпусе, где работали и сотрудники ВИРа. Полевые исследования по изучению ржавчины хлебных злаков (главным образом, пшеницы и овса) я проводил как на территории Каменной Степи, так и в ближайших колхозах, куда выезжал совместно с сотрудниками селекционной станции и отделения ВИРа, пользуясь конным транспортом.

Для меня это был своего рода третий трудовой семестр, как его называют ныне студенты.

В то время в отделении ВИРа в Каменной Степи работало около тридцати научных сотрудников, техников, лаборантов. Меня тепло принял в свою среду дружный коллектив вировцев. Все с увлечением занимались испытанием и всесторонним изучением в условиях Центрального Черноземья богатых коллекций сортообразцов культурных растений разных континентов мира, откуда они были завезены в СССР многочисленными экспедициями ВИРа под общим руководством и при участии в большинстве их знаменитого и неумолимого Н.И. Вавилова. Это необходимо было для целей селекции и растениеводства, для подъема и дальнейшего развития социалистического земледелия. Я тоже был увлечен этим трудовым пафосом вировцев и активно работал. Вскоре сотрудники отделения ВИРа, сочтя, видимо, меня уже за специалиста, стали приносить мне пораженные образцы разных растений для определения возбудителя болезни. Пришлось определять возбудителей болезней капусты, свеклы и даже гороха. Образцы последнего приносил сам Л.И. Говоров.

Я жил в доме для приезжих, вместе с рядом вировцев, прибывших сюда на летний период из Ленинграда. Питался также вместе с сотрудниками ВИРа в столовой ИТР, которая размещалась в одноэтажном доме под железной крышей.

Однажды во время нашего обеда в этой столовой в Каменную Степь приехал академик Н.И. Вавилов. О нем я до этого уже много слышал и читал, как о выдающемся биологе, генетике, ботанике, растениеводе с мировым именем, президенте ВАСХНИЛ, директоре ВИРа и института генетики АН СССР, члене ЦИК СССР, президенте Всесоюзного географического общества, почетном члене и докторе наук ряда зарубежных академий и университетов, знаменитом путешественнике и создателе мировой коллекции культурных растений, имеющих огромное значение для биологической и сельскохозяйственной науки, для растениеводческой и селекционной практики. Ему одному из первых ученых в СССР была присуждена (в 1926 г.)

Ленинская премия. Он был другом И.В. Мичурина. Его авторитет был в зените славы, хотя в то время ему было только 46 лет.

Прибыв в Каменную Степь и узнав, что его сотрудники находятся в столовой на обеде, Николай Иванович сразу же явился туда. Сначала зашел на кухню, поздоровался и сразу же спросил: «Чем кормите моих орлов?»

Затем Николай Иванович прошел в зал столовой. Мы все его поприветствовали. Он сел вместе с нами и пообедал.

После обеда Н.И. Вавилов сразу же отправился осматривать отдельные лаборатории, помещение для хранения семян и опытные участки. Николая Ивановича сопровождало несколько десятков сотрудников отделения ВИРа, селекционной станции и других лиц. Среди них был и я.

Хорошо помню один разговор, который состоялся в лабораторном корпусе. В отделе агротехники пояснения давал профессор Пельцих Леонид Адольфович, заведующий этим отделом (позже — профессор Чувашского сельскохозяйственного института). Он говорил о каком-то агротехническом приеме, который повышает урожайность на семь процентов. Николай Иванович выслушал профессора и расхохотался: «Семь процентов! Пусть немцы возятся с семью процентами, мы дьявольски отстаем, нам надо удвоить, утроить урожай. А, впрочем, батенька, — сказал Н.И. Вавилов, — не надо пренебрегать и семью процентами».

Когда все мы подошли к хранилищу образцов семян, то Николай Иванович первым быстро вскочил по лестнице на чердак помещения, осмотрел и дал необходимые указания.

Затем отправились на осмотр полевых опытных участков. Николай Иванович великолепно знал растения и уже издали, на подходе, называл их. Он внимательно выслушивал своих сотрудников, задавал вопросы, давал советы, указания, порой даже не вполне лицеприятные. Запомнился такой разговор. Одна из сотрудниц рассказывала ему о своих опытах. Н.И. Вавилов выслушал ее внимательно, задал ряд вопросов и затем прямо сказал: «Нет! Это игра в бирюльки. Схему опытов надо перестроить». И сказал, в каком направлении это можно сделать.

Вечером после ужина Н.И. Вавилов выступил с большим докладом о результатах научных экспедиций ВИРа в Южную Америку и другие страны мира, о своих личных поездках и о его участии в работе международного конгресса генетиков в Итаке (США). Он говорил о теоретических основах советских экспедиций по изучению мировых растительных ресурсов, об открытом им законе гомологических рядов в наследственной изменчивости, о созданном им учении о генетических центрах происхождения культурных растений, о виде как системе; о принципах внутривидовой систематики культурных растений, о народно-хозяйственном значении мировой коллекции культурных растений, о необходимости испытания ее в разных зонах страны, о важности изучения сортообразцов с точки зрения экологии, физиологии, биохимии, анатомии, кариологии, иммунитета к болезням и вредителям, особенностей наследования признаков, о необходимости дальнейшей разработки генетических основ селекции и семеноводства. Он аргументированно критиковал американский опыт интродукции растений за эмпиризм, за игнорирование эволюционного подхода к делу при организации экспедиций, признавал в то же время большую размах этой работы в США и умение взять лучшее со всего земного шара. Николай Иванович говорил о тех трудностях и драматических эпизодах, с которыми сталкивались советские экспедиции — представители страны Октябрьской социалистической революции за рубежом и представители наших посольств. Трудно иногда было с провозом семян. Дело доходило до того, что в отдельных случаях семена очень редких растений приходилось помещать в тросточку, чтобы доставить их в СССР. Хотя генетика в СССР в те годы была на уровне самых передовых мировых стандартов, а по некоторым разделам шла впереди (например, вопросы

отдаленной гибридизации и экспериментального синтеза новых видов растений, генетика популяций и др.), Н.И. Вавилов видел в ней некоторые недостатки, указывал на необходимость развития всех разделов ее на эволюционной основе, на необходимость тесной связи ее с физиологией и практической селекцией.

Разошлись все мы после доклада Н.И. Вавилова уже поздно ночью.

Предполагалось, что Н.И. Вавилов пробудет в Каменной Степи не один день, а два или даже больше, что он закончит осмотр всех многочисленных опытных участков.

Но на следующий день мы были очень огорчены, узнав, что Н.И. Вавилов рано утром уехал в Москву по срочному вызову тогдашнего Министерства земледелия СССР.

Многие из нас недоумевали, как мог Николай Иванович рано утром уехать со станции Таловая на Лиски, а оттуда в Москву, если поезд из Калача на Лиски идет лишь следующей ночью. Оказывается, Н.И. Вавилов сел на паровоз и вместе с машинистом и кочегаром уехал в Лиски...

ХРУЩЕВ ВОЗИЛ ОТЦА К СЕБЕ НА ДАЧУ

Жизнь и судьба первого директора института А.В. Крылова

Рассказ о Каменной Степи был бы неполным без имени Александра Васильевича Крылова — первого директора Научно-исследовательского института земледелия им. В.В. Докучаева. Масштаб его личности, организаторские способности, талант ученого, гражданское мужество и человечность оставили о нем самые теплые, душевные воспоминания в этом степном уголке.

Жизнь и судьба Крылова во многом была типичной для своего времени. Родился он в городе Макеевка Донецкой области. После окончания семилетки учился в Сталинской сельскохозяйственной школе, а в 1930 году поступил в Воронежский сельскохозяйственный институт. После окончания института и аспирантуры его направили на Верхнехавскую опытную станцию, где он работал заведующим отдела селекции. В январе 1941 года А.В. Крылов возглавил Каменно-Степную селекционную станцию (КСГСС) и на его плечи легли все тяготы военного времени. Положение осложнялось еще и тем, что станция оказалась в прифронтовой полосе. Тем не менее молодой руководитель сумел наладить производственно-научную деятельность таким образом, что в 1943 и 1944 годах станция получила переходящее Красное Знамя Наркомзема СССР.

Вот что писали о Крылове и его станции в одной из центральных газет: «Широко известны заслуги А.В. Крылова в расширении и углублении чрезвычайно ценных для сельскохозяйственного производства исследований в Каменной Степи (начатых еще В.В. Докучаевым) по созданию высокопродуктивного устойчивого земледелия в черноземных степях полузасушливого юго-востока.

Рядовая, малоизвестная работникам сельского хозяйства КСГСС выросла за период руководства ею А.В. Крыловым в крупнейший НИИ союзного значения, ведущему огромную работу по подъему культуры социалистического земледелия (полезащитное лесоразведение, внедрение правильных севооборотов с травосеянием и черными парами)...

...Серьезнейшая проверка засухой комплекса Докучаева — Костычева — Вильямса произошла в 1946 г. Каменная Степь оказалась в самом центре засухи, в фокусе самого длительного бездождья. Свыше 70 дней, в апреле, мае и до конца июня, не было дождей. Засуха сопровождалась большим числом суховейных дней. Она проявилась в самые критические периоды для роста и развития растений. Относительная влажность воздуха стояла ниже многолетней на 22 %. В июне относительная влажность воздуха снизилась до 31%, а в отдельные дни она доходила до критической

Александр Васильевич Крылов

отметки — 10%. Средняя температура воздуха была на 4,3° выше нормы. Но, несмотря на крайне неблагоприятные условия погоды для всех сельскохозяйственных культур, на полях КСГСС урожай пшеницы составил 16,5 ц/га, озимой ржи — 15,0 ц/га, яровой пшеницы — 10,6 ц/га, овса — 15,8 ц/га, подсолнечника — 21,2 ц/га. Это было в 3-4 раза выше, чем на полях окружающих колхозов».

20 октября 1948 года Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) приняли Постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрение травопольных севооборотов, строительство прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». В основу этого плана был взят опыт Каменной Степи.

А.В. Крылов был удостоен звания лауреата Государственной Сталинской премии второй степени, а также избран депутатом Верховного Совета РСФСР по Бутурлиновскому округу Воронеж-

ской области.

Работал А.В. Крылов с огромным интересом. Своим энтузиазмом заражал коллег. Поэтому ему не стоило большого труда увлечь своими идеями замечательных профессионалов различного профиля. Доктор биологических наук, профессор ВГУ Н.С. Камышев писал об этом так: «В послевоенные годы институт осваивал и внедрял в колхозы и совхозы травопольную систему земледелия. Это новое явление в сельском хозяйстве привлекало внимание многих естествоиспытателей (И.Н. Антипов — Кортаев — почвовед, Г.Ф. Басов — гидрогеолог, Ф.Г. Бахтеев — генетик, А.С. Боевский — миколог, Е.Н. Мишустин — микробиолог, А.П. Шенников — фитоденнолог и другие). Они внесли определенный вклад в познание природы и сельского хозяйства Каменной Степи.

Общение с учеными различного профиля и высокой эрудиции обогащало научный кругозор, что не могло не сказаться на эффективности наших исследований. Наконец, просто отрадно было находиться в кругу интеллектуально интересных людей».

14 декабря 1948 года А.В. Крылов был переведен в Москву, где работал председателем Государственной комиссии по сортоиспытанию, читал лекции студентам в МГУ и Тимирязевской академии, он был широко известен в стране. Конфликт с Н.С. Хрущевым прервал его блестящую карьеру.

И здесь мы обращаемся к свидетельствам очевидцев.

Из письма дочери А.В. Крылова:

05.01.98.

С Хрущевым у отца были «особые» отношения. Об этом я знаю со слов отца. Когда у Хрущева, тогда еще зав. отделом сельского хозяйства ЦК, началась кукурузная «эпопея» и он мечтал все засеять кукурузой, отец сказал, что пока он председатель Госкомиссии, без положенного сортоиспытания кукуруза не будет районирована. Хрущев возил отца к себе на дачу, где показывал грядку 2-метровой кукурузы.

Ну, а когда стал секретарем ЦК, тогда и отыгрался. Уволить Крылова трудно, поэтому создали комиссию, чтобы провести ревизию результатов работы Каменной Степи в засушливом 1946 году.

Из письма техника В.П. Диденко:

09.05.54.

Душа не выдерживает обид, и поэтому я решил коротенько написать.

8 мая от нас выехала комиссия, которая работала по проверке данных об урожае 1946 года. Для чего нужны такие данные комиссии, тебе, дорогой А. В., видимо, известно.

Из письма дочери А.В. Крылова:

05.01.98.

...на коллегии Минсельхоза Крылова назвали «догматиком» в науке и решили отправить директором совхоза на целину, но в последний момент министр «ослушался» и сказал, не имеет права специалиста такого класса посылать в совхоз. И отец уехал в Алма-Ату, где в институте земледелия возглавил экспедицию по разработке системы земледелия на целине.

* * *

В Казахстане А.В. Крылов создал систему земледелия по образу и подобию Каменной Степи применительно к условиям Казахстана. Этот участок до сих пор является лучшим в Казахстане, хотя у него появились новые авторы.

Последние десять лет своей жизни Крылов работал в Костромском сельскохозяйственном институте «Караваяев», в начале зав. кафедрой растениеводства, селекции и семеноводства, деканом агрономического факультета, а последние три года — ректором института.

Кроме того, что Крылов был талантливым администратором, блестящим педагогом, он всегда оставался селекционером, верным одной культуре — овощной фасоли.

При его участии созданы (улучшены и введены в ассортимент) фасоли: Б615 Сакса без волокна Верхне-Хавской станции, Б764 Триумф сахарный, Б556 Московская белая зеленостручковая, Б85 кустовая без волокна (отселектированы Грибовской селекционной), Рефюджи восковая.

Но нигде не значится автором А.В. Крылов.

Главным делом своей жизни он считал работу по созданию полезащитных лесонасаждений, внедрению травопольных севооборотов, строительству прудов и водоемов для обеспечения высоких урожаев в степных и лесостепных районах. Собственно все то, что тогда было определено государством как стратегическое направление в развитии сельского хозяйства СССР.

Из письма З.А. Соколовского:

Каменная Степь, 27/X1-1948 г.

Глубокоуважаемый Александр Васильевич!

На днях в «Правде» была статья Д. Заславского: «Размышления у карты», посвященная историческому постановлению о преобразовании природы на неохватной площади в 12000000 га земли.

Размышления Заславского свойственны большинству землеробов, которые на своем веку неоднократно капризами погоды были издевательски побиты, которые неоднократно в своем бессилии были близки к сумасшествию или, в лучшем случае, проклинали тот день и час, когда они окончательно заделались землерабами. Размышления Заславского, конечно, и мои размышления, но у меня еще и особые размышления вызвала карта, и ими я хочу поделиться с Вами, Александр Васильевич.

Прибыв в 1938 г. на Каменно-Степную, я считал необходимым детально изучить Вильямса. С этой целью я проработал его многочисленные труды по общему земледелию и в особенности его дискуссионные труды. Рабочее место было отведено мне

в одном кабинете с Байко, что облегчило мою задачу. Изучая Вильямса, я констатировал известные расхождения в его доводах, которые, по разъяснению Байко, являлись уступками многочисленным противникам «травопольной системы земледелия». Одновременно пришлось изучать и утверждения противников Вильямса.

Мое отношение к теории Вильямса Вы знаете, и не об этом я хочу сказать, а о том, что, изучая Вильямса, у меня сложилось впечатление, что его стиль дискутирования часто отталкивает и, во всяком случае, с большим трудом перетягивает на свою сторону из лагеря противников. Я убедился, что его противники, выступая другим стилем, пользуются благодаря этому незаслуженным успехом.

Припоминаю и свои размышления, когда я в 1939 г., оказавшись случайно в Москве, шел за гробом Вильямса. Я размышлял: что станет с теорией «травопольной системы земледелия», которая, не получив еще признания, потеряла своего начинателя. Несомненно, и Прянишников, и Соколов и многие другие активные противники усилят свою деятельность, чтобы похоронить систему в ее зародыше.

Мои предположения скоро начали сбываться. Резко сократились разговоры (в печати) о преимуществах травопольной системы и, наоборот, усиленно пошли разговоры об удобрениях как единственном факторе повышения плодородия почвы. Прянишников развил такую деятельность, что не верилось, что ему 80 лет. Чувствовалось, что у людей руки развязались, и они спешат наверстать. Так было в 1940 и 1941 гг. С этого года разговоры (в печати) о травопольной системе земледелия почти совершенно замерли. Теория Вильямса, казалось, отцвела, не успев расцвести.

В 1941 г. Вы прибыли на Каменно-Степную, коллектив которой продолжал еще говорить о Вильямсе. Выполняя работу директора, Вы одновременно изучали травопольную систему в действии. Наступившее военное время осложнило и затруднило ведение дела селекционной станции. Однако Вы сумели не только вывести и держать все время КСГСС на первом месте, но и воскресить теорию Вильямса. Несомненно, что тт. Дмитриев и Демидов взялись с присущей им энергией за дело травопольной системы земледелия в результате того, что в Вашем лице они получили необходимую подпору на производстве.

Я убежден, что не только я считаю Вас и тт. Дмитриева, и Демидова теми людьми, которые дали ход Вильямсу, как Лысенко Мичурину, но и все, кто следил за ходом борьбы. Вы, трое, сделали для системы больше, чем сам Вильямс. Это подтверждает затухавшее положение теории Вильямса со дня его смерти, пока в 1943 г. не начали появляться Ваши статьи, посвященные травопольной системе земледелия по Вильямсу и дальнейший ход событий.

Размышления мои касаются и лесных полос. Вопрос о ширине полос поднят Каменно-Степной, а, попросту говоря, Александром Васильевичем. На моих глазах протекала и эта борьба. И опять победа на Вашей стороне. Но победа заключается не только в том, что восторжествовало мнение о необходимости насаждения широких полос, а в том, что вообще во весь голос заговорили о полосах. И заговорили не только производственники и теоретики, а заговорила партия, заговорило правительство, сам т. Сталин И.В. вник в это дело.

В результате мы являемся свидетелями узаконения теории Вильямса о травопольной системе земледелия во всем комплексе. Последнее превращает 120000000 земли в сплошной парк.

И виновник всего этого грандиозного дела, этого исторического дела, о котором много будут говорить, писать и воспевать в мое время и еще больше позже и позже на много десятков, а возможно и сотен лет, как о неслыханном факте переделки природы на такой обширной территории, виновник, повторяю, всего этого дела является Александр Васильевич Крылов, тот Крылов, которого я лично знаю, с которым я работал непрерывно 8 лет, с которым я позволял себе даже подчас не соглашаться.

Размышляя у карты, убеждаешься, что последнее постановление касается не толь-

ко лесных полос. Само дело говорит о новых задачах и безусловных успехах селекционеров, о новых работах механизаторов и конструкторов. Минеральные удобрения займут подобающее им место. И вообще, земледелие будет перестраиваться и построено по-новому, и самым форсированным образом. Я старик. Я не дождусь, чтобы своими глазами увидеть земледелие по-новому. Но это меня не беспокоит. Я его вижу. Я вижу и новых землеробов. Я вижу плоды их работы в новых условиях, которые нам, старикам, и не снились. Не сомневаюсь, что и села примут новый облик, гармонирующий всей обстановке, всей окружающей природе. Я вижу во всех малых и больших балках пруды, изобилующие рыбой. Слышу веселое пение птиц, перекатывающееся эхо многочисленных автомашин по замечательным дорогам. Да, именно замечательными, потому что по лесным полосам они могут быть или замечательными, или отвратительными. Я вижу бесконечное количество столбов, переплетенных проволокой, идущие во все стороны, по которым проведен новый вид тягла — электричество. Я вижу, наконец, и новых работников земледелия, которые в мое время имели определенный вид.

И опять мои размышления обращаются к Вам. Вот он, Александр Васильевич, вечно веселый, вечно бодрый, с замечательной легкостью разрешающий и безошибочно самые сложные вопросы. Вот он куда-то направляется, когда у тебя что-либо не ладится, безразлично свои ли домашние дела, служебные ли. К нему иди, когда тебе что-либо неясно и на политическом горизонте. По любому вопросу, в любое время иди и получишь исчерпывающий ответ, а главное, безусловно, верный ответ. Выходя от Александра Васильевича, у тебя легко и светло на душе. Ты уверенно действуешь, потому что ты будешь работать по Крылову.

Вот этот самый Крылов, которого я так близко знаю, и является виновником всей этой грандиозной реорганизации самого трудного дела в мое время и столь благодарного, даже приятного в настоящее время.

Эти мои размышления и мысли, по моему глубокому убеждению, многих, многих людей, знающих лично Вас или по печати. Позволят ли они себе написать Вам о своих чувствах — не мое дело. Я счел необходимым написать и сказать Вам, что сознание того, что я на склоне лет проработал в течение 8 лет с таким человеком, как Александр Васильевич, как бы подводит итог всей моей долголетней службы, и я констатирую полное удовлетворение. Я горжусь тем, что до известной степени являюсь Вашим соратником.

От души благодарю Вас за то, что Вы мне предоставили возможность работать под Вашим непосредственным руководством.

Примите мои сердечные пожелания еще много, много лет поработать на благо дорогой мне родины и любимого дела — сельского хозяйства.

Ваш 3. Соколовский.

СИЛА, НАЙДЕННАЯ ВО РЖИ

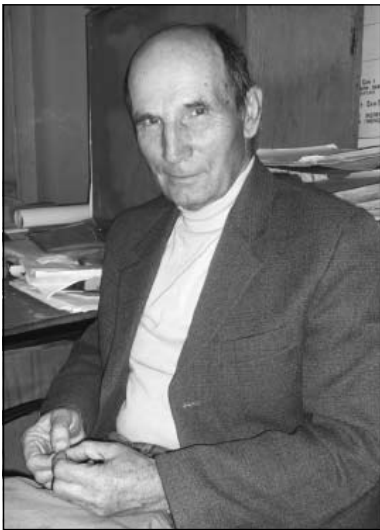
Портрет селекционера

Журналисту с Александром Андреевичем Торопом общаться практически невозможно. На вопросы — односложные банальные краткие ответы. В один из визитов в Каменную Степь вместе с Владимиром Ефимовичем Шевченко, бывшим директором НИИ им. Докучаева, провели «круглый стол» о современном состоянии селекции зерновых. После ученый подвел итоги:

— Небывалый случай! Тороп разговорился!

Факт, который заслонил все происходившее. И сказал-то выдающийся селекционер за всю беседу всего несколько предложений. Так что «Тороп разговорился» из области местных анекдотов.

Зато какое упоение быть рядом с ним в поле! Он по-прежнему молчалив, но как преображается! Лицо светится радостью и счастьем. В прикосновениях его рук к земле,

Александр Андреевич Тороп

ли на другие культуры перейти? Благо, селекционеры создали высокоурожайные сорта пшеницы, проса, гречихи... В принципе, все шло к тому. С тридцатых годов прошлого столетия произошло «торможение» в области селекции ржи. Природа как бы диктовала: какую создала, такую и пользуйтесь — тайное останется тайным. Только в начале семидесятых озимой рожью вновь заинтересовались — Н.Н. Тарасенко, а затем А.В. Титаренко провели первые скрещивания для получения исходного селекционного материала...

Забыла бы Россия и мир в век прогресса и современных технологий свою истинную кормилицу, если бы не А.А. Тороп. Переживший в детстве голод, он как бы отдавал природе и Господу долги за спасение — занялся селекцией ржи.

Первая решительная победа над собою для организации дальнейших побед — оставление Москвы и подмосковной Немчиновки, знаменитого научно-исследовательского центра. Жена работала в министерстве сельского хозяйства. Молодой директор НИИ им. Докучаева Шевченко укреплял научные кадры, формировал новую элиту селекционеров. И он «уговорил» Александра Андреевича переехать в Каменную Степь. Самый пространственный комментарий Торопа к этому «уговорил»:

— Немножко не так... Интересы совпали. Я давно мечтал о свободе, самостоятельности...

И эта «свобода» его так закабалила, что весь ушел в работу, не желая ничего знать о том, что творится вокруг. Первой настоящей сенсацией было районирование озимого сорта ржи «Восход 1», затем — «Таловской 12»... Кстати, этот сорт, можно сказать, сегодня главенствует на полях России. В советское время он давал высокие урожаи, в одиннадцати областях и республиках СССР им засеивали поля. Сорт получил международное признание. На выставке достижений народного хозяйства сорт отмечен золотой медалью. Главное — низкорослые сорта и высокоурожайные... В 1984 году его превосходит вышедший на арену «Таловская 15» — более крупное зерно, устойчивость к поражению бурой ржавчиной. И география его распространения стала гораздо шире географии сорта «Таловская 12». Во всех регионах по урожайности, засухоустойчивости он выходил на первое место. Тоже — «золото» на ВДНХ. Вскоре появился сорт «Таловская 29» — самый устойчивый против множества всяких болезней. «Таловская 33» устойчива против таких болезней, как мучнистая роса,

колоскам такой трепет, такая нежность — установи скрытую телекамеру, получился бы не фильм, а музыка без слов, музыка любви человека к сотворению им хлеба.

...Родом с Украины. Из многолетней (шестеро братьев и сестер) колхозной семьи...

Рожь всегда кормила Россию. Ценнее продукта нет — ржаной хлеб всем хлебам голова, в ржаном квасе вся сила здоровья... Да и красива рожь — стоит стеной, а ветер, как на море, создает такие удивительные волны, отливающие под солнцем золотом, источающие такой неповторимый дух будущих караваев, что кажется: дыши одним воздухом ржаного поля, и жизнь твоя продолжится не до следующего урожая, а на веки вечные... Любоваться таким образом, философствовать можно только художникам, поэтам да композиторам... Крестьянин знал, чем зачастую оборачивается эта красота — ветра ломают «рожь высокую», стелют по земле. Убирать ее — одно мучение. Потери — колоссальные. Уж не лучше

бурая и стеблевая ржавчина, устойчивость к корневым гнилям. Сейчас в областях Центрального Черноземья этот сорт занимает основные позиции. «Таловская 41» — зимостойкая, высокоурожайная, хорошо показала себя в Татарстане, Волго-Вятском и Уральском регионах и еще в девяти областях России.

Специалисты и ученые пришли к выводу, что целесообразнее в кормовых целях при заготовке сена использовать не озимую пшеницу и многолетние травы, а тороповскую рожь «Зеленоукусная 6». Районирована и считается незаменимой в хозяйствах, где развивается животноводство — в Воронежской, Липецкой, Сахалинской и Магаданской областях, в Латвии.

По меркам времени советского периода он давно был бы уже дважды Героем Социалистического труда — настолько велик его вклад в создание особой школы селекционеров, выведения таких сортов ржи, которые при любых погодных условиях обеспечивают продовольственную безопасность страны.

В тяжелейшие годы «перестройки» на свои деньги нанимал трактористов, чтобы вспахали землю. Ни копейки от государства — все за свой счет. Даже зарплату не платили. Время нашего разора и позора. Никто бы не осудил, если бы Тороп откликнулся на приглашения и уехал (выбирай!) в любой селекционный центр России, Украины и других стран ближнего зарубежья. Самое выгодное содружество — с Германией. Уже даже пошли слухи о том, что Александр Андреевич оформляет немецкое гражданство. Пусть говорят... Удивительно, но его почему-то не устраивали те же условия, которые когда-то предлагал Шевченко — полная свобода, хорошие жилищные условия, зарплата... «Свобода» селекционера на Западе еще более привлекательна — иные идут отчисления за созданные тобою сорта. Богатейшим человеком в Европе можно стать. Никаких объяснений, почему отказался от таких предоставленных возможностей быть королем, царем-министром и вообще ученым номер один мирового уровня. Мол, чего объяснять, если вы родились в России и по-настоящему любите ее? С немцами сотрудничает и сотрудничает весьма плодотворно. Так, с фирмой из Германии «Лохос Петкус» он впервые создал гибрид, который обратил на себя внимание немецких крестьян. В России этот гибрид, на западный манер получивший не имя, а аббревиатуру с номером (НВП 3), в 2004 году был признан выдающимся достижением и районирован в трех регионах страны. Не свалили и не согнули его перестроечные смерчи, бури — в 2008 году районирован в нескольких регионах государства сорт «Таловская 41».

— Не верно понимаете... Один человек в селекции ничего сделать не может — коллективу спасибо.

Разумеется, огромный вклад в селекцию ржи внесли коллеги, но с 1974 года по 2001-й специальной селекционной лабораторией руководил-то Александр Андреевич — его идеи воплощались в жизнь, он ставил перед своими единомышленниками задачи. В 1990 году добились того, что их сорта ржи давали на экспериментальных участках по 80 центнеров с гектара. Песню оставили в прошлом — «я к тебе приеду убирать стопудовый урожай».

Под руководством А.А. Торопа защищено три докторских и восемнадцать кандидатских диссертаций, так что за дальнейшее упрочение положения ржи в России и во всем мировом пространстве беспокоиться не стоит — преемственность научных кадров обеспечена.

«Случайно» особое место в селекционных работах заняла дочь Александра Андреевича — Елена. Окончила биолого-почвенный факультет Воронежского государственного университета. Научные интересы — простому читателю не понять, а нам, тоже непонятливым, не объяснить. Надо хорошо знать современный уровень развития математики, физики, химии и биологии, чтобы работать на стыке этих наук и открывать в растительном мире «тайны», о существовании которых вчера даже и не подозревали. Доктор наук Елена Александровна Тороп считает, что проявлению интереса к такому подходу в изучении растительного мира способствовал отец.

Елена Александровна Тороп

— Он однажды был на курсах повышения квалификации, с увлечением занялся философией... Философия на все вопросы не отвечает, но дает толчок практической мысли, направлению поиска... Во всем надо видеть проявление целостности мира...

Словом, выявлено: много значит в развитии, видоизменении растения играет его архитектоника, строение листа, стебля, те невидимые «кирпичики», из которых они состоят. Отец давно поставил перед собой и коллегами задачу об изменении архитектоники растения, умением ею управлять, но особый прорыв в этой области произошел, когда в институте, в лаборатории генетики, открылось новое направление, ведомое его дочерью. И еще немаловажно — в НИИ трудится человек, опережающий время, идеи которого далеки от того уровня стандартного мышления, которым пользуется традиционная наука. Махач Дашдемирович Велибеков поначалу своими «сказками» был интересен школьникам, которые, затаив дыхание, слушали его «фантазии». Возможно, придет час, и мы скажем, что рядом с нами

трудился непризнанный гений... Вот и пришла в науку вчерашняя школьница, которая успешно материализует сказочное и фантастическое добытых Велибековым то ли на уровне подсознания, то ли продиктованных свыше, то ли он просто-напросто проживает в особом информационном поле, в которое пока нет доступа иным. «Подсказки» Елены Александровны и Махача Дашдемировича во многом развернули «докучаевскую» селекцию на новый уровень.

— Конечно, во мне все от папы. Он очень любил детей — мы его понимали лучше, чем весь взрослый мир. Для него любое растение — огромный непостижимый мир с невероятным множеством интересного, но вполне познаваемого. Папа живет восторгом от созерцания того, что произрастает на земле. В папе сочетаются интеллект исследователя и практика. Говорит, что в Немчиновке он был бы больше вынужден заниматься теорией. Каменная Степь ему дала все, что необходимо для такого пытливого ума и неуемной жажды познания, которыми обладает мой отец. Куда ему куда-то ехать, искать лучшей доли?! Он предан селекции — этим счастлив. И это счастье с ним разделяют работающие с ним рядом, в семье папу понимают.

...Потом — монолог о моделировании «систем», «клеток», «решеток» молекул, определяющих качественный состав белка. Понимаешь главное, что это моделирование нечто подобное разрушенному в НИИ фитотрону, который помогал в кратчайшее время пережить растению несколько климатических поясов, времена года сжимались до месяцев и часов...

Еще К.А. Тимирязев в 1948 году высказал предположение, что от формы листа, его расположения зависит засухоустойчивость растения. Когда мало-мальски вникаешь в суть проблемы, то с интересом читаются статьи, написанные А.А. Торопом в соавторстве с В.В. Чайкиным и Е.А. Тороп — «Новые морфотипы озимой ржи с высоким потенциалом продуктивности», «Обоснование некоторых параметров перспективной модели сорта озимой ржи для условий Центрально-Черноземного района»... Селекционеры убеждены, что «архитектуру» стебля, расположения листьев озимой ржи можно довести до совершенства, и тогда сорта станут еще более урожайными и неподвластными никаким природным капризам. Идет поиск и в созда-

нии новых морфотипов — необходимо увеличение фотосинтезирующей поверхности листа. Это те нанотехнологии, за которыми победы завтрашнего дня. В своих научных изысканиях Елена Александровна «рассекретила» «законсперированные» тайны, влияющие на жизнестойкость, урожайность ржи, любовь к которой, разумеется, передалась от отца.

КРАСОТА БОЖЕСТВЕННАЯ И РУКОТВОРНАЯ

Художники и Каменная Степь

Художники — тот народ, которым дано «схватить» мгновения и дать своеобразный образ места и времени.

Первым профессиональным художником, посетившим Каменную Степь, был В. Волков из Москвы. Сохранилось несколько его акварелей, хранящихся в музее института. В 1947-м году из Воронежа с заданием написать картину «Свекловичницы», портреты лауреатов Сталинской премии Х.Я. Зихермана, Ю.В. Ключникова и председателя колхоза И. Алимova приезжает ученик Бучкури Аркадий Васильев. Он так был захвачен увиденным, что «задание» перевыполнил с лихвой — несколько картин, десятки этюдов.

В институте сохранилось две работы мастера — «Ковыльная степь» и портрет Ю.В. Ключникова. Мы должны быть благодарны Татьяне Аркадьевне Пятюченко, дочери Васильева: в последние годы она сделала все возможное, чтобы вернуть работы отца в сегодняшнюю обыденность, организовала несколько выставок в Доме актера, в НИИ им. Докучаева, в ряде воронежских библиотек. Память об отце и представление Каменной Степи, которую мы не знаем. Татьяна Аркадьевна написала замечательную книгу воспоминаний «Была река», где есть страницы о впечатлениях, оставшихся у отца после пребывания в научном центре международного значения.

С сопроводительной статьей Александры Ивановны Пашенко, директора музея НИИ, выпущен комплект открыток «Каменная Степь в работах художника Васильева А.П.». Надо идти дальше. Подобного осмысления творческого наследия, связанного с Каменной Степью, ждут работы художников Косогорова, Быкова, Гончарова и Криворучко.

Григорию Гончарову удалось главное — написать портрет В. Докучаева в стиле старой классической школы. Создан запоминающийся образ выдающейся личности не только своего времени — Василий Васильевич изображен в порыве идущего навстречу к нам. Подобного же уровня жанровое полотно «В.В. Докучаев среди крестьян».

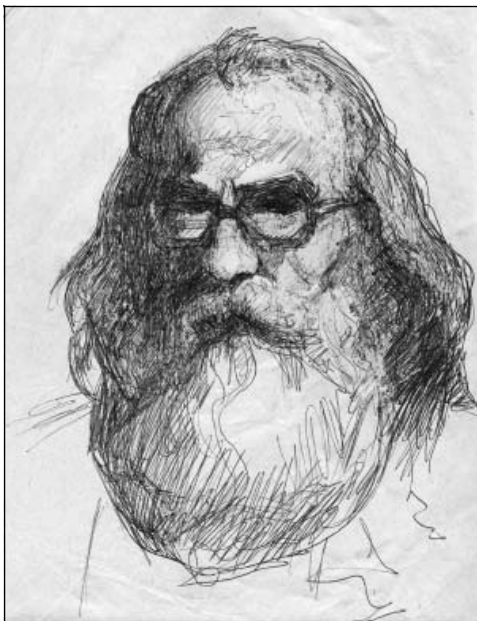
В музее выставлена работа, на которую поначалу мало кто внимания обращает, но работа уникальная. Автор — жена Григория Гончарова Екатерина Ивановна. Сюжет полотна «Каменная Степь» размером 88 на 56 сантиметров вышит гладью. Работа в 1955 году экспонировалась на Всесоюзной выставке художественного творчества рабочих и служащих, была отмечена как одна из лучших.

Особая ценность — портрет сподвижника Докучаева Конрада Собеневского, написанного его сыном Игорем. Игорь Конрадович из США в мае 1979 года приехал в Каменную Степь и подарил свою работу институту.

В девятые годы несколько раз бывали в Каменной Степи Василий Криворучко и ученый, писатель Леонид Семаго. Так и не реализовалась мечта Леонида Леонидовича, любившего эти места, преклонявшегося перед трудом и талантом ученых, простых тружеников: вместе с Криворучко и творческим человеком (прекрасный фотомастер!), ученым Борисом Скачковым создать альбом — картины художников, фотографии, сопровождаемые его краткими «стихотворениями в прозе». Но он говорил, чтобы писать о Каменной Степи, в ней надо долго жить. Вот этого «долго» ни у кого не хватило.

В.П. Криворучко. Автопортрет

Портрет В.П. Криворучко.
Рис. А. Аникеева

Василий Павлович Криворучко оставил институту несколько своих картин. Выделяются из них две лучезарные работы, написанные им в соавторстве с выдающейся художницей нашего времени Ксенией Успенской — «Золотая осень» и «Хорольская балка».

Визиты Криворучко характерны тем, что «не давал покоя» ни местному руководству, ни району — требовал немедленно приступить к созданию картинной галереи в Каменной Степи. Он запомнился коллективу НИИ, учащимся школы не только тем, что пропадал на этюдах, но находил время для встреч — им для «докучаевцев» был прочитан целый своеобразный цикл по истории искусства, важности живописи в воспитании в человеке понимания красоты.

Будучи уже тяжелобольным, Василий Павлович вел переписку с директором музея А.И. Пащенко:

«... Очень жалею, что моя болезнь не позволила быть у вас на торжествах. Очень жаль!

Выдайте Ефремову мои выставочные картины, а «Верхние пруды» оставьте — дарю институту...

Даст Бог, и я к 1993 году буду здоров...»

«... Обязан выполнить свой долг — сделать для людей доброе и красивое... Хамы задавили в человеке все прекрасное, благородное.

Всегда считал для себя священной работу в музее. Чем больше музеев, тем благороднее люди в этом селении. Музей напоминает человеку о его прошлом, открывает глаза на настоящее и предсказывает завтрашний день... Музей — это дом знаний, конечно, для разумных людей. Для дураков и сто музеев не станут необходимостью...

...Выращивание хлеба насущного!.. С радостью вспоминаю золотые поля, благодаря которым я так много увидел и чувствовал красоту природы, рукотворную красоту, созданную человеком... Сегодня закончил картину «Хорольская балка» — с хлебом, лесом, с красивым облачным небом, а вдали пруд, а за прудом луг

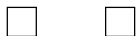
с коровками... Писал больше года. Когда болел, была возможность работать по чуть-чуть...»

Божественное и рукотворное... Нынешний директор НИИ В.И. Турусов понимает значение высокодуховного, красоты божественной в формировании высот человеческих душ, поэтому первым делом принял решение на общем собрании начать строительство храма. В планах — создание картинной галереи.

Ученик В. Криворучко художник Вячеслав Знатков намерен в следующем году вместе со своими студийцами выехать в Каменную Степь и создать цикл работ, большинство которых оставить музею, будущей картинной галерее. Подвижничество, заложенное здесь Докучаевым со учениками, продолжается.

В какой-то степени основа картинной галереи заложена в местной школе, в классах, коридорах которой картины почти всех художников, некогда побывавших в этих местах, благословенных Господом. Заглавной работой можно назвать дар воронежского художника Андрея Богачева — «Пушкин в Михайловском». Настроение — ангельское, светлое, вызывающее к благодетельству. «Одной любви музыка уступает», — сказал поэт. Во всех полотнах она и звучит — музыка!

Публикацию подготовили
Эдуард ЕФРЕМОВ,
Иван ЩЁЛОКОВ

Павел Викторович Чибисов родился в 1980 году в селе Верхняя Тишанка Таловского района Воронежской области. Окончил Воронежский государственный педагогический университет. Работал учителем в средней школе, в настоящее время — глава Тишанского сельского поселения. Автор ряда поэтических публикаций в коллективных сборниках и журнале «Подъём», книги стихотворений «Из далекой Тишанки я родом». Лауреат областного фестиваля поэтического творчества «Воронцовая Русь».

Павел Чибисов

ОДИНОКИЙ СВЕРЧОК

* * *

До зари, чтоб вернуться успеть,
По бокам вороного коня,
Больно хлещет шальная плеть,
Восвояси его гоня.

Ах, зачем ты, родной, убежал
Сквозь поля в полуночные сны?
Слово, данное мне, не сдержал,
Одурманенный зовом весны.

И какая виною причина —
Знает только лишь солнца круг,
На душе у тебя кручина.
Поделись ей, усталый друг.

Расскажи мне, чего же ради,
Невзирая на гнев отца,
По степной, неизмятой глади,
Рысью кинулся до конца?

Не могу я тебя винить,
Я и сам от тоски дрожал,
Разрывая запрета нить,
Когда вслед за тобой бежал.

Знаю, быт твой — крошечный ад,
И от пахоты ноют ноги,
Все равно ты вертай назад,
По ухабинам сельской дороги.

Я водицей тебя напою
И — в загон (только ты не шути)
Молодую насыплю хвою,
Что собрал на обратном пути.

Выходя из безмолвной ночи,
Мы друг в друга душою вжались,
И я видел, как солнца лучи
В лошадиных глазах отражались.

Понял я, эту тайну храня,
Хоть и тяжкая выпала доля,
Есть мечта у трудяги-коня
Под коротким названием — воля!

* * *

Если б знал лучик вешнего солнца
И костров молчаливый дым,
Как, родного не видя оконца,
Тяжело жить на свете слепым.

Не ласкать ясным взором луны,
Не лелеять воды сонной глади,
По которой в спехах пльвуны,
Чертят линии, словно в тетради.

Не узреть утром ранним восхода
И не видеть весенней капли,
Не взглянуть на рождение восхода
У пшеницы, что сеют в апреле.

Как до боли порой нестерпимо,
Когда, двигаясь к отчему дому,
То и дело бросаешься мимо.
Как же трудно на свете слепому!

Полумрак пеленой закружив,
Изваял белокаменный склеп,
Тяжело стать ослепшим пожив,
Хуже тем, кто с рождения слеп!

* * *

Там, где леса спит опушка,
Беспробудным сном,
Одинокая кукушка
Плачет о былом.
Со стволов печальным взором
Озирает даль.

Жизни, прожитой с позором,
Ей безумно жаль.
Слезы льются, как вода,
Словно из ушата,
Не видать ей никогда
Юных кукушат.
Сколько прочь ты ни гони —
Крики их везде.
В чем теперь растут они
Связанном гнезде?
Опустившись на хвою,
Сколько нужно воли,
Чтоб подбросить кровь свою
Да к чужой без боли?
Чтоб откинуть тяжесть мук,
С легкостью навеки,
Чтобы ношу скинуть с рук,
В пустоту опеки.
Покарав расплатой спешной,
Словно как палач,
Оттого в ночи кромешной
Слышен горький плач.
Сердце больше пусть не тает,
Ритмы пусть тихи,
Ведь не наши дни считает,
А свои грехи.

* * *

Помню, кости промерзшие грела
Раскаленным дыханием плеч
Побеленная нежностью мела
Добродушная русская печь.

Как я лез на нее без оглядки,
Разжигая ребячий гам.
И когда мы играли в прятки,
Хоронился я вечно там.

Как душа, ожидав, дрожала,
Когда, вскрыв белоликий склеп,
Наблюдал я, как печь рожала
Пропеченный, душистый хлеб.

И в безмолвной, кромешной ночи,
Повернувшись на левый бочок,
Слушал, как под ступенькой печи
Стрекотал одинокий сверчок.

Как смыкал утомленные веки,
Подобравшись под самый карниз.
Никогда не забуду вовеки
Три ступеньки наверх и три — вниз!

* * *

Кем бы ни был ты душой,
Свят или безбожник,
Ты правой или левой,
Стелешь подорожник.

Убирая боль от ран,
Средь людского гама,
Будь ты глажен или дран,
Ты бросаешь: «Мама!»

Если вдруг свершая месть,
Я кричу: «Пусти!»
Невзирая, кто я есть,
Ты твердишь: «Прости!»

Одинаковые мы,
Ясно без зарока
От сумы и до тюрьмы,
От стопы до ока.

* * *

Как охота за чуб ухватить
Повзрослевший степной ковыль,
Что, порвав паутинную нить,
Отметает дорожную пыль.

Как приятно порой потрепать
Обжигавшие листья крапивы,
Что рвала упокойная мать
У раздвоенной ласковой ивы.

Как стройна, как сладка недотрога,
Душу греет стыдливостью лика,
Наклонясь в почитании Бога
Покрасневшая земляника.

Снова к жизни, спеша, возвращает,
Гладь души, что тоскою измята,
И, ведя сквозь невзгоды, прощает
Нежным запахом сбитая мята.

Коль не станешь безжалостно рвать,
Сколько неискончаемой ласки
Могут, глядя, в спокойствии дать
Первоцветом — анютины глазки.

И куда ни пойду, ни поеду,
Заблудившись, попав в беду, —
Я по запаху, словно по следу,
До родимого края дойду.

Людмила Исидоровна Королёва родилась в городе Мглин Брянской области. Окончила филологический факультет Борисоглебского государственного педагогического института. Преподавала русский язык и литературу в сельских школах Воронежской области. С 1987 года — ответственный секретарь Таловской районной газеты «Заря». Автор многих очерков и рассказов, посвященных событиям Великой Отечественной войны и героям-землякам.

Людмила Королёва

ТРИУМФ УЧЕНОГО И ТРАГЕДИЯ ЧЕЛОВЕКА

(Путь Павла Черенкова)

В 2004 году научная общественность страны отметила столетие со дня рождения выдающегося русского ученого, доктора физико-математических наук, профессора, академика, Героя Социалистического Труда, лауреата трех Государственных и Нобелевской премий Павла Алексеевича Черенкова.

К этому событию были приурочены торжественные мероприятия, на здании родной сельской школы, которая теперь носит его имя, и главном корпусе alma-mater — ВГУ установлены мемориальные доски. Этот великий человек по праву стал гордостью и достоянием воронежской земли, с которой связаны и добрые, и самые горькие страницы его жизни.

Возможно, в них и кроется ответ на вопрос, почему академик Черенков не бывал на своей малой родине с тридцатых годов?

Но как бы то ни было, а связи с отчим краем он не порывал никогда... Болью ли, радостью — она колоколила в нем, жила: в каждом биении его сердца, в мыслях, думах, ностальгии по малой родине, рассказах о ней своим детям и внукам.

По словам дочери Елены, звук колокола старинной Покровской церкви, заложенной еще в 1764 году, в которой когда-то крестили ее

отца, — одно из ярких романтических воспоминаний детства Павла Алексеевича. В праздничные дни ребятишкам разрешали залезать на колокольню и звонить в колокол, звук которого разносился на многие километры. В селах у колокола каждой церкви был свой тембр, по звуку и ритму сельчане могли определить, где звонят и что произошло.

Павел был живым ребенком, любившим все сельские развлечения — от ныряния в реку до лазания по деревьям. Ему, как и другим мальчишкам, были известны достоинства каждого плодового дерева. Зимой другая забава — санки и коньки. Они были деревянными, и, чтобы полозья скользили, их на морозе обливали водой. О лыжах тогда дети не могли и мечтать.

Павел Алексеевич любил вспоминать, как ребенком в морозный день ему захотелось попробовать языком красиво заиндевшую металлическую ручку двери. Язык прилип намертво. Мальчик догадался, как без помощи взрослых исправить бедственное положение, в которое попал по собственной глупости или чрезмерному любопытству. И еще эпизод: осенью он спрятал несколько яблок в жито, а в зимний день вспомнил и в остатках жита нашел их. Те прекрасно сохранились, были хороши на вкус и пахли летом...

Возможно, уже тогда в нем рождались задатки физика-экспериментатора, умевшего увидеть и оценить проблему по внешней простоте, и использовать совсем обыденное, несложное для ее решения.

Как и любой сельский парень, он умел запрягать лошадь, слесарить, столярничать. Эти навыки потом сохранил на всю жизнь. Ремонтников в свою московскую квартиру Черенковы, как правило, не вызывали. Глава семьи сам чинил ломавшиеся бытовые приборы.

А еще он очень любил животных. Это чувство тоже родом оттуда, из его детства. Однажды Павел Алексеевич подобрал бездомного котенка на одной из столичных улиц, и маленькое беззащитное существо, к радости домашних, поселилось у них. Однажды в питомнике (местоположение некоторых отделов ФИАНа) пошли разговоры, что нужно убрать приютившихся там дворовых собак. Академик заступился за них, и псы спокойно доживали свой век в облюбованном ими месте.

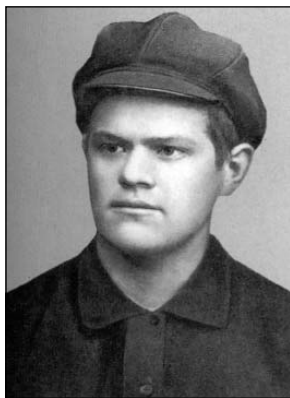
Неравнодушие, сопереживание чужой боли проявлялось в этом человеке всегда. Как-то зимой он взглянул в окно и увидел смешную, но только для стороннего наблюдателя, сцену. Пешеходы, дойдя до определенного места тротуара, начинали скользить и, не удержавшись на ногах, падали. Пока близкие охали и ахали, стоя у окна, Павел Алексеевич взял что-то вроде топора, спустился со своего этажа на улицу и стал рубить образовавшуюся наледь. Со стороны это выглядело так, как будто он занимается этим всегда.

С мальчишеских лет и до самого почтенного возраста Павел Алексеевич обожал спорт. Он с удовольствием бегал на лыжах, катался на коньках, играл в шахматы, бильярд, теннис и в этом виде имел даже квалификацию судьи. Путешествовал в горах Кавказа, Алтая. В 1934 году, участвуя в научной экспедиции, поднимался на Эльбрус. Вместе с сыном Алексеем был в байдарочных походах по озерам Мещеры, Пре и Оке в 1958 году и по Воре — годом позже. Часто всей семьей Черенковы совершали автомобильные прогулки по Подмосковию. Природа манила Павла Алексеевича. На лето они снимали дачи (Ухтомская, Малаховка, Жаворонки вблизи Сходни, Голицино, Сальково под Звенигородом), где купались, загорали, ходили в лес собирать грибы и ягоды.

Каждую весну Черенковы начинали заниматься огородом (вот она, крестьянская струнка!). Участки давали в разных местах: то в Щукино, то в Сокольниках, то в Черемушках. В роли помощника чаще всего выступала Лена. В Щукино огород был на приличном расстоянии от трамвайной остановки, шли полями. Эти

Алексей Егорович Черенков, отец ученого.
Новая Чигла, 1920-е гг.

Павел Черенков после окончания
сельской школы. *Новая Чигла. 1924 г.*

Флигель барского дома.
В 1920-е годы — одно из школьных зданий,
где учился П.А. Черенков.

прогулки очень нравились Павлу Алексеичу, манили неброской красотой деревенского пейзажа. Если попадали в лес, то ему сразу, как по мановению волшебной палочки, открывались грибные, ягодные, ореховые места. В Сокольниках он показал дочери дятла, сидящего на дереве, которого она, благодаря ему, увидела впервые в жизни. Ей было интересно наблюдать за отцом, когда после умственного труда он самозабвенно переключался на труд физический — с лопатой, тяпкой, граблями. Земля тянула Павла, потому что в ней были его корни.

Через всю свою жизнь пронес П.А. Черенков те качества, которые сформировались в нем деревенским укладом: необыкновенную работоспособность, человеческую простоту, доступность, гордый и прямой мужицкий характер, упорство в достижении цели, колоссальную силу воли, глубокую порядочность, цельность натуры. И вместе с тем душевную мягкость, любовь ко всему, что делает нашу жизнь красивой, наполненной до краев, подобно реке его юности, войти в которую мечтал еще хотя бы раз...

Говорят, чтобы лучше узнать человека, надо иметь представление о времени, в которое он жил. Для этого нам предстоит перелистать страницы прошлого века, в которые вписаны истории судеб людских, так или иначе связанных с именем нашего героя.

Детство будущего нобелевского лауреата Павла Черенкова прошло в селе Новая Чигла Бобровского уезда Воро-

нежской губернии, где он родился 28 июля 1904 года в семье крестьян-середняков. Отец его Алексей Егорович слыл человеком трудолюбивым, бравшимся за всякую работу: крестьянствовал, плотничал по найму, торговал в бакалейной лавке, зимой отправлялся в извоз. Мать Мария Павловна умерла через два года после его рождения, оставив трех малолетних деток. Алексей Егорович снова женился, и вскоре в семье росло уже шестеро его ребятишек. Мачеха недолюбливала детей мужа от первого брака: Павла и двух его сестер — Варвару и Марию. Острее всего эта нелюбовь проявлялась к хлопчику, особенно когда тот, подрастая, все чаще брался за книгу, тянулся к знаниям.

Его школьные годы начались в приходской школе, названной Хихинской по церкви, построенной на деньги местного купца Хихина. Учеба нравилась пареньку, он ходил на уроки, как на праздник. Однажды зимой мачеха спрятала его шапку, чтобы не пустить в школу, — он пошел без шапки...

По словам сельчан, начальные классы церковно-приходской школы в те годы давали образование, которое можно было приравнять к современной семи-восьмилетке. В 1917 году Павел блестяще окончил ее. Дальнейшую учебу прервали бурные события революции и гражданской войны.

Это сейчас принято считать Чиглу захолустьем, а сто лет назад она представляла собой большое, красивое, основанное в 1740 году село, привольно раскинувшееся по обоим берегам полноводной одноименной реки — притока Битюга. На ту пору там действовало несколько заводов: два маслобойных, винокуренный, сахарный, по производству мериносовых овец и битюговых лошадей. Еще была мельница. Население насчитывало более шестнадцати тысяч человек. Проводились ярмарки, торговать сюда своим товаром приезжали купцы со всех мест. По сохранившимся до наших дней каменным стенам Покровской церкви, бревенчатым добротным домам купцов и помещика, школы можно представить богатую жизнь старинного русского села. Может, поэтому и стало оно эпицентром событий того смутного времени.

В гражданскую войну на чигольской земле шли ожесточенные бои. Село восемнадцать раз переходило из рук в руки. Ворвавшиеся однажды туда солдаты мамонтовской армии расстреляли находившихся в местной больнице раненых, хотя там были и белые, и красные. Свято помнивший о клятве Гиппократа земский фельдшер Шепелев лечил всех, вместе со своими пациентами и погиб... Теперь его имя носит одна из улиц села.

Те кровавые события происходили в каких-то десятках метров от дома, где жил Павел Черенков...

Учиться дальше в такой обстановке не представлялось возможным. В ту пору ему исполнилось тринадцать лет, и Павел устроился чернорабочим в местное потребительское общество. Толкового, грамотного и сообразительного паренька вскоре заметили и определили в конторщики, затем в счетные работники. Видя такой поворот событий и более душой за своих учеников, учитель математики Павел Петрович Иевлев стал заниматься с наиболее способными ребятами. Самым подающим надежды из них был Павел Черенков.

В 1920 году на базе переведенной из Боброва в Новую Чиглу гимназии открылась школа второй ступени, дающая среднее образование. Как вспоминала потом одноклассница Павла А. Разумовская-Голова, он сидел на последней парте, ходил в косоворотке, был веселым и улыбочивым парнем. Сам отлично учился и не отказывал в помощи другим, особенно по математике. Директор школы С.Г. Графский прочил ему большое будущее. Последние два года учебы паренек совмещал с работой счетовода Новочигольского сельского пункта Воронежского Гормаслотреста. Семья Черенковых не бедствовала, но лишних денег не было. Каждый был обязан трудиться. Да и сестер порой хотелось побаловать, он их очень любил и относился к ним с большой теплотой и нежностью. Вот почему так велико было его горе, когда маленькую сестренку Надю ударила копытом по головке лошадь и девочка погибла...

Может, именно отсюда та необыкновенная трепетность чувств к людям, братьям нашим меньшим, беспокойство за судьбу родных и близких, желание каждому подставить свое крепкое мужское плечо, протянуть сильные, натруженные руки.

Дочь Лена вспоминала, что в детском возрасте была его любимицей, он часто баловал ее. В отношении отца к ней чувствовала желание научить, защитить. В более старшие годы — напротив, был с ней временами чересчур строг. Это рождало обиду, и только с годами она поняла, что такая строгость происходила от скрытого переживания за ее случавшиеся неудачи, от боязни ее возможных ошибок. Тем самым он пытался защитить, отгородить своего ребенка от всяческих бед и тех проблем, которые довелось пережить самому.

В 1924 году Павел Черенков окончил школу. На ту пору ему исполнилось уже двадцать лет. Уехал в Воронеж и поступил на физико-техническое отделение педагогического факультета ВГУ. Так закончился чигольский период его жизни. Но здесь осталась его семья — отец и сестры, и свои студенческие каникулы он всегда проводил с ними, два раза в год приезжая в родное село.

Жизнь в нем шла своим чередом. По воспоминаниям старожила села Натальи Ивановны Костылевой, жили Черенковы на улице Трудовой (ныне Матросовская) в красивом четырехкомнатном доме, крытом железом. «У Алексея Егоровича лавка была, — рассказывала женщина, — не хозяйская, своя. В ней и торговал, а жена дома сидела, по хозяйству управлялась, с детьми. Работников они никогда не нанимали, никто им не помогал, все сами, своими руками делали».

Тем не менее, в конце 1930 года Алексей Егорович был раскулачен, в 31-м его осудили и отправили в ссылку. Все нажитое было описано и конфисковано: плуг, борона, по паре лошадей, коров, шесть овец и три свиньи. Дом разобрали, а из бревен сложили сруб здания сельсовета. Обвинен был Черенков-старший в принадлежности к партии эсеров и в причастности к кулацкому восстанию в Чигле в 1930 году. Хотя со времени демобилизации из армии никакого участия в делах «враждебной народу партии» не принимал, разве что считал эсеров активной революционной силой, борющейся за лучшую жизнь. Не было в Чигле и никакого восстания. Просто люди, попавшие в списки для раскулачивания, устроили сходку и, как водится «во дни торжеств и бед народных», звонили в колокол своей спасительницы — Покровской церкви. Однако и в этих событиях Алексей Егорович участия не принимал: не был на сходке и в колокол не звонил.

Н.И. Костылева вспоминала: «Кулачили страшно. В колхоз заставляли идти. Сушенки, крупу, пшено забирали. Соседей семьи Черенковых, у них была ческа, тоже раскулачили. Их отправили на Колыму, а детей, двое у них было, расстреляли. Уполномоченным по проведению коллективизации был Кузьма Павлович Бездухов. Он не наш, приезжий. С Украины. Из рабочих. Партийный. Дразнили его Жевалка. Почему так, не знаю. Он был очень жестокий человек. Никого не жалел. Ни детей, ни стариков».

Вот в эту страшную эпоху и выпало начать свой жизненный путь Павлу Черенкову.

В 1928 году он окончил ВГУ и был направлен в Козлов (ныне Мичуринск). Преподавал физику и математику в одной из городских школ. Тогда же забрал с собой младшую сестру Татьяну, которая прожила с братом несколько лет, включая Ленинград, куда Павел переехал уже с женой, тоже выпускницей Воронежского университета.

Со своей будущей супругой Марией Алексеевной он познакомился в Козлове, куда девушка также приехала учительствовать. Судьба свела их на общей квартире, где жили воронежские студенты. Потом они признаются друг другу в том, что это была любовь с первого взгляда — сильная, глубокая, взаимная и долгая, длинной в целую жизнь.

Избранница Павла Алексеевича принадлежала к известной в Воронеже фамилии Путинцевых. Ее отец Алексей Михайлович, профессор ВГУ, был филологом широкого профиля: фольклористом, диалектологом, этнографом, литературоведом, историком литературы и искусства. Он явился основателем музея И.С. Никитина, был членом трех научных обществ, читал лекции еще в нескольких институтах. Его «не способная на грязное душа» помогала переносить многим из друзей А.М. Путинцева тяжелые минуты жизни.

Когда летом 1930 года Мария Алексеевна приехала с Павлом Алексеевичем в Воронеж и попросила у родителей благословения на брак с ним, те категорически

были против. Мама девушки, в прошлом выпускница Института благородных девиц, жена профессора, его, сына крестьянина, вообще не могла рассматривать как достойную партию для своей дочери. Но никакие уговоры и запреты родных не помогли: молодые люди вскоре зарегистрировали свои отношения и уехали обратно в Козлов.

В том же году Павел Алексеевич наведлся в Новую Чиглу. В последний раз. Тогда еще не был раскулачен и сослан отец, еще не был сломан их дом... Соседи видели его сидящим на крылечке за книгой. Он готовился к вступительным экзаменам в аспирантуру Физико-математического института Академии наук в Ленинграде. И успешно выдержал их.

В институте был образован физический отдел, возглавил его академик Сергей Иванович Вавилов. С 1932 года Павел Алексеевич начал работать под его руководством в области изучения люминесценции. Влияние этого человека на молодого аспиранта было так велико и так значимо, что впоследствии П.А. Черенков не раз говорил близким ему людям, что только благодаря встрече и общению с С.И. Вавиловым он смог добиться таких высот в науке.

В 1935 году Павел Алексеевич закончил аспирантуру и защитил диссертацию на тему: «Люминесценция растворов ураниловых солей под действием гамма-лучей». Годом раньше их отдел был преобразован в Физический институт А. Н., тогда же вместе с Академией наук его перевели в Москву. Черенков поселился в аспирантском общежитии, где ему удалось выхлопотать отдельную комнату. Кроме них с женой и маленького сына, там предстояло жить сестре Павла Татьяне и его теще. Та перебралась к дочери после ареста и ссылки мужа.

Мария Михайловна, поскольку была женой репрессированного, не имела никаких средств. Материальное положение семьи Черенковых было трудное. Жили только на аспирантскую стипендию. Помогали друзья, делились хлебным пайком. Жена профессора сушила сухари и отсылала их мужу. А Павел отдал тестю свое зимнее пальто...

Его отца Алексея Егоровича, уже отбывшего одну ссылку и вернувшегося домой, в конце тридцатых арестовали вновь и приговорили к десяти годам лагерей без права переписки. Что это означало, семья узнала много позже... 9 января 1938-го решением Воронежской «тройки» он был приговорен к расстрелу. Через пятнадцать дней приговор был приведен в исполнение... Так он расплатился за «контрреволюционно-троцкистскую и повстанческую агитацию, распространение эсеровских взглядов, клевету на вождей»...

На самом деле его «вина» заключалась в том, что он, умный и здравомыслящий человек от земли, видел неумелое хозяйствование новых властей, разорение селян, и горечь от всего виденного им прорывалась наружу...

Судьбы отцов Павла и Марии схожи. Крестьянин и профессор... На одном отрезке жизни их объединило счастье детей, на другом — сотворенное против них варварство вождей, сделавшее этих людей без вины виноватыми. И хотя Алексею Михайловичу удалось вернуться из ссылки живым, его подорванное непосильным трудом и нечеловеческими условиями здоровье не оставило ему никаких шансов. В мае тридцать седьмого его не стало.

О трагических событиях из осторожности не говорили ни с близкими друзьями, ни с родственниками. Павел опасался приезжать на родину, где его считали врагом народа. И, к сожалению, он больше так и не побывал ни в Новой Чигле, ни в Воронеже.

Жестокая система вселяла в людей страх, делала их осторожнее, недоверчивее по отношению друг к другу. Но даже в тех невыносимых, не поддающихся принятию и осмыслению обстоятельствах большинство оставалось настоящими людьми. Не отрекся от брата академик Сергей Вавилов. Не отрекся от отца и его уче-

ник Павел Черенков. Хотя многие делали это публично, так, как это было тогда принято:

Предай в пути родного брата
И друга лучшего тайком.
И душу чувствами людскими
Не отягчай, себя щадя.
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя.

А. Твардовский

Посвятив себя большой науке, он как бы отделил грань «до» и «после» — между детством, юностью и всеми последующими периодами своей жизни. В этом, наверное, и кроется трагическая разгадка драмы жизни Павла Алексеевича Черенкова, гениального физика и очень несчастного человека, носившего до конца своих дней в израненной и надломленной душе боль от потери самого дорогого в жизни человека — отца, о котором долгое время не мог даже рассказать своим детям, его внукам.

Но жизнь не стояла на месте, и, к счастью, наука вне зависимости от политической ситуации в стране развивалась по своим законам. Вернемся в 1932 год, когда научный руководитель Павла Черенкова Сергей Вавилов предложил ему в плане изучения явления люминесценции исследовать свечение жидкостей под воздействием гамма-лучей радия.

Исследование осложнялось тем, что в его лаборатории не было источников радиации высокой энергии и чувствительных детекторов. Вместо этого ему пришлось пользоваться слабыми естественными радиоактивными материалами для получения гамма-лучей, которые давали едва заметное голубое свечение, а вместо детектора полагаться на собственное зрение. Молодой ученый часами находился в темном помещении, скрупулезно наблюдая за экспериментом.

И однажды, меняя концентрацию растворов, он с удивлением заметил, что даже мизерная доза уранила в воде вызывала слабое свечение. Тогда он заменил раствор в сосуде на совершенно чистую, без всяких примесей, дистиллированную воду. Но и она продолжала светиться! Все попытки устранить свечение не увенчались успехом.

Продолжая эксперименты, Черенков проверял новую гипотезу, высказанную Вавиловым, что неизвестный эффект не что иное, как излучение электрона! Павел Алексеевич один за одним проводит опыты с шестнадцатью разными жидкостями. Все они дают примерно одинаковое свечение. Ученый пробовал нагревать жидкость, обычно при этом люминесценция прекращается. Однако яркость свечения, открытого Черенковым, от температуры не менялось. Поместив прибор в сильное магнитное поле, ученик Вавилова пришел к выводу: поле отклоняет свечение в сторону, что возможно только для электрически заряженных частиц. Значит, прав учитель: это и впрямь электроны!

Коллеги Илья Франк и Игорь Тамм помогли теоретически обосновать «свечение Черенкова»: эффект возникает, когда электрон движется быстрее света. Это противоречило теории Эйнштейна, по которой скорость частицы не могла превышать скорость света. Однако ученые доказали: открытие Эйнштейна справедливо для вакуума, но не для среды. В жидкостях электроны, выбитые из атомов, могут двигаться быстрее света, если падающие гамма-лучи обладают достаточной энергией.

Так возникло новое направление в науке — физика сверхсветовых скоростей. Конус «излучения Черенкова» аналогичен волне, возникающей при движении лодки со скоростью, превышающей скорость распространения волн в воде; или ударной волне, которая проявляется при переходе самолетом звукового барьера.

В годы учительства.
Сидят Татьяна и Павел Черенковы, стоит Мария Путинцева.
Козлов (ныне — Мичуринск). 1930 г.

Павел Черенков — аспирант Физико-математического института
Академии наук в Ленинграде. 1931 г.

На основе своего открытия Черенков создал вместо люминесцентных новые детекторы — фотоумножители, позволяющие глубже исследовать электродинамику. Без этих приборов современные ученые даже не представляют себе физику высоких энергий. Впоследствии были созданы «счетчики Черенкова», с помощью которых определяется направление движения частиц, величина их заряда, скорость.

Эффект Черенкова, зафиксированный благодаря скрупулезности и небывалой работоспособности экспериментатора, признан во всем мире украшением российской физики. В 1958 Павлу Алексеевичу Черенкову, Игорю Евгеньевичу Франку была присуждена Нобелевская премия по физике «за открытие и объяснение эффекта Черенкова». В этом списке номинантов должна была стоять еще одна фамилия — Вавилова. Но к этому времени его уже не было в живых, а Нобелевский комитет награждает только здравствующих ученых... Кстати сказать, Сергей Иванович при жизни высоко оценил работу своего ученика и последователя и подтвердил ее значимость в развитии науки. Вместе с тем, Вавилов всегда был против присвоения своего имени этому открытию — об этом говорил сам Павел Алексеевич.

Десятого ноября 1958 года в Стокгольме состоялось торжественное вручение Нобелевских премий выдающимся деятелям мировой науки и культуры. Особенностью этого ежегодного праздника стало вручение высокого звания лауреата первому из советских ученых в области физики П.А. Черенкову. Вот что об этом событии вспоминает дочь Елена Павловна Черенкова: «Празднества и процедуры вручения премии имеют традиции. Нобелевский комитет предлагает лауреатам приехать на торжества с родными и друзьями за счет Комитета. Подобного рода поездки в 50-е годы были редкостью. Перед отъездом наших из Москвы жена советского посла в Швеции Эра Калмановна Гусева давала советы по тонкостям ту-

И.М. Франк и П.А. Черенков
у генератора Ван-дер-Граафа.
Москва. 1958 г.

10 декабря 1958 г. Стокгольм.
Момент вручения Нобелевской
премии королем Швеции
Густавом VI Адольфом.

алетов (необходимость фраков, длина платьев и их количество). Драгоценные украшения для мамы на эту поездку собирали всей квартирой.

Награждение происходило вечером. На сцене располагались новые лауреаты и члены Королевской шведской академии наук. В зале в первом ряду — королевская семья. Остальные ряды — гости. Во время вручения медалей полагается всем стоять. После торжественной церемонии — переезд в здание городской ратуши Стокгольма, а там — шествие парами в золотой зал к обеденному столу. Стены этого огромного зала покрыты золотой мозаикой. За столами были размещены около шестисот человек. Был заранее роздан участникам обеда план размещения, и, следовательно, каждый знал свою пару. Поскольку в перечне нобелевских номинаций на первом месте стоит физика, то как единственная представительница компании физиков мама была в шествии и на обеде дамой короля. Этой паре было непросто общаться. Король не знал русского, а мама не знала иностранных языков, ведь она выросла в годы войн: мировой и гражданской. Объяснялись рисунками и международными терминами. За обедом были курьезные моменты. Мама дважды нечаянно роняла свою сумочку, и любезный, воспитанный шведский король поднимал ее. Дамой Павла Алексеевича была невеста короля Сибилла, в прошлом — немецкая принцесса, вдова: сын короля погиб в авиационной катастрофе. Они разговаривали на немецком. Еда была расставлена на столах. В какие-то моменты раздавался легкий шорох — это шеренги лакеев обносили гостей блюдами с угощением. После торжественного обеда гости перешли в другой зал, предстали перед веселившейся студенческой молодежью. По традиции нобелевские дни, длящиеся неделю, — праздник для всей Швеции».

А ведь успех пришел не сразу. Потребовалось долгих двадцать четыре года, чтобы дождаться такого триумфа. Непонимание коллег, недооценка полученного им результата исследований, откровенное игнорирование труда ученого — со всем этим приходилось Черенкову сталкиваться в жизни. Он посылает статью о своем открытии в известный английский журнал «Nature» и получает от-

каз. Сразу после этого переадресовывает ее в не менее популярный американский журнал «Physical Review», и она была опубликована в ближайшем номере... Приходит мировое признание. Пережил трудные годы, выдержал и испытание славой...

Павел Алексеевич был скромным человеком. Уже будучи нобелевским лауреатом, лауреатом нескольких Государственных премий, академиком, он часто ездил на общественном транспорте. Был невзыскательным. Никогда не любил, чтобы другие обслуживали его, берег близких. Он никогда не требовал для себя каких-то особых условий — ни на работе, ни в быту. Его семья долгое время жила в коммуналке, и лишь в 1962 году они получили отдельную квартиру в Москве по адресу: 2-й Академический проезд (ныне улица Губкина), д. 4, кв. 51.

Друзья рассказывали и о таком факте, характеризующем Черенкова как очень добросовестного ученого, с большим вниманием относящегося к подготовке молодых кадров. При защите кем-то из них диссертации он обязательно присутствовал на Учетном совете ФИАНа, членом которого являлся, задавал диссертанту вопросы и только после этого голосовал. Хотя многие из его известных и, естественно, очень занятых коллег делали это заочно, не присутствуя на защите...

Он жил интересами работы, института, несколько лет был ученым секретарем ФИАНа, принимал активное участие в работе Высшей аттестационной комиссии. Занимался преподавательской деятельностью в МЭИ и МИФИ.

Трудовой вклад ученого отмечен орденами Ленина и «Знак Почета», двумя орденами Красного Знамени, множеством медалей. Заслуги П.А. Черенкова были по достоинству оценены и рядом зарубежных стран. Ему предлагали стать членом одной из французских академий. От него требовалось одно — дать свое согласие. Но времена были такие, что сделать это, не согласовав с инстанциями, было нельзя. И что? Разумеется, там, «на верху», «не посветовали», дабы этот шаг ученого не отвечал бы интересам страны. Так что французским академиком он не стал. А вот в 1985 иностранным членом Национальной академии наук США его избрали: время было уже другое.

Сын ученого Алексей Павлович Черенков пишет: «Две международных награды — Нобелевская медаль и медаль Чехословацкой академии наук «За заслуги в науке и перед человечеством» — после смерти отца по его завещанию хранятся в государственном Эрмитаже. Он говорил мне, что принимает такое решение, по-

В лаборатории. П.А. Черенков и старший инженер А.А. Руденко. Москва. 1962 г.

Нобелевские лауреаты, советские физики И.М. Франк и П.А. Черенков.

Нобелевский лауреат П.А. Черенков

тому что эти медали являются свидетельством вклада России в развитие науки и так как Эрмитаж находится в Ленинграде, где им сделано открытие».

Это чувство Родины он пронес с собой всю жизнь, впитав его с молоком матери, с солью родной чигольской земли.

В самом начале войны Павел Алексеевич ушел добровольцем в народное ополчение, был зачислен штабом МПВО в бойцы противовоздушной обороны и по сигналу воздушной тревоги отправлялся на дежурство. Однако очень скоро он был отозван как специалист.

Во второй половине лета сорок первого ФИАН и семь сотрудников были эвакуированы в Казань. Привыкшие к коммуналкам, не избалованные бытом Черенковы быстро обустроились на новом месте. Жили в одной комнатухе с русской печкой, которую позднее переложили в плиту — так было удобнее готовить. Сделать на зиму запас дров — стало еще одной заботой Павла Алексеевича.

Пилили их всей семьей, а вот привезти и нарубить — лежало целиком на главе семьи. Улочка, где стоял их дом, была не очень широкая и зимой оказывалась завалена снегом. Павел Алексеевич изобрел средство для борьбы с заносами: оборудовал санки с коробом для перевозки снега. Вся окрестная детвора помогала ему в этом.

Правда, походы в баню фиановцы называли «особыми экспедициями» с ожиданием горячей воды и с исходом очереди. Но если с бытовыми вопросами справлялись легко, оптимистично и с долей юмора, то с ухудшившимся спустя несколько месяцев их пребывания в Казане питанием было уже не до шуток. От чувства голода сильнее всего страдали дети, и супруги Черенковы всеми путями старались подкормить их. Приносили из лабораторской столовой свои не съеденные в обед котлетки, кусочки хлеба. Было время, когда вместе с другими сотрудниками Павел Алексеевич отправлялся в деревенскую глубинку за продуктами. Люди делились последним.

В этот самый трудный период Павел Алексеевич почти не бывал дома: задерживался на работе, ездил в специальные командировки в столицу, где участвовал в разработке прибора оборонного назначения, основанного на использовании методик ядерной физики. А еще вместе с товарищами по цеху отправлялся на земельные спецработы — рыть окопы. Когда в войне наступил коренной перелом, в 1943 году, ФИАН и все, кто был эвакуирован с ним, вернулись в Москву, и все последующие годы научные интересы П.А. Черенкова были связаны с исследованием космических лучей. В январе 1948 года под руководством Черенкова был осуществлен запуск первого в стране бетатрона. Одновременно Павел Алексеевич принимает участие в сооружении синхротрона. Его отдел ведет исследования электромагнитных и ядерных процессов при высоких энергиях на ускорителях в Дубне, Серпухове и в Европейском центре ядерных исследований.

Говоря о великом ученом, нельзя не сказать о его спутнице жизни, которая была его счастливой звездой. Главное в ней было — необычная одухотворенность. Разносторонне одаренный от природы человек, беззаветно преданная семье, она

брала на себя все трудности быта, старалась поддержать Павла Алексеевича морально. Мария Алексеевна очень переживала, когда в начале 1958 года из-за превышения нормы радиоактивного облучения он лечился в больнице в Болшеве. Интеллигентная, добрая, обладающая чувством юмора, она умела устранить любой житейский дискомфорт — и делами, и хорошим настроением. Близким было легко с этой милой, обаятельной женщиной — мамой, женой. Вот почему ее уход из жизни был настоящим ударом для Павла Алексеевича. В эти трудные для него минуты рядом были дети.

Марии Алексеевны не стало в 1978 году. Незадолго до смерти она узнала о реабилитации своего отца. Павел Алексеевич пережил супругу на двенадцать лет, но все эти годы остался верен своему первому и, как оказалось, единственному на всю жизнь глубокому чувству к женщине, которую боготворил. Он умер в 1990 году, а годом раньше был реабилитирован его отец... Вот такое странное стечение обстоятельств или знак судьбы, как будто кому-то угодно было, чтобы дети безвинно осужденных ушли в мир иной без тяжелого камня на сердце...

Анатолий Савельевич Силин родился в 1937 году в селе Бирюч Чигольского (ныне Таловского) района. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Многие годы был на партийной работе. Служил в органах внутренних дел Воронежской области. Полковник в отставке. Заслуженный работник МВД Российской Федерации. Автор многих краеведческо-публицистических книг, ряда повестей и рассказов, «миллицейского» романа «Убийца среди нас». Живет в Воронеже.

Анатолий Силин

БЕЗДОННОЕ НЕБО

(Летчик Петр Хромых)

Петр Павлович вместе с женой Анастасией Ивановной приезжает в Старую Тишанку, где родился и откуда ушел в летчики, только в летнее время, а на зиму уезжает на свое постоянное место жительства — в город Смоленск. Проживает чета Хромых в Тишанке на небольшой улице — Пролетарской. Чтобы найти ее, мне пришлось изрядно поплутать. Многие люди, даже пожилые, слыхом не слыхивали про такую улицу, а вот как добраться до летчика Хромых, сразу, причем толково, объясняли. Местечко и в самом деле райское: рядом смешанный лес, напротив дома — широкий луг, недалеко Битюг, а воздух — будешь дышать — не надышишься.

— Родился я, — начал свой рассказ Петр Павлович, — 14 октября 1929 года в крестьянской трудовой семье. В детстве жил как и все односельчане в те непростые годы. Деда моего, Захара Федоровича, арестовали за неуплату налогов. По рассказам бабушки, он имел две лошади, корову, телят и еще какую-то живность, и все это было нажито честным трудом. Отправили деда в Бобровскую тюрьму. Там он просидел 9 месяцев и простыл, потом заболел туберкулезом. Его по болезни освободили, а в мае 1943 года дедушка отдал Богу душу. У него с бабушкой Марьей было шестеро детей: пятеро ребят и одна дочь. Кстати, бабушка и матушка моя, Мария Ивановна, прожили долгую жизнь. По долгожительству я, видно, в них пошел, ведь мне вскоре стукнет восемьдесят.

Отец мой, Павел Захарович, в конце 20-х годов теперь уже прошлого века уехал в Воронеж и выучился в ремесленном училище на токаря. Работал на авиационном заводе, став токарем-профессионалом шестого разряда. Мы с мамой жили вместе с ним, но началась война и авиационный завод эвакуировали в Куйбышев. Отцу дали отсрочку от службы и предложили переезжать в Куйбышев, но он, сам не знаю почему, отказался. Тогда его забрали на фронт. Был стрелком, сражался под Ржевом. Рассказывал, что там полегло много наших солдат. А ему повезло — остался жив. Как раз в это время срочно потребовался в 73-ю аэродромную техническую роту токарь по восстановлению поврежденных самолетов. Его туда и забрали. Вернулся отец домой в сорок шестом году. Имел награды.

Когда отец ушел на фронт, мы с мамой вернулись в Тишанку. Врезалось в память, что с собой ничего не взяли кроме пустого ведра и утюга. Понять не могу: зачем утюго-тащили? Видно, все из-за спешки. Немец без перерыва бомбил и обстреливал Воронеж, люди сплошным потоком шли на восток, чтобы побыстрее вырваться из этого ада. Те сцены на всю жизнь врезались в мою память. Кое-как добрались до Тишанки. Тут жить стало поспокойней. Мама устроилась закройщицей в швейную мастерскую, на закройщицу она выучилась еще в Воронеже. Зарплаты тогда почти никакой не было: все трудились для фронта и для Победы. А я, когда не было учебы, работал в колхозе, больше пастухом. Все пацаны моих лет и моложе в то время без дела не сидели. Жизнь пошла веселей, когда наши войска полностью освободили Воронеж и погнали немца. Стали, хоть и редко, приходить письма от отца. Радовались каждому письму. В то время в Тишанку приходило много похоронок. Но нас Бог миловал — отец остался жив. Вернувшись с фронта, он стал работать токарем машинно-тракторной станции, а после перешел в мастерские колхоза «Гигант». Жили дружно. Семья-то небольшая, я у родителей единственный ребенок. Но не сказал бы, что меня сильно баловали — нет, рос как и все...

Автор этих строк все намеревался спросить Петра Павловича, когда и почему у него вдруг появилась мысль стать летчиком. Но тот неожиданно заговорил об этом сам. Было так. Где-то осенью сорок третьего года на площадке возле школы (ее чаще называли парком) приземлился небольшой двухкрылый самолет ПО-2. Прилетел в нем местный житель Василий. Позже Петр Павлович узнает, что это был Василий Васильевич Невзоров. Цель прилета — то ли забрать больного из больницы, то ли еще что. Тишанских ребятишек, сбежавшихся со всего села посмотреть на небесное чудо, это, конечно, не интересовало. Важно было увидеть самолет, потрогать его руками и послушать веселого летчика Ваську. Тот кое-что им про свою летную жизнь рассказал. Из головы Петра не выходило, с каким шиком пролетел земляк раз-другой над лесом. Он еще не знал значения таких слов, как «высший пилотаж» или «мертвая петля» Нестерова, но увиденным был поражен. Тишанку и все, что окружало ее, Петр не просто любил, а обожал. Ему казалось, что лучше этого на свете ничего нет. Оказалось, что есть — ему пока не ведомое и страшно влекущее, от чего сердце млеет и дух захватывает. Закрыв глаза, Петр представлял бездонное небо и себя, летящим по нему, но не на маленьком «утенке», а большом, остроносом, словно огромная, стрела воздушном корабле. И нет этому кораблю равных по красоте и скорости...

И вот школа позади. Настала волнующая пора определяться в выборе будущей профессии. Решение Петра одно — поступать в Балашовское летное училище авиации дальнего действия. Если кто спрашивал — куда пойдешь, отвечал — в Балашовское училище АДД. Последние три буквы всегда приходилось расшифровывать. Балашов устраивал его со всех сторон. Во-первых, недалеко от Тишанки, а самое главное — училище готовит летчиков! Медкомиссию прошел успешно. Одно замечание — «не добрал» веса, но члены комиссии были единодушны в том, что эта проблема с годами разрешится сама собой и с брюхом Хромых еще

Петр Павлович Хромых

В декабре 1948 года Петр стал курсантом Балашевского военного училища. Наступила пора нелегкой учебы. Для деревенского пастушонка Петра Хромых в училище все было ново, приходилось все осваивать заново, начиная с авиатехнических азов. Духом не падал, знал, что таких пастушат, как он, в этот раз было набрано более половины.

Забегая вперед, следует отметить, что все те ребята успешно завершат учебу и станут хорошими летчиками. Девизом для себя Петр ставил: дерзать, добиваться и не хныкать! А трудностей было немало.

Вот лишь одна из проблем. Перед самостоятельными полетами надо было сделать два прыжка с парашютом. Не сделаешь прыжков — прощай мечта стать летчиком. Волновались все. Петра тоже тревожила мысль: как же страшно прыгать в воздушную бездну и висеть на какой-то «тряпке», называемой парашютом, да еще управлять стропами, чтобы приземлиться в нужную точку! Тренировался, слушал инструкторов-парашютистов, верил словам, что парашют не подведет. Прыгали с самолета «Ли-2» по десять человек, с высоты полутора километров. Страх и волнение, конечно, были, но прыжки прошли удачно, да по-другому и быть не могло.

Память сохранила многие детали и подробности учебы. Не забыть, как 14 мая 1949 года вместе с инструктором капитаном Титаренко на самолете УТ-2 был совершен первый ознакомительный полет по кругу и в зону пилотирования. А в июле Хромых вылетел в свой первый самостоятельный полет. Чувству радости и счастья не было предела. Как же прекрасна и сказочна земля с высоты! Учеба продолжалась, отрабатывались фигуры высшего пилотажа: перевороты, боевые развороты, петли Нестерова, вывод машины из штопора и другие. У инструктора было три курсанта. Сколько же нервов он тратил на каждого из них, ведь не все получалось сразу. Часто после полетов инструктор, бледный как полотно, ложился под крыло самолета и шептал: «Пожалейте меня, ребятки... Пожалейте, прошу вас!..» Курсанты старались, понимали, что их готовят и как воздушных бойцов! Итак, первый тип самолета УТ-2 изучен и облетан. Начали осваивать другие типы самолетов: «Ли-2», УТБ и прочие.

Училище окончил по первому разряду, а таких в этом выпуске было не много. Началось томительное ожидание — куда же направят служить? Знакомый инструктор предложил написать рапорт в летную часть имени Чкалова, которая базировалась в Подмосковном Монино. Если же там свободной вакансии не будет, советовал

находится. Да, был худоват. А с чего толстым быть, коли желуди ели за милое дело, супы-борщи варили из крапивы, пышки из мерзлой картошки пекли. С такого рациона жирным не станешь. Хорошая еда в те военные и послевоенные годы была только в сказках.

На экзаменах проблем тоже не возникло. Не раз добрым словом вспоминал Петр учителя физики Михаила Семеновича Кострюкова, который четко, профессионально и вдохновенно вдавливал в ребячьи головы каждую формулу по физике, зная, что все это после школы им пригодится. Как было не вспомнить и директора школы Нину Кирилловну Морокову, не жалевшую своего личного времени для обучения и воспитания ребят; Серафиму Яковлевну Котову, передававшую им свои познания в иностранном языке. Ребята считали ее своей «мамой» и понимали, что требовать надо было с них еще больше.

проситься в Остафьево, что тоже недалеко от Москвы. Зачислили в Остафьево, в 79-й авиационный полк. Там вновь пришлось летать на С-47, «Ли-2», ИП-14, а позже «Ту-4». Две эскадрильи в полку состояли только из американских самолетов С-47, что когда-то поставлялись в Советский Союз по «ленд-лизу». Запомнилось, как один инструктор тогда шутя сказал: «Чему учили — забыть. Станем осваивать американскую технику». Петр Павлович ее осваивал и освоил. Служба в Остафьево продолжалась шесть лет. Полк гвардейский, со своей замечательной историей в годы Отечественной войны. В нем было 8 Героев Советского Союза и много заслуженных фронтовиков. А уж они знали себе цену и любили, чтобы молодые «желторотики» безоговорочно им подчинялись. Первые годы в полку допускалось много вольностей: в любое время офицеры и рядовые уходили в увольнение, а, вспоминая бывшее, в столовой и в подразделениях распивали спиртное. В 1955 году этой партизанщине наступил конец. Во всех гарнизонах были убраны пивные ларьки, в летних столовых запретили продажу и распитие спиртных напитков, нарушителей наказывали. Но привычка к вседозволенности еще долго проявляла себя. Такой казус произошел и с Петром Павловичем. А было так. Их борт только что прилетел из Австрии. Приведя себя в порядок, члены экипажа пошли обедать в летнюю столовую. Когда сели за стол, командир экипажа майор Горшков попросил Хромых:

— Сходи возьми у буфетчицы бутылку водки.

— Не даст, товарищ майор, да и с работы ее могут турнуть.

— Не турнут. А не будет давать — пригласи в клуб на танцы, — настаивал майор.

Он угадал. Насчет водки буфетчица поначалу и слушать не хотела, а вот когда симпатяга Хромых пригласил ее на танцы, бутылку из-под прилавка подала. Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Когда водку разлили по стаканам и уже собрались выпить, в столовую неожиданно вошли командир дивизии с начальником политотдела и направились к столу, за которым сидел экипаж Горшкова. Майор вошедших не видел, а когда Хромых его предупредил, спрятал руку со стаканом под стол. Хромых и еще один член экипажа, долго не раздумывая, выпили водку в борщ и стали быстро его есть. А их командир левой рукой цеплял вилкой капустный салат, а правую так и держал под столом. Комдив поздравил экипаж с возвращением и протянул Горшкову руку. Тому ничего не оставалось, как поставить стакан с водкой на стол. Потом майору пришлось выслушивать замечания комдива насчет того, как не надо воспитывать подчиненных. В этот же день вызвал Горшкова для объяснений и командир полка. Обед сорвался, а сколько было потом смеха насчет водочного борща. В общем, случай тот запомнился на всю жизнь.

За годы службы в Остафьево в жизни Хромых произошло немало позитивных перемен. Он стал командиром воздушного корабля и инструктором, имеющим право обучать других. Мог теперь самостоятельно летать в любых широтах страны, а также совершать полеты за границу с метеоминимумом погоды. Как разведчик погоды неоднократно участвовал в подготовке воздушных парадов в Москве. Не забыть моменты, когда пролетал над любимой Тишанкой. Сердце в груди екало, а сколько вспыхивало приятных воспоминаний, и главное из них — мечта сбылась, он добился своего!

Служба в Остафьево была примечательна и тем, что здесь летчик Хромых встретил свою любовь и спутницу жизни — Анастасию, которую ласково называет просто Асей. Анастасия Ивановна стала ему надежным и прочным тылом. В 1953 году в их семье родилась дочь Надя. У Нади давно своя семья и двое взрослых детей.

Жизнь, как известно, не стоит на месте. Пришла пора распрощаться с Остафьево и лететь в город Узин, что на украинской Полтавщине, в распоряжение командира дивизии дважды Героя Советского Союза Молодчего А.И. Перед дивизией была поставлена ответственная задача — перебазироваться в Казахстан, под Семипала-

тинск, в засекреченное местечко «Москва—400», как назывался тогда Курчатowskiй полигон, где проводились ядерные испытания. Настроение не ахти какое. О ядерном полигоне слышать приходилось; он находился в 140 км от Семипалатинска, а сам город летчики иногда называли — «Семипроклитинск». Но приказ есть приказ и его надо выполнять. В конце декабря 1958 года экипаж П.П. Хромых на самолете «Ту-95» перелетел к новому месту базирования. Куда ни кинешь взор, кругом степь, ни одного деревца и даже кустика. Но молодых летчиков было трудно чем-то удивить, так как они уже прошли серьезную жизненную и военную школу. Для Хромых начался новый период в его службе. Основная трудность заключалась в том, что была почти полная неустраиваемость как аэродрома, так и места для проживания личного состава. Жилья не хватало, весь аэродром состоял из одной бетонной четырехкилометровой полосы, не было даже рулежек. Штаб части — два фанерных барака. Казармы до отказа набиты членами экипажей. Были еще две кочегарки и летная столовая. Вот и вся «Москва—400». Возмущаться бесполезно. В ответ говорили: «А что, на фронте разве было лучше?»

А тут еще дома случилась беда — от аденомы умер отец. Операцию делал в Воронеже опытный хирург Александр Федорович Ревунов, но болезнь была запущена и операция не помогла. О чем только не вспоминалось в те горькие дни: и как отец добивался высокого разряда, работая токарем на авиационном заводе, как уходил на фронт, потом вернулся радостным домой... С женой и дочкой поехали в Тишанку, чтобы поддержать мать. Горе она переносила стойко, а приезду сына с семьей была безмерно рада.

Жизнь же в гарнизоне налаживалась, обстановка менялась к лучшему, гарнизон обустроивался. За два года было построено четыре жилых дома, а на аэродроме появились рулежные дорожки, технические домики для выполнения регламентных работ. Летная подготовка шла полным ходом: понедельник-вторник — дневные полеты, четверг-пятница — ночные. Шло по плану освоение полетов на Север и к Дальнему Востоку. За обустройством гарнизона и атомного полигона внимательно следило министерство обороны и особенно главком ВВС маршал Судец. Запомнился его неожиданный прилет зимой 1964 года. В этот раз он проверял строящиеся объекты и казармы. Командиром дивизии в то время был дважды Герой Советского Союза П.А. Таран. Начальник политотдела в срочном порядке оповестил всех, что маршал будет осматривать спальные помещения. Буквально за минуты надо было навести хотя бы элементарный порядок. Забегали, засуетились, а кто не успел, те в верхней одежде и сапогах улеглись в постель, накрывшись сверху одеялом. Хромых же и этого не успел сделать. Поздоровавшись, маршал спросил, кто он и почему отдыхает. Тот доложил, что его экипаж только что прилетел из Куйбышева и отдыхает после полета. «Почему окна завешены шпинелями?» — спросил маршал. Тут Хромых тоже удачно вывернулся. Не стал жаловаться на бытовые неудобства, заявив, что жилой дом через полгода будет достроен и условия проживания у всех улучшатся. Проверив летные книжки и места общественного пользования, маршал с удовлетворением заметил следовавшему за ним командиру дивизии, что впервые встретил офицера, который при таких явных неудобствах всем остается доволен. Даже похвалил. Что было бы, переживал после этого Хромых, если б маршал поднял хоть у одного спавшего одеяло и поглядел, в чем они спят... Пронесло, хотя риск был большой.

Служба продолжалась. Здесь, в гарнизоне под Семипалатинском, Петр Павлович Хромых получил почетное звание летчика 1-го класса. Здесь им было освоено три типа самолетов: «Ил-14», «Як-12», «Ан-12». Освоение самолетов шло по-разному. Нелегко, к примеру, пришлось с «Ан-12». Четыре месяца провел на заводе в Иркутске, да еще практическое освоение на своей базе. Но и этот этап был успешно преодолен.

— А вообще, в армейской жизни всякое бывало. К примеру, вот такой произошел казус, связанный, кстати, с моей фамилией, — интригуяще произнес Петр Павлович. — Дело было так. Как-то прилетели мы на один из аэродромов под Ташкентом. В тот раз проводились массовые учения, начиная с Забайкалья и почти по всем республикам Союза. Силы были задействованы огромные. Ну а мест в гостиницах, как всегда, не хватало. В таких случаях обычно спали в палатках. А мы прилетели раньше других, и я решил схитрить. Открываю прямо на полосе аварийный люк и говорю своему помощнику капитану Овчарову:

— Пока буду вырубивать на стоянку, дуй в гостиницу и отхвати для экипажа получше комнатку. — Володя побежал, а я преспокойно вырубил на отведенное место и пошел с экипажем к гостинице. Вижу издали: стоит наш капитан с кислой миной на лице.

— Сорвалось, командир, — говорит мне упавшим голосом.

— Небось доложил не так как надо? — вздохнул я расстроено. Откровенно говоря, не хотелось в палатке ночевать.

— Никак нет, доложил как учили, — ответил капитан. — Экипаж Хромых, говорю, прибыл. Разместите получше...

— И что?

— А то, что дремучая тетка попалась.

«Не дури мне голову, молодой человек, — сказала в ответ и закачала головой: — Хромые на самолетах не летают». Уж Володя ей и про Маресьева напомнил и много чего другого наговорил — ни в какую, уперлась, даже слушать не хочет. А потом подскочила прилетевшая братва очередного «Ту-16» и на смех моего парня подняли. Одним словом, сорвалось и пришлось самому с пожилой чиновницей объясняться, доказывать, что никакие мы не хромые, а фамилия у меня такая, — закончил Петр Павлович на веселой ноте. — В тот раз наш «хитромудрый» экипаж (так, по крайней мере, считали в гарнизоне) ночевал в палатке. Рассказывали, что случай дошел до командира дивизии и он от души посмеялся. Сказал, что на всякую хитрость есть «винт с шурупом». Я так и не понял, при чем тут винт, да еще с шурупом. Вот такой была моя армейская жизнь, — вздохнул Петр Павлович и добавил: — Без прикрас.

Со временем обустроилась жизнь и в гарнизоне под Семипалатинском, в нем стало жить несколько десятков тысяч человек. Летчики летали, совершенствовались свое летное мастерство. Параллельно шла работа и на Курчатовском полигоне, где с участием летного состава испытывалось атомное оружие. Безусловно, это беспокоило семьи военных, так как радиационные волны от ядерных взрывов частично доходили и до них. Люди получали какое-то облучение, и их отправляли служить в другие регионы страны.

Наступило время правления Никиты Сергеевича Хрущева, а с ним и повальное сокращение численности армии — вначале на 1 миллион 200 тысяч человек, потом еще на 600 тысяч. Сокращение шло целыми дивизиями и другими крупными воинскими соединениями. У многих офицеров не хватало выслуги, и все равно их сокращали. В те тревожные дни Петр Павлович Хромых, опасаясь, как бы и его не коснулось сокращение, решил поступить на исторический факультет Семипалатинского пединститута. Поступил и в 1965 году успешно окончил. Но профессия учителя истории не пригодилась.

Итак, в районе Семипалатинского Курчатовского атомного полигона Петр Павлович Хромых достойно отслужил 8 лет. Здесь стал летчиком первого класса, майором, своими полетами освоил широты Севера и Востока. Вскоре был назначен командиром эскадрильи, а затем авиационного полка. Но переживаний по случаю отбытия из Семипалатинска в город-герой Смоленск у Петра Павловича не было. В памяти остались бытовые неурядицы, отсутствие нормального об-

щения с миром, а главное — риск для здоровья от системного испытания атомного оружия.

— Это были не шуточки. Очень многих сослуживцев уже нет на этом свете, — с грустью заметил он.

Последующая служба тоже была беспокойной. Петр Павлович о ней вспоминает так:

— Служить в Смоленске начал вначале командиром авиаэскадрильи, а затем командиром авиационного полка. Долго не верилось, что семья наконец-то в цивилизованном городе, когда кругом гражданские лица, театры, учебные заведения. Представьте себе: столько лет прожить в безлюдных степях, а потом переехать в город со всеми его прелестями. Долго в мозгах не укладывалось, но постепенно привыкли. Работы и полетов стало еще больше. Супруга Анастасия Ивановна устроилась преподавателем политэкономии в местном пединституте, дочь пошла в 7-й класс. Так прошло еще 8 лет военной службы...

В 1975 году Петр Павлович Хромых был переведен в штаб 46-й ВАВТК на должность начальника 545-го Центра боевого применения, который расположен в 75 километрах от города Энгельса Саратовской области. Много пришлось поработать, чтобы восстановить этот Центр: строилось жилье, сооружалось оборудование для стрельб, бомбометаний, то есть готовили экипажи к боевым действиям. Работы и забот хватало. Так пролетело еще почти 6 лет.

С 1980-го по 1986 год Петр Павлович работал в должности начальника поисково-спасательной службы в штабе войсковой части 21279 г. Смоленска. Служба малознакомая, и пришлось сесть за учебу в Академии имени Юрия Гагарина.

Наконец наступило время ухода на заслуженную пенсию. Это было в 1986 году.

Всего небу отдано 38 лет. Прямо скажем — немало. За эти годы Петр Павлович в общей сложности, на разных типах самолетов, налетал 9626 часов, что равняется одному году, одному месяцу и шести дням. Что касается километража, то он равен 4 миллионам 841 тысяче 500 километрам. Этой «цифрой» можно обогнуть земной шар по экватору 121 раз. Что ж, желание Петра Павловича стать военным летчиком осуществилось. Достигнутые результаты — это прежде всего его упорство, настойчивость и большой труд.

Последние слова нашего героя относятся к его малой Родине — Тишанке, и автор намерен привести их дословно:

...— В свои 80 лет я снова нахожусь на своей малой, любимой Родине. В ней мало что изменилось, разве что меньше стало соломенных крыш, вместо которых появились шиферные и железные. Бросается в глаза много пустующих домов, а ведь в них когда-то жили люди. Как и 80 лет назад, после дождя кругом грязь, осенью можно выехать только на тракторе, а ходить надо в резиновых сапогах. По-прежнему везде навозные кучи, захламленные берега рек... Сидя на пороге своего дома, я радуюсь тому, как все прекрасно сохранилось. Вот этот газ, который тянут и никак не вытянут последние с народа деньги. Это очередная глупость. Зачем нам цивилизация и какая-то Европа, тем более Америка, когда мы четко храним в душе непобедимую Русь с ее устоями и привычками. А ведь народ-то наш талантлив. Прибыв сюда, к своим родителям, закончить свой жизненный путь на заросшем захламленном кладбище — это еще один подарок для укрепления Руси и ее устоев? Господи! Да когда же мы будем жить своим умом? Каких только вождей-чудаков наш народ не пережил...

В словах земляка, отслужившего честно и добросовестно почти сорок лет большой и малой Родине, много не только горького юмора, но и правды. В самом деле, когда же непобедимые россияне, проживающие в такой богатейшей стране, будут жить по-человечески?

Дмитрий Станиславович Дьяков родился в 1963 году в городе Котовске Тамбовской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Публицист, очеркист. Публиковался в журнале «Подъём», газетах «Комсомольская правда», «Независимая газета» и других. Автор книги интервью «Шаг навстречу». Работал главным редактором областной газеты «Воронежский курьер». В настоящее время директор Воронежской областной типографии — издательства им. Е.А. Болховитинова. Живет в Воронеже.

Дмитрий Дьяков

ЗВЕЗДНАЯ КАРЬЕРА ВОРОНЕЖСКОГО КОМСОРГА

(Судьба Владимира Федосова)

В июле 1983 года вожак воронежского комсомола Владимир Федосов был переведен на работу в Москву и назначен сразу вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. Подобного карьерного взлета в местном комсомоле не знали за все годы существования этой организации. И не только в комсомоле. В обкоме партии, к примеру, так высоко (с поправкой, естественно, на соответствующую структуру) из Воронежа в столицу не уходил никто. Не было подобных взлетов в наших местах и в постсоветский период. Так что есть все основания считать карьеру Федосова самой «звездной» в истории воронежской власти XX века.

ОДНА АППАРАТНАЯ ТАЙНА

С Владимиром Ивановичем Федосовым мне довелось общаться пару раз. К тому времени он уже давно жил в Москве, занимал солидный пост, поэтому каждый его визит в Воронеж преподносился местными чиновниками едва ли не как приезд министра. Впрочем, сам Федосов никогда не важничал. Он шутил и раздавал комплименты женщинам, а анекдоты — мужчинам. Словом, было полное ощущение, что Федосов рожден для счастья, как птица для полета. Одна улыбка чего стоила. Наши чиновники обычно улыбаются начальству липко-почтительно, а

электорату барственно-снисходительно. Федосов сиял всем одинаково. Это была его естественная физиологическая реакция: не на собеседника — на радости бытия. Он очень себе нравился — высокий, здоровый, обаятельный, богатый...

Мы, помнится, обменялись какими-то шутками, после чего я рискнул напомнить ему одну историю, рассказанную мне в свое время ветераном КГБ, курирующим в последние советские годы комсомол.

Дело якобы было так. Однажды второго секретаря ЦК комсомола Владимира Федосова срочно вызвали в... Центральную клиническую больницу. Обеспокоенный звонком, он едва ли не в свитере и джинсах прилетел туда. В ЦКБ, к удивлению, его переодели в костюм, причесали, подвели к двери палаты и сказали: иди. Он вошел, видит: сидит какой-то человек. Пижамы, нательная рубашка, что-то еще такое домашнее. Тут капельница, кровать. Федосов пригляделся и к ужасу своему узнал в сидящем старике Генерального секретаря ЦК партии Юрия Владимировича Андропова.

Тот оглядел вошедшего и говорит: «Ну, расскажи, как ты живешь, чем занимаешься, какие проблемы».

Федосов кратко доложил. Андропов посмотрел в какие-то бумаги и сказал: «Есть решение сделать тебя первым секретарем ЦК комсомола. Как на это смотришь?».

Федосов хотел ответить, но не смог. Перед ним фактически был небожитель, которого до этого он видел исключительно на портретах и в теленовостях. Напряжение было столь велико, что молодой человек... заплакал.

Андропов заметил это и произнес: «Я тебя понимаю, сынок: такая ответственность. Иди — готовься принимать дела...».

Это было в декабре 1983 года, а в феврале следующего года Андропов умер. По этой причине назначение и не состоялось...

Так вот, рассказав много лет спустя эту историю Федосову, я спросил: было ли такое? Он внимательно посмотрел мне в глаза, помолчал, но говорить на эту тему отказался: еще, мол, не время. Пообещал лет через десять-пятнадцать рассказать подробно и об этом, и о других случаях из своей жизни.

Срок молчания, установленный тогда моим собеседником, истек как раз в наши дни...

ПЕРВЫЕ ВЕРШИНЫ И ИХ ПОКОРЕНИЕ

Все его друзья, знакомые и партнеры, с кем мне удалось побеседовать, сходятся на том, что Федосов типичный self-made man, то есть «человек, сам себя сделавший». Еще его называют человеком-турбиной, прирожденным чемпионом, не привыкшим проигрывать ни в работе, ни в карьере, ни в бизнесе. Воплощенная энергия. Батарейка «Энерджайзер», способная заменить семь обычных. Где скрывалась производная такой энергии? Ответ на этот вопрос пробую найти в его ранней биографии.

Итак, Владимир Федосов был первенцем в семье сельского портного. В его свидетельстве о рождении записано, что он появился на свет 5 июля 1951 года в поселке с загадочным названием «Участок № 26» — административном центре Шанинского 2-го сельсовета Таловского района Воронежской области. Когда ему исполнился год, семья переехала в райцентр и поселилась в доме на улице Советской, который стоял аккуратно в том самом месте, где ныне располагается здание районной администрации. В том доме у Федосовых была комната в 20 квадратных метров с огромной печкой посередине. Здесь они и жили: отец, мать и двое сыновей — Владимир и Александр. Потом, когда первый из них пошел в десятый класс, отец бросил семью, и старшему сыну пришлось взять на себя заботу о матери и брате. Эту обязанность Владимир Иванович неизменно исполнял всю жизнь.

Он никогда не был круглым отличником, имел твердую пятерку только по физике. Его любимый школьный учитель — преподаватель физики Таловской средней школы № 51 Венедикт Андреевич Кудя вспоминает: «Володя Федосов — один из моих первых выпускников, из тех, которых больше помнишь и любишь, за чьи успехами следишь с волнением и гордостью. Каким он был? Трудолюбивым, ответственным, чуть серьезнее остальных. Уже с учительским опытом понимаешь, что ученики в школе получают не только знания по предметам и сдают экзамены на аттестат, но и приобретают самые главные знания в жизни: человечность, порядочность, ответственность, активную жизненную позицию. Наверное, поэтому аттестат называют аттестатом зрелости. А самая большая награда для учителя — это когда ученики строят свою жизнь достойно. Так, как Володя Федосов».

От себя добавлю, что любовь к физике привела к тому, что в старших классах наш герой соорудил приставку и регулярно выходил в эфир на средних волнах. В эпоху КГБ это называлось радиохулиганством, за которое ловили и наказывали. Федосова поймать не смогли. Еще он был капитаном школьной команды КВН в самый первый период популярности этого клуба. Потом настанет период, когда на идеологическом вершине КВНы признали антисоветчиной и запретили. Но к этому времени Федосов школу уже окончил...

Он с первого захода поступил в Воронежский политехнический институт (помогло прекрасное знание физики и опыт «радиохулигана»), хотя собирался учиться в Ленинграде. Но мать упростила не уезжать в северную столицу: город Петра был далеко, да и родни там никакой у Федосовых не имелось. А вот в Воронеже жил Николай Ильич Анучин, родной брат матери и, соответственно, дядя Владимира. Это был уникальный человек, в трудовой книжке которого содержалась только одна запись: рабочий авиационного завода. В его семье и прожил свой первый студенческий год первокурсник Владимир Федосов. Потом ему дали комнату в общежитии.

Учеба давалась ему нелегко. Люди, близко его знавшие, вспоминают, что поначалу Федосов много сидел над книгами, постигая азы технических наук. Потом стало легче. Раз в неделю, по ночам, он вместе с друзьями подрабатывал грузчиком на шинном заводе. Приходил в общагу под утро, весь в саже. За эту работу платили десять рублей в месяц — очень неплохие деньги по тем временам.

А летом уезжали в стройотряды. Владимир был комиссаром отряда «Энергия-27», который в 1970 — 1972 годах работал в селах под Борисоглебском. Студенты устанавливали железобетонные столбы, протягивали к ним провода от трансформаторов и подключали электричество к домам колхозников.

Ну а потом, на пятом курсе, в жизнь Федосова пришел альпинизм. Вместе со своими друзьями Владимир ради интереса записался в альпинистский клуб. Через какое-то время они выехали в горы, поднялись на них и — все: горы заворожили на всю жизнь.

После вуза Владимир начал работать в объединении «Электроника» инженером Научно-исследовательского института полупроводникового машиностроения (НИИ ПМ). На этом — огромном в те времена — предприятии была мощная альпинистская база, куда участники соответствующего клуба выезжали раз в год и уходили в горы. Естественно, что Федосов сразу же вошел в этот клуб, привел туда своих студенческих друзей, и очень скоро они стали там заводилками. А дальше — классическая схема советской кадровой политики: появился сплоченный молодой коллектив, в котором был свой лидер. Федосова заметили в райкоме комсомола и рекомендовали избрать комсоргом — сначала отдела, потом всего НИИ ПМ. Рассказывают, что он долго не соглашался, но его все же уговорили.

Комсорг НИИ ПМ Владимир Федосов практически сразу придумал акцию, благодаря которой его имя прогремело на всю область.

В январе 1975 года, в канун Дня освобождения Воронежа и 30-летия Победы,

Ученик 7 «а» класса Таповской средней школы пионер Володя Федосов. 1964.

В. Федосов (слева) — комиссар отряда, совершившего лыжный марафон по местам боев 121-й стрелковой дивизии. 1978.

он решил собрать молодых ребят и пройти с ними по местам боев 121-й стрелковой дивизии, сражавшейся за столицу Черноземья и освобождавшей наш город в 1943 году. Федосов разработал маршрут лыжного марафона из Воронежа через Семилуки, Латное, Нижнедевицк, Щигры, Рыльск на Бахмач и Киев. Переход был успешно осуществлен и повторялся еще несколько лет после этого. И во всех этих экспедициях неизменным комиссаром отряда был Владимир Федосов. Участница одного из походов Елена Болдырева вспоминает: «Мы прошли на лыжах 350 километров. Это трудно — и замерзали, и с пути сбивались... Но Володя всегда выручал. Понимаете, рядом с ним возникало удивительное чувство защищенности. Это когда ты знаешь, что, если вдруг с тобой что-то случится, есть человек, который тебя спасет. И этот человек — Федосов».

Здесь прервем повествование и попробуем разобраться: а, собственно, для чего в середине 1970-х Владимир Федосов начал делать комсомольскую карьеру? В ту пору среди комсомольских работников еще попадались «твердые ленинцы», но уже начали появляться будущие «русские патриоты» и «скрытая контра» — будущие реформаторы. Но таких было единицы. Абсолютное же большинство составляли люди безыдейные, циники, для которых комсомол был, прежде всего, карьерным инструментом. Федосов, на мой взгляд, являлся человеком безыдейным, но не циничным. Раз жизнь сложилась так, что силы и деятельную энергию (батарейка «Энерджайзер») пришлось приложить в комсомоле, а не на производстве, — значит, так тому и быть. А к различной комсомольской обязаловке типа никому не нужных ленинских зачетов он, по воспоминаниям друзей, и относился как к обязаловке: провели, отчитались и забыли. Свою работу в комсомоле Федосов любил за другое — возможность быстрого решения конкретных задач.

Это очень четко проявилось после того, как в 1977 году его избрали комсомольским лидером всего мощного производственного объединения «Электроника». По тем временам — солидный уровень. Комсомольская организация этого предприятия считалась не только крупнейшей первичной молодежной организацией области, но и одной из самых больших во всем Советском Союзе. В нее входило около 15 тысяч комсомольцев (для сравнения: в некоторых сельских районах области комсомольские организации в тот период насчитывали по две тысячи членов).

И вот Федосов решил попробовать сделать, чтобы жизнь этих пятнадцати тысяч молодых людей стала интересной. Так родилась идея молодежного клуба.

В те достаточно пуританские годы в нашем обиходе вдруг появилось слово «дискотека». Партийные идеологи это слово сразу невзлюбили, считая, что явление, которое оно обозначает, разлагает советскую молодежь. Сама советская молодежь, понятное дело, считала иначе.

Комсорг Владимир Федосов решил открыть в Воронеже одну из первых дискотек, которую, дабы усыпить бдительность партийного руководства, назвал «молодежным клубом». Он лично облазил и осмотрел все пустующие в округе подвалы, пока не нашел подходящий. Потом это помещение комсомольцы сами отремонтировали, установили аппаратуру и пригласили молодых воронежцев провести здесь вечер.

Этот клуб работал по четкой схеме: два отделения, в первом — концертная программа, во втором — дискотека. Перед танцами устраивали поэтические вечера, представления Театра миниатюр, юморины... Иногда энтузиасты рассказывали о кумирах зарубежной эстрады тех лет — группах АББА, «Смоки», «Бони — М»...

Молодежь была в восторге, партийное руководство — кривило физиономию: пропаганда западного образа жизни. Немало нервов стоило Федосову отстоять свою идею. Клуб не закрыли.

В это же время в Железнодорожном районе города началось строительство нового Дворца культуры, уникального 25-метрового бассейна (где, кстати говоря, сразу после открытия и начал делать первые шаги в спорте знаменитый Дмитрий Саутин)... Комсомольская организация ПО «Электроника» взяла шефство над этими стройками. Молодые ребята из производственного объединения выполняли не только подсобные, но и многие виды строительных работ. И комсорг трудился наравне со всеми.

Один из ближайших воронежских друзей Владимира Федосова, в те годы — руководитель Железнодорожного райкома комсомола, Александр Цапин вспоминает, что раскрылся Федосов как раз в период его работы на «Электронике»: «Он стал настоящим молодежным лидером, авторитет которого признавался на уровне Министерства электронной промышленности». В этом тоже нет ничего странного: первым замминистра названной отрасли тогда работал бывший гендиректор «Электроники» знаменитый Владислав Григорьевич Колесников (Герой Соцтруда, лауреат Ленинской и Государственной премий, почетный гражданин города Воронежа), с которым Федосову удавалось напрямую решать многие вопросы.

Кончилось это тем, что, когда в 1979 году Цапин уходил из райкома комсомола, он предложил на свою должность только одну кандидатуру — Владимира Федосова. Возражений такое предложение не встретило.

ИГРЫ В ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Следующие две карьерные ступеньки промелькнули перед ним с быстротой киноленты: всего несколько месяцев Федосов возглавлял комсомольскую организацию Железнодорожного района; потом, когда этот район первым в области выполнил пятилетний план, еще полгода руководил Воронежским горкомом ВЛКСМ.

26 ноября 1980 года на очередном областном комсомольском пленуме секретарь обкома КПСС Иван Федорович Юшин объявил делегатам, что бывший комсомольский лидер области Анатолий Ежиков ушел на партийную работу в Коминтерновский райком партии. На должность первого секретаря обкома ВЛКСМ секретарь обкома партии предложил кандидатуру Владимира Федосова. Делегаты единогласно подняли руки...

Позже Владимир Иванович с юмором рассказывал об обстоятельствах, предшествовавших этому голосованию. За несколько дней до того самого пленума вопрос о новом комсомольском лидере Воронежа так и не был решен. Оставалось несколько кандидатур, окончательную проверку которых вызвался осуществить все тот же секретарь обкома партии Юшин, курирующий в ту пору все кадровые вопросы в области. Проверка эта проходила по классической партийной схеме: Иван Федорович сажал в обкомовскую «Волгу» кандидата в комсомольские лидеры области, вывозил его за город в ближайшие посадки. Там он доставал из багажника бутылку водки и одну маленькую карамельку, после чего наливал три раза по полному стакану («по рубец») каждому из претендентов и всякий раз приказывал выпить «до дна». Через десять-пятнадцать минут после каждого выпитого стакана, Юшин задавал по одному конкретному вопросу: что думает кандидат в областные комсорги о Советском Союзе (после первого стакана), о компартии (после второго), и лично о Леониде Ильиче Брежневе (после третьего). Поскольку закуской на все три стакана служила одна карамелька, то Владимир Иванович Федосов, проснувшись на следующий день утром, так и не смог восстановить в памяти свой ответ на вопрос о генсеке Брежневе. У него даже было ощущение, что вместо ответа он рассказал главному партийному кадровику области какой-то весьма легкомысленный анекдот... Собравшись с духом, Федосов подошел к телефону и позвонил Ежикову. Тот был краток: «Ты жив? Тогда — поздравляю: обком партии утвердил твою кандидатуру»...

Владимир Суховой, еще один воронежский ближайший друг Федосова, работал в ту пору заведующим лекторской группой обкома комсомола (в переводе на современный язык — имиджмейкером первого секретаря обкома ВЛКСМ). Он вспоминает, что новый комсомольский лидер области поначалу совершенно не произвел впечатления. Например, по сравнению со своими предшественниками он был слабым оратором. Да и внешне выглядел непредставительно: увалень такой, медвежонок. Словом, угадать в Федосове потенциал будущего преуспевающего руководителя в те времена вряд ли бы кто сумел.

Наверное, так оно и было. В архиве общественно-политической истории области (бывший партархив) я разыскал стенограммы выступлений Федосова в период его руководства воронежским комсомолом. Это и в самом деле довольно скучные тексты, состоящие во многом из цифр и нескольких словесных банальностей. Впрочем, сам он вполне критично относился к такому стилю, поставив однажды на пленуме обкома диагноз общей болезни комсомольских активистов тех лет: «Не подкрепленные делом все наши хорошие решения мало что дают. Слово, брошенное на ветер, улетает».

Что ж, восьмидесятые годы прошлого века начинались довольно мрачно, но по-своему весьма экстремально: общество обуял апогей совкового маразма. И комсомол, естественно, тоже не избежал той болезни. К примеру, на майском пленуме 1982 года престарелый вождь ВЛКСМ Борис Пастухов (ему тогда шел 52-й год) выудил бог весть из каких архивов стихотворение (!!!) семилетнего Лени Брежнева, напечатанное в местной прессе, и прочел под такие овации зала, каких и сам генсек не срывал.

Воронежский секретарь до таких высот цитирования не поднимался, но в общем хоре славословий отметить успел (пример из речи Федосова в 1981 году: «С огромным воодушевлением и заинтересованностью восприняли комсомольцы, юноши и девушки нашей области «Воспоминания» товарища Леонида Ильича Брежнева, всесторонне развивающие тему подлинной народности, ленинской партийности в работе коммунистов, преданности Отчизне, партии, творческого сознания, любви к людям, борьбы за мир, гражданского созидания» и прочая, прочая).

Парадокс состоит в том, что при всем при этом комсомол в ту пору был уже

Первый секретарь Воронежского обкома ВЛКСМ Владимир Федосов. 1982.
Секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Федосов (крайний слева) в Афганистане

достаточно свободен от идеологических пут. Вообще, по моему глубокому убеждению, это была самая аполитичная организация — даже с учетом всех своих атрибутов и ритуалов. Недаром через десять лет именно комсомольские вожаки так легко простились с идеологией: они только играли в эту игру. Правила поменялись — стали играть по новым.

А тогда, в начале 1980-х, эти будущие правила только формировались. В стенограмме выступления первого секретаря Воронежского обкома ВЛКСМ Владимира Федосова на XIX съезде комсомола читаем: «Сегодня уже недостаточно одних рекордов, новаторов, передовиков производства. Перед нами остро стоит проблема «средняка» — молодого труженика, не одухотворенного целью».

Эффективность труда — это уже не идеология, это основа менеджерской работы. Тогда и слова-то такого еще не знали — «менеджер», — но Федосов был одним из тех немногих комсомольских работников, которые на ощупь, на практике постигали основы науки, обозначенной этим словом. Они уже тогда умели провести то или иное мероприятие: знали, как и что нужно оплатить, кого пригласить для выполнения работ, как организовать, какие силы задействовать. Именно из этого поколения, пришедшего к руководству ВЛКСМ в начале 1980-х годов, вышли первые российские менеджеры в самых разных сферах жизни, ведь комсомол занимался всем — от культуры до строительства и торговли.

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

В июле 1983 года Владимир Федосов был назначен вторым секретарем ЦК комсомола. И для воронежских, и для московских функционеров это было абсолютно сенсационное кадровое решение, причины принятия которого и сегодня, спустя почти три десятилетия, интересуют многих. За эти годы немало высокопоставленных воронежских деятелей пробовали узнать тайну федосовского взлета. И неизменно все их поиски заканчивались одним и тем же: никаких сверхмощных связей в столице Федосов не имел, все решил обыкновенный случай.

После смерти Брежнева страну пятнадцать месяцев возглавлял Андропов, который устроил грандиозную чистку на олимпе советской власти. Так, к примеру, в аппарате ЦК и в Совете министров с насидевших мест были изгнаны более трети высокопоставленных чиновников. Приблизительно столько же было вычище-

но и из остальных партийных и государственных органов, в том числе и из ЦК ВЛКСМ. Увольнялись министры, теряли посты партийные боссы, и везде взамен их приходили «железные малыши» (так тогда представители номенклатуры называли андроповских ставленников). В большинстве своем это были люди со стороны, не затронутые московской коррупцией, не путившие в Москве корней и не имеющие в ней связей, политически одинокие и полностью зависящие от покровителя: верный залог того, что они не вступят в заговор против него. Среди андроповских «железных малышей» оказался и воронежец Владимир Федосов.

Почему именно он? Много лет спустя один из его товарищей по комсомолу, сделавших удачную карьеру в органах, откровенно признается Владимиру Ивановичу: «Нужен был перспективный парень из провинции, откуда-нибудь из области в центре России. Запросили досье на многих первых секретарей обкомов ВЛКСМ из этих мест, папка с компроматом на тебя оказалась самой тонкой».

В ЦК комсомола Федосова встретили в штыки. Пастухова сразу после смерти Брежнева сменил Мишин. Москвич по рождению, Виктор Максимович Мишин делал аппаратную карьеру исключительно в столичных коридорах власти, последовательно, шаг за шагом пройдя райком, горком и отсидев положенное время в должности второго секретаря ЦК. Он никогда не был человеком Андропова, и это знали все. Естественно, что появление Федосова в ЦК мгновенно объяснили грядущей отставкой первого секретаря ЦК. Чтобы не допустить этого, опытный столичный аппаратчик Виктор Мишин решил по-крупному подставить молодого периферийного выскочку, выставив его на посмешище перед старшими товарищами из ЦК партии. Повод для этого появился довольно быстро.

Еще в конце 1950-х годов при ЦК комсомола была создана мощная автономная структура, именуемая бюро международного молодежного туризма «Спутник». Это была организация, напрямую связанная с заграничными поездками. Со временем «Спутник» превратился в полууголовную структуру, которая приторговывала валютой и наркотой, занималась различными видами контрабанды. Как многолетний председатель КГБ, Андропов прекрасно знал об этом, равно как и о том, что руководство «Спутника» имело прямые связи с ближайшим окружением дочери покойного генсека Галины Брежневой. Поэтому чистку в ЦК комсомола начали с проверки именно «Спутника». Узнав об этом, Виктор Мишин решил поручить провести такую проверку новому секретарю ЦК Федосову. Расчет был прост: воронежский выдвиженец начнет раскручивать дело «Спутника» и затронет интересы очень больших столичных воротил (а эти интересы лежали там на поверхности). После этого ему быстренько «свернут голову» и вышлют обратно в Воронеж.

Те, кто видел в ту пору Федосова, вспоминают его совершенно измученным и осунувшимся от проблем, свалившихся на него. Однако он справился с ними быстро. Ему, к удивлению столичных аппаратчиков, удалось довольно успешно разрулить ситуацию. По материалам федосовской проверки нескольких одиозных руководителей «Спутника» сняли с работы, но никакого громкого процесса над структурой ЦК ВЛКСМ проводить не стали. Кажется, именно тогда Мишин впервые посмотрел уважительно на своего нового заместителя. А там вскоре и Андропов умер (о том, что перед смертью генсек встречался с Федосовым, Мишин, кстати, в то время так и не узнал), пришел ставленник брежневского клана К.У. Черненко, после чего вопрос об уходе Мишина с поста первого секретаря комсомольского ЦК отпал сам собой.

А потом грянул 12-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который стал звездным часом секретаря ЦК комсомола Владимира Федосова.

Этот фестиваль проходил в Москве с 27 июля по 3 августа 1985 года. В стране в очередной раз только сменилась власть, генсеком стал молодой, жаждущий перемен Михаил Горбачев. Он поставил перед комсомольскими функционерами задачу «под фестиваль»: ни много ни мало — исправить в глазах мировой обществен-

ности образ СССР как «империи зла» и в полной мере показать положительные стороны жизни советского общества. Главным организатором всех фестивальных мероприятий (руководителем штаба подготовки) был назначен Федосов.

Штаб расположился в гостинице «Юность», где Федосов тогда фактически поселился. Говорят, что во время работы фестиваля он вообще перестал спать.

Мероприятие прошло на очень высоком уровне. В Москву приехали 26 тысяч делегатов из 157 стран. Среди гостей фестиваля был популярный певец Дин Рид. После того как из столицы, по примеру Олимпиады-80, отселили всех неблагонадежных элементов, в Москве перестали происходить ЧП. Никаких пьянок, наркотиков или убийств в дни работы фестиваля зафиксировано не было.

Началось торжество 27 июля на «улице юности» — Комсомольском проспекте, который в то время только формировал свой нынешний облик. Над площадью звучала популярная кубинская мелодия, и симпатичная хозяйка фестиваля — наша Катюша (девочек, родившихся летом 1985 года, сплошь и рядом называли Катями) — приняла от своей сверстницы с острова Свободы, где проходила предыдущая встреча юных, эстафету Всемирного молодежного форума и его живой символ — голубя.

Открытие фестиваля происходило на стадионе Лужники и транслировалось в прямом эфире в течение четырех часов. Генсек Горбачев, обращаясь к участникам форума, сказал: «Здесь, на родине великого Ленина, вы можете непосредственно ощутить, сколь глубоко предана наша молодежь благородным идеалам гуманизма, мира и социализма. Думаю, все мы согласимся с тем, что нет ныне у человечества более важной и насущной задачи, чем сберечь и укрепить мир. К этому нас обязывает и забота о будущем, и память о прошлом. Ваш форум проходит в год 40-летия разгрома гитлеровского фашизма и японского милитаризма, окончания Второй мировой войны — самой кровопролитной и жестокой войны. После нее осталось столько страданий и горя, что они сказываются на жизни вот уже нескольких поколений, настоятельно требуют от нас не допустить повторения такой беды».

Потом появилось сообщение, что в рамках фестиваля молодежные мировые лидеры обсудили вопросы установления нового международного экономического порядка, помощи отсталым и развивающимся странам, борьбы с нищетой и безработицей, охраны окружающей среды...

Фестиваль прошел на необыкновенно высоком уровне. Федосова пригласили в Кремль, и молодой генсек лично вручил ему орден Трудового Красного Знамени. Эту же награду получил из рук Горбачева и Виктор Мишин. После церемонии награждения он впервые публично назвал Федосова своим другом. Никакой вражды между ними больше никогда не возникло.

Когда рухнул СССР и наступил небольшой по продолжительности период «охоты на ведьм» (преследования представителей высшей коммунистической номенклатуры), Виктор Максимович Мишин, ставший незадолго до путча первым заместителем управделами ЦК КПСС, попал в немилость. Сам он о том времени позже написал так: «Мне пришлось после трагической гибели управляющего делами Н.Е. Кручины (26 августа 1991 года, вскоре после августовского переворота, главный казначей ЦК партии Николай Ефимович Кручина при неясных обстоятельствах выпал с балкона своей квартиры на пятом этаже и разбился насмерть, после чего партийная касса (то самое «золото партии») так и не была найдена. — Д.Д.) вместе с коллегами взять на себя ответственность за цивилизованное прекращение деятельности аппарата ЦК КПСС. В этот период поднялась шумная волна... поисков пресловутого «золота партии». В октябре 1991 года в моем рабочем кабинете и на квартире были проведены обыски. Большого унижения в жизни я не испытывал». Вскоре после этого Мишина уволили. Его отказывались брать на какую-либо работу, за ним и его домом велось постоянное наблюдение,

Секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Федосов
Секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Федосов
с воронежскими комсомольцами — участниками Марша мира

словом, в один миг он из представителей правящей элиты превратился в изгоя. Деньги кончались, и к декабрю настал период, когда в семье бывшего комсомольского лидера страны фактически кончились продукты. И вот тут произошел случай, о котором Виктор Максимович Мишин до сих пор вспоминает с теплотой.

Однажды декабрьской ночью 1991 года в его доме раздался телефонный звонок. «Виктор Максимович, — прозвучало в трубке, — это Федосов. Спуститесь, пожалуйста, к своему подъезду: надо машину разгрузить». Мишин пришел в ярость: что за хамство! Даже его заместитель по ЦК ВЛКСМ Володя Федосов потерял стыд и позволяет себе относиться к своему бывшему шефу (с которым, кстати говоря, они всегда оставались на «вы»), как к какому-то грузчику! Какие же подлые времена наступили...

Однако когда Мишин оделся и вышел на улицу, то увидел следующую картину: перед его подъездом стоял маленький грузовичок, доверху набитый мешками с картошкой, морковью, луком и другими продуктами. Рядом пританцовывал, согреваясь от холода, Федосов. Он тут же бросился навстречу разъяренному Мишину: «Виктор Максимович, не считите за нахальство, но я привез вам подарок от воронежских комсомольцев. Помогите разгрузить»...

Потом уже Федосов признался: когда он узнал о бедственном положении своего бывшего комсомольского шефа, он сразу же обратился за помощью к своим многочисленным воронежским друзьям. Среди них были и первые в нашей области фермеры. Они-то и собрали «гуманитарную помощь» для бедствующего в столице бывшего комсомольского вожака Советского Союза.

Говорят, что когда на похоронах Владимира Ивановича Мишин рассказывал об этом случае, в его глазах были слезы: «Тогда Федосов просто спас мою семью от голода. Такой долг становится пожизненным».

ЛАВРЫ МИРОТВОРЦА

Весной 1987 года Владимира Федосова вызвали в международный отдел ЦК КПСС и предложили перейти на руководящую работу в Советский комитет защиты мира. Это была полная неожиданность, но отказаться в тот период он вряд ли

мог: на предложения ЦК было принято отвечать утвердительно. Так Владимир Иванович стал ответственным секретарем Советского комитета защиты мира.

Это был период, когда рушились всяческие каноны советской дипломатии. Перестройка, затеянная генсеком Горбачевым, потребовала и на этом участке свежести взгляда, смелости, динамизма и новаторских подходов. Новому составу Министерства иностранных дел (во главе его стал недавний республиканский лидер Эдуард Шеварднадзе) надлежало в самые кратчайшие сроки установить нормальный диалог с Соединенными Штатами, затем, идя на компромиссы, добиться ограничения военных потенциалов Востока и Запада, а также вернуть советские войска из Афганистана и нормализовать отношения с Китаем... Своя задача была и у общественной организации народной дипломатии, каковой всегда считался Комитет защиты мира. Его руководству надлежало убедить представителей мировой интеллектуальной элиты в том, что агрессивные приоритеты во внешней политике СССР остались в прошлом. Необходимо было повсеместно в мире создавать благоприятные внешние условия для перемен — готовить поле для новых идей МИДа.

Почему на этот достаточно сложный участок работы был послан вчерашний воронежский комсомольский лидер Владимир Федосов? Виноват случай. Дело в том, что в этот самый период секретарь ЦК партии Егор Кузьмич Лигачев затеял в Министерстве иностранных дел кампанию борьбы с семейственностью. На практике это выглядело так: если на дипломатическом поприще работали, к примеру, отец и сын, то кого-то одного просили уйти. На освободившиеся места, по указанию все того же Лигачева, брали исключительно партийно-комсомольских активистов с рабоче-крестьянским происхождением. Федосов идеально подходил по указанным критериям, к тому же за его плечами была блестящая организация Всемирного фестиваля — а это, между прочим, приравнивалось тогда к подготовке Олимпиады.

Вместе с Федосовым в Комитет защиты мира пришел и известный журналист-международник Генрих Боровик, который этот комитет и возглавил. Горбачев вернул Боровика из опалы, в которой тот находился с 1980 года после критических замечаний о войне в Афганистане. Мэтр международной журналистики поначалу весьма скептически воспринял бывшего комсомольского секретаря. Однако очень скоро эта настороженность исчезла. Просто однажды Федосов доверительно сказал Генриху Аверьяновичу: «Положение у меня — хуже не придумаешь. Удивить вас познаниями в области внешней политики не могу. Могу лишь обещать, что буду работать так, чтобы мне не было стыдно перед вами, а вам — за меня».

Эту работу Владимир Иванович начал в присущем ему стиле — широко и ярко. Он предложил провести невиданную доселе по масштабам акцию — советско-американский Марш мира по территориям СССР и США. Естественно, что вся подготовка мероприятия вновь легла на его плечи. И вновь был получен впечатляющий результат.

18 июня 1987 года двести тридцать американцев и двести советских граждан вышли из Ленинграда и направились в Москву в совместном марше за безъядерный мир. Возглавлял советских манифестантов Владимир Федосов.

Марш продолжался несколько дней. На всем пути вдоль обочин дороги стояли люди, махали руками и флажками, держали самодельные плакаты: «Мы — за мир!», «Не хотим войны!». Стояли и в знойные полдни, и в проливной дождь, чтобы позать руки, подарить букетик цветов, значок, открытку. Седые фронтовики выходили к дороге при боевых регалиях, обнимали таких же седых, как они, американских ветеранов и, утирая слезы, повторяли: «Спасибо, ребята!»...

Позже, подводя итоги марша, Федосов скажет: «Нам удалось доказать, что

люди различных культур, возрастов, национальностей, идеологий могут жить и работать вместе на основе общечеловеческих ценностей».

Через год такой же Марш мира состоялся в США. Это был первый массовый въезд в Америку советской молодежи. Двести человек — молодых граждан СССР — прошли пешком более 600 километров по различным американским штатам. И вновь во главе колонны мира шел Федосов. Потом говорили, что ему предлагали следовать на комфортабельном автобусе с кондиционером вместе с американскими руководителями. Федосов отказался и прошел эти 600 километров вместе с ребятами...

Конечно, за всем этим чувствовался задор комсомольского секретаря, блестящего организатора. И это было замечательно. Однако его новая должность требовала качественно иных знаний. И Федосов стал учиться. Благо было у кого.

С первых дней работы в Комитете защиты мира его взял под опеку еще один знаменитый журналист-международник — академик, профессор МГИМО и Института США и Канады РАН, легендарный политический обозреватель Валентин Зорин. Во многом именно под его влиянием окончательно сформировалась федосовская система взглядов на современные мировые процессы.

На сегодняшний день в разных журналах и сборниках (в том числе и международных) опубликовано несколько статей Владимира Ивановича, которые позволяют довольно четко определить миротворческую позицию Федосова. Суть ее сводится к тому, что любое государство — есть организм эгоистический, потому он для решения собственных национальных интересов использует в зависимости от конъюнктуры самые различные идеологические прикрытия. Естественно, что при таком подходе для реализации собственных интересов каждому субъекту международного права недостает политической и экономической мощи. Поэтому, считал Федосов, надо создавать международные союзы и совместными объединяющими усилиями оказывать давление на те страны и идеологии, с которыми нельзя справиться в одиночку.

В международной миротворческой практике систему взглядов, которую отражал Владимир Федосов, принято называть «политическим реализмом». Ее сторонниками являются практически все самые влиятельные ныне консерваторы мира, включая Збигнева Бжезинского и Генри Киссинджера. Для сегодняшней России концепция «политического реализма» является определяющей государственной политикой. В ее основе лежит довольно популярная мысль о том, что Запад на самом деле испытывает по отношению к России далеко не дружеские чувства. Более того, в недалеком прошлом он вовсю использовал трудности России в своих сугубо корыстных целях и собирается заниматься этим и впредь. (В одной из статей Федосова по международным вопросам читаем: «Вопреки ожиданиям инициаторов внедрения в нашей стране рыночной экономики, Россия воспринята была в мире более как конкурент, причем слабый, и менее — как союзник в идеологии и политике».)

Из концепции «политического реализма» вытекает и критика однополярной идеи мира, которую Федосов называл «миропорядком в имперском обличи», считая ее «нежелательной и неосуществимой» в современном мире. Поэтому, не отрекаясь от идеи «стратегического диалога с ведущими государствами Запада», Владимир Иванович в последние годы жизни начал вести речь о «доверительном партнерстве на восточном направлении», подразумевая при этом развитие отношений с крупнейшими развивающимися странами — Китаем и Индией. Он считал, что там решаются проблемы, сходные с нашими.

Позицию Владимира Ивановича Федосова можно признать вполне логичной. Если считать мир многополюсным, то Россия — вне всяких сомнений — становится одним из его полюсов. А это дает моральное право (формальное право обес-

печивает постоянное членство в Совете Безопасности ООН) активно вмешиваться во все международные процессы.

И, наконец, остается отметить, что, будучи убежденным государственным деятелем, Федосов в конце своей недолгой жизни пришел-таки к идее персональной ответственности и государства и лично его лидера за любые совершенные от имени государства злодеяния. Вот, к примеру, что он написал в своей последней опубликованной статье, посвященной очередному юбилею Нюрнбергского процесса: «Мир, прошедший через тяжелейшие испытания, нашел в себе силы и мужество логически завершить войну законным возмездием — первым в истории человечества международным судом, признавшим агрессию тягчайшим уголовным преступлением и осудившим организаторов и исполнителей преступных планов истребления миллионов невинных людей и покорения целых народов. <... > Перед всем миром была раскрыта человеконенавистническая сущность фашизма, его идеологии, являющейся идейной основой для подготовки и развязывания агрессивных войн и массового истребления людей. <... > Заложенные первым международным судом принципы и заветы постоянно обнаруживают свою востребованность в современном глобальном мире, полном конфликтов и противоречий».

Думаю, что эти слова можно вполне считать политическим завещанием самого высокопоставленного воронежского миротворца Владимира Ивановича Федосова.

РАБОТА У НАС ТАКАЯ

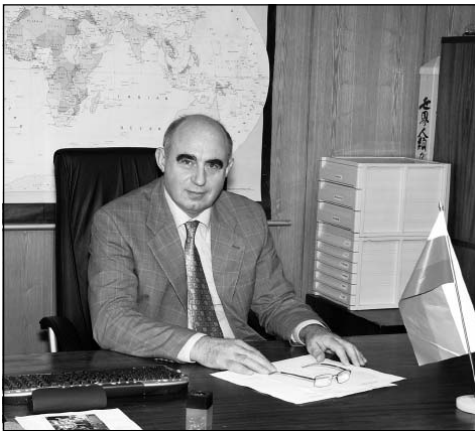
Можно сказать абсолютно точно: если бы не уникальный организаторский талант Федосова, Советский комитет защиты мира прекратил бы свое существование вместе с СССР. При Советском Союзе эта организация находилась под прямым контролем Центрального Комитета партии, по указанию которого и финансировалась. В 1991 году ЦК не стало. Практически сразу после этого с поста председателя комитета ушел Генрих Боровик. Финансы, которыми располагала организация, заканчивались. Помощи ждать было неоткуда.

Именно тогда Федосов с помощью своих многочисленных друзей сумел объединить в одну структуру целый ряд различных миротворческих, правозащитных, экологических, просветительских и иных международных общественных организаций. Новая организация стала называться Федерацией мира и согласия (ФМС). Очень скоро она получила консультативный статус при экономическом и социальном Совете ООН и статус участника Совета Европы.

Поначалу ФМС возглавил летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Георгий Гречко. Обычно при упоминании фамилии этого человека в памяти всплывает добродушное лицо, широко улыбающееся с экрана телевизора. Однако в действительности Георгий Михайлович оказался не таким безобидным бодрячком. Его недолгое пребывание у власти в ФМС запомнилось нескончаемым застольем с неизменными гостями за успехи космонавтики. В 1995 году главный моральный авторитет организации профессор Валентин Зорин убедил космонавта оставить пост председателя ФМС. Тот же Зорин настоял, чтобы федерацию возглавил Федосов.

Довольно скоро Владимир Иванович представил новую программу деятельности организации. Речь шла о переходе от глобальных претензий советских времен к реальной политике России, страны с более ограниченными возможностями.

Как всегда, Федосов исходил из того, что главное в любом общественном деле — прагматизм и реализм. Когда ресурсы ограничены, нужно сконцентрировать их на главных направлениях: вопросы безопасности, способы урегулирования этнических, социальных, религиозных и других конфликтов, борьба с проявлениями различных ксенофобий, национализма и шовинизма. «Мир в собственном доме и

Председатель международной
Федерации мира и согласия,
председатель комиссии
Общественной палаты РФ
Владимир Иванович Федосов. 2006.

во всем мире», — таким стал главный программный лозунг организации. Этот лозунг открывал новую, разработанную лично Федосовым, программу «Примирение», в рамках которой ФМС брала на себя обязанность по содействию разрешению национальных, территориальных и этнополитических конфликтов на территории России. Кстати, эта программа была опробована в 1997 году в ходе выборов президента Чеченской республики Ичкерия, на которых по согласию всех сторон Федосов присутствовал в качестве международного наблюдателя. Победил тогда, напомним, Аслан Масхадов.

Год от года количество программ в ФМС росло. В итоге в качестве магистральных было выделено три направления работы — «Международная безопасность, сотрудничество и региональные проблемы», «Гражданское общество и права человека» и «Сохранение культуры и гуманитарное сотрудничество».

В свое время, представляя эти программы, Федосов обозначил направление работы федерации в политических условиях сегодняшней России такими словами: «Мы критически относимся к противоправным и односторонним действиям США и их союзников в Югославии и Ираке. Но вместе с тем Федерация мира и согласия считала и считает необходимым продолжение российско-американского взаимодействия в борьбе с общими глобальными угрозами, и прежде всего — с мировым терроризмом и распространением оружия массового уничтожения. При этом, как мы полагаем, борьбу с данными угрозами следует вести в рамках широких международных коалиций на основе соответствующих решений Совета Безопасности. Наша Федерация мира и согласия настойчиво ищет пути сплочения зарубежной и российской общественности в борьбе с терроризмом, организуя международные экспертные встречи, круглые столы, на которых обсуждаются рекомендации по совершенствованию антитеррористической деятельности, по усилению взаимопонимания между ее различными участниками».

И еще об одной стороне публичной политической деятельности Владимира Ивановича Федосова в последний год его жизни. В 2005 году в нашей жизни появилось такое явление, как Общественная палата. Она была создана для, как говорилось в соответствующем федеральном законе, «осуществления связи между гражданским обществом и представителями власти». На первом этапе формирования Общественной палаты президент России лично определяет сорок два человека, которые после этого автоматически становятся членами палаты. Это и есть так называемый «президентский список». 28 сентября 2005 года тогдашний президент страны Владимир Путин своим указом включил в этот список Владимира Федосова.

Как известно, первую Общественную палату РФ возглавил академик Евгений Велихов. Можно предположить, что при той колоссальной занятости, которую испытывал в стенах Курчатовского института (крупнейшего в стране научного центра по атомной энергетике) его президент Евгений Павлович Велихов, присутствие академика в работе Общественной палаты являлось, скорее всего, почет-

ным представительством. Что же касается Федосова, то в структуре Общественной палаты он стал председателем комиссии с программным названием — по этике, регламенту и совершенствованию деятельности и законодательства. По большому счету, именно эта комиссия и занималась организацией работы палаты, определяла ее роль и место в обществе. В этой связи любопытен «Кодекс этики», подготовленный комиссией Федосова для своих новых коллег. Уже в первых строках там говорилось: «Каждому члену Общественной палаты в процессе осуществления своих полномочий необходимо: содействовать претворению в жизнь идеалов демократии, добра, нравственности и справедливости; способствовать реализации и защите признанных мировым сообществом и гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина; содействовать обеспечению демократических принципов развития государства и общества».

По существу, это были те же самые идеи, которые Владимир Иванович Федосов отстаивал и в своей миротворческой деятельности.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Получилось так, что Владимир Федосов в жизни многих людей сыграл очень важную роль. Любовь к друзьям и верность товариществу — эти качества сильно отличали его от многих сделавших карьеру ровесников, которые повиновались неписаному бюрократическому правилу: друзья — это те, кто тебе нужен в данную минуту. «Я не знаю другого такого человека, который умел бы так ценить дружбу, как Федосов. У него было море друзей, и он никогда никому не отказал в помощи. Сильнее и крепче друга, чем он, у меня в жизни не было», — признался мне как-то Александр Цапин, воронежский мэр и воронежский губернатор 1990-х годов.

Что ж, Владимир Иванович Федосов сумел как-то сохранить всех своих друзей, в том числе еще со школьных времен. И какую бы должность он ни занимал, его положение ничего не меняло в его отношении к друзьям. Это знали, этим пользовались. Многие знали, что дружить по-федосовски означало не только пожимать руку и поднимать рюмку за здоровье друга.

Тот же Александр Николаевич Цапин рассказывал, что, когда он в сентябре 1996 года на короткий срок возглавил нашу область, задолженность по пенсиям здесь составляла... три года! «Именно Федосов спас тогда положение, — вспоминает Цапин. — Он помог мне получить через коммерческую структуру триста пятьдесят миллионов рублей. Почему через коммерческую? Дело в том, что в то время путь федеральных денег в регионы был необычайно сложным: ресурсов не хватало, Министерство финансов, дабы их увеличить, прокачивало деньги через коммерческие структуры, откуда руководители территории безуспешно пытались их выбить. Так вот, благодаря напору Федосова, благодаря его столичным связям, эти деньги тогда удалось выбить».

Вообще, насколько я знаю, на протяжении пятнадцати лет Владимир Иванович Федосов был мощным воронежским форпостом в Москве. Все губернаторы той поры — и Ковалев, и Шабанов, и Цапин, и Кулаков — использовали его влияние и связи для привлечения в область дополнительных средств. «Он любил и привечал всех, собирая под своим покровительством сотни воронежцев, отдавая им тепло своего сердца, обаяние, а нередко и помогая материально. Во многом благодаря его усилиям и поддержке воронежское землячество стало заметной общественной организацией в столице, оказывающей посильную помощь родному краю», — напишут позже о Федосове представители воронежского землячества в Москве.

Политолог Владимир Суховой вспоминает: «Воронеж Володя помнил всегда и

Представители Воронежской
областной администрации
на праздновании 50-летия
Владимира Ивановича Федосова
(в центре). Москва, 2001.

Кандидат политических наук
Владимир Федосов, ученый секретарь
Пагуоского комитета РАН
Михаил Лебедев, профессор
Сергей Капица и академик Юрий Рыжов
(слева направо) в Центральном Доме
ученых РАН. 2005.

даже мечтал сюда вернуться. Москва для него так и не стала родной. Он всегда говорил: готов, мол, даже босиком, с котомкой за плечами уйти из столицы в родной город...».

Осенью 2006 года в недрах администрации президента России возникла мысль направить Федосова в Воронеж новым губернатором. Насколько мне известно, это было желание клана «силовиков» президентской администрации. Вроде бы даже состоялась встреча Владимира Ивановича с лидером этого клана — всемогущим Игорем Ивановичем Сечиным, где Федосову было сказано: готовься принимать дела.

Первое, что сделал после этой встречи Владимир Иванович — встретился с тогдашним воронежским губернатором. Сказал, чтобы не было недомолвок, что есть такое предложение и если ему прикажут, то он, конечно, его примет. Только интриговать и заниматься подкованной игрой ради этого он никогда не будет. Не в его это правилах. Словом, собеседники тогда друг друга поняли...

А в декабре ему неожиданно вдруг стало плохо. Владимир Иванович был довольно-таки крепким человеком — редко болел, следил за формой, — поэтому он поначалу даже не придал значения ухудшению самочувствия. Потом врачи обнаружили у него опухоль на позвоночнике. Его срочно прооперировали в Германии, но было уже поздно: болезнь необратимо прогрессировала. 3 февраля 2007 года Владимира Ивановича Федосова не стало. Ему было всего 55...

На Троекуровском кладбище в Москве над его могилой кто-то сказал: «Самая великая победа в его жизни состоит в том, что у него не было врагов».

P.S. При жизни Владимира Ивановича Федосова многие говорили, что характером он пошел в маму. Мария Ильинична Федосова была необычайно добрым и душевным человеком. Все мы бываем жизнью обижены, так вот она в такие минуты говорила людям неизменную фразу: «Главное — зла не держите на сердце. Господь, Он рассудит. И все поставит на свои места»...

Мария Ильинична пережила своего старшего сына ровно на три месяца.

Владимир Васильевич Колобов родился в 1958 году в тамбовской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал в районной газете, в Воронежском обкоме ВЛКСМ, главным редактором областной газеты «Молодой коммунар», корреспондентом РИА «Новости». В настоящее время — главный редактор газеты «Областная Дума». Кандидат филологических наук. Редактор-составитель ряда документальных книг и многих научных публикаций. Живет в Воронеже.

Владимир Колобов

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ЮРИЯ ТИТОВА

Один из великих философов когда-то сказал: «Две вещи поражают мое воображение: звездное небо надо мной и нравственный вопрос внутри меня...»

Загадка мироздания и бытия, вечные вопросы о смысле жизни и неизбежности смерти на протяжении всей истории развития цивилизации волновали каждого человека. Не был исключением и Юрий Тимофеевич Титов, в судьбе которого переплелось все: взлеты и падения, радость побед и горечь поражений, благосклонность власти и опала.

Размышляя сегодня о его непростой и даже драматической судьбе, невольно прихожу к выводу о том, что в течение недолгих 56 лет ему было суждено прожить не одну, а сразу несколько жизней. Точнее — четыре. Такое случается не часто и бывает только с исключительно талантливыми, яркими, неординарными людьми. И я постараюсь хотя бы вкратце рассказать о каждой из них, используя при этом не только собственные впечатления, а с Юрием Тимофеевичем мы были знакомы и находились в дружеских отношениях почти два десятка лет, но и воспоминания его друзей и коллег, напечатанные в книге «Запомним его таким» (ИПФ «Воронеж», 2006), редактором-составителем которой мне довелось быть.

Первая жизнь Юрия Титова (он родился 20 июня 1949 года в поселке Подольский Таловского района в крестьянской семье), вне всякого сомнения, принадлежала работе. Он был типичным трудолюбом, как и его отец — Тимофей Прокофьевич, председатель знаменитого в 70-е годы колхоза имени Калинина Таловского района, Герой Социалистического Труда, орденосец и фронтовик.

Безусловно, отец сыграл решающую роль в формировании образа жизни и характера своих сыновей — старшего Юрия и младшего Виктора. Оба пошли по его стопам, стали председателями колхозов, достигли серьезных результатов, оба сделали успешную партийную карьеру, оба, в сущности, повторили трагическую судьбу отца.

В 1941 году безусым пареньком Тимофей Титов ушел на фронт. Не по своей вине в одночасье, как и миллионы других советских солдат, оказался на оккупированной врагом территории. После освобождения — снова фронт. Весной 45-го — тяжелейшее ранение. Госпиталь. Домой вернулся на костылях, без ноги.

После войны Т.П. Титов много лет работал бухгалтером колхоза «Знамя Октября», а в 1964 году возглавил отстающий колхоз имени Калинина и сделал его одним из лучших, прославленных хозяйств не только Воронежской области, но и страны. Был Тимофей Титов великим тружеником, характер имел упрямый и жесткий. По всем вопросам имел собственную точку зрения, не всегда совпадающую с мнением власть предержащих. Мог в лицо сказать правду-матку секретарю обкома партии или высокопоставленному чиновнику министерства сельского хозяйства. Естественно, это кому-то нравилось, кому-то — нет. Под его руководством колхоз добился выдающихся успехов в животноводстве и растениеводстве, был награжден орденом «Знак Почета» (явление в те времена редчайшее!), а сам Т.П. Титов удостоен звания Героя Социалистического Труда и других государственных наград. Потом и кровью — в буквальном смысле — заслуженных. Один из воронежских журналистов вспоминал, как Тимофей Прокофьевич порой отстегивал ремни протеза и выливал на землю пот, смешанный с кровью. Грубо? Не эстетично? Но так было...

Безусловно, Тимофей Титов был одним из лучших представителей председательского корпуса России. Его смело можно ставить в один ряд с Семеном Давыдовым и Макаром Нагульновым из «Поднятой целины» М.А. Шолохова, Егором Трубниковым из знаменитого фильма «Председатель» в исполнении народного артиста СССР Михаила Ульянова. Как же можно было не гордиться таким отцом, не брать с него пример?

Летом Юрий Титов, как и многие деревенские дети, помогал родителям по хозяйству, работал на току и помощником комбайнера. Окончив десятилетку, пытался поступить в Саратовский политехнический институт, но потерпел неудачу. Домой возвращаться не захотел (был очень гордый), устроился на завод слесарем. Через несколько месяцев получил от отца письмо: возвращайся, стареем мы с матерью, необходима помощь.

— На самом деле сил у нас еще было предостаточно, я больше за Юрия боялся, как бы его город не затаил, не испортил. Смотрю, подействовало, вернулся сын, — рассказывал в конце 70-х годов Тимофей Прокофьевич известному журналисту В. Герчикову. — Было у нас два списанных комбайна, я показал их Юрию и говорю: собери из двух один, да не тяни, уборка на носу. Управился парень вовремя, на уборке даже в передовики вышел. Правда, тяжело ему первое лето досталось, поднимал я его раньше всех в колхозе: сам вставал и его будил. Татьяна, жена моя, укоряла: замучил парня, у него же твоей дубленой кожи нет.

Вскоре Юрий Титов был призван в армию. После демобилизации он вернулся

на родину, заочно закончил Воронежский сельскохозяйственный институт, получив специальность — ученый агроном.

В 1974 году он стал работать главным агрономом отстающего колхоза «Победа» Таловского района. Через год возглавил это хозяйство и добился его устойчивого развития. Далось это 26-летнему председателю колхоза непросто. Вот как рассказывал об этом его отец:

— Год выдался трудный, засушливый. У нас в хозяйстве все отлажено и тем не менее помню, с каким адским напряжением работали. Что о сыне говорить? Молодой, горячий, уже знающий, как надо и как не надо работать, он за все готов был взяться, все переделывать, словно впереди у него времени не будет. Я заглядывал к нему почти каждый день, да и он наши поля и фермы стороной не объезжал, все сравнивал, старался не отстать. Но разве сразу такую махину, как колхоз, сдвинешь?

Мне пятый десяток шел, когда принял колхоз, да война за плечами, знал, где запалиться можно, а все равно едва не сломался. Только Таня знает, как тяжело мне было. А тут мальчишка еще. Кроме того, сидела в нем мысль: как бы отца не подвести. И я, конечно, виноват: не придержал его. Все советовал, как лучше, быстрее сделать. Говорю ему: с такими фермами у тебя молока не будет, ищи строителей. Надо было постепенно подступаться, а он затеял чуть ли не все фермы сразу строить и ремонтировать. Развалил старые, а на новые духу не хватает. Вижу: почернел мой Юрик от усталости, от страха — а как к зиме не управится с фермами? И тут у него с глазами началось, слепнуть стал. Что я пережил в то время, трудно описать. В конце концов, подлечили сына, но полностью зрение не восстановилось.

В 1978 году Юрию Титову поручили еще более ответственный участок работы — межхозяйственное предприятие «Александровское» Таловского района. До его прихода спецхоз давал 15 тысяч

Тимофей Прокофьевич Титов с сыновьями Виктором (слева) и Юрием

Русское поле...
Первый секретарь Таловского райкома КПСС Юрий Титов с первым секретарем обкома партии В.Н. Игнатовым (первый слева)

Редактор «Молодого коммунара» Владимир Колобов и глава администрации Калачеевского района Юрий Титов.
Апрель 1992 года

центнеров мяса в год, а уже через год — вдвое больше! При подведении итогов социалистического соревнования спецхоз «Александровский» был награжден переходящим Красным знаменем обкомов КПСС, ВЛКСМ и профсоюза. За этой победой стоял титанический труд сотен людей. И, конечно, труд его руководителя.

Бывший главный ветеринарный врач спецхоза «Александровский», Почетный гражданин Таловского района Евгений Николаевич Анисимов вспоминает:

— Стиль руководства у него был такой. Каждый день, невзирая на погоду и сезон, в шесть утра, максимум в половине седьмого, он приезжал на комплекс. Мы — с ним. Зная, где лежат ключи от всех производственных помещений, никогда не дожидались свинаярей — делали обход сами. Впереди Юрий Тимофеевич, мы с Виктором Дмитриевичем Седых, главным зоотехником, — за ним. И до начала рабочего дня знали всю обстановку в спецхозе. Уже потом можно было планировать, решать, как говорится, более предметно и конкретно. Ни разу никому из персонала комплекса не удалось обмануть или разжалобить руководителя, выдавая желаемое за действительное, — тот полностью владел ситуацией.

Примерно о том же самом — чрезвычайной ответственности, пунктуальности, требовательности и невероятной работоспособности — рассказывает и Виктор Владимирович Бурдин, бывший главный энергетик спецхоза «Александровский», нынешний руководитель Таловского муниципального района:

— Было мне в ту пору всего 22 года. Но не побоялся Титов доверить молодому специалисту значимый пост. Не прошло и месяца, как он подписал приказ о моем назначении главным энергетиком хозяйства. Под его руководством комплекс стремительно развивался. Он насчитывал свыше 30 тысяч голов свиней. В год производилось 38-42 тысяч тонн мяса. Внедрялись новые технологии и методы откорма, строились производственные цеха, перерабатывающая база. Параллельно создавалась социальная сфера: возводились школа, детский садик, жилье. Такая махина постоянно требовала к себе внимания, тактического и стратегического планирования. В решении этих вопросов ярко проявился природный дар Юрия Тимофеевича предвидеть дальнейший ход событий. Он точно определял цель, способности ее достижения, создавал все предпосылки для решения поставленных задач. Каждый из тех, кто работал с ним рядом, чувствовал надежное плечо руководителя, который всегда придет на помощь, поддержит, даст верный совет.

В 1979 году Юрия Титова выдвигают на партийную работу — вторым секретарем Таловского райкома КПСС. Отец к такому повороту в судьбе старшего сына отнесся весьма прохладно. Тимофей Прокофьевич считал, что высшая должность на земле — это председатель колхоза, который занимается конкретным делом, партработников (или, как это было в Красной армии, политруков) он недолюбливал еще с фронта. Считал, что они больше говорят, чем делают. Но в то время отказ от такого предложения мог привести к непредсказуемым последствиям. И Юрий Титов сдал дела в спецхозе преемнику и поехал занимать райкомовский кабинет. Но в кабинете ему не сиделось: он и в этой, казалось бы, номенклатурной должности умудрялся заниматься конкретными делами, о которых говорил отец: посевная, уборочная, ремонт техники, строительство дорог и мостов, школ, больниц, Домов культуры и библиотек.

Рассказывает председатель Воронежской областной Думы пятого созыва Владимир Иванович Ключников, хорошо знавший Юрия Титова по совместной партийной, хозяйственной и парламентской работе:

— В 30 лет Юрий Титов становится вторым секретарем Таловского райкома партии. А еще через два года его избирают первым секретарем. Именно в эти годы он особенно тщательно начинает изучать труды известного почвоведовед Василия Докучаева, который в конце девятнадцатого века осваивал Каменную Степь. Кстати, Каменная Степь получила свое название за сухость, безводие, за потрескав-

шиеся в летнюю жару глинистые почвы и, наконец, за свое бесплодие в нередкие здесь засушливые годы. Досконально изучив работы Докучаева, Юрий Титов взял на вооружение все лучшее, что было в теории и практике известного ученого. И даже стал выращивать рыбу... в Каменной Степи, создавая вместе с предриком Виктором Васильевичем Головым искусственные пруды.

Хорошо помню, как он по-настоящему «заболел» этим делом: штудировал научную литературу, радовался, как мальчишка, когда завезли откуда-то мальков карпа... Данный пример — не просто инициатива руководителя районного масштаба. В нем — его жизненная позиция: не мириться с трудностями, преодолевать их, достигая поставленной цели, работать на благо людей. Вообще, творческий подход к делу, умение замечать и внедрять новое — было одной из основных черт его характера.

В буквальном смысле «черным» для Юрия Титова и его отца оказался 1987 год. В высокие инстанции и редакции центральных газет из Таловского района летели индивидуальные и коллективные письма, в которых утверждалось, что будто бы Тимофей Прокофьевич — человек с двойным дном, в годы войны чуть ли не полицаем был. В Воронежском обкоме партии нашлись высокопоставленные недоброжелатели Тимофея Титова, которые постарались дать «ход» этим доносам.

С целью проверки серьезных обвинений на Украину были направлены сотрудники управления КГБ СССР по Воронежской области. В результате было установлено: изложенные в письмах «факты» о якобы недостойном поведении Т.П. Титова на временно оккупированной врагом территории не нашли подтверждения. В его защиту выступил известный поэт-фронтовик, автор книги «Зеленая Брама» Евгений Долматовский.

Теперь можно однозначно сказать: известного, заслуженного человека оклеветали. Затравили, как волка. И из этой жизни Тимофей Титов ушел, весь почерневший, несправедливо обиженный, с обугленной душой. Ушел под улюлюканье и свист еще вчера боготворившей его толпы.

Подлость и зависть — вечные спутники таланта, труда и удачи.

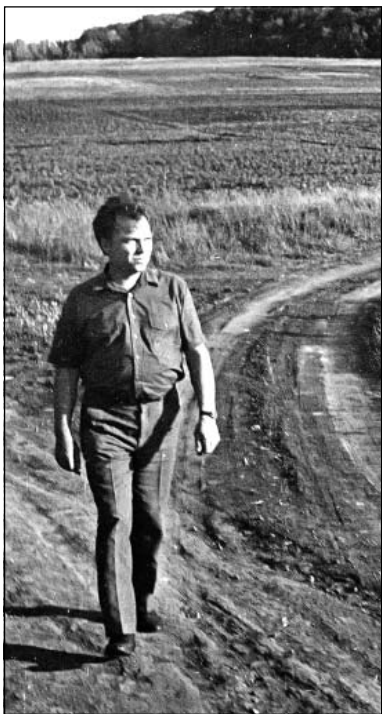
Эта трагичная и чудовищная история не могла не отразиться на его судьбе. В 1988 году Юрий Титов был переведен на работу в Калачеевский район. Пленум райкома партии единогласно избрал его первым секретарем. Но все прекрасно понимали причину такой «ротации».

А.К. Никифоров, полковник запаса, бывший заместитель начальника управления КГБ СССР по Воронежской области, непосредственно занимавшийся «делом Тимофея Титова», вспоминал, как однажды в откровенном разговоре Юрий Тимофеевич спросил: «Кто из секретарей обкома жаждал крови по «отцовскому делу»? «Этих людей уже нет на белом свете, а обсуждать покойников не очень хорошо. О покойниках «aut bene, aut nihil» — «или хорошо, или ничего», — напомнил Никифоров древнюю мудрость. Больше к этой теме Юрий Титов никогда не возвращался.

Юрий Тимофеевич не предал забвению память о своем отце. В беседах с журналистами всегда говорил: «Я горжусь своим отцом...» В 2000-м году он оказал финансовую помощь в издании книги Владимира Герчикова «Жизнь Тимофея Титова». Честное имя отца было восстановлено. Но его уже не было...

Стиль работы нового первого секретаря райкома партии (а он, естественно, его не изменил) многих калачеевцев не мог не удивить, а кого-то даже шокировать. Вот что рассказывает по этому поводу Борис Григорьевич Мельников, работавший в то время заместителем председателя Калачеевского райисполкома:

— Привычка первого секретаря вставать рано и до начала работы в кабинете бывать в организациях и колхозах была для нас новинку, ведь такого у нас никогда не было. Титов мог появиться на территории предприятия не обязательно

Глава администрации
Калачеевского района
Юрий Титов.
Июнь 1994 года

через проходную или ворота, сторожа к этому времени еще не все просыпались. Например, на территорию межрайбазы сельхозтехники Титов проник, перелезая через кирпичную ограду. Осматривая территорию и приближаясь к помещению, где располагался сторож, и, очевидно, разбудив его, Титов наслушался много нехороших слов по поводу того, как это можно в такую рань по территории ходить и, вообще, кто ты такой и как сюда попал... Пришлось Юрию Тимофеевичу объяснить, кто он и зачем перелез через ограду. Это послужило началом подтягивания дисциплины как среди руководителей, так и в коллективе.

Естественно, такая манера неожиданного появления первого секретаря райкома не вызвала всеобщего одобрения.

— Перелезая через заборы и тревожа безмятежный сон сторожей, Юрий Тимофеевич собирал информацию о положении дел в различных отраслях района, о деловых качествах руководителей, чтобы потом выработать четкую и конкретную программу своих действий, — продолжает Б.Г. Мельников. — Чуть ли не первой была поставлена задача — найти места для строительства пионерского лагеря. В этой работе принимал участие и я. Мы объехали территорию района, предлагали Юрию Тимофеевичу различные варианты. В результате оценки всех «за» и «против» было выбрано оптимальное решение. Соновый массив, рядом речка, всего несколько

километров от города. Строительство лагеря было организовано как народная стройка. Каждый колхоз строил свой домик, причем его внешний вид должен был иметь свое узнаваемое отличие. На следующее лето лагерь уже принял отдыхающих детей. Так Юрий Тимофеевич показал свой характер, отношение к делу, требовательность. Авторитет Титова в Калачеевском районе стал набирать силу.

Настоящий фурор в области вызвал начавшийся в 1992 году экономический эксперимент в Калачеевском районе, когда по инициативе Юрия Титова одиннадцать местных колхозов (далеко не лучших) изменили юридическую форму собственности и стали подсобными хозяйствами Юго-Восточной железной дороги. Проект был хорошо просчитан и успешно реализован на практике. В результате калачеевские хозяйства получили возможность выжить и развиваться в непростых экономических условиях, а железная дорога — снабжать ведомственные столовые, больницы, дошкольные учреждения и, конечно же, своих сотрудников качественной и дешевой сельхозпродукцией, продавая излишки через розничную сеть населению Воронежской и других областей.

Вот мнение Александра Яковлевича Ковалева, главы администрации Воронежской области с 1992 года по 1996 год:

— Сама идея, безусловно, была правильная. На тот момент эксперимент был совершенно оправдан как с точки зрения интересов железной дороги, так и с точки зрения интересов Калачеевского района. ЮВЖД как сильная структура с большим количеством людей, производственных подразделений нуждалась в подсоб-

ных хозяйствах, в дешевых и качественных сельскохозяйственных продуктах. В свою очередь, Калачеевский район, местные сельхозпредприятия остро нуждались в инвестициях, технике, стройматериалах, ГСМ, удобрениях и так далее. Кстати сказать, в инвестициях остро нуждался не только Калачеевский, но и другие районы. Но почему-то идея «задружить» с железной дорогой одному из первых пришла в голову именно Титову. Этим шагом в критически трудный момент реформ «по Чубайсу» он спас эти одиннадцать, прямо скажем, самых слабых хозяйств от неминуемого банкротства и разорения.

Справедливости ради, надо сказать, что экономической эксперимент, равного которому не было в тот момент не только в Воронежской области, но и по всей стране, вряд ли бы состоялся, если бы во главе управления ЮВЖД не стоял такой сильный и стратегически мыслящий руководитель, каким был Виктор Атласов. После ухода Титова в область по объективным причинам этот альянс распался, вся социальная сфера магистрали была передана в ведение муниципалитетов, а подсобные хозяйства, окрепнув материально, стали искать новые формы в многоукладной экономике России.

Осенью 1996 года глава администрации области Александр Ковалев указом Президента России был освобожден от занимаемой должности и назначен полномочным представителем на Северный Кавказ. Исполняющим обязанности главы областной администрации был назначен Александр Цапин, до этого работавший главой местного самоуправления города Воронежа, или, как сейчас принято говорить, — мэром. На 8 декабря были назначены губернаторские выборы. В губернаторской гонке участвовали семь или восемь человек. Но все хорошо понимали: основных претендентов двое — И.М. Шабанов и А.Н. Цапин.

Именно в это время Цапин предложил Титову перейти на работу в Воронеж на должность заместителя главы областной администрации по вопросам сельского хозяйства. Недолго раздумывая, Юрий Тимофеевич дал согласие. Он уже давно внутренне был готов к такому шагу. Знал: на этом посту может принести пользу области.

Социологические опросы показывали: шансы на победу у Шабанова и Цапина — примерно одинаковые. Далее случилось то, что Титов (и не только он) не ожидал. С небольшим перевесом победу одержал Шабанов.

Есть все основания утверждать, что Титов до этих выборов был в хороших отношениях с Иваном Михайловичем. Считал, что тот находится на своем месте в кресле председателя Воронежской областной Думы. Но на роль губернатора, по его мнению, больше подходил Александр Цапин, имевший большой опыт хозяйственной и административной работы. А это, на его взгляд, было главное.

Так, кстати, считал не только Титов, но и многие главы районных администраций, открыто высказавшие свое мнение на одном из областных совещаний осенью 1996-го.

В истории, как известно, не бывает сослагательных наклонений. Политика — дама капризная, а иногда даже жестокая.

Практически сразу после губернаторских выборов в местной прессе стали появляться явно заказные выпады против Титова, который продолжал исполнять обязанности директора департамента сельского хозяйства и продовольствия области. К примеру, в одном издании нечистоплотный воронежский литератор опубликовал «сенсационное» сообщение о том, что якобы в отношении Титова расследуется уголовное дело, связанное с его работой в Калачеевском районе. Будто бы по его указанию некоторые калачеевские хозяйства перечислили денежные средства в подмосковный научно-исследовательский институт, в котором он защитил кандидатскую диссертацию.

Прочитав эту публикацию, Юрий Тимофеевич немедленно обратился в проку-

ратуру с просьбой проверить опубликованную в газете информацию. Вскоре пришел официальный ответ: никаких уголовных дел правоохранительные органы в отношении него не возбуждали. Иными словами, приведенные в газете «факты» оказались ничем иным, как самой обыкновенной «уткой», запущенной в средства массовой информации недоброжелателями Титова.

Но это было не самое главное. К несправедливым нападкам и клевете он был готов (на примере отца получил прививку на всю оставшуюся жизнь). Главное заключалось в другом. Как вспоминал сам Титов, занимая формально должность вице-губернатора по сельскому хозяйству, фактически он был лишен возможности полноценно исполнять свои обязанности. Не мог издать приказ или распоряжение. Не мог кого-то принять на работу, кого-то уволить в департаменте, который формально возглавлял. Все важные решения принимались «на самом верху» без его участия.

Иными словами, он был король без королевства, министр без портфеля, директор департамента без департамента.

В такой обстановке психологического и морального давления Титов находился почти год. В сентябре 1997-го он принял важное и бесповоротное решение. И написал заявление об уходе из администрации «по собственному желанию».

Так, в возрасте 48 лет, после головокружительной карьеры, он оказался «простым советским безработным». И был вынужден начать все с нуля. В этот момент к нему поступает несколько весьма заманчивых предложений из Москвы и соседних областей по вопросу его трудоустройства. Тщательно взвесив все «за» и «против», он решает не покидать Воронежскую область, свою родину.

Он создает фирму «Агроинвест», которая занимается вопросами сельского хозяйства (поставки минеральных удобрений, элитных и районированных семян, строительных материалов, техники, запасных частей и т.д.). У него грандиозные планы по созданию в области машинно-тракторных станций (МТС), приобретению в Германии высокопроизводительных зерноуборочных комбайнов «Доминатор», возрождению былой славы воронежского чернозема.

Не перестает он думать и о возвращении во власть.

В августе 1998 года Юрий Титов был зарегистрирован кандидатом в депутаты Воронежской областной Думы по 41-му избирательному округу. В него входили Терновский и Эргильский районы. Власть делала ставку на некоего генерала, бывшего начальника областного УВД. Выборы были назначены на 25 октября. С этого момента Титов буквально дневал и ночевал в своем округе. В Воронеж он приезжал лишь для того, чтобы выполнить конкретные указы избирателей: договориться с руководством «Облгаза» об ускорении газификации поселка, достать парты и учебники для школы, решить вопрос об асфальтировании улицы в райцентре и т.д. Многие вопросы он решал просто: садился за телефон и набирал тот или иной номер. Очень часто его фамилия и имя были тем «волшебным ключиком», который легко открывал двери самых больших чиновников. А сердца простых людей, в отличие от многих политиков, он завоевывал не «словыниными речами», а конкретными делами.

На своем, далеко не новом, «жигуленке» он исколесил вдоль и поперек оба района, побывал в каждом селе, в каждом хуторе, встретился и побеседовал практически со всеми жителями. Много раз ночевал в райцентре в холодной гостинице, а иногда (были и такие случаи) приходилось ради экономии времени прикорнуть в «красном уголке» правления колхоза.

За неделю до выборов он простудился, потерял голос, говорить мог только шепотом, но встречи с избирателями не отменил.

На этих выборах против Титова был использован весь арсенал грязных предвыборных технологий. Чувствовалось, что кампания травли была организована

и управляется из одного центра. Вот только один пример. Неизвестными лицами одновременно в двух районах была распространена листовка без выходных данных, с абстрактной подписью: «Калачеевский райком КПСС». В этой безграмотной агитке Титова обвиняли чуть ли не во всех смертных грехах. Потревожили даже память отца Юрия Тимофеевича: «В Калачеевский район он был направлен обкомом, чтобы спасти от партийной и моральной ответственности за прошлые деяния отца». В числе прочего анонимные авторы утверждали, что Титову якобы принадлежат... все коммерческие киоски в Калаче! Несомненно, это было сделано в расчете на то, что прочтет избиратель и сделает вывод: Титов — буржуй. Не наш человек.

Когда Титова совсем уж допекли бумажной клеветой, он обратился на одной из встреч в районном центре к тем, кто распространял эти листовки:

— Раз вы считаете, что эти киоски мои, разрешаю вам делать с ними все, что угодно. Хотите — бейте стекла, хотите — поджигайте. Я к вам претензий предъявлять не буду.

После этого распространение листовок мгновенно прекратилось. Как рукой сняло.

Несмотря на задействованный против него «на полную катушку» административный ресурс, Титов одержал сокрушительную победу на выборах. Он набрал 57 процентов голосов избирателей, тогда как его основной соперник, кандидат от власти — лишь 11 процентов.

Люди в него поверили. Он вернулся во власть, которая его отвергла. Но вернулся он совсем другим, словно родившимся заново человеком. Отныне он знал подлинную цену власти. И всегда помнил о тех, кто эту власть ему доверил.

После этого он избирался в состав законодательного (представительного) органа власти региона еще дважды: в 2001-м и 2005-м годах. И снова — с убедительным результатом, который был

Минуты счастья.
С дочерьми Еленой, Татьяной,
внучкой Катей

Земляки

Юрий Титов с ветеранами

прямым следствием его добросовестной и плодотворной работы в избирательном округе, будь это Таловский или Аннинский районы.

Будучи депутатом, возглавляя бюджетную комиссию, занимая пост заместителя председателя областной Думы, он активно отстаивал интересы крестьянства, оказывал всяческое содействие селянам, в том числе при формировании областного бюджета. Кстати, это было одной из причин обид на него со стороны тогдашнего руководства администрации города Воронежа, считавшего, что при делении «бюджетного пирога» интересы областного центра были ущемлены. Так это или не так, судить не берусь. Но факт остается фактом: селяне в лице Титова имели надежную защиту и сильную опору в областной законодательной власти.

В депутатской работе, впрочем, как и в любой другой, для него не было мелочей. Все было главным. Вспоминаю, как вместе с помощниками Титова готовил его отчет перед избирателями о проделанной за минувший год работе. Только сухое перечисление выполненных наказов заняло несколько десятков машинописных страниц! Письма на его имя шли в Думу, региональный политсовет и исполком партии «Единая Россия» и областной Детский фонд сплошным потоком. И ни одно из этих обращений не оставалось без его внимания.

Даже став председателем областной Думы, он не отменил правило: как минимум, один раз в неделю проводить личный прием граждан в своем избирательном округе.

Невзирая на погоду, на плохое самочувствие, в определенный день и час он всегда был на месте. И всегда его ждали. Ждали с надеждой.

По складу характера Титов был типичным сельским жителем. Переехав на жительство в областной центр, он по-прежнему рано вставал. В пять утра его можно было видеть гуляющим в центре города. В семь — семь двадцать (иногда и раньше) он — на работе в Думе. Здесь уже ждали первые посетители, конечно же, это были селяне. Горожане шли позже. При первой же возможности он стремился в село, в свою стихию. Он любил сельских жителей. Любил их такими, какие они есть. Жил их проблемами, их бедами и радостями. И это чувство, судя по всему, было взаимно.

Рассказывает председатель Воронежской областной Думы Владимир Иванович Ключников:

— Ни в коей мере не желая обидеть своих коллег, откровенно и честно скажу: другого такого депутата, как Юрий Титов, по степени добросовестности, ответственности и результативности лично я за долгие годы своей работы в областном парламенте не встречал. Могу констатировать: фактически он исполнял депутатские обязанности семь дней в неделю. И в будни, и в выходные, и часто в праздники его можно было видеть или в своем думском кабинете, или в одном из сельских районов.

Характерно, что он не делил районы на «свои» (в которых он был избран депутатом областной Думы), и «чужие». Он с одинаковой добросовестностью и ответственностью относился ко всем обращениям избирателей. Наверное, нет такого района, где бы он за годы работы в областной Думе не побывал. Где бы не решал важные для избирателей вопросы. Будь то строительство сельской школы, больницы, детского садика, газопровода... Он очень внимательно относился ко всем без исключения наказам и обращениям избирателей. В этой работе для него не было мелочей.

Без всякого преувеличения можно сказать: фактически его избирательным округом была вся Воронежская область.

31 марта 2005 года Юрий Титов был избран председателем Воронежской областной Думы четвертого созыва. На этом высоком посту ему было суждено проработать всего два с половиной месяца.

Вторая жизнь Юрия Титова была посвящена партии. И не важно, как она называлась: КПСС, «Отечество» или «Единая Россия»... Он был солдатом партии и одним из ее видных командиров.

Так случилось, что эту часть жизни Юрия Титова мне довелось узнать лучше всего. Познакомились мы в 1982 году и с тех пор наши встречи стали регулярными, а с 1996 года, который стал переломным в наших судьбах (автор этих строк так же, как и Юрий Титов, добровольно покинул свой пост главного редактора областной газеты «Молодой коммунар», не считая для себя возможным работать в команде нового губернатора по морально-этическим причинам), стали видеться практически ежедневно. Как теперь понимаю, нас объединяли прежде всего схожесть характеров, одинаковые взгляды по многим принципиальным вопросам, общее понимание смысла жизни, понятий чести, достоинства и справедливости.

Было бы неискренним с моей стороны сказать, что наши отношения с Титовым были всегда ровными и безоблачными. Иногда они подвергались серьезным испытаниям. Как и каждый человек, он мог иногда ошибаться. Мог иногда вспылить, произнести в горячах резкие и несправедливые слова, правда, это было чрезвычайно редко. Но проходило время, и обиды забывались. И сейчас нет никакого смысла об этом вспоминать.

В 1998 году в жизни Титова произошло знаменательное событие: он стал одним из лидеров регионального отделения общероссийской политической организации «Отечество».

Произошло это так. В августе 1998 года я познакомил Титова с давними коллегами по работе в комсомоле Алексеем Журавлевым и Сергеем Казбановым, которые являлись в то время руководителями регионального отделения Конгресса русских общин (КРО) и соратниками депутата Государственной Думы Дмитрия Рогозина. Представители КРО оказали Титову поддержку на выборах, в частности, они организовали дежурство на избирательных участках, чтобы не допустить фальсификации итогов голосования. Накануне выборов Дмитрий Рогозин приехал в Воронеж и обратился к избирателям Эртильского и Терновского районов с призывом поддержать кандидатуру Юрия Титова. Это, несомненно, повлияло на результат, о котором уже сказано выше.

В декабре 1998 года в Воронеже состоялось учредительное собрание регионального отделения «Отечества». Председателем политсовета был избран Дмитрий Рогозин, а Юрий Титов — его первым заместителем. Так начался новый этап в его жизни, который через некоторое время привел его в большую политику.

Весной 1999 года на внеочередной конференции Юрий Титов был избран председателем политсовета регионального отделения «Отечества» (Дмитрий Рогозин покинул этот пост и приступил к созданию избирательного блока «Конгресс Русских общин — Движение Юрия Болдырева»).

Осенью 2000-го началась избирательная кампания по выборам губернатора Воронежской области. Титов возглавил предвыборный штаб Владимира Кулакова, занимавшего в то время пост начальника областного управления ФСБ. На этих выборах он работал практически круглосуточно, как часы. Так же работал под его руководством и весь штаб. Титов много сделал для победы генерала. И с тех пор был одним из самых близких и высокопоставленных членов его команды.

* * *

Размышляя о судьбе Титова, вспоминаю эпизод, относящийся к февралю 2001 года. Позади — губернаторские выборы, победа генерала Кулакова. Впереди — выборы в областную Думу. От их исхода зависело его собственное политическое будущее.

С воспитанниками
Таловской школы-интерната

Рабочее совещание
на строительном объекте в Таловой

Воронеж, 9 мая 2005 года

По какому округу выдвигаться кандидатом в депутаты? В принципе, он мог с большой долей вероятности рассчитывать на победу в любом районе, в том числе в Калачеевском, Эртильском и Терновском, где его хорошо знали. И где всегда ждали. Но он выбрал малую родину, Таловский район.

И вот мы обсуждаем стратегию и тактику его предвыборной кампании. Тактлся последний вопрос — утверждение макета листовки с биографией Титова и его обращением к избирателям. Титов одобрил макет в целом, однако «забравал» предложенный мной главный лозунг избирательной кампании. Не могу сейчас вспомнить точно, но это была (каюсь) какая-то затертая, стандартная фраза.

— Послушай, а что если так, — Юрий Тимофеевич посмотрел мне прямо в глаза и тихо произнес: — Тепло родной земли дает мне силы...

Это было то, что нужно! В этой фразе отразилось все: и философский смысл, и конкретика.

На выборах в областную Думу в марте 2001-го за него проголосовало абсолютное большинство избирателей.

* * *

После победы Юрий Титов как-то незаметно исчез из Воронежа. Никто не знал, где он находится. Спустя примерно месяц он неожиданно позвонил и попросил приехать с какими-то бумагами в воронежский санаторий имени Горького. Выглядел Юрий Тимофеевич неважно. Был бледен. Во время нашей беседы в комнату зашла медсестра и попросила Юрия Тимофеевича снять рубашку, чтобы измерить давление и послушать сердце.

Когда он расстегнул рубашку, я все понял... Через всю грудь проходил огромный, красный рубец.

Видимо, Юрий Тимофеевич не хотел, чтобы о сложнейшей операции на сердце (подобной той, что сделали в свое время Президенту России Борису Ельцину) в Москве, в институте имени

Бакулева, заранее знали посторонние лица. Не хотел, чтобы ему сочувствовали, жалели. О том, что ему предстоит, знали только несколько человек. Самые близкие.

* * *

В конце 2001 года в Москве на съезде «Отечества» и «Единства» было принято решение о создании Всероссийской политической партии «Единая Россия». Объединительный процесс во многих регионах шел непросто. Не исключением был и Воронеж. Камнем преткновения стал вопрос о лидере областной партийной организации.

Абсолютно точно знаю: Юрий Тимофеевич не рвался на эту должность. Более того, он не поехал даже на свой страх и риск в Москву на семинар-совещание, куда были приглашены два основных претендента — он как лидер регионального отделения «Отечества» и руководитель областной организации «Единство» Борис Скрынников. Однако на второй или третий день семинара Титова все-таки вызвали в столицу на «смотрины». И выбор остановился на нем. Не последнюю роль сыграла позиция губернатора области Владимира Кулакова, который явно симпатизировал Титову, видел в нем надежного союзника и партнера.

1 марта 2002 года в Воронеже началась объединительная конференция. Основным был вопрос о выборах политсовета регионального отделения. Примерно за неделю до конференции стала поступать информация о готовящемся заговоре. Титов в эти слухи не верил. Или делал вид, что не верит.

Местом проведения конференции был выбран главный зал областной Думы. Доклад, выступления в прениях, проекты постановлений... И, наконец, самый главный вопрос — выборы политсовета регионального отделения. Согласно принятому в Москве на объединительном съезде «Отечества» и «Единства» решению в состав регионального политического совета должны были войти поровну представители обеих политических организаций. Зачитали список. Проголосовали. Счетная комиссия удалилась в специальную комнату для подсчета голосов. Проходит полчаса, час... По лицам членов президиума видно: что-то не так. Когда председатель счетной комиссии вышел за трибуну и объявил результаты голосования, разразилась буря.

Оказалось, что Титов... не избран в состав политсовета регионального отделения. Не хватило буквально нескольких голосов. Та же участь постигла еще двух человек — Владимира Ключникова, депутата областной Думы, и автора этих строк, которых оппозиция, видимо, сочла наиболее верными и активными сторонниками Титова. Что ж, этим можно было только гордиться.

Представитель Генерального Совета партии, депутат Государственной Думы Валерий Рязанский объявил перерыв в работе конференции на неопределенный срок.

Как выяснилось позже, в день проведения региональной конференции все делегаты от «Единства» были разбиты на группы, во главе со старшим, который лично должен был проконтролировать, как заполняют бюллетени для голосования рядовые делегаты. Кроме того, на руки каждому были выданы отпечатанные на ксероксе шпаргалки с фамилиями представителей «Отечества», которых было приказано вычеркивать из бюллетеней.

Били точно в цель, да попали в самих себя.

Конференция закончилась... вернее, не закончилась поздно вечером.

Придя домой, я позвонил домой Юрию Тимофеевичу, чтобы морально поддержать его. Оказалось, он уже спал. А на следующий день в 7.30, как обычно, он был на работе в Думе.

23 апреля 2002 года учредительная конференция продолжила свою работу. На этот раз делегатам удалось довести дело до конца и сформировать руководящие органы региональной организации во главе с Юрием Титовым. Было принято постановление, в котором определялись задачи на ближайшие два года.

* * *

На выборах депутатов Государственной Думы в декабре 2003 года «Единая Россия» в Воронежской области победила. Таким образом, наш регион перестал быть частью пресловутого «красного пояса». Взяли верх центристские настроения, мудрость и здравый смысл воронежцев.

Свой успех «Единая Россия» повторила в марте 2005 года на выборах депутатов в Воронежскую областную Думу, набрав почти 30 процентов голосов избирателей. Представители «Единой России» выиграли также в 22 из 24 одномандатных округах.

И в этом, несомненно, была большая заслуга Юрия Титова.

3

Третью жизнь Юрий Титов в самом широком смысле слова отдал детям. Не своим — чужим. К детям Юрий Тимофеевич всегда относился с особой теплотой и вниманием. Это знали и замечали многие. Об одном из характерных эпизодов мне рассказал Александр Ковалев, бывший губернатор Воронежской области:

— Вспоминается поездка в Калачеевский район в 1992 году. Поводом стало открытие нового пионерского лагеря. Очень красивого, кстати, лагеря. Кажется, он назывался «Солнышко». Юрий Тимофеевич весь светился, показывая этот социальный объект, в который вложил столько своего труда, энергии, души. Мне запомнилось его обращение к детишкам. Именно к детишкам... Он, кстати, всегда с особым вниманием и теплотой относился к подрастающему поколению. Поэтому я не удивился, когда через много лет, переехав на постоянное место жительства в Воронеж, он возглавил областной Детский фонд.

Более трех лет Юрий Титов возглавлял областное отделение Российского детского фонда. По воле случая мне пришлось вновь быть не только свидетелем, но и одним из участников процесса его избрания на эту общественную должность. Летом 2002 года мне позвонил работник областной администрации Г.А. Караваев, курировавший работу с общественными организациями.

— Мы ищем кандидатуру на должность председателя правления областного Детского фонда. На протяжении многих лет эту общественную организацию возглавляла народный учитель СССР Марина Игнатьевна Картавцева. На днях она обратилась с просьбой подыскать замену. Можешь переговорить с Титовым? Может, он согласится возглавить Детский фонд?

В тот же день я довел это предложение до сведения Титова. Признаюсь, руководствовался при этом «партийными» соображениями. Жизнь показала, что Титов мыслил гораздо глубже и шире.

М.И. Картавцева вспоминает первый визит в городской Дом ребенка, что находится на улице Ленинградской (левобережная часть Воронежа).

— Было холодно. Как и положено в декабре. Дул порывистый ветер. Снег закручивался в воронки. Но когда мы вошли в вестибюль Дома ребенка, нас охватило тепло, и мы почувствовали запах сдобных булочек, какие обычно пекут в семьях бабушки. У Юрия Тимофеевича глаза заискрились и он сказал: «Здесь пахнет просто домом, а не Домом ребенка. Начало хорошее!». Он долго ходил по группам, заглядывал во все уголки, трогал спортивные снаряды, рассматривал дет-

ские поделки, рисунки, фотографии и совершенно терялся, когда навстречу высыпала детвора и дружно кричала: «Папа!», обвивая ручонками его ноги, хватаясь за пальцы рук, чтобы всем досталось это счастье... Он улыбался, но глаза предательски выдавали его смятение. Все осмотрел, и во дворе похвалил главного врача за собственную маленькую прачечную: «Это очень разумно: и дешево, и никаких тебе инфекций!» Зашел в кабинет: «Расскажите, в чем нуждаетесь...»

А шофер стал выгружать из машины подарки: игрушки, мячи, памперсы, сгущенку, мед, муку...

Но когда мы приехали в детское отделение тубдиспансера, улыбку будто смело с его лица. Обшарпанные стены, дряхлая мебель, серое постельное белье и больные дети. А когда посмотрел меню, вообще расстроился до гнева. Но сдержался в его внешнем проявлении, упрекая заместителя главного врача в безынициативности. Обещал во всем разобраться и помочь. И опять выгружали мешки с яичным порошком, сухим молоком, мукой, ящики с соками.

Это стало нормой: куда бы он ни ехал по другим своим служебным делам, никогда не забывал о детях: обязательно загружал машину всем, что было под рукой: одеждой, обувью, книгами, гостинцами, игрушками, даже шторами, даже классными досками, если случалось их приобрести за полцены!

«Поменьше слов — побольше конкретики в работе», — таков был всегда девиз Юрия Титова.

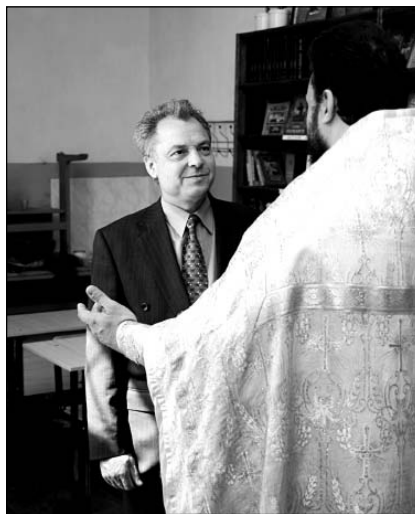
Став председателем областной Думы, он прекрасно понимал, что тянуть «три воза» (Дума, партия и Детский фонд) ему уже трудно. Физически трудно после перенесенной операции на сердце. Разум подсказывал, даже приказывал: работу в Детском фонде надо оставить. Передать в другие надежные руки. Но сердце... Сердце отказывалось подчиниться этому приказу. Побывав в очередной раз в детском доме или школе-интернате (как всегда, обязательно с подарками), посмотрев в глаза мальчишек и девчонок, по той или иной причине оставшихся без родителей, он все откладывал и откладывал это решение на более поздний срок. И никак не мог его принять.

4

Четвертая жизнь Юрия Титова по своей продолжительности, наверное, была самая короткая, но по своему накалу, любви, уважению и преданности — самая яркая и насыщенная. Эта жизнь принадлежала, конечно же, семье: супруге, Любови Григорьевне, двум дочерям, Татьяне и Елене, и его любимице Катюше, внучке.

В процессе работы над книгой воспоминаний я попросил Л.Г. Титову рассказать о том, когда и как произошло их знакомство, а также о наиболее важных, на ее взгляд, событиях совместной жизни.

— Познакомились мы в 1971 году, — рассказывала Любовь Григорьевна. — Тогда я училась в десятом классе Чигольской средней школы, а Юрий жил с родителями, работал в колхозе имени Калинина, заочно заканчивал Воронежский сельхозинститут. Вскоре его забрали в армию. И началась переписка. Практически

В Таловском храме

два раза в неделю я получала с Дальнего Востока, где служил Юра, очень теплые, искренние письма, которые, к большому сожалению, в дальнейшем при переездах с места на место были утеряны. Спустя год после возвращения из армии Юра сделал мне предложение, и мы поженились.

— Самыми значительными событиями семейной жизни, — продолжила далее Любовь Григорьевна, — конечно же, было рождение наших дочерей. Татьяна появилась на свет в 1974 году в Чигле, а Лена — в 1981 году в Таловой... Он очень любил детей. Был очень внимательным и заботливым мужем и отцом.

Конечно же, самыми счастливыми минутами и часами были те, когда он находился рядом с нами. Он очень много времени и сил отдавал работе. Уходил на работу рано, возвращался домой вечером, уставший. Тем не менее, с его приходом дом сразу преображался: наполнялся шутками, смехом детей... Я всегда гордилась своим мужем, была счастлива рядом с ним. Знаю, что и он никогда не жалел о том, что связал свою судьбу со мной.

* * *

Он был скромным, доступным и простым человеком. Не любил красивых речей. Морщился и останавливал собеседника, когда слышал лесть в свой адрес. Никогда не обижался, не роптал на судьбу. Он совершенно не умел и не хотел дышать. Не признавал выходных и праздников. Не мог и часа находиться без дела.

Он изумительно, с огромным уважением, по-рыцарски относился к женщинам. Ко всем без исключения. Чем вызывал к себе ответное аналогичное чувство.

Наверное, он был счастливым человеком.

По-настоящему счастливым.

* * *

Трагедия случилась на территории Белгородской области 19 июня 2005 года, в 15 часов 10 минут. Накануне его официального дня рождения.

Поездка в соседнюю область была связана с изучением опыта работы крупных сельхозпредприятий (он хотел, чтобы такие агрохолдинги появились и в Воронежском крае). За рулем джипа «Лендровер» находился его коллега, депутат областной Думы.

Недалеко от города Старый Оскол джип, попав в заполненную водой после дождя яму, потерял управление, на огромной скорости вылетел на мокрую обочину и врезался в железобетонную опору линии электропередач. Основной удар пришелся на правую сторону автомобиля, где находился Юрий Тимофеевич. От удара железобетонный столб переломился в двух местах. Земля содрогнулась от боли и ужаса.

Получив тяжелейшие травмы (многочисленные переломы, сотрясение головного мозга, разрыв внутренних органов), Юрий Тимофеевич, тем не менее, какое-то время находился в сознании и даже смог ответить на вопросы медиков, которые прибыли на место происшествия.

По пути в больницу он скончался.

В воскресенье в здании областной Думы уже накрывали стол, чтобы завтра отметить день его рождения.

Но получилось, как в известном стихотворении Гавриила Державина: «Где стол был яств, там гроб стоит...»

Он погиб в великий праздник — день Святой Троицы. В этот день христиане несут в церкви и свои дома березовые веточки и цветы. В этот день церковь вспоминает сошествие Духа святого на апостолов на пятидесятые сутки после воскресения Христова. Считается, что работать в этот день — великий грех. Не в этом

ли причина трагедии? Но этот вопрос — риторический. Юрий Тимофеевич сам ответит, где положено и кому положено, за свои поступки... Нам же отвечать — за свои.

Отпевание состоялось 21 июня в празднично украшенном Покровском кафедральном соборе. Литургию служил митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей.

Запомнились его слова:

— Не каждого из усопших отпевает митрополит...

Почти сразу же после погребения Юрия Титова на Аллее Славы Коминтерновского кладбища города Воронежа пошел дождь. Бесшумный, ровный и сильный. Словно кто-то еще, кроме людей, оплакивал его, ушедшего в мир иной в день Святой Троицы.

* * *

Фактически он сгорел в этой жизни. Как сгорел его отец, Тимофей Титов. Как сгорели Семен Давыдов, Макар Нагульнов, Егор Трубников... Такие люди редко доживают до глубокой старости и умирают в своей постели. Такие люди и в жизни, и в книгах, и в кинофильмах сгорают, как кометы. Сгорают за считанные секунды, но в памяти людей остаются навсегда.

Помните: «Вот и отпели донские соловьи дорогим сердцу Давыдову и Нагульнову, отщелтала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячьего буерака... Вот и все!».

Традиции, заложенные Юрием Титовым, достойно продолжают депутаты Воронежской областной Думы пятого созыва во главе с Владимиром Ключниковым. Светлую память о нем бережно хранят и чтут его земляки. В Таловой есть Центр детей и юношества, носящий его имя. Регулярно проходят здесь спортивные и шахматные турниры, посвященные памяти Юрия Титова, в них принимают участие не только воронежцы, но и представители других регионов. Во многом это заслуга главы администрации Таловского муниципального района Виктора Бурдина, ученика и соратника Юрия Титова, и, на мой взгляд, одного из лучших менеджеров или, проще говоря, управленцев Воронежской области.

* * *

Таковы они, если говорить коротко, четыре жизни Юрия Титова. Вполне возможно, что есть у него еще одна жизнь, неземная и вечная.

Но об этой, пятой и последней, его жизни мне, как и другим людям, ничего не известно. В одном я уверен: он наверняка востребован и там, в Царствии Небесном, если оно, конечно же, есть. Ведь кому-то и там, наверное, надо строить дома, прокладывать дороги, растить хлеб, заниматься воспитанием подрастающего поколения. Кому-то и там надо вести за собой других, уметь принимать сложные и ответственные решения, быть лидером.

Юрий Титов. Запомним его таким

*Стихи
таловских
поэтов*

ЗЕМЛИ НЕУГАСИМЫЙ СВЕТ

Константин Козлов

ТОПОЛЬ

Вокруг него цветут сады
И пряно пахнет воздух мятой.
Его отец мой посадил
Еще давно, давно когда-то.

И чем не жарче суховей,
Чем не крутили грозы лише,
Он только делался прямой,
И горделивее, и выше.

В уборе серебристых рос,
Земные всасывая соки.
Он, как и я, мужал и рос.
Мой друг,
Красавец мой высокий.

Ах, нет!.. Не друг...
Он брат родной.
Любого друга мне милее,
Отца умершего одной
Любовью с ним я был взлелеян.

И каждый раз, зная, потому,
Как однокровному,
Как брату,
Я открывал в тиши ему
Свою тяжелую утрату.

Я приходил и обнимал
Его, обросшего корою...
И он, казалось, понимал
И отвечал, шумя листвою.

ЗЕМЛЯ

Земля, земля, родная мать,
Полей ржаных разбег;
Какою песней передать
Любовь мою к тебе?

Люблю тебя, как верный сын,
Работник и поэт!..
Шагаю по тебе босым,
Кладу на пашню след.

Через луга иду травой.
Иду через леса,
Иду, веселый и живой,
Куда? — Не знаю сам.

Лишь манят, манят жадный взор
Промчатся налегке
Речная гладь, степной простор
Да город вдалеке.

Стихи слагаю на ходу,
Порой валюсь в траву,
Опять встаю, опять иду
И рад, что я живу.

А коль умру — зачем тужить?
Не пропаду, как тля:
Меня опять заставит жить
По-своему земля.

И снова буду слушать я,
Как птичий мир поет.
Лишь вы исполните, друзья,
Желание мое.

Заройте здесь под грай ворон,
Где я подпаском рос,
Без церемонных похорон,
Без музыки и слез.

Чтобы открыт был всем ветрам
И синим небесам,
Чтоб на могилу по утрам
Садилась роса.

Чтоб вечно лился птичий свист,
Сердца людей пленя,
Чтобы проехал тракторист
Весной через меня,

Чтобы в работе молодежь
Здесь песню пронесла,
Чтоб на моей могиле рожь
Высокая росла!

Николай Петров

НА ЗАКАТЕ

Блестят на солнце струны паутины,
Опутав сетью комья пахоты,
Не отогрелись за день у плотины
Морозцем утренним побитые цветы.

То зеленеют, то чернеют нивы,
Уже машин затихли голоса,
И, листья осыпая сиротливо,
Глядится в пруд лесная полоса.

На ток пустой сороки вереницей
Летят, горланя о поре былой,
А в полосе проворные синицы
Снуют по веткам штопальной иглой.

Тамара Губанова

КРЕЩЕНИЕ

На улице прелесть погодка,
От солнца играющий свет.
На руки взяла меня тетка,
Чуть старше семнадцати лет.
И к церкви по пыльной дороге
Помчали нас кони в галоп.
В 30-м году, без тревоги,
Тамарой нарек меня поп.
Мой жребий нелегкий, но точный —
Бег мутной осенней воды.
Но имя царицы восточной
Хранило, хранит от беды.

НОЧЬ

Иней на елях синий,
Тишь от мороза звенит,
Чистый, ну, прямо стерильный,
Снег под ногами лежит.

Ниже — тумана завеса,
Тень удаляется прочь,
Кромку далекого леса
Словно придвинула ночь.

Тоненько хрустнет береза,
Ухнет сова вдалеке,
Гулко трещит от мороза
Лед на ближайшей реке.

Шорох послышался в балке,
Я прибавляю свой шаг.
У стерегущей собаки
Стынет слюна на губах.

Ночью все выглядит странно,
Еле дорога видна,
Только сквозь клочья тумана
Тускло мерцает луна.

Александр Волков

РАНЕНИЕ

Где-то в южном регионе,
Где от взрывов горячо,
Ехал я домой в вагоне.
Пулей раненный в плечо.

То ли снайпер был любитель,
То ли дрогнула рука,
Или ангел мой-хранитель
Ослепил глаза стрелка...

Может, мамины молитвы
Сберегли в бою сынка,
Потому и не убитый
И лишь раненый слегка.

...Коротка домой дорога.
Пролетит, как миг один,
Мама встретит у порога,
Скажет тихо: «Здравствуй, сын!»

Проведет рукой по шраму,
И пойму я, что в бою
Не меня он ранил — маму,
Маму милую мою!

Константин Морозов

ХРИСТА РАДИ

В деревню заходил,
Сумку вешал сзади.
Под окнами выл:
«Подайте Христа ради!»

Добрые старушки
Жалостливо глядя,
Давали горбушки,
Плечо мое глядя.

«Виткиля ты, хлопец?
Видно, что ты дальний
Пришел к нашим хатам
Ради подаянья.

Якый же ты блидный,
Обувки худые.
Есть ли кто у тэбэ,
Кто-либо родные?»

Я молчал стыдливо,
Озираясь вяло,
Вдалеке пугливо
Мачеха стояла.

Была она молода,
Не дурна собою,
Никто ей бы не подал,
Будь она с сумою.

В пору журавлиную
По грязище жуткой
По селам Украины
Водила с прибауткой:

«Ходи, ходи шибче
От двора и до двора.
Коль не умерли вчера,
Проживем и нынче».

ПОД КРЕСТЦОМ

В холодочке жбан с водою,
Люлька на жердине.
Тут лопочет сам с собою
Малыш на стернине.

Харчи в полотенце:
Хлеб, картошка, лук.
Кормит мать младенца.
От крестьянских мук
Грудь ее иссохла.
И душа болит:
— Жаль, коза издохла, —
себе говорит...
Под крестцом страдают,
Под крестцом рожают,
Песню распевают,
Делятся нуждою,
Бывает — умирают
С тихою мольбою.

Ирина Авдеева

* * *

Вот опять весна закачалась
На ветвях седых тополей.
У тебя не в почете жалость,
Но сейчас меня пожалей.

Я весною бываю слабой,
Недоверчивой и смешной,
И твержу о том, что могла бы
И должна была стать иной,

Что не родственны наши души,
Что всего бесконечно жаль...
Ты меня терпеливо слушай
И, пожалуйста, не возражай.

Александр Зюзин

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Из далекого края родного
В первый раз получил я письмо.
Огрубевшее сердце мне снова
Взволновало, как прежде, оно.
Нас с тобою война разлучила
И на битвы нас многих звала.
Но я знаю, что ты не забыла,
Я уверен, ты ждешь и ждала.
Вспомни прошлые дни, как мечтая,
Мы сидели за партой с тобой.

Наши годы бегут, увядая,
Но огонь в моем сердце живой.
Строки, близкие сердцу, милых
Принесла ты с родной стороны.
Они влили и бодрость, и силы,
И не страшен мне призрак войны.
Я живу то в землянках, то в дзотах,
То ночью под небом зимы.
То в разрывах лежу на болотах.
То шагаю по полю войны.
Не грусти, не скучай, сожалея.
Сохраним нашу дружбу в сердцах,
И на запад пойду я смелее
Сквозь разрывы, сквозь посвист свинца.

*Украина, с. Папирня — г. Радомышль — с. Березцы.
Декабрь 1943 г.*

ДРУГУ

Припомни дни боев былых,
Рычанье пушек, скрежет стали,
Когда с тобой в лесах сырых
Мы под одной шинелью спали.

За ночь проснемся сотню раз,
И сны не снятся в этом гуле:
Снаряды рвутся в этот час,
Над косогором свищут пули.

Мы шли дорогой трудных дней,
Где смерть от нас друзей сманула.
Они отдали жизни ей,
А нас с тобой она минула.

Замолкли грозных дней бои,
И как рукой сняло усталость.
Не раз напомнят нам они,
Как жизнь над смертью насмеялась.

Как полуночные огни,
Ушли былые дни куда-то,
Но в сердце русского солдата
Навек останутся они.

Александр Алешников

* * *

Ушли распутица и слякоть,
Но и на солнечной тропе
Кому-то хочется заплакать,
Кому-то — в полный голос петь.

Взлетает где-то песня птицей,
А где-то рвется, словно нить.
Кому-то хочется влюбиться,
Кому-то нужно разлюбить...

Светлана Орчикова

ЭЛЕГИЯ

Мягкий свет от зари догоравшей
Заскользил по зеркальной воде,
Все затихло, и день угасавший
Луч прощальный свой дарит земле.
Звезды синие вновь загорятся,
И луна все осветит кругом.
Нет, не надо тоске предаваться
И не надо грустить о былом.
Пусть не давит на плечи тяжелый
Груз утраченных весен и зим
Жизнь как прежде тропой незнакомой
Нас ведет по этапам своим.
И чем дольше живешь, тем дороже
Каждый день, каждый лучик зари,
Когда был и сильнее и моложе,
Так не трогали душу они.
Значит дни, что прожить нам осталось,
Будем больше беречь и ценить.
Надо сбросить тоску и усталость,
Надо больше прощать и любить.

* * *

Дубравы, рощи, перелески,
Прудов и рек прозрачный след,
В ночи зарниц далеких всплески,
Земли неугасимый свет.
Березы стайкой, как невесты,
В весеннем мареве стоят
И жаворонки в поднебесье
На утренней заре дрожат.
Картина всем знакома с детства
И счастьем полнятся сердца.
Природа лишена кокетства —
То высший замысел Творца.

Анатолий Пузаков

УЛИЦА ДЕТСТВА

Вольно раскинулась тихая улица,
Цепью домов простирается в даль.
Вон, как невеста, береза красуется,
Ловко накинув зеленую шаль.

Все не могу на нее наглядеться,
Все так знакомо и мило кругом.
Улица детства, улица детства —
Светлая песня в сердце моем.

Пусть очень мало мы видели сладостей,
Пусть нынче детство проходит не так.
Сколько здесь было мальчишеских радостей,
Послевоенных гремучих атак.

Канули в вечность холсты домотканые,
Низкие избы, косые плетни.
А заодно, к сожалению, канули
В эту же бездну и лучшие дни.

Я по земле поскитался немало,
Вновь возвращался в родные места.
Только желанней всего принимала
Улица эта, где я выросал.

Не по душе мне большие селенья,
Шум бесконечный больших городов.
Снится мне все, словно берег спасенья,
Улица эта в разливе садов.

Я не могу на нее наглядеться,
Все так знакомо и мило кругом.
Улица детства, улица детства —
Светлая песня в сердце моем.

Сердце в тоске неумной волнуется,
Сердце зовет терпеливо туда.
Улица детства, милая улица,
Мне не уйти от тебя никуда.

ВЕСЕННЯЯ РЕКА

Зимы недавней пленница,
Игрива и легка,
Шумит, играет, пенится
Весенняя река.

Бедовая красавица,
Собьет, того гляди.
Лишь ветерок касается
Ее тугой груди.

Уходит за околицу,
Упряма, озорна.
Похожею на школьницу,
Мне кажется она.

Тревожное дыхание,
Неукротимый вид.
Как будто на свидание
К любимому спешит.

Могучего влечения
Не сдержит ничего.
Река, река весенняя —
Природы торжество.

Николай Прытков

УШЛА ВОЙНА

Война, еще насупив брови
Шла по Европе босиком,
А мы ходили по дорогам
С серпом, лопатой и косьем.

И нет конца дорожным далям
Мы измеряли их кто в чем.
Серпы в подсолнухи врезались,
А те щетинились жнивьем.

Все шире сжатые полоски.
Все меньше шляп на стебельках,
Лежали тощие авоськи
Тряпьем в подсолнечных полях...

И в те края я был влюбленный.
Ходил на речку, за бугор.
Где ива старенькая сонно
Стояла с кроной на пробор.

Она причесана не ветром,
А ливнем майским с синевы.
В зелено платье одето
Совсем, как было до войны.

Там, за рекой, лоснились пашни,
А на овражных берегах,
Ковыль, войною весь пропахший,
Видать, от пороха зачах.

Война его не миновала,
Рубила взрывом, жгла огнем,
И роздымь серая стояла,
Как злое облако, на нем.

Буренки редкие на поле,
А в небе сизые стада...

...Назад три года? Чуть поболее
Кипела хлебная страда...

Война накрыла длинной тенью
И рожь, и луг, и ковыли...
А мы с заботой неизменной —
Она ушла — в поля пошли.

* * *

Не жалею, моя Таловая,
Хоть сто лет тебе стукнуло,
Над тобой зори алые
И любовь неотступная.

Рассеребрились мятником
Полудужные улочки,
А в домах аккуратненьких
Раздухмянные булочки.

Гору Хлопову выстлали
Синь-синь-синь колокольчики,
Остропикие выстрелы —
Тополей седых кончики.

Замер суслик солдатиком
На земле докучаевской,
Добрых пашен квадратики
Не потерты нечаянно.

Пусть несут тебя синие
Дни и ночи спокойные,
Ты гордишься Россиею,
Ее славой достойною.

Черноземы срединные,
Благодатные зорюшки.
Наши степи не длинные,
Но зато златы-зернышки.

А Елань и Битюг-река
Наши воды рубежные...
И любят облака,
Как бегут воды вешние.

Не забудь ты про реченьку,
Таловчанин заботливый,
Эта реченька вечная
В нашей жизни коротенькой.

Таловая — голубушка,
Будь любовью увенчана,
Осветляешь ты души нам,
Хоть судьба переменчива.

Николай Назин

* * *

Настала осень золотая:
Желтеет лес, листва кружит,
Рассвет холодный ожидая,
Роса жемчужная дрожит.
И в небо, что уже сереет,
Взметнулись стаей журавли.
Но на душе моей теплеет
От красоты родной земли.
Туман белеет на озерах,
Их скоро схватит первый лед.
Багряно-золотым узором
Пора осенняя влечет.

Иван Бахтинов

ЕЛАНЬ

О ней не говорить я не могу.
Найду ли слово теплое, как лето?
Я рос на мшистом звонком берегу
Спокойной, неприметной речки этой.

Ее рассвет за делом заставал:
Клубились на ветру седые пряди пара;
Она крутила молча жернова
И к водопою стадо собирала.

Глядишь, бывало, огород польет,
Росою окропит хлеба в духмяном поле,
Стирает наше пестрое белье,
Наваристой ухой накормит вволю.

Течет Елань, течет, не зная сна.
Как только струйки биться не устанут!
И на судьбу не сетует она
За то, что не пробилась к океану.

Алексей Фомин

ПЕРЕД АТАКОЙ

Ты спишь, наверно, в этот миг.
Уставши за день на работе.
Ты спишь, как тысячи других,
Забыв невзгоды и заботы.

А здесь... Молчит тревожно лес,
Молчат разбитые бараки,
И только видит край небес,
Как мы готовимся к атаке.

И каждый думает из нас
По-своему одно и то же...
И счастлив я, что в этот час
Тебя обстрелы не тревожат.

ЛЕТО СОРОК ВТОРОГО

То было страшное и горестное лето.
Мы отступали к Волге по степям.
Мы покидали матерей. И это
Осталось сединой на память нам.

Жара стояла — задыхались люди.
Казалось, здесь и не было воды.
По нам стреляли тысячи орудий.
И дождь осколков заметал следы.

А на тревожных небольших привалах
Хотелось только спать и пить.
...Мы были тверже камня и металла.
Теперь легко об этом говорить.

Сергей Винокуров

УТРО

Ветер трусцой по листве пробежался,
Шепот деревьев разнесся по лесу.
День на востоке тихонько рождался,
Ярким лучам открывая завесу.

Пение птиц несмолкаемой силой
В степь устремилось веселым потоком.
Жизнь удивительной стала и милой,
Быстрой рекой забурлив по протокам.

В теплых лучах утонули просторы.
Нивы усами синь неба щекочут.
Трепетный мир вдруг представился взору,
Где все живет и о жизни хлопочет.

* * *

Ночка, проведенная в стогу,
С сеном заплетенная в косе,
Утонула в травах на лугу,
В утренней нетронутой росе.

Робкий и таинственный рассвет
Пробуждает прелести земли.
Получил я искренний ответ —
И вокруг ромашки расцвели...

Ольга Шпомер

* * *

Отделись, душа моя,
Полетай над миром звонким.
Чтоб ее созвучьем тонким
Успокоилась Земля.

Надивись, душа моя,
И цветами, и морями,
Земли дивными дарами,
Вечной тайной бытия.

И вернись, душа моя,
В тело женщины несмелой,
Но с огромной чистой верой.
Береги меня, Земля.

* * *

Вином налью я свой бокал.
Прощай, любовь, прощай былое.
Мне ангел мой в пути солгал,
Не указал мне на святое.
Стряхну с ослепших глаз слезу,
Мне слабость сердца непонятна.
Я сто невзгод всегда везу.
А ангел врет, но врет занятно...

* * *

Меня листья закружили.
Меня лужи закупали.
В этом парке мы дружили.
В нем зарю с тобой встречали.
В нем мы спорили с сорокой,
На ветвах сидевшей близко.
Подпевали одинокой,
Еле слышной даме с ДИСКО.
И тарачила глазенки
Осень в платье разноцветном.
И нам ставила пятерки
В дневнике Любви заветном.

Ольга Ковалёва

* * *

У черемухи простимся
Без особенных причин.
Друг от друга отделимся,
На дорожку помолчим...
И черемуха заплачет:
От беды моей слеза,
И чернее неудачи
Ее черные глаза.

Валентина Пискарёва

* * *

Мы любили — разлюбили,
Мы встречались — разбрелись:
Те тропинки, где бродили,
Взяли враз да разошлись.
Расскажи, какая вьюга
Ту тропинку замела,
Где с тобой нашли друг друга?
Отчего любовь прошла?
Мир заснеженный, унылый,
Заморозил нас вконец. —
Как же это так случилось:
Стужей скован стук сердец?!
Расскажи, какая вьюга
Замела тропинку ту,
Где с тобой нашли друг друга
У прохожих на виду?

Валентин Варнавский

ТИШАНКА

Здесь нельзя не родиться поэтом:
В каждом русском Россия живет,
Стоит только подумать об этом —
И Тишанка к себе позовет.

Помню сердцем сады, перелески,
Крылья мельниц, бадьи, журавли,
И во всем ее радужном блеске
Биографию этой земли.

По ее утомительным тропам
Пусть прошел я, увы, не вчера.
Все ж, как встарь, огурцом и укропом
Всклень пропахли ее вечера.

Бог судьбою ее не обузит,
Одарив благодатью своей,
Если овощи, фрукты, арбузы
Прозреваются в гербе у ней.

И никак здесь нельзя безучастным
Оставаться к красотам земли,
Где свое беспокойное счастье
Люди славным трудом обрели.

Здесь нельзя не поэтом родиться:
В этом милом, привольном краю.
Столько людям пришлось потрудиться,
Чтобы так осчастливить свою
Бесконечно родную Тишанку,
Что пред ней, благодарные, вы
Непреренно снимаете шапку
Со своей золотой головы.

Елена Быстрицкая

* * *

...Испытанье? Наказанье?
Черт куражится?.. Господь
Отвернулся утром ранним
От тебя, земная плоть.

Только к ночи неутешный
Плач и судорги во тьме...
Что же, Боже, знаем, грешны:
Слишком много на уме...

А безлика дорога
Крик уносит до реки...
Подведение итогов,
Дни без солнца коротки.

И утупилось ненастье
В бездорожье Покрова...
А душа у новой власти —
Порыжевшая трава.

* * *

Ах, возьми ты меня в свой сон,
Все волнения наяву...
Пусть сиреневым станет фон
Той реки, по которой плыву.

А на дне, как янтарный храм, —
Твои руки меня несут.
Перестала я верить снам,
И они от меня бегут.
Стану ль гостьей в твоём доме
И свою в твоей душе?
Мы молились почти одному
И росли на одной меже.
Дай же влаги моим устам,
Ты же знаешь, что сны не лгут...
Перестала я верить снам,
И они от меня бегут.

Василий Кириченко

* * *

В тылу без опоры несладко:
работа, тревога, нужда...
На узкие плечи солдатки
свалилась такая беда.
У нас на квартире медички,
и госпиталь в школе открыт...
А юность еще по привычке
на танцы сходить норовит.
Вон пара у нашей калитки —
ничто нипочем молодым,
взахлеб тараторят зенитки,
и мы уж в траншее сидим.
Сирены истошные воют,
сигналы тревоги в ночи.
Прожекторы в небо ночное
вонзают кинжалы-лучи.
И ухают бомбы... И школу
однажды у нас разбомбят,
где слушали мы радиолу
в кругу одноклассниц, ребят.
Где пели военные песни,
как будто не знали иных,
старались держаться все вместе
потом и в полках запасных.
На окнах кресты из бумаги,
и щели от бомб во дворах.
И чувство ребячьей отваги
глушило непрошенный страх.

СНЕГИРИ

За селом, за ветлами
все бело вдали,
будто боги метлами
с неба снег смели.

Не цветочки клевера
в поле расцвели —
прилетели с севера
в гости снегири.

Не скрывая радости,
не гнушаясь нег,
падают, как яблоки,
птицы в белый снег.

* * *

Приходит зима-чародейка
творить на земле чудеса:
одела людей в душегрейки,
раздела поля и леса.
То стихнет, то снова завьюжит —
рисует она каждый день
на белых холстах Прибитюжья
пейзажи родных деревень.

Алексей Колбенов

СУДЬБА

Мне судьба не изменяла,
Сколь живу — была верна:
В жгут крутила, терла, мяла,
Все испытать дала до дна.

И теперь я, мятый, тертый,
Мертвым вязаный узлом,
Буду вечно — это твердо —
Жить всетлению назло.

Жить на зависть тем немногим.
Внемля встречным: «Гой, еси!»
Не за пазухой у Бога,
А в снегах моей Руси.

А в полях — кормильцах вечных
С золотых полос жнивья.
Да средь самых человеческих,
Средь селян, таких как я.

Мне судьба не изменяла —
До того была верна,
Предлагая, как меняла,
Пуд плевел за горсть зерна.

Но ты, милый друг, не горься —
Я обмана избежал:
Потому как зерен горсти
Не «кащеил», не держал.

А раздал их все селянам,
Все до зернышка, как есть.
В этом нету ведь изъянов.
Тень бросающих на честь?

И, поверь мне — будут всходы,
Как улыбки средь лица,
Будут песни: «Ой, вы, годы,
Чтоб вам не было конца!»

Елена Михайловна Тимошечкина родилась в селе Байчурово ныне Поворинского района Воронежской области. Окончила исторический факультет Воронежского государственного университета. Преполагает историю в средней школе. Публиковалась в журналах «Российская история», «Вопросы истории», «Родина», в научных сборниках «Из истории Воронежского края» и других изданиях. Участница международных и региональных научных конференций. Живет в Воронеже.

Елена Тимошечкина

НИКОЛЬСКИЙ СПОЛОХ

*Сполох — тревога, набат,
общий вызов на помощь при опасности.*

В. Даль

30

января 1930 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно решению центральной власти к зажиточным хозяевам, причисленным к кулакам, применялся ряд репрессивных мер: аресты, конфискация имущества, выселение в отдаленные края страны, переселение на специально отведенные участки. Политическая обстановка в деревне обострилась. Начались массовые выступления крестьян против политики раскулачивания. Одно из первых таких выступлений было в селе Никольском Таловского района. На основе архивных документов нами воссоздается картина произошедшего там события.

* * *

31 января 1930 года заместитель полномочного представителя ОГПУ по Центрально-Черноземной области Гордон и начальник информационного отдела Зедин направили секретарю обкома партии И.М. Варейкису срочное секретное сообщение: «В с. Никольском Таловского района Борисоглебского округа на почве раскулачивания и коллективизации кулаком

Барановым организовано массовое выступление населения. На место выехал начальник Окроддела ОГПУ со взводом из состава школы летчиков».

Чем же были недовольны крестьяне, чего они добивались, что побудило их оказать сопротивление власти?

Расположенное в 20 километрах к западу от Таловой село Никольское было основано в 1831 году переселенцами из старинного села Новая Чигла и названо по построенной в 1865 году Никольской церкви. В январе 1930 года в нем проживало около 4 тысяч человек и числилось более 600 домохозяев, из них бедняцких — 280, середняцких — около 300 и остальная часть зажиточные: «кулаки» и бывшие торговцы. В селе имелось 12 машинных товариществ с 14 тракторами, но эти товарищества по решению местных организаций были распущены, а трактора у них изъяты и направлены в ремонтные тракторные мастерские, после чего в Никольском приступили к организации колхоза. Все село делилось на 11 так называемых «сотен». По всем сотням в январе проводились собрания; в 8 из них крестьяне приняли решения об организации колхозов, а в остальных отказались. Судя по документам, в 1-й сотне собрания и лекции срывала каждый раз криком против коллективизации одна из местных женщин; некоторые жители сразу же уходили, а другие продолжали смеяться и критиковать власть и партию. Секретарь партийной ячейки Алешников, выступая на таких собраниях, часто повторял: «Кто хочет, записывайся в колхоз, а кто не хочет, тот в Нарым».

Сельсовет с целью обобществления крестьянских хозяйств приступил к свозу их инвентаря, поставил задачу немедленно обобществить продуктивный скот и распорядился организовывать семенной общественный фонд на основе подушной раскладки. Кулацкое хозяйство должно было вывезти 2 пуда 5 фунтов с каждого едока. Это вызвало недовольство у крестьян. В такой неспокойной обстановке началось практическое выполнение местными руководителями директивных предписаний вышестоящих органов власти о немедленном проведении раскулачивания. В селе распространились слухи о готовящейся конфискации имущества, о выселении из домов и арестах некоторых односельчан. Возмущение жителей стало нарастать. 29 января в 6 часов вечера собравшаяся около дома крестьянина Прохора Григорьевича Сырова группа женщин кричала: «Все равно мы выгонять из дома и отбирать имущество не дадим!».

Утром 30 января старший милиционер Таловского районного административного отделения Ляпин с ордером, выданным Борисоглебским окружным отделом ОГПУ на производство обыска и ареста, явился в дом к крестьянину Андрею Петровичу Забегалину и предложил ему выдать добровольно огнестрельное оружие. В связи с отказом «от добровольной выдачи по причине неимения такового» милиционер приступил к обыску и, не обнаружив отыскиваемое, составил об этом протокол. А в это время ко двору Забегалина прибежало около 300 жителей. Народ не дал арестовать односельчанина и не выпускал милиционера из дома, угрожая ему. Сам же Забегалин, потрепав Ляпина по плечу, сказал ему: «Не бойся, товарищ милиционер, тебя не тронут», а затем обратился к толпе: «Граждане, дайте дорогу товарищу милиционеру» и, расписавшись на ордере ОГПУ, возвратил его милиционеру. Толпа тут же быстро расступилась, и тот свободно прошел.

После убийства сотрудника милиции крестьяне кинулись к дворам других «кулаков» и также не давали арестовывать их. На двор П.Г. Сырова прибежало около 100 человек. «Не дадим арестовывать Прохора Григорьевича, он не кулак!», «Мы не дадим Сыровых, грудью отстоим!», — кричали они. Раздавались призывы: «Не надо нам колхозов!»; «Пойдем к «Кусту» и давайте его разгромим!». И толпа, в большинстве своем состоявшая из женщин и молодежи, устремилась к правлению кустового объединения колхозов. Подойдя туда, люди возбужденно требовали: «Давай их сюда, бейте их, грабителей!». В здании правления кол-

хоза им. 12-летия Октября в это время находились члены правления и его председатель Григоревский, председатель сельсовета Митрофанов, секретарь ячейки ВКП(б) Алешников и заместитель секретаря райкома ВКП(б) Иван Яковлевич Рязанов, только что прибывший в село вместе с уполномоченным ОГПУ и участковым милиционером. Услышав шум и крики, находившиеся в здании правления колхоза занавесили окна, заперли двери. Подошедшая толпа, окружив здание, стала требовать от представителей райисполкома и местного руководства разъяснения, за что арестовывают их односельчан. Однако работники к народу не вышли. Набросившись на ворота и стуча в дверь здания, крестьяне кричали: «Все равно живых не оставим!», «Дай нам на расправу Григоревского!». Было уже 11 часов. В это время на церкви забил набатный колокол. К сельсовету со всех сторон стали сбегаться люди. Прасковья Жукова, жена «середняка», члена сельсовета, держа в руках железные вилы, на бегу призывала: «Долой колхозы, сделаем свою свободу!». К сельсовету отошла и толпа от правления колхоза. Воспользовавшись этим, Григоревский и Рязанов немедленно выехали на железнодорожный разъезд Тишанка, что в трех километрах от села, для сообщения о случившемся в районный центр. Вслед им несло: «Догоняй, хоть одного возьмем!», «Ура! Наша взяла!».

У сельсовета собралось около тысячи человек. Звучали резкие высказывания в адрес власти: «Бей их! Ограбили ведь они нас, выводи их сюда по одному, мы им покажем коллективизацию!». Крестьянин Антон Семенович Поликарпов возмущался: «У нас нет кулаков, какие тут кулаки, когда все сидим без хлеба и скота. Пусть тогда берут всех нас, а то по одному они всех нас переарестуют и передергают, не надо давать ни одного, пусть всех берут!». Другой крестьянин- «середняк» громко говорил находившимся возле него односельчанам: «Надо их пойти и вытащить сюда, пусть они покажут нам, кто у нас кулаки и за что их хотят арестовать. Пусть коммунисты сами в колхоз войдут, а потом уже других соблазняют». Простояв на площади еще некоторое время, народ стал расходиться по домам, и к 3 часам дня у сельсовета никого не осталось.

Когда Рязанов и Григоревский вернулись в село, там уже было тихо. В тот же день в 16 часов начальник Таловского районного административного отделения Михаил Петрович Черенков получил телеграмму от Рязанова, отправленную с разъезда Тишанка, в которой сообщалось: «Здание колхозобъединения с. Никольского окружено толпой крестьянства, мы находимся запертые, оказывайте помощь». Черенков, сразу же известив об этом происшествии районный комитет партии и райколхозсоюз, сформировал наряд из 8-ми вооруженных милиционеров для выезда в Никольское. 6 милиционеров поехали из Таловой по железной дороге на разъезд Тишанка, а сам Черенков и старший милиционер Спорыхин поскакали верхом на лошадях и через 50 минут уже были в Никольском. Туда же из райцентра отбыли уполномоченный окружкома ВКП(б) и окрисполкома, член правления окрпоземколхозсоюза Дмитрий Адриянович Яковлев, находившийся с 27 января в Таловой «для проверки и дачи практических указаний по мероприятиям весенней посевной кампании», и вместе с ним председатель райколхозсоюза Николай Захарович Мехедов. К 7 часам вечера они были в селе.

По приезду в Никольское Яковлев, ознакомившись с создавшейся обстановкой, пришел к заключению, что выступление крестьянства «преследовало цель защиты кулачества». В сельсовете имелась ячейка ВКП(б) из 11 членов партии. Сразу же было проведено партийное собрание с участием прибывших представителей районной и окружной власти: Черенкова, Спорыхина, Яковлева, Мехедова, а также райуполномоченного ОГПУ Чернова, старшего инспектора окррозьиска Яненко. Решили все-таки арестовать «кулаков», и сделать это «одним моментом».

Представители власти разошлись по отдельным дворам, однако произвести

аресты не удалось. Никто им двери не открыл, за исключением А.П. Забегалина. Но, когда Яненко и Спорыхин зашли к нему в дом, он вырвался от них во двор и закричал: «Караул — бандиты грабят!». Моментально собралась толпа не менее 400 человек, и работники милиции вынуждены были уйти. Это происходило около 12 часов ночи. Односельчане не дали арестовать и других «кулаков», «окарауливая» их дворы. В тех сотнях, где представители власти пытались производить аресты, поднялся женский крик: «Выходи на улицу, там расстреляли Забегалина Андрея и еще принимаются стрелять!». 16-летняя Анна Кисурина бегала по соседям, крича им в окна: «Выходите все на улицу, убили дядю Андрюху!». А крестьяне С.А. Гусев и П.Н. Сторожев верхом на лошадях ездил по селу, свистом собирая народ. Крестьяне быстро выходили из домов и направлялись к площади, к сельсовету. Некоторые бегали по улицам с вилами, лопатами, палками в руках. Вскоре со стороны 1-й, 2-й и 3-й сотен с криками: «Вставай и выходи на улицу, вооружайся вилами!», «Бей их!» к сельсовету уже двигалась громадная масса людей. Чтобы упредить подход толпы к сельсовету, навстречу ей отправилась группа из 8-10 местных и приезжих «работников». Толпу решили задержать у пригорка, перед мостом через пруд. По льду пруда встала цепь милиционеров и местных партийцев. А Черенков и Мехедов пошли навстречу двигающейся толпе. Подойдя к ней вплотную, Мехедов стал убеждать крестьян, что они действуют незаконно, но его речь тонула в криках: «Долой!», «Бей бандитов!», «Окружай!». Звенья вилами и лопатами, крестьяне стали окружать представителей власти. Чтобы не оказаться в кольце, те стали отходить к сельсовету. А народ напирал и кричал им вслед: «Наша берет!».

К центру села все шли и шли жители и уже не только из 1-й, 2-й и 3-й сотен. Со стороны 4-й и 7-й сотен двигалась масса людей с криками: «Отпирай скорее церковь и начинай звонить в набат, нужно прогнать милицию, которая приехала сюда грабить нас!». Церковь была заперта на большой замок, так как за отсутствием священника служба в ней не совершалась. После дневного набата сельсовет принял меры для того, чтобы больше с церкви не раздалось колокольного звона. Веревку, тянувшуюся от языка колокола к церковной сторожке, отрезали, и теперь, чтобы ударить в набат, требовалось войти в церковь и подняться на колокольную. Несколько крестьян взломали ломами дверь, и Петр Козьмич Кисурин, «середняк», проживающий в 9-й сотне, влез на колокольную и ударил в набат. У церкви собралось 600-800 человек. Преимущественно это были женщины и несовершеннолетняя молодежь. Минут через 15 толпа, «вооруженная камнями, палками, вилами, лопатами» с криками: «Не дадим в обиду наших отцов и благодетелей!» — с церковной площади рванулась к правлению колхоза.

Около правления их встретили милиционеры и местные партийцы, которые заняли позицию, рассыпавшись цепью. Верхом возле цепи постоянно находились Черенков и Спорыхин. Ситуация становилась критической. Черенков сказал на ухо Яненко, что если люди будут подходить ближе и применять холодное или огнестрельное оружие, то придется, может быть, отступить — стрелять же в толпу он не разрешит, так как в ней преимущественно была беднота и малолетние. А из толпы доносилось: «Нам не нужна Советская власть. Кулаков у нас нет, и мы их вам не выдадим. У нас все пролетарии. Если вы сейчас выселяете кулаков, то доберетесь и до нас — бедноты».

Мехедов, Чернов и Яковлев вышли из цепи навстречу жителям, призывая их остановиться, близко не подходить и слушать, что им будут говорить. Но их слова перебивались стуком лопат, руганью, шумом, гиканьем и криками: «Бей их!», «Грабители!», «У нас нет кулаков!». Когда крестьяне подошли почти вплотную, представители власти, предупредив, что за их головы придется отвечать сторицею, объявили, что в бедноту и середняков они стрелять не намерены, и уговари-

Семья Сыровых в начале 1930-х гг.
Все они были высланы в Сибирь, в Иркутскую область

Кисурин Степан Васильевич (слева) —
рядовой Костромской ополченческой дружины.
1916-1917 гг.

Сыров Василий Козьмич — сын Козьмы Петровича Сырова.
Был ранен на фронте, потерял руку.
Фото довоенных лет.

Сыров Иван Козьмич — сын Козьмы Петровича Сырова.
1940 год

Фотографии из семейного архива Очеретяной Любви Николаевны
(правнучки С.В. Кисурин и П. Г. Сырова)

вали не вынуждать их на этот последний шаг. Предлагаемая следующим утром на специальном собрании поговорить обо всем, они просили собравшихся разойтись по домам. Сдерживание толпы продолжалось до 3 часов ночи. Уговоры подействовали на крестьян. Народ стал успокаиваться. Около 600 человек отступили к церковной ограде, а Мехедов, Чернов, Яковлев, Рязанов, подойдя к передним рядам оставшихся, еще в течение часа вели с ними беседу. И только к рассвету, к 5 часам, взбунтовавшиеся крестьяне разошлись. Когда на площади еще находилось полтора десятка человек, Черенков, приказав милиционерам оставаться в цепи, вместе со Спорыхиным зашли в стоявший неподалеку крестьянский дом обогреться. Из Таловой в Никольское они скакали под дождем и их шинели промокли, а ночью ударил мороз, и оба более четырех часов находились верхом на конях в мокрой одежде. После того, как площадь опустела, цепь милиционеров была снята Черенковым и весь милицейский наряд со своим начальником лег спать в крестьянском доме. Туда же пришел и Мехедов.

Утром 31 января в Никольском снова раздался колокольный звон. Ударила набат женщина из 10-й сотни по прозвищу Глазуниха. На площадь быстро стали собираться люди. Черенков, Мехедов и милиционеры, разбуженные набатным звоном, быстро вскочили и вышли на улицу. Увидев толпу, Черенков отправил милиционеров в здание правления колхоза, а сам с Мехедовым пошел к народу. Крестьяне стали требовать от них открыть собрание граждан села. Мехедов поднялся на трибуну и предложил провести его в закрытом помещении, но с ним не согласились. Тогда он заявил, что этот сбор незаконный и потребовал удалить из толпы «кулаков», сказав, что только после этого он будет вести беседу или откроет митинг. На это из толпы кричали: «Нет их у нас! Не дадим!», «У нас в Никольске кулаков нет!». К этому времени подошли и другие ответственные работники. Когда же Мехедов начал зачитывать список жителей села, лишенных избирательного права, говорить ему не давали, со всех сторон неслись возгласы: «Это выдумка сельского совета», «Они лишены избирательного права неверно, они раньше были батраками», «Арестовывать в Никольском никого не дадим». Мехедов пытался говорить, что волнуются крестьяне потому, что их настраивают на это «кулаки», а в ответ слышал: «У нас нет кулаков! Все мы стали одинаковы и равны!», «Снимай, ребята, его, тащи его вокруг, надо показать ему, бандиту, какие у нас тут кулаки!». Объявив затем, что он принимает заявления от крестьян в сельсовете, председатель райколхозсоюза оставил трибуну и ушел в здание сельсовета. После продолжительного шума народ начал расходиться.

События в Никольском крайне беспокоили окружное руководство. 31 января около 6 часов утра из Борисоглебска по железной дороге к Таловой и разъезду Тишанка отправился специальный состав. В нем выехали начальник окружного административного отдела Ерофеев, с ним инспектор уголовного розыска и 10 милиционеров, начальник окружного отдела ОГПУ Вейнберг с сотрудниками, комиссар авиашколы с 55-ю курсантами, членами партии. К 15 часам они прибыли в Никольское. В селе было спокойно. Представители власти пошли арестовывать «кулаков». А спустя полчаса по улице снова забегали жители, собираясь около церкви. Красноармейцы, милиционеры, сотрудники железнодорожной охраны начали убеждать людей разойтись. Вейнберг и Ерофеев пытались разъяснить крестьянам, что они действуют неверно, что это дело не бедняков, не середняков, а кулаков. В ответ на предложение разойтись народ шумел: «Стреляй нас!». Толпу, как докладывал в областной административный отдел Ерофеев, «пришлось разогнать силой». Лишь только после того, как подошел второй взвод красноармейцев, крестьяне разошлись. Село было взято под контроль военными и милицейскими патрулями. Для связи с руководством округа из Борисоглебска были вызваны 3 учебных самолета. Аресты кулаков продолжились. Последний арест был

произведен в 4 часа утра 1 февраля «без каких-либо волнений». Всего арестовали 18 жителей села. В 14 часов арестованных направили под конвоем на разъезд Тишанку, с ними следовали начальник ОГПУ Вейнберг и его сотрудники. В это же время в сельской избе-читальне было организовано собрание «бедноты» с участием представителей власти. В результате проведенной работы, как докладывал в окружной комитет ВКП (б) Черенков, «беднота» «созналась, что действительно они впали в ошибку, выполняя агитацию кулачества, направленную против мероприятий советской власти и партии». 1 февраля в Никольском было уже спокойно. Все красноармейцы покинули село, а Черенков со своими милиционерами уехал на следующий день, 2 февраля, около 15 часов. Сотрудники ОГПУ начали следствие, которое велось в чрезвычайном порядке.

По постановлению «тройки» от 27 февраля 1930 года 10 никольских крестьян были приговорены к расстрелу. Среди них: Семен Васильевич Кисурин, Иван Петрович Забегалин, Федор Андреевич Забегалин, Григорий Петрович Черенков, Иван Васильевич Тарелкин, Константин Иванович Тарелкин, Семен Прохорович Сыров, Козьма Петрович Сыров, Степан Васильевич Кисурин, Иосиф Яковлевич Кисурин. Четверо сельчан: Василий Петрович Терентьев, Прохор Григорьевич Сыров, Андрей Петрович Забегалин, Федор Прохорович Сыров по постановлениям «тройки» от 27 и 28 февраля 1930 года были приговорены к заключению в концлагерь на 10 лет и один — Василий Семенович Кисурин — на 5 лет.

Это были одни из первых невинных жертв политических репрессий 30-х годов XX века. Спустя 60 лет все они реабилитированы.

«В ПЕСНЯХ МЫ ВЕЛИКИЙ НАРОД...»

(Творческий подвиг Митрофана Пятницкого)

Еще на заре XX столетия наш знаменитый земляк, собиратель русских народных песен и создатель уникального хора Митрофан Ефимович Пятницкий говорил: «Народная песня, эта художественная летопись народной жизни, к глубокому сожалению, умирает с каждым днем... Деревня начинает забывать свои прекрасные песни».

Поистине, все познается в сравнении...

Митрофан Ефимович Пятницкий родился на Таловской земле, в селе Александровка, 21 июня/3 июля 1864 года, в многодетной семье священника.

Учиться в Воронежском духовном училище, куда его отправил отец, маленький Пятницкий не очень-то хотел. Куда как заманчивее для него было интересоваться народным творчеством. Как-то тайком он купил на рынке сборник народных песен и по вечерам разучивал их. Смотритель училища, отец Иоанн, сборник изъял, ознакомился с его содержанием и сильно разгневался. Отправляя семинариста на каникулы, отец Иоанн вручил ему сердитое письмо для родителя с предложением выпороть нерадивого сына. Да еще и сказал, чтобы Митрофан привез из дома от отца ответ. Митрофан очень страдал, но отцу все же о письме сказал, а в семинарию с молчаливого семейного согласия не вер-

нулся. Зато ушел на заработки в город, где служил писарем в контрольной палате Воронежа. После изучил бухгалтерское дело и поступил экономом в то же училище, которое покинул несколько лет назад, а со своим «гонителем» отцом Иоанном даже сдружился. Они, бывало, вместе чаевничали и беседовали на разные житейские темы.

Однажды, услышав рядовую итальянскую труппу, Пятницкий возмечтал петь «как итальянцы». Отец Иоанн долго его отговаривал, но когда понял, что Митрофан не отступит, помог найти недорогого, но с хорошей репутацией учителя пения. Весной 1896 года Пятницкого согласились прослушать в консерватории, хотя и заметили: «Поздновато начинаете». Прослушав, его приняли на учебу!

Переполненный радужными надеждами, он приехал в Воронеж. И была в нашем городе встреча с женщиной по имени Валентина, которую бросил некий хлюст. Митрофан вытащил несчастную, можно сказать, с того света, влюбился в нее, предложил соединить сердца и в ответ услышал «Да». Но буквально за неделю до венчания Валентина убежала с тем, кто над ней когда-то посмеялся.

У Пятницкого случился нервный срыв, вместо Москвы и консерватории — сарай родительского дома, в ко-

тором Митрофан прятался от людей. На помощь пришел вновь отец Иоанн. Он устроил Пятницкого в московскую клинику, в которой применялись передовые методы лечения.

Через пару лет Митрофан Ефимович снова мог общаться с миром, хотя на всю жизнь остался очень застенчивым человеком.

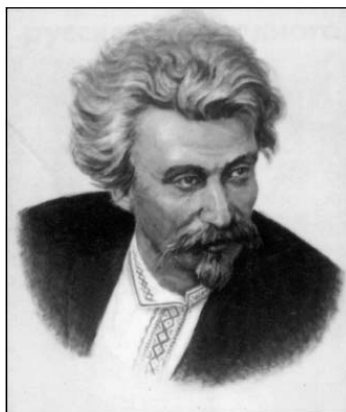
Но с идеей стать профессиональным певцом он не расстался. Брал дорогие частные уроки, слушал пластинки, читал книги и иногда участвовал в бесплатных благотворительных концертах.

Превозмогая застенчивость, Пятницкий добился аудиенции у великого Федора Ивановича Шаляпина. Тот, прослушав Митрофана, устроил его бенефис. Перед началом выступления артист сильно переволновался и в самый неподходящий момент безнадежно «спал с голоса». А ведь он обладал очень приятным мягким баритоном.

В 1897 году М.Е. Пятницкий приезжает в Москву, через семь лет становится членом Музейно-этнографической комиссии при Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, куда его привел Шаляпин, который и посоветовал несостоявшемуся певцу заняться собиранием народных песен. Впрочем, говорят, что идейным вдохновителем Пятницкого стал один из его братьев, служивший священником в храме села Новая Усмань. Он-то и привил Митрофану Ефимовичу тягу к собиранию, правда, пока только духовных песнопений.

Когда-то в селе Козловка, что в нынешнем Бутурлиновском районе Воронежской области, стояли Успенский и Троицкий храмы. В одном из них служил священником еще один брат Пятницкого, Сергей Ефимович. Рассказывают, что Митрофан и к нему приезжал записывать песни. А начинал он с родного села Александровка.

Много деревень посетил Пятницкий. Обычно, прибыв в какое-либо село, первым делом интересовался у крестьян: «Кто здесь у вас самая голосистая?».

Митрофан Ефимович Пятницкий
Афиша хора М.Е. Пятницкого

Пластинки с такой этикеткой были записаны в 1914 году и выпущены в Москве торговым домом «Роберт Кенц». Глава фирмы М.Н. Федотов финансировал экспедиции М.Е.Пятницкого в деревни для записи народных песен в сольном и хоровом исполнении.

М.Е. Пятницкий и хор в 1918 году

Часто его принимали за чудака, бывало, собиратель слышал в ответ: «Щас те урядник скажет». Но Митрофан Ефимович на такие мелочи не обращал внимания.

Когда песен накопилось достаточно, он опубликовал их в своем первом сборнике «12 русских народных песен Воронежской губернии Бобровского уезда», который принес ему некоторую известность и материальные доходы. Вскоре собиратель купил фонограф, на котором записал еще около 400 песен.

Следующий сборник — «Жемчужины старинной песни Великой Руси» — принес Митрофану Ефимовичу невероятную популярность.

Была в его жизни и еще одна судьбоносная встреча с женщиной. Ее звали Арина Колобаева. Она знала неисчислимое количество народных песен и обладала неповторимым голосом. Раз после выступления Колобаевой отказался выйти на сцену сам Шаляпин!

Постепенно собрались и другие исполнители. Так из народных певцов Воронежской и Рязанской губерний образовалась «Певческая артель» — прообраз будущего легендарного хора.

2 марта 1911 года «Певческая артель» впервые выступила на публике. Произошло это в Москве, в зале Благородного собрания. Необычный концерт привлек внимание многих знаменитостей, в том числе К.С. Станиславского.

...Зал заполнен, все с нескрываемым интересом ждут начала. Вот медленно поднимается занавес — и перед зрителем предстает обыкновенная крестьянская изба с нехитрой деревенской обстановкой. Затем в народных костюмах своих губерний вышли певцы.

Первое отделение называлось «Вечер за околицей». Второе состояло из духовных стихов и называлось «Праздничный день после обедни». В третьем отделении под названием «Свадебный обряд в избе Воронежской губернии», исполнялись песни обрядовые и величальные.

Успех, полный и безоговорочный, пришел сразу.

Концерты проходили без каких-либо предварительных спевков. Сам Митрофан Ефимович подчеркивал: «В том-то и вся прелесть народной песни, что певцы исполняют ее «как умеют».

Обычно происходило так. Хористы съезжались, пели несколько концертов для столичной публики, получали гонорар и разъезжались по домам.

Конкурентов у «Певческой артели» было хоть отбавляй. Хор Агренева, «Матрешки», «Лапотная капелла». Они работали высокопрофессионально, да еще при шикарных декорациях и костюмах, а все равно не то... Они именно работали и зарабатывали — пели в ресторанах. Во время НЭПа, когда владелец самого богатого воронежского ресторана предложил Пятницкому бешеные деньги за участие хора в вечерней программе, Митрофан Ефимович отказался наотрез: «Наше искусство ситцевое — оно не продается». Перед смертью же он оставил завет: «Не пойте в ресторанах, крепко держите знамя подлинной народной песни. А если хор перейдет работать в ресторан, то не связывайте с ним мое имя».

В 1914 году умерла Аринушка Колобаева, началась Первая мировая война. В эти годы Пятницкий служил в одной из московских больниц, где залечивали боевые раны нижние чины. Из их числа и медперсонала он создал «Хор инвалидов», в котором пели даже георгиевские кавалеры.

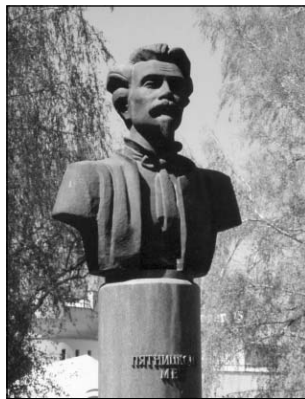
Друг Пятницкого, известный скульптор Сергей Коненков вспоминал, как Митрофан Ефимович пестовал хористов, устраивал их быт, платил им деньги из своего кармана. Он их всех любил!

После великого раскола 1917-го года его питомцы оказались по разные стороны баррикад, но Пятницкий создает новый хор, который состоял из рабочих, дворников, сторожей — настоящих самородков!

Время было чрезвычайно трудное. Бытовых условий — никаких, репетировали на квартире. В сентябре 1919 года, когда хор выступал перед кремлевскими курсантами, состоялась встреча

Арина Колобаева
Большой Боженинский переулоч, 11
в Москве. В этом доме в 1899—1927 гг.
жил М.Е. Пятницкий

Памятник М.Е. Пятницкому в Воронеже.
Фото М. Вязового

Пятницкого с Лениным. Митрофан Ефимович подарил Ильичу на память большой портрет хора в рамке, перевитой полотенцем с народной вышивкой, а Ленин, в свою очередь, обещал по-мочь.

С 1921-го в течение четырех лет Пятницкий преподает пение в Третьей студии МХАТа, ныне театра имени Е.Б. Вахтангова. В 1925 году ему было присвоено почетное звание заслуженного артиста Республики.

Умер М.Е. Пятницкий 21 января 1927 года и похоронен на Новодевичьем кладбище.

В 1940 году, в память о Митрофане Ефимовиче, был создан Государственный народный хор имени Пятницкого. В годы Великой Отечественной войны ему выпала великая роль выразителя

несокрушимости русского национального духа. Тогда его песни на фронтах и по радио звучали особенно часто, находя отклик в душе каждого русского солдата.

Сменялись люди, состав, времена, но хор всегда бескорыстно служил и продолжает служить России.

Самому петь со сцены у Пятницкого не сложилось, но он все равно пел. Голосами Аринушки, ее детей и внуков, хористов, безвестных крестьян...

Митрофан Ефимович Пятницкий сохранил для нас сокровенное. Он искренне верил, что «Песни — это наша история, в них — душа народа, его боль и радость. В песнях мы великий народ».

Андрей БАБКИН

ДЕВУШКА С ЛИЛИЯМИ

Наверняка многие из нас, особенно те, чье детство прошло при советской власти, видели этот замечательный снимок: стройная, красивая девушка в военной форме плывет в лодке по реке среди лилий. Как и знаменитый снимок рвущегося в бой комиссара с пистолетом, ставшего символом мужества народа в борьбе с фашизмом, фотография девушки с лилиями явилась олицетворением женской красоты, сражавшейся со злом за светлое будущее человечества. Художественная правдивость и духовная мощь этого кадра были поразительны по силе своего эстетического воздействия.

А за той девушкой с лилиями, сошедшей к нам с журнальных обложек, стояло реальное имя современницы с интересной судьбой. И звали эту героиню Елена Иванова. И родилась она в селе Вознесенка Чигольского района Воронежской области. Она одна из многих отважных советских девушек, которые в тяжелое для Родины время добровольно сменили гражданскую профессию на военную.

До войны Елена Петровна Иванова работала в родном селе учительницей начальной школы, а в 1942 году ушла на фронт и до конца войны находилась в действующей армии. Зенитная батарея, где она служила оператором стан-

Зенитчица Лена.
Фото Г. Санько, 1945 год

Елена Петровна Иванова — старший преподаватель кафедры русского языка Педагогического института им. Ленина. Узбекская ССР, 1973 год

ции орудийной наводки, сбивала 8 фашистских самолетов. Войну Елена Иванова закончила в звании младшего сержанта.

После окончания педагогического института по распределению была направлена в Среднюю Азию, в город Ургенч Хорезмской области. Там она преподавала русский язык сначала в национальной школе, а затем в Педагогическом институте им. Ленина. В настоящее время Елена Петровна Иванова проживает в Республике Беларусь.

Снимок «Зенитчица Лена» был сделан сразу после войны одним из крупнейших мастеров фоторепортажа Гали-

ной Захаровной Санько. Фотография обошла многие советские и зарубежные печатные издания. Публиковалась в журналах «Огонек», «Советская женщина», «Крестьянка», «Юность», «Радянська жінка», «Советское фото», «Сельская молодежь», «Кругозор», «Журналист» и многих других.

Вот что писала об этой истории сама Галина Санько: «Когда закончилась война и тысячи эшелонов с демобилизованными воинами помчались по железным дорогам нашей страны, редакция журнала «Фронтовые иллюстрации» направила меня в Воронежскую область. Целью командировки был фоточерк о возвращении домой демобилизованных воинов.

На одной из узловых станций южнее Воронежа на стихийно возникшем митинге я увидела выступающую с трибу-

ны девушку. Ее пламенная речь зажгла меня... Это была чудесная русская девушка, и я решила ехать за ней. Но едва эта мысль промелькнула в моей голове, как девушка исчезла в толпе.

Только на следующий день я добралась до ее деревни. Встретила ее на улице в толпе ребятшек — бывших учеников. Я пошла с Леной на реку, у берегов которой она выросла. Тут ее и сфотографировала.

Вскоре снимок был опубликован, а через несколько недель я получила письмо: девушка просила редакцию поблагодарить всех приславших ей письма, так как сама она не состояла в этом деле. «Я получаю в день по 300-400 писем, — писала она, — и уже пришло несколько тысяч писем».

Как фотокорреспондент я была счастлива!»

СТЕПНЫЕ ГАСТРОЛИ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

За годы первой послевоенной пятилетки, несмотря на многочисленные трудности в восстановлении и развитии хозяйства Таловского района, были достигнуты определенные успехи. Заметно повысился материальный и культурный уровень населения. К концу 1949 года в Таловой был открыт районный Дом культуры, в селах — 3 сельских и 21 колхозный клуб.

Менялась жизнь колхозников, расширялся их кругозор и духовные запросы. Недаром в 1949 году у коллектива сельхозартели им. Каманина зародилась мечта пригласить к себе московских артистов. Они обратились с письмом к работникам Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР. «Приезжайте к нам в гости, — писали колхозники, — приезжайте в нашу новую советскую Каменную Степь! Как дорогих гостей нашей матушки-столицы мы встретим вас с хлебом-солью, по всем нашим русским обычаям. Пусть эта встреча работников искусств Москвы с хлеборобами Каменной Степи станет началом тесной друж-

бы столичной интеллигенции с колхозниками Таловского района».

На приглашение приехать в колхоз отозвались многие артисты. В театральной газете «Советский артист» от 13 января 1950 года народный артист СССР, лауреат Государственной премии Максим Дормидонтович Михайлов писал: «Меня, знавшего полунищую старую деревню, в которой балалайка и двухрядная гармонь были неосуществимой мечтой жизни крестьянина, бесконечно обрадовало письмо жителей колхоза им. Каманина... Я с радостью по первому зову поеду к дорогим каманинцам».

Завязалась тесная связь мастеров сцены с тружениками села. И вот ранним утром 1 марта 1950 года к вокзалу станции Таловая подошел долгожданный поезд. Жители встречали бригаду артистов Большого театра во главе с народным артистом СССР С.Я. Лемешевым. Колхозники сдержали свое обещание. Гостей везли на тройках с бубенцами. В сани были запряжены чистокровные орловские рысаки и высокорослые

першероны. Артистов ожидал большой каравай на расшитом полотенце.

Около десяти дней провели москвичи в районе. Они выступали с концертами в колхозах им. Каманина, «Железнодорожник», в институте земледелия и в районном центре.

9 марта в Таловском кинотеатре с большим успехом прошел прощальный концерт бригады артистов Большого театра.

Работники искусства высказали желание установить тесную связь с колхозниками района и оказывать шефскую помощь в постановке художественной самодеятельности. В марте 1950 года бюро РК ВКП (б) и райсовет депутатов трудящихся постановили: одобрить предложение бригады артистов «об оказании шефской помощи в постановке дела художественного воспитания трудящихся района», а также начать в ближайшие дни в колхозах работу в этом направлении. Были также направлены благодарности артистам, дирекции, партийной, комсомольской и профсоюзной организациям Большого театра, а также Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР за проявленное внимание к хлеборобам Каменной Степи.

В мае 1950 года группа колхозников, в составе которой были председатели И.С. Алимов и О.А. Дроздова, редактор районной газеты Л.А. Лукашук, колхозники В.Я. Насонова, Ф.П. Тройнин, А.И. Федосова, М.С. Тюникова, Л. Бричеева, Т. Кузнецова, У. Алимов, посетила столицу. С 26 по 31 мая таловская делегация присутствовала на постановке спектаклей и генеральных репетициях в Большом театре. 31 мая на совместном собрании работников Большого и таловцев в Бетховенском зале был подписан «Договор о социалистическом сотрудничестве между колхозниками Таловского района и коллективом работников Государственного ордена Ленина академического Большого театра Союза ССР».

Хлеборобы Каменной Степи брали на себя обязательства в 1950-1951 годах бороться за получение урожая не менее

Председатель колхоза им. Каманина
И.С. Алимов встречает артистов
хлебом-солью

Артисты театра с участниками
фольклорного хора
колхоза «Железнодорожник»

Делегация таловских колхозников
в гостях у артистов Большого театра.
Май 1950 года

Народный артист СССР С.Я. Лемешев
и концертмейстер А.Д. Макаров на
колхозной сцене

120 пудов с гектара. Интересными были планы и в развитии культуры. В частности, таловцы высказали намерения построить в колхозе им. Каманина новый клуб на 300 мест, разбить колхозный парк, построить в нем эстраду, провести в сентябре районный смотр колхозной самодеятельности.

Артисты Большого театра обещали регулярно, два раза в год, направлять в Таловский район лучших солистов оперы и балета для творческих встреч с колхозниками, а поездки этих бригад осуществлять за счет экономии по фонду зарплаты. В творческих планах москвичей, помимо концертов, указывались и такие мероприятия, как организация лекций и докладов о Большом театре, о советском и классическом искусстве, консультации участников колхозной самодеятельности, беседы с руководителями самодеятельности, оказание им методической помощи. Коллектив театра должен был также оказать помощь в оборудовании сцены клуба колхоза

им. Каманина и районного Дома культуры, предоставить им парики, костюмы, бутафорию, декорации. И что немало важно — за счет экономии при осуществлении новых постановок. При строительстве новых зданий клуба колхоза им. Каманина и районного Дома культуры театр обязался направить в Таловский район работников постановочной части для помощи в постройке сцены.

В середине ноября 1950 года колхозники укрупненной сельхозартели им. Сталина послали письмо коллективу артистов Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР, в котором приглашали его приехать на колхозный праздник урожая.

10 декабря 1950 года в адрес райкома ВКП (б) пришла ответная телеграмма. В ней говорилось, что Большой театр, выполняя договор о социалистическом содружестве с колхозниками Таловского района, направляет в район бригаду солистов оперы и балета для творческой встречи. Группа артистов прибыла в Таловую 15 декабря. В ее состав входили солисты балета Звягина и Рихтер, тенор Долгий, сопрано Коробкова, хормейстер Савва, пианист Катон, артисты оркестра Федин и артистка Малого художественного академического театра Ауэрбах. Возглавил делегацию москвичей народный артист СССР М.Д. Михайлов.

Мастера искусства побывали в колхозах «1 Мая», им. К. Маркса, им. Коминтерна, «Знамя Октября» и других. Было дано около 30 концертов, оказана практическая помощь коллективам художественной самодеятельности.

Дружба артистов с таловцами продолжалась. В марте 1951 года коллектив Большого театра прислал очередное письмо, в котором говорилось, что в связи с 175-летием со дня образования театра коллектив работников искусства приглашает колхозников на юбилейный праздник. «Здесь, в Москве, мы вместе подведем итоги выполнения нашего договора о социалистическом содружестве и подпишем новый», — писали москвичи.

В 1951 году бюро Таловского РК ВКП(б) от 19 марта выпустило постановление, одним из его пунктов было записано: «Послать в мае месяце группу таловских колхозников, работников МТС, совхоза и Института земледелия на празднование 175-летия Большого театра СССР..., установить, что право поездки будет предоставлено тем колхозникам, МТС, работникам совхоза и Института, которые закончат весенний сев в 5-7 рабочих дней, в лучшие агротехнические сроки и проведут высококачественную обработку полей».

После выхода этого постановления в колхозах начались соревнования за право поездки в Москву на юбилейный праздник.

В этом же году районный Дом культуры приобрел для кружков художественной самодеятельности пианино, домры, аккордеон и две гармонии, инструменты для духового оркестра, парики.

В 1952 году дружба между хлеборобами Каменной Степи и коллективом артистов Большого театра продолжалась. Третий год таловцы держали тесную связь с мастерами искусства. Делегации таловских колхозов дважды выезжали в столичный театр, в ответ творческие бригады артистов Большого тоже дважды приезжали в гости к сельчанам.

Любовь ФОМИНА

Учредитель: Департамент культуры Воронежской области.

Рег. № 331 Министерства печати и информации Российской Федерации.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ГУП ВО «Воронежская областная типография — издательство им. Е. А. Болховитинова».

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования; банковские реквизиты (название местного банка) СБ РФ: корсчет, БИК, расчетный счет, ИНН; в назначении платежа указывается номер филиала и лицевой счет клиента.

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л. В.
Художник Зибров Ю. А.
Компьютерная верстка Вовчаренко И. К.

Адрес редакции: 394036, г. Воронеж, пр. Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77.
Факс: 253-11-34.
Электронная почта: podiem1@box.vsi.ru, podiem@mail.ru
Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>

Сдано в набор 07.11.11. Подписано в печать 21.11.11. Формат 70x100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,8.
Перспективный тираж 3000 экз. Заказ 2456.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ГУП ВО
«Воронежская областная типография —
издательство им. Е. А. Болховитинова»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.